СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXI.

ОНЕЖСКІЯ БЫЛИНЫ,

ЗАПИСАННЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ѲЕДОРОВИЧЕМЪ

ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ

ЛѢТОМЪ 1871 ГОДА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ,

Выпускъ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюнь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Начатаго печатаніемъ въ 1893 г. въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности второго изданія „Онежскихъ былинъ, записанныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года“,—подъ редакціею академиковъ: К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Н. Веселовскаго и Л. Н. Майкова были выпущены въ свѣтъ въ 1894 и 1896 гг. томы I и II; тома-же III-го пок. академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ до конца довести не успѣлъ, остановившись на 4 листѣ его († 2 янв. 1897 г.). Тогда Отдѣленіе поручило дальнѣйшее наблюденіе за печатаніемъ упомянутаго тома академикамъ А. Н. Веселовскому и Л. Н. Майкову, къ участію же въ чтеніи (съ 5-го листа) корректуръ и повѣркѣ печатнаго текста перваго изданія (1873 г.) съ подлинною записью А. Ѳ. Гильфердинга былъ привлеченъ П. К. Симони.

Къ концу настоящаго III-го тома (см. стр. 549—562), признано полезнымъ присоединить 1) тѣ пять былинъ (къ сожалѣнію лишь въ обрывкахъ), которыя были записаны А. Ѳ. Гильфердингомъ отъ крестьянина Новоладожскаго уѣзда И. Я. Гусева, пріѣзжавшаго по вызову собирателя въ Петербургъ. Напечатаны онѣ были первоначально въ „Русской Старинѣ“, въ томѣ IV, № 11 (но-

ябрь) за 1871 годъ, въ „матеріалахъ для народной русской словесности“, на стран. 451—9 подъ заглавіемъ: „*Пѣвецъ былинъ въ Петербургской губерніи*“ [1]); 2) „*Дневникъ путешествія А. Ѳ. Гильфердинга*“ (см. въ концѣ настоящаго III-го тома на стр. I—III); 3) вновь составленный П. К. Симони „*Списокъ сказителей и сказительницъ, пѣвшихъ А. Ѳ. Гильфердингу былины (старинки)*“ (см. стр. V—VI); 4) „*Списокъ былинъ по содержанію*“ (см. стр. VII—X) и 5) *Общее содержаніе всѣхъ трехъ томовъ* (Тт. I—III, 1894, 1896 и 1900 гг.) (см. стр. XI—XVIII).

Упомянутые въ Предисловіи къ I тому настоящаго второго изданія „Онежскихъ Былинъ“ (см. стр. V и VI отд. оттиска и въ т. LIX-мъ Сборника Отдѣленія) — *Словарь* и *Указатели*, составляются по порученію Отдѣленія — А. А. Ѳоминымъ и по отпечатаніи будутъ включены во 2-ой выпускъ настоящаго тома Сборника, а также изданы и отдѣльнымъ оттискомъ.

---

1) Напечатанныя въ «Русской Старинѣ» т. V за 1872 г. № 3 (мартъ), на страницахъ 498—517, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «*Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, пѣвецъ былинъ*» (стр. 497 сл.) — біографическая замѣтка о Т. Г. Рябининѣ и текстъ трехъ его былинъ: I. «Илья Муромецъ и Калинъ царь», (стр. 499), II. «Илья Муромецъ въ ссорѣ со Владиміромъ» (стр. 512) и III. «Молодецъ и худая жена» (стр. 515),— воспроизведены въ настоящемъ изданіи во II томѣ (см. стр. 5 сл., 19 сл., 38 сл. и 158 сл.) въ болѣе точномъ видѣ по подлинной рукописи А. Ѳ. Гильфердинга.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БЫЛИНЫ.

V.

ВОДЛОЗЕРО.

XXXVI. **Захаровъ**, Иванъ Григорьевичъ.

XXXVII. **Сухановъ**, Трофимъ Ивановичъ.

XXXVIII. **Пановъ**, Савелій Кузьмичъ.

XXXIX. **Өедуловъ**, Павелъ Антоновичъ.

XL. **Петровъ**, Алексѣй.

XLI. **Сухановъ**, Василій Алексѣевичъ.

XLII. **Нигозѣркинъ**, Матөей Өедоровичъ.

VI.

КЕНОЗЕРО.

XLIII. **Сивцевъ (Поромской),** Иванъ Павловичъ.

XLIV. **Воиновъ,** Петръ Андреевичъ.

XLV. **Калитина,** Ирина Денисовна.

XLVI. **Тряпицынъ,** Михайло Ивановъ.

XLVII. **Костинъ,** Александръ Давыдовъ.

XLVIII. **Кукшиновъ,** Николай Ивановъ.

XLIX. **Патрикѣевъ,** Филиппъ Васильевичъ.

L. **Кропачевъ (Лядковъ),** Иванъ Михайловичъ.

LI. **Третьяковъ,** Игнатій Григорьевичъ.

VII.

МОША.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

VIII.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ губ.

V.

ВОДЛОЗЕРО.

ВОДЛОЗЕРО.

XXXVI.

И. ЗАХАРОВЪ.

Иванъ Григорьевичъ Захаровъ, крестьянинъ деревни Пога на Водлозерѣ, 82 лѣтъ, самый зажиточный и вліятельный домохозяинъ въ своей мѣстности. Былъ человѣкъ «волокитный», т. е. разъѣзжавшій много для покупки въ деревняхъ и перепродажи рыбы, дичи и скота и снабженія Водлозёровъ хлѣбомъ и порохомъ. Во время этихъ поѣздокъ (ему случалось бывать даже на Волгѣ) онъ выучился множеству былинъ, но въ настоящее время, по старости лѣтъ, многое уже забылъ. Тѣ былины, которыя онъ помнитъ твердо, поются имъ очень складно, замѣчательно пріятнымъ голосомъ и съ соблюденіемъ различныхъ напѣвовъ; другія былины (напр. про Вольгу и про Илью съ Идолищемъ) онъ возстановлялъ съ нѣкоторымъ усиліемъ, и онѣ выходили у него не совсѣмъ складными.

195.

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВЪ.

Когда возіяло красно солнышко
На тое на небо на ясное,
А тогда народился Вольгà богатырь.

А звѣри ты ушли во темныи лѣса,
Рыба та ушла во глубокіи станы,
А птица улетѣла подъ оболоко,
Самъ Санталъ убѣжалъ во Золоту орду,
А со своей царицей со Давыдьевной.
А поѣзжалъ Вольга̀ богатырь
На тое на тое на поле на чистое,
А наѣхалъ во чистомъ поли Вольга
Да Викулушку Сѣя́телевича.
И говоритъ Вольга таково слово:
«А й же вы дружинушка хоробрая!
«Бросьте у мужика вы соху ту въ сторону,
«Да ведите мужика вы сюды».
А й тутъ-то дружина хоробрая
Приходили оны къ мужику оны
Ко Викулы ко Сѣя́телевичу,
А хотятъ соху бросить въ сторону,
А не могутъ-то сохи отъ земли поднять.
Приходили къ Вольгѝ оны къ Сеславьичу,
Говорятъ оны таково слово:
— А й же ты Вольга сынъ Сеславьевичъ!
Да не можетъ у мужика-то сохи поднять. —
Подъѣзжатъ Во́льга онъ са́мъ къ мужику,
Говоритъ онъ мужику таково слово:
«Здравствуй, мужичокъ, тебя какъ зовутъ?»
— А й же ты Вольга сынъ Сеславьевичъ!
— А я есть Викула Сѣятелёвичъ. —
«А й же ты Викула Сѣятелёвичъ!
«А поѣдемъ-ко со мной Викула Сѣятелёвичъ».
А тутъ оны поѣхали въ чисто полё,
А говоритъ Вольга таково слово:
«Кабы этая кобыла конемъ была,
«Далъ бы я за кобылу пятьсотъ рублей».
Говоритъ ему Викула Сѣя́телёвичъ:

— Глупый ты Вольга неразумныи!
— Куплена эта кобыла во Пурховцѣ во Орѣховцѣ,
— Однолѣткомъ куплена съ-подъ матушки.
— Дано за кобылу пятьсотъ рублей,
— Теперь этой кобылы цѣны-то нѣтъ. —
— Говоритъ ему Вольга сынъ Сеславьевичъ:
«А й же ты Викула Сѣятелевичъ!
«Да поѣдемъ-ко со мной ты о запуски».
А Викулина кобыла въ ходъ пошла,
Этотъ Вольгинъ конь да оставаться сталъ.

Записано на Водлозерѣ въ дер. Куганаволокъ, 7 августа.

196.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

А й ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
Да наѣхалъ онъ калику перехожую.
«А здравствуй ты, калика перехожая:
«Ты откуль идёшь, да откуль путь держишь?»
Говоритъ ему калика перехожая:
— Здравствуй, Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Развѣ не узналъ меня калики перехожія?
— Да я есть сильнёё могучеё Иванищо,
— А мы съ тобой училиси въ одномъ училищы,
— А я теперь иду да отъ Царяграда. —
«Ай же ты сильнёё могучеё Иванищо!
«Да все ли въ Цариграде по старому,
«А все ли въ Цариграде по прежнему?»
— Ахъ ты свѣтъ государь да Илья Муромецъ!
— А въ Цариграде да не по старому,
— Не по старому да не по прежнему.
— А пріѣхалъ поганоё Идолищо,

— Да зашелъ онъ къ царю Констянтину Боголюбовичу
— Во тып во полаты бѣлокаменны.
— А сидитъ за столамы за дубовыма,
— А за ѣствамы сидитъ онъ за сахарнима,
— А къ царици сидитъ онъ лицинищомъ[1]),
— А къ царю Костянтину Боголюбовичу,
— А къ царю сидитъ онъ хребтинищомъ.
— И таковаго вора вѣкъ не видывалъ,
— И слыхомъ про вора не слыхивалъ.
— Голова у него какъ пивной котёлъ,
— А межу глазъ идётъ стрѣла калёная,
— А въ плéчахъ ý вора сажень косая та. —
«Чего же ты сильнее могучее Иванищо,
«Не очистилъ ты Царяграда,
«Не убилъ ты поганаго Идолища?»
— Ахъ ты свѣтъ государь да Илья Муромецъ!
— Да не смѣлъ напустить на вора на разбойника,
— Да на поганаго Идолища. —
Да говоритъ тутъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты сильнё могучё Иванищо!
«А скидывай ты съ сéбя платье каличьёё,
«Да разувай съ себя лапотики семи шелковъ,
«А бери ты моего добра коня,
«Да надéжь мои платья богатырскія.
«Я пойду каликой во Царь-то градъ,
«А очищу я вѣдь Царь-тотъ градъ,
«Да убью поганаго Идолища».
Да й тутъ Иванищо раздумался,
А й раздумался Иванищо росплакался:
— Ахъ ты свѣтъ государь Илья Муромецъ!
— Да кабы не ты просилъ платьёвъ каличьихъ,

1) Т. е. лицомъ.

— Да не ты бы просилъ лапотиковъ семи шелковъ,
— Да не отдалъ бы я платьевъ каличьихъ,
— Да не отдалъ бы я лапотиковъ семи шелковъ,
— А въ лапотики ты было вплетено
— По дорóгому камню самоцвѣтному,
— Да не для ради красы басы угожества,
— Ради темныи ноченки осенніи. —
А й тутъ-то они платьями помѣнялисе.
Надѣвалъ Илья Муромецъ платья каличьіи,
Обувалъ онъ лапотики семи шелковъ,
Да бралъ онъ дубину́ ту каличьюю,
Да пошолъ онъ къ Царю́граду,
Да ко тому ли Костянтину Боголюбовичу.
Приходилъ калика перехожая къ Царю́граду,
Приходилъ онъ на широкъ дворъ,
Закричалъ калика громкимъ голосомъ:
«А й же ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
«Да возьми-тко ты калику да въ полаты бѣлокаменны,
«Да накорми-тко ты калику его до сыта,
«А напóй-тко ты калику его до пьяна.
«За каликой есть вѣсти не плóхіи,
«А не плохіи вѣсти есть царскіи».
А й тутъ-то царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
Выходилъ онъ на крылечко перёное.
— А ступай-ко ты калика во полату бѣлокаменну. —
Приходитъ онъ во палату бѣлокаменну,
Онъ крестъ-тотъ кладетъ по писаному,
Да поклонъ ведетъ по ученому,
Царю Костянтину Боголюбовичу онъ кланяется,
Поганому Идолищу не клонится.
Говоритъ ему поганое Идолищо:
«Ты откуль калика перехожая,
«Ты съ коей земли съ коей орды?»

— А я есть отъ города отъ Кіева,
— Да хожу калика по святой Руси.—
Говоритъ тутъ поганое Идолищо:
«А что у васъ е во городи во Кіеви,
«Слава идетъ есть у васъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
«А великъ ли онъ росто́мъ собой-то онъ?»
Говоритъ ему калика перехожая:
— Намъ вѣдь ладятся съ нимъ платья цвѣтныи. —
«А по многу ли онъ хлѣба ѣстъ?»
— Ѣстъ онъ по три калачика крупивчатыхъ. —
«Экой богатырь да еще славится,
«Я бы на руку клалъ, другой ударилъ бы,
«Такъ только одинъ бы блинъ да сталъ съ него.
«Я какъ ѣмъ по три коровы я́ловицы,
«Да по три ведра я пива пью».
Говоритъ тутъ калика перехожая:
— Да у нашего князя у Владиміра
— Да й было коровищо обжорищо,
— Да много ѣла пила и трёснула.
— А й ты же поганое Идолищо.
— По многу ѣ́шь да пьешь и тре́снешь самъ. —
А й то́е Татарину да не слюбилосе,
А й то́е Татарину да не взглянулосе.
А беретъ Татаринъ ножищо кинжалищо,
Да бросатъ въ калику перехожою.
А й тутъ-то калика перехожая,
Да онъ ускакивалъ отъ ножища кинжалища,
А й пролетѣлъ-то ножищо кинжалищо,
А й пролетѣлъ-то во липину,
Улетѣла липина со стѣной-то вся.
А й тутъ-то калика перехожая,
А ухватилъ онъ ножищо кинжалищо,
Да кидалъ онъ въ Татарина поганаго

А тѣмъ ли ножищомъ кинжалищомъ;
Пролетѣлъ ножищо кинжалищо Татарина на скрозь.
А й тутъ хватилъ онъ Татарина зá ноги,
А сталъ онъ Татариномъ помахивать.
Говоритъ калика таково слово:
— Да ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
— Упади ты царь подъ лавицу,
— Не попади на махъ на татарскіи,
— А по плечу мнѣ оружьё пришло. —
А поганый Татаринъ на жильяхъ не ломится,
А и бьетъ татаръ онъ до единаго,
Прибилъ онъ всѣхъ татаръ да до единаго,
А очистилъ онъ Царьградъ весь.

Записано тамъ же, 7 августа.

197.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Ѣздитъ-то старъ по чисту полю,
А самъ себѣ старой дивуется:
«Ахъ ты старость, ты старость ты старая,
«А старая старость глубокая,
«А глубокая старость тристá годовъ,
«А тристá годовъ да пятьдесятъ годовъ!
«Застала ты стараго во чистомъ поли,
«Во чистомъ поли застала чернымъ ворономъ,
«А сѣла ты на мою на буйную голову.
«А молодость моя молодость молодецкая!
«Улетѣла ты молодость во чисто поле,
«А во чисто поле да яснымъ соколомъ».
Пріѣхалъ какъ старой ко камешку,
А ко бѣлому каменю ко Латырю

А у каменя три дороги три розстани,
А на камени подпись написана:
Въ середнюю розстань ѣ́хать — богату быть,
Въ правую розстань ѣхать — убиту быть,
Въ лѣвую розстань ѣхать — женату быть.
А й тутъ-то старой роздумался,
Роздумался старой росплакался:
«А на что мнѣ-ка старому женату быть,
«А на что мнѣ-ка старому богату быть?
«А поѣду въ тую розстань прямоѣзжую,
«А въ тую розстань, гдѣ убиту быть».
Выѣхалъ на поле на Еле́сино,
Стоятъ-то тутъ станичники плѣничники,
Да по руському воры разбойники,
А денныи ночныи подорожники,
Хотятъ стараго убить да съ душой ро́злучить.
Говоритъ-то имъ старая старѣйшина:
«А й же вы станичники плѣничники,
«А й бить меня вамъ стараго некого,
«А взять меня со стараго вамъ не́чего.
«Однорядочка у стараго да во пятьсотъ рублей,
«А петли пугвицы у стараго да въ цѣлу тысячу,
«А мой добрый конь да цѣны смѣты нѣтъ».
А сталъ онъ по разбойникамъ поѣзживать,
Шелковой плёточкой да сталъ помахивать,
Да тутъ разбойниковъ да мало ставится.
Да смолилисе станичники плѣничники:
— Ай же ты старая старѣйшина!
— А оставь ты насъ да хоть на симена. —
И говоритъ имъ старая старѣйшина:
«А вы станичники плѣничники!
«Выходите-тко вы на святую Русь,
«Запишитесь-ко въ пусты́ни вы въ мона́стыри,
«Нѣтъ, — такъ убью васъ я до единаго.

А й тутъ-то станичники плѣничники
Ему дали заповѣдь великую
Записаться во пустыни во манастыри.

(Дальше не помнитъ).

Записано тамъ-же, 7 августа.

198.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Въ стольномъ городи во Кіеви
А у ласковаго князя у Владиміра
Заводился у князя почестной пиръ
А на многи кня́зя на бояра
И на всѣ поляници удалыи.
Всѣ на пиру напивалисе,
Всѣ на пиру наѣдалисе,
Всѣ на пиру да пьяны-веселы.
Говоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
«А й же вы князи мои бояра,
«Сильніи могучіи богатыри:
«А кого мы пошлёмъ во Золоту орду
«Выправлять-то даней выходовъ
«А за старыи годы за новые
«За двѣнадцать лѣтъ.
«А Олешу Поповича намъ послать,
«Такъ онъ молодецъ холостъ не́ женатъ:
«Онъ съ дѣвушками загуляется,
«Съ молодушками онъ да забалуется.
«А пошлёмте мы Добрынюшку Никитича:
«Онъ молодецъ женатъ не́ холостъ,
«Онъ и съѣздитъ намъ въ Золоту орду,
«Выправитъ дани выходы

«Да за двѣнадцать лѣтъ».
Написали Добрыни Микитичу посольный листъ.
А приходитъ Добрынюшка Микитиничъ къ своей матушкѣ,
А ко честной вдовы Амельфы Тимоѳеевнѣ,
Проситъ у ней прощеньица благословеньица:
— Свѣтъ государыни моя матушка!
— Дай ты мнѣ прощеніе благословленьицо
— Ѣхать-то мнѣ въ Золоту орду,
— Выправлять-то дани выходы
— За двѣнадцать лѣтъ. —
Остается у Добрыни молода жена,
Молода жена любима семья,
Молода Настасья Микулична.
Поѣзжатъ Добрыня самъ наказыватъ:
— Ужь ты а й же моя молода жена,
— Молода жена любима семья!
— Жди-тко ты Добрыню съ чиста поля меня три года.
— Какъ не буду я съ чиста поля да перво три́ года,
— Ты еще меня жди да и друго три года.
— Какъ не буду я съ чиста поля да друго три́ года,
— Да ты еще меня жди да третье три года.
— Какъ не буду я съ чиста поля да третье трѝ года,
— А тамъ хоть ты хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди,
— Хоть за князя поди хоть за боярина,
— А хоть за сильняго поди ты за богатыря,
— А только не ходи ты за смѣлаго Алёшу Поповича,
— Смѣлый Алеша Поповичъ мнѣ крестовой братъ,
— А крестовой братъ паче родного. —
Какъ вид'ли-то молодца сѣдучись,
А не вид'ли удалаго поѣдучись.
Да прошло тому времечки девять лѣтъ,
А не видать-то Добрыни изъ чиста поля.
А какъ сталъ-то ходить князь Владимiръ свататься
Да на мо́лодой Настасьи Микуличной

А за смѣлаго Алёшу Поповича.
«А ты съ-добра не пойдешь, Настасья Микулична,
«Такъ я тебя возьму въ портомойницы,
«Такъ я тебя возьму еще во постельницы,
«Такъ я тебя возьму еще во коровницы».
— Ахъ ты солнышко Владимiръ стольнё-кiевской!
— Ты еще прожди-тко три́ года.
— Какъ не будетъ Добрыня четверто три́ года,
— Такъ я тошто пойду за смѣлаго Алёшу за Поповича. —
Да прошло тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Не видать не видать Добрынюшки съ чиста поля.
А й тутъ пошла Настасья Микулична
Да за смѣлаго Алёшу Поповича.
Да пошли они пировать столовать къ князю Владимiру.
Ажно мало и по малу изъ чиста поля,
Наѣзжалъ удалый дороднiй доброй молодецъ,
А самъ на кони бывъ ясёнъ соколъ,
А конь тотъ подъ нимъ будто лютый звѣрь.
Прiѣзжатъ ко двору да ко Добрынину,
Приходи́тъ Добрыня Микитичъ тутъ
Въ домъ тотъ Добрыниной.
Онъ крёстъ тотъ кладётъ по писаному,
Да поклонъ тотъ ведётъ по учёному,
Поклонъ ведётъ да самъ здравствуетъ:
«Да ты здравствуй Добрынина матушка!
«Я вчера съ твоимъ Добрынюшкой разъѣхался,
«Онъ велѣлъ подать гусли скоморошныи,
«Онъ велѣлъ подать платья скоморошьiи,
«Онъ велѣлъ подать дубинку скоморошьюю,
«Да итти мнѣ ко князю Владимiру да на почестенъ пиръ».
Говоритъ тутъ Добрынина матушка:
— Отойди прочь, дѣтина засельщина,
— Ты засельщина дѣтина деревенщина!
— Какъ ходя старухи кошельницы,

— Только нося висти недобрыи:
— Что лежитъ убитъ Добрынюшка въ чистомъ поли,
— Головой лежитъ Добрыня ко Пучай рѣки,
— Рѣзвыма ножкамы Добрыня во чисто поле,
— Скрозь его скрозь кудри скрозь жолтые
— Проросла тутъ трава муравая,
— На трави росцвѣли цвѣточки лазуревы,
— Какъ его-то теперь молода жена,
— Молода жена любима семья,
— Да выходитъ-то за смѣлаго Олёшу за Поповича. —
Онъ ей и говоритъ-то вторы́й наконъ:
«Да ты здравствуй ли, Добрынина матушка,
«Ты честна вдова Амельфа Тимоѳеевна!
«Я вчера съ твоимъ Добрынюшкой разъѣхался
«Онъ велѣлъ подать гусли скоморошныи,
«Онъ велѣлъ подать платья скоморошьіи,
«Онъ велѣлъ подать дубинку скоморошьюю,
«Да итти мнѣ къ князю Владиміру да на почестенъ пиръ.
— Отойди прочь, дѣтина засельщина!
— Кабы было живо мое красное солнышко,
— Молодой тотъ Добрынюшка Микитиничъ,
— Не дошло бы тѣ невѣжи насмѣхатися,
— Ужъ не стало моего краснаго солнышка,
— Да не что мнѣ дѣлать съ платьямы скоморошьима,
— Да не что мнѣ дѣлать съ гуслями скоморошьима,
— Да не что мнѣ дѣлать съ дубинкой скоморошьею. —
Тутъ-то ходила въ погреба глубоки,
Принесла она платья скоморошьіи,
Приносила гусёлышка яровчаты,
Принесла она дубину скоморошьюю.
Тутъ накрутился моло́дой скоморошинко
Удалый добрый молодецъ,
Да пошёлъ онъ къ князю Владиміру на почестной пиръ.
Приходилъ онъ во гридню столовую,

Онъ крёстъ тотъ кладётъ по писаному,
Да поклонъ ведетъ по ученому,
Онъ кланяется да поклоняется
Да на всѣ на четыре на стороны.
Онъ кланяется тамъ и здравствуётъ:
«Здравствуй, солнышко Владимiръ стольне-кiевской,
«Да со многима съ князя́ми и со бо́ярамы,
«Да со русскима могучими бога́тырямы,
«Да со своей-то со душечкой со княгиной со Опраксiей!»
Говоритъ ему князь Владимiръ стольнё-кiевской:
— Да ты поди-тко, моло́да скоморошинко!
— А всѝ тыи мѣста у насъ нынь заняты,
— Да только мѣстечка немношечко
— На одной-то печкѣ на муравленой. —
Да тутъ скочилъ моло́да скоморошинка
А на тую-ту печку на муравлену,
Заигралъ онъ во гусёлышка яровчаты.
Онъ первую завёлъ отъ Кiева до Еросолима,
Онъ другу завёлъ отъ Еросолима да до Царяграда,
А всѣ пошли напѣвки ты Добрынины.
А й тутъ-то князь Владимiръ роспотѣшился,
Говоритъ онъ моло́дой скоморошинки:
— Поди-тко сюды моло́да скоморошинка!
— А я тебѣ дамъ те́перь три мѣста:
— А первоё-то мѣсто подли меня,
— А другое мѣсто опротивъ меня,
— Третьёё противо княгины Настасьи Микуличны. —
А тутъ-то моло́да скоморошинка
Садился онъ въ скамейку дубовую,
Да противо Настасьи Микуличной.
А тутъ-то Настасья Микулична
Наливала она чару зелена вина въ полтора ведра
Да турей тотъ рогъ мёду сладкаго,
Подносила она Добрынюшки Микитичу.

А й тутъ-то Добрынюшка Микитиничъ
Да бралъ онъ чару зелена вина въ полтора ведра,
А бралъ онъ чару единой рукой,
Выпивалъ онъ чару на единый духъ,
Да й турей рогъ выпилъ мёду сладкаго,
Да спускалъ онъ въ чару перстень злаченыи,
Которымъ перстнемъ съ ней обручался онъ.
Да говоритъ онъ Настасьи Микуличной:
«Ты гляди-тко Настасья Микулична,
«Во чару гляди-тко злаче́ную».
Какъ поглядѣла Настасья Микулична
Въ тую чару золочёную,
Взяла въ руки злаче́нъ перстень,
Говоритъ тутъ Настасья Микулична:
— Да не тотъ мужъ — который подли меня сидитъ,
— А тотъ мой мужъ — которой противо меня сидитъ. —
А тутъ-то Добрыня Микитиничъ,
Да скочилъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Да бралъ Алёшу за желты кудри,
Да онъ выде́ргивалъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
А сталъ онъ по гридни потаскивать,
Да сталъ онъ Алёши приговаривать:
«Не дивую я разуму женскому,
«Да дивуя я ти, смѣлый Алёша Поповичъ ты,
«А ты-то Алёшенька да мнѣ крестовой братъ.
«Да еще тебѣ дивую, старый ты князь Владиміръ стольне-кіевской!
«А колько я тѣ дѣлалъ выслугъ-то великіихъ,
«А ты всё Владиміръ надо мной надсмѣхаешься.
«Да теперь я выправилъ изъ Золотой орды,
«Выправилъ дани и выходы
«За старыи годы за новыи.
«Везутъ тебѣ три телеги ордынскіи:
«Три телеги злата и серебра».

Тутъ онъ взялъ свою молоду жену,
Молоду жену любиму семью,
Да повёлъ Добрыня къ своей матушки.
Да тутъ ли Алёшенька Поповичъ тотъ,
Да ходитъ по гридни окоракою,
А самъ ходитъ приговариватъ:
— Да всякъ-то на сёмъ свѣти женится,
— Да не всякому женидьба удавается. —
А тольки Алешенька женатъ бывалъ.

Записано тамъ же, 7 августа.

199.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

А й изъ-за тóго острова Кадойлова,
А й изъ-подъ тóго вязу съ-подъ черлёнаго,
А й изъ-подъ того камешка съ-подъ бѣлаго
Изъ-подъ тóго кустышка ракитоваго,
А пала выпадала мать Нѣпра рѣка,
А устьемъ выпадала въ море Черное,
Во Черное море во Турецкое.
А по этой матери Нѣпрѝ по рѣки,
Вылеталъ выѣзжалъ младъ хупавъ молодецъ,
Молодъ Соловей сынъ Будимировичъ.
Поѣзжалъ Соловей вѣдь онъ свататься
А за славноё онъ за синё морё,
Да ко славному городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю ко Владиміру,
На егó любимыи племянницы,
А на мóлодой Забавы на Путятичной.
А сталъ Соловей корабля снастить:
Носъ корма по звѣриному,

А бока у карабля всё по туриному,
А вмѣсто бровъ было вдéргивано
А по дóрогой куницы по пещерскіи,
А вмѣсто ушей было повѣ́шивано
А по дорогому соболю заморьскому,
А вмѣсто очей было врѣ́зывано
А по дорогому камню самоцвѣтному,
А не для ради красы басы угожества,
Ради темныи ноченки осенніи.
Пріѣзжалъ Соловей сынъ Будиміровичъ
А ко славному городу ко Кіеву.
А сходенки металъ онъ дорогъ ры́бей зубъ,
Выходилъ выступалъ онъ на крутъ бережокъ,
А со своей дружиной со хороброю,
Чашу насыпалъ онъ красна золота,
А другу насыпалъ онъ чиста серебра,
Третью насыпалъ онъ скатняго жемчуга,
А въ четвертыхъ беретъ онъ камочку крущатую,
Крущатую камочку двоеличную.
А ничѣмъ эта камкá была не дорóга,
А не краснымъ она да была золотомъ,
А не чистымъ она да была серебромъ,
А дóрога камка была крущатая
А тымá ли цвѣтами заморскима.
А приходилъ онъ во гридню во столовую,
Онъ крёстъ-тотъ кладетъ по писаному,
Онъ поклонъ-тотъ ведетъ по учёному,
Онъ кланяется поклоняется
Да на всѣ на четыре на стороны.
Онъ кланяéтся, самъ чёствуетъ:
«Здравствуй Владиміръ стольнё-кіевской,
«Да со многима князя́мы со бóярамы!»
Онъ кланяется, самъ чёствуетъ,
Подавалъ онъ чашу красна золота

А солнышку Владиміру стольне-кіевскому,
А другую подавалъ онъ чиста серебра
Только душечки княгины онъ Опраксіи,
А третью подавалъ онъ скатня жемчуга
Молодой Забавы Путятичной.
Да еще подавалъ онъ камочку крущатую.
Онъ кланяется самъ и чёствуетъ.
А этыи дáрова князю полюбилисе.
Заводилъ князь Влáдиміръ стольне-кіевской,
Заводилъ онъ тутъ вѣ́дь почестенъ пиръ,
А на многи князя на бояра,
А на многихъ поляницъ на удалыихъ.
А вси на пиру напивалисе,
А вси на пиру да наѣдалисе.
И говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Бласлови государь мнѣ слово вымолвить».
— Говори Соловей что тебѣ́ надобнò. —
«А позволь мнѣ-ка-ва выстроить трѝ теремà,
«А три терема златоверхіихъ.
«Этой-то ноченкой тёмною,
«Темною ноченкой осенною,
«А то поставить-то мнѣ-ка трѝ терема,
«А три терема златоверхіихъ,
«Середи того полюшка чистаго,
«Середи того садочку Путятинова».
— Станови Соловей гдѣ тебѣ любо. —
А й тутъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
Выходилъ Соловей онъ на крылечко перёное,
Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
А своей говоритъ онъ дружинушки хоробрыи:
«А й же вы дружинушка хоробрая!
«Дѣлайте дѣло повелѣное.
«Скидывайте-тко платьицо цвѣтное,

«Надѣвайте-тко платьицо лосиное,
«Обувайте-тко лапотики семи шелковъ.
«А вы дубья да вязья повы́рубити,
«Вонъ изъ зелена саду повымечите,
«А состройте-тко мнѣ-ка три терема,
«Три терема златоверхіихъ,
«А въ четвертыхъ состройте мнѣ гостинной дворъ
«Этой-то ноченкой темною,
«Темною ноченкой осенною».
А й тутъ-то дружинушка Со́ловьева,
Скидывали они платьица цвѣтныи,
Надѣвали кожаники лосиновыи,
Обували лапотики семи шелковъ.
Оны дубья да вязья повырубили,
Вонъ изъ зелена саду повыметали,
А состроили оны да три терема,
Три терема златоверхіихъ,
А въ четвертыхъ состроили гостиной дворъ,
Той-ли ноченкой те́мною,
А темною ноченкой осенною.
А по утру вставала дочь Путятинова,
Поглядѣла во косивчато окошечко.
— А что это чудо-то счудилосе,
— А что это диво-то сди́вилосе?
— А вечо́ръ-то стоялъ да мой зелёной садъ,
— А стоялъ-то садъ онъ цѣлы́мъ цѣлой,
— А теперичу-то садъ онъ полонёной сталъ.
— А построено въ немъ да три́ теремà,
— А три терема златоверхіихъ,
— Да въ четвертыхъ построенъ гостиный дворъ.
— Ай же вы не́нюшки мамушки,
— Да пойдемте-тко гулять да во зелёный садъ. —
Да пришли оны гуляти во зеленый садъ,
А въ первомъ терему-то щелчокъ-молчокъ,

То есть дружинушка Со́ловьева.
А въ другомъ терему̀ да шепотомъ говорятъ,
То есть Соловьёвая матушка,
Она Господа Бога умаливаетъ,
За своего за чада за милаго.
А въ третьёмъ терему-то гудки́ гудятъ,
Игры играютъ Царя́града,
Напѣвки выпѣваютъ Еросо́лима,
То самъ Соловей сидитъ Будимірович.
А говоритъ тутъ Забава дочь Путятична:
— Ай же вы ненюшки мамушки!
— Да зайдемте-ко въ этотъ теремъ высокіи. —
Приходила тутъ Забава дочь Путятична.
А тутъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
А ставалъ Соловей онъ на рѣзвы ноги,
А подергивалъ онъ тутъременчатъ стулъ.
«Да садись-ко ты Забава Путятьевна,
«А садись-ко, Забава, на ременчатъ стулъ».
А стали играть они во шахматы.
А й тутъ ли Соловей сынъ Будиміровичъ
Разъ тотъ сыгралъ, Забаву по́игралъ,
Другой тотъ сыгралъ, Забаву по́игралъ,
Третей тотъ сыгралъ, Забаву по́игралъ.
А говоритъ тутъ Забава дочь Путятична:
— Ахъ молодецъ ты заулишекъ добръ!
— Кабы взялъ за себя, я бы шла за тебя. —
Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:
«А совсѣмъ ты мнѣ Забава въ любовь пришла,
«А однимъ ты мнѣ Забава не́ люба,
«Что сама себя Забава ты просватываёшь».
А й тутъ ли у князя у Владиміра,
Да не пива-ты варить да не мёды-ты сычить,
Веселы́мъ пиркомъ да за свадебку.

Записано тамъ же, 7 августа

200.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

А города было то Крякова,
А села то вѣдь было Березина,
Снаряжается да убирается
А Лука Петровичъ королевской сынъ,
Да во да́лече дале́че во чисто полё.
Онъ долгой день ѣздилъ до вече́ра,
А темную ночь до полуночи
Да не могъ себѣ наѣхать супротивника,
А супротивника наѣхать поединщика,
Ему не съ кимъ розъѣздить добра коня,
Ему не съ кимъ ростолкать плеча богатырскаго,
Да утѣшить мысли молодецкiи.
А наѣхалъ во чистомъ поли —
Сидитъ на дубу на крякновистомъ,
А й сидитъ на дубу тутъ вѣдь чорной вранъ.
А й самъ-то вранъ онъ черны́мъ черёнъ,
А крылья у ворона бѣлымъ бѣлы,
А бѣлы́мъ бѣлы да будто бѣлый снѣгъ.
Говоритъ Лука Петровичъ королевскiй сынъ:
«Натяну я ту́гой лукъ розрывчатой,
«Да убью я тя чернаго ворона,
«Пропущу твою кровь горячую
«По тому сыру дубу да по крякновисту».
Говоритъ ему че́рный вранъ язы́комъ человѣческимъ:
— А й же ты Лука Петровичъ королевскiй сынъ!
— А у васъ на Руси говорятъ пословицу:
— А старца убить не спа́сеньё залучить,
— А й ворона убить некакую корысть получить.
— А есть какъ да́лече дале́че во чистомъ поли,
— А на поли было на Касимовскомъ,
— А ѣздитъ тамъ Сокольникъ на добромъ кони,

— Тебѣ е съ кимъ розъѣздить добра коня,
— Тебѣ е съ кимъ ростолкать плечо богатырское,
— Да утѣшить тѣ мысли молодецкіи. —
Поѣзжатъ Лука Петровичъ королевской сынъ
Да на тое поле на Касимовско.
Пріѣхалъ онъ на поле на Касимовско,
Ажно видитъ тамъ Сокольникъ на добромъ кони,
А самъ молодецъ да былъ ясёнъ соколъ,
А конь тотъ подъ нимъ будто лютый звѣрь,
Будто лютый звѣрь да на рогатину.
А съѣхались молодцы да поздоровались,
А ударились óны во палици булатни,
А палици до рукъ да приломалисе.
А ударились оны въ копья бурзомецкіи,
А другъ друга богатыри не ранили.
Да спустились оны́ на сыру землю,
Да пошли оны пировымъ боёмъ,
Пировымъ боёмъ да рукопашкою,
А й тутъ Лука Петровичъ королевскій сынъ
Да сбилъ онъ Сокольника на сыру землю,
А сѣлъ онъ тутъ на бѣлы груди,
Вынˈиматъ онъ ножищо кинжалищо
И хочетъ пластать ему груди ты бѣлыи,
Вынимать у нéго сердце то да со печенью,
А въ плечи рука да застояласи.
Говоритъ Лука Петровичъ королевскій сынъ:
«Да ты скажи татаринъ не трави собя:
«Ты коей земли да ты коей орды,
«Коего отця коей матери,
«А какъ тебя молодца именемъ зовутъ,
«А какъ величаютъ по отечеству?»
Говоритъ ему Сокольникъ таково слово:
— Кабы былъ я на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,
— Да не спрашивалъ бы ни имени ни отчины,

— А пласталъ бы груди твои бѣлыи,
— Вынималъ бы у тя сердце со опеченью. —
Богатырское сердце озвѣрилосе,
Да хватать онъ ножищо кинжалищо,
Хочетъ ему пластать-то груди бѣлыи,
Вынимать у него сердце то съ печенью,
А въ плечи рука да застояласи.
Онъ его спрашиватъ второй наконъ:
«Да ты скажи Сокольникъ не трави себя:
«Тебя какъ молодца зовутъ по имени,
«Тебя какъ величаютъ по отечеству?
— Я есть города Крякова,
— А села то есть я Березина,
— Молодой Василій Петровичъ королевской сынъ.
— Когда воевали татарова Касимовцы,
— Увезли меня оны въ свою землю,
— Увезли меня да трехгодоваго.
— А у меня остался братецъ королевскій сынъ,
— Лука Петровичъ королевскій сынъ, тремѣсячнымъ. —
А й тутъ-то Лука Петровичъ королевскій сынъ
Да скочилъ онъ на ножки на рѣзвыя,
Да здымалъ онъ братца за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ во уста сахарніи:
«Да ты здравствуй, родимый мой брателко!
«Да я вѣдь есть Лука Петровичъ короловскій сынъ.
«А я слыхалъ отъ своей матушки,
«Что воевали татарова Касимовци
«Да убили-то нашего батюшка
«А увезли въ свою землю тебя да трехгодоваго,
«А я остался въ сели Березни тремѣсячной».
Говоритъ Лука Петровичъ королевскій сынъ:
«Ахъ ты братецъ Василій Петровичъ-отъ!
«Да поѣдемъ-ко мы въ свою землю».
Говоритъ тутъ Василій Петровичъ королевскій сынъ:

— А поѣдемъ-ко къ татаровамъ Касимовцамъ,
— Убьемъ мы татаровей до единаго,
— Отместимъ свою кровь ту горячую. —
Говоритъ тутъ Лука Петровичъ королевскій сынъ:
«А й же ты Василей Петровичъ королевскій сынъ!
«Да поѣдемъ-ко мы къ своей матушки».
Да тутъ поѣхали они въ свою землю,
Да пріѣзжали оны въ городъ въ Кряковъ-то,
Да приходилъ Лука Петровичъ къ своей матушки,
Да здравствуетъ свою матушку:
«Здравствуй ты родитель моя матушка!
«А й къ тебѣ привёзъ татарина Касимовца».
Говоритъ его родитель-та матушка:
— Не могла бъ я ни слышати ни видѣти,
— Про злодѣевъ Касимовскихъ татаровей. —
«А й же ты родитель моя матушка!
«Не татарина привезъ къ тебѣ Касимовца, —
«Твоего-то сына любимаго,
«Своего-то братца родимаго».

Записано тамъ же, 7 августа.

201.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ во матушкѣ было въ каменной Москвы,
Да у Грознаго царя Ивана Васильевича,
А было пированьё почестной пиръ.
Всѣ на пиру напивалисе,
Всѣ на пиру наѣдалисе,
Грозный царь тотъ Иванъ Васильевичъ сталъ на весели:
Ходитъ онъ по гридни столовыи,
Говоритъ-то царь таково слово:

«Да повывелъ я измѣну со Кіева,
«Да повывелъ я измѣну изъ Чернигова,
«Да повывелъ я измѣну изъ Нова́-города,
«А повыведу измѣну съ каменной Москвы».
А говоритъ его сынъ тутъ любезныи Ѳедоръ Ивановичъ:
— Ахъ батюшко Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не повывести измѣны съ каменной Москвы.
— А твой тотъ сынъ любезныи Иванъ-то Ивановичъ,
— Онъ уважатъ-то боярамъ московскіимъ,
— Онъ-то творитъ великіи милости. —
Тутъ-то Грозный царь Иванъ Васильевичъ да розретивился:
«Вы ведите-тко Ивана Ивановича,
«Да на тое-то на поле на Житное,
«А отсѣките вы Ивану буйну голову».
Какъ доносили эту вѣсточку на̀-скори
Да его-то вѣдь царици благовѣрныи,
Анны доносили Романовной:
— Ай же ты царица Анна Романовна!
— Ѣшь ты пьешь да проклажаешься,
— Про великую незгодушку не вѣдаешь.
— А твой тотъ мужъ любезныи,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Отпускалъ твоего-то сына любимаго Ивана Ивановича,
— А на тое на поле на Житное,
— Да на тую-то на плаху кровавую,
— А велѣлъ ему отсѣчь буйну голову. —
Тутъ ли-то царица благовѣрная
А кидала она шубу на одно плечо,
А бѣжала-то она по Москвы городомъ,
Она голосомъ кричитъ-то какъ въ трубу трубитъ:
«А миръ крещеный, народъ-то вы добрыи!
«Дайте путь дорожку широкую.
«А бѣжать-то мнѣ къ Микиты Романовичу».

Какъ прибѣжала къ Микиты Романовичу!
«Ай же ты мой милой брателко,
«А старый князь Микита Романовичъ!
«А ѣшь ты пьешь проклажаешся,
«Про великую незгоду не вѣдаешь.
«А твоего-то племянника любимаго,
«А Ивана Ивановича
«Увели его на поле на Житное,
«А на тую-то на плаху кровавую,
«Да велѣно отсѣчь-то буйну голову».
А й тутъ-то Микита Романовичъ
Онъ скоро садился на добра коня,
Не на уздана коня онъ не на сѣдлана,
Онъ ѣдетъ Москвой-то вѣдь городомъ:
— А й вы люди, народъ добрыи!
— Дайте путь дорожку широкую
— Ѣхать на поле на Житное,
— Да на тую-то плаху кровавую,
— Да застать въ живыхъ любимаго племянника,
— Да Ивана застать мнѣ Ивановича. —
Тутъ указъ читаютъ оны царскіи
А читаютъ указъ государевъ-отъ.
А заздынута у палача-то сабля острая.
Закричалъ тутъ Микита громкимъ голосомъ:
— Ахъ ты маленькой Малютушка Скурлатовъ сынъ!
— Съѣшь ты, собака, самъ подавишься,
— Моего-то ты любимаго племянника.
Тутъ-то маленькой Малютушка Скурлатовъ сынъ,
Да кладалъ онъ саблю вострую да во сыру землю,
Во сыру землю тупымъ концёмъ,
А на вострой конецъ заколоxся самъ.
Прискакалъ тутъ Микита Романовичъ,
Онъ бралъ своего любимаго племянника да за бѣлы́ руки,
Цѣловалъ во уста да во сахарніи́.

Да садился Микита на добра коня,
Полагалъ племянника подъ пазуху,
Да поѣхалъ Микита въ свою вотчину.
А поутру-то ранымъ ранешенько,
Да проспался Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Сдѣлалъ онъ указъ государевой
Чтобы князи и бояра,
Вси купци да мѣщана богатыи,
А ходили бы оны въ платьяхъ-то опальныихъ.
Да не ходитъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Не къ заутрены онъ ходитъ не къ обѣднѣ онъ.
Въ воскресенье пришолъ онъ во Божью церковь,
А пришолъ онъ во платьяхъ опальныихъ,
А старый князь Микита Романовичъ,
Да надѣлъ онъ платья что ни лучшіи,
Да приходитъ-то Микита во Божью церкву,
Онъ крёстъ тотъ кладё по писаному,
А поклонъ тотъ ведётъ да по учёному,
Онъ поклонъ тотъ ведё самъ и здравствуетъ:
— Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своима со любезныма со дѣтушкамы:
— Здравствуй съ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Да съ Иваномъ ты здравствуй Ивановичемъ! —
Говоритъ ёму грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А й ты старый князь Микита Романовичъ!
«Во глазахъ ли ты Микита насмѣхаешься,
«Да не стало вѣдь у насъ-то Ивана Ивановича».
Онъ ему говоритъ и второй наконъ:
— Здравствуй-ко ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Да со своима со любезныма со дѣтушкамы:
— Да ты съ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Да съ Иваномъ ты здравствуёшь Ивановичемъ! —
Говоритъ ему грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старый князь Микита Романовичъ!

«Да давай-ко ты мнѣ Ивана Ивановича теперь на лицо».
А тутъ-то старый князь Микита Романовичъ,
Выводилъ-то онъ своего любезнаго племянника,
Да съ-подъ шубы выводилъ онъ соболиныи.
— На-тко ты грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Своего тутъ ты сына любимаго,
— Да Ивана Ивановича. —
А й тутъ-то вѣдь грозный царь Иванъ Васильевичъ
Обрадѣлъ[1]) онъ своего-то сына любимаго,
Говоритъ онъ Микиты Романовичу:
«Ахъ ты старый князь Микита Романовичъ!
«А й чѣмъ тебя Микиту буде жаловати:
«Города-ты мнѣ-ка дать тебѣ съ приселками,
«Али села-ты мнѣ дать тебѣ великiи?»
Говоритъ ему старый князь Микита Романовичъ:
— Ахъ ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ не надобно городовъ съ пригородками,
— Мнѣ не надобно селъ-то съ присёлками,
— А ты сдѣлай-ко указъ мнѣ-ка царскiй,
— А дай ты мнѣ Никитину отчину:
— Кто голову убьётъ, кто коня уведётъ,
— Кто коня уведётъ, да кто бабу уведётъ,
— А не было бы ни иску, ни отыску,
— Того Богъ проститъ. —

Записано тамъ же, 7 августа.

---

1) Т. е. обрадовался.

202.

ЕРМАКЪ.

Какъ сбирались казаки | на крутъ бережокъ,
Ахъ доньски гребеньски |, запорожскіи,
Запорожски казаки | и все были яицкіи.
Ахъ атаманъ былъ у донс|кихъ у казаковъ,
Ой изъ Тихаго Дону Ермакъ былъ Тимоѳеевичъ,
А есаулъ былъ у донскихъ у казаковъ
Ахъ со Двины Оста|фей Лаврентьевичъ.
Какъ садились казаки | на легки стружки,
А й на легки стружки | сѣли на мелки повозки,
Какъ грянули розмахну | ли внизъ по Волги рѣки.
Ахъ еще будутъ казаки | о полу онѣ пути,
О полупути пути бу|дутъ противъ Охтучи рѣки,
Ахъ супротивъ того ку|стышка ракитоваго,
Супротивъ того лужечка | ай зелёного.
А сверху внизъ было по ма|тушки по Камы рѣки,
А по Камы рѣки | легка лодочка плыветъ,
Ахъ со лютымъ со зе́льёмъ | съ чернымъ порохомъ,
А со страшной казной | государевой.
А й на казны-то сидитъ | тутъ грозёнъ посёлъ,
Ахъ по имени Семёнъ | Костянтиновичъ,
Костянтиновичъ Семёнъ | сидитъ Корамыше́вичъ.
Ахъ какъ немношечко вре|мечки миновалосе,
Супротивъ кустишка лод|очка сверсталасе,
Ахъ какъ лунула пу|шечка мѣдная,
Ахъ какъ розбила эту | лодочку коломянку,
А какъ убило посла | государева
Корамышева Семе|на Костянтиновича.
«Ахъ мы не ладно мы | два брателка удумали,
«Какъ убили мы посла | государева,
«А золотой казны | намъ немношко доставалосе,
«Доставаласе казны | намъ же по три тмы,

«А й по три тьмы достава|лось по три тысячи.
«Какъ куды же мы братцы | воровать теперь пойдемъ?
«А й намъ во Казань городъ итти | намъ убитымъ быть.
«Намъ во Вострακань итти | быть повѣшеннымъ.
«Ахъ пойдемте-тко, братцы, | во каменну Москву.

(Дальше не помнитъ).

Записано тамъ же, 7 августа.

203.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Какъ во славномъ было го|роди во Вастракани
Проявился тамъ дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ,
Какъ незнаемой дѣти|нушка, невѣдомой откуль.
Баско щепетно по Ва|стракани погуливаетъ,
Ужъ онъ штапамъ афице|рушкамъ не кланяется,
Востраканскому губерна|тору челомъ ему не бьетъ.
А сапоженки на ножкахъ шел|комъ та́ченыи,
Черна шляпа на кудряхъ | и перщатки на рукахъ,
А й свой тотъ вишневой кафтанъ | на одномъ плечи таскалъ,
И какъ персидской кушачокъ | во бѣлыхъ рукахъ держалъ.
Какъ увидѣлъ молодца | губернаторъ скрычалъ:
«Вы сходите, приведи|те удалого молодца».
Еще сталъ-то губерна|торъ его спрашивати:
«А ты скажись скажись-ко, дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ,
«Изъ тиху ли ты Дону казакъ |, аль казачей сынъ
«Аль ты съ нашего крѣпкаго го|рода изъ Вастракани».
Какъ проговоритъ дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ:
— Изъ тиху-то я Дону не казакъ |, не казачей сынъ,
— Я не съ вашего крѣпкого го|рода, а изъ Вастракани.
— Я со Камы-то со рѣки | Сеньки Разина сынъ,
— Посулился мой-то ба|тюшко завтра въ гости къ вамъ быть,

— Вы умѣйте-тко моего ба|тюшка кормить его поить,
— Вы кормить его поить | и честно жаловати.
Востраканьскому губерна|тору не слюбилися словеса.
«Еще есть-ли то при мнѣ |, а слуги вѣрны при собѣ,
«Вы сведите-тко молодца | въ бѣлокаменну тюрьму».
Взяли брали молодца за | желтыи волоса,
Повели его молодца | въ бѣлокаменну тюрьму.
Сверху внизъ было по ма|тушки по Камы по рѣки,
Что й по Камы по рѣки | легка лодочка пловётъ.
Какъ на той-то на легкой лодкѣ а|таманъ воровской сидитъ,
Атаманъ воровской сидитъ | Сенька Разинъ тотъ сынъ.
— Еще что-то мнѣ, братцы ро́бя|тушка, тошнымъ стало тошно,
— Мнѣ тошнымъ стало тошно̀ | и тошне́шенько,
— Вы подайте-тко воды | съ-подъ правы́й съ-подъ руки».
И надъ водой-то Сенька волховалъ | и воду взадь выливалъ,
— Видно мой тутъ вѣдь сынокъ | а сидитъ въ бѣлокаменной тюрьмѣ,
— Приворачивайте, робята, | ко крутому бережку,
— Ужъ мы стѣну разобьемъ | а й тюрьму по каменю разнесёмъ
— И Вастраканьскаго губерна|тора въ полонъ къ собѣ возьмемъ,
— И Вастраканьскую губерна|торшу въ наложницы. —

Записано тамъ же, 7 августа.

204.

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА.

А пише пише король шведскій | государыни нашой въ Москву:
«А й да милосердная государыня |, не прогнѣвайся на меня,
«На меня-то Швета да на злодѣя на Шведскаго короля.

«Ай роспиши-тко ты мнѣ хватерушку | а й въ каменной Москвы постоять:
«И моей конницы пѣхотушки—и во ямской стоять улицѣ,
«А самому-то мнѣ королю | Шведскому а й въ Кремли городи постоять,
«А й у Бориса стоять у Петровича | а й Шелементьева во дворци».
А милосердная государыни | а призадумалась стоитъ,
А наши главные всѣ фельдмаршаты | а й пріужахнулись.
Какъ у ней правой подъ ру|ченькой донской казакъ стоитъ,
Ахъ у ней подъ лѣвой подъ ру|ченькой а й часовой солдатъ стоитъ.
Ой впереди-то наши служивыи | да словцё вымолвили:
— А милосердная государыни | не печалуйся ни о чемъ,
— А й не бывать-то королю Шведскому | ай въ каменной нашой Москвы,
— А й не видать-то ему да собаки | ой нашей крѣпости.
— А ужъ мы встрѣтимъ короля Шведскаго на Тюмень быстрой рѣки,
— А й ужъ мы встрѣтимъ, всѣ | съ королемъ побра́таемся,
— Да розоставимъ-ко мы сто|лики о й все дубовенькіе,
— О й да накатаемъ-ко мы пу|шечекъ все со ядрушкамы.
— А ужъ какъ мы станемъ ему подавать, онъ | не успѣетъ принимать. —

Записано тамъ же, 7 августа.

205.

ПРУССКІЙ КОРОЛЬ.

Ой ростужится, росплачется | нашъ Пруско́й *нашъ Пруско́й*[1]) король,
А й сидючись-то на укра|сушки ой *на крутой* горы,

1) Набранные *курсивомъ* слоги повторяются два раза.

А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣ|пушку, *на Берлинъ* городъ
И на свою укрѣпушку | на Берлинъ да *на Бер*линъ городъ.
«Ты ли-то укрѣпа | моя, *ты укрѣ*пушка,
«Ты мой Берлинъ |, *мой Берлинъ* городъ,
«А ты кому-то моя укрѣ|пушка *достава*ласе,
«Доставаласе да достава|ласе моя *укрѣ*пушка,
«Ой царю бѣлому | *ой царю* бѣлому,
«А какъ другому же генера|лушку *Краснощек*ову».
Ай какъ ходилъ гулялъ | Краснощековъ ку́*пцемъ по го*роду,
Ахъ онъ закупаетъ-то | Краснощековъ *ай свинцу по́*роху,
И закупае еще онъ | Краснощековъ *сорокъ пу*шечекъ.
Ахъ онъ Пруску́ю жену | ту красавицу ай *во полонъ* беретъ,
И во полонъ-то беретъ пруску | жену и самъ онъ допро*сомъ допра*шиватъ:
— Ай ты скажи-тко скажи |, пруска жена, ай *куды Прусъ* ушелъ? —
«Ахъ вы глупы генера|лушки глупы *неразу*мныи!
«Ай за столомъ-то сидѣлъ | пруской король *бѣлой ле*беди,
«Ай на окошечки сидѣлъ | пруско́й король *а й сизымъ го*лубомъ,
«И на корабь полетѣлъ | пруской король вотъ онъ *чернымъ во*рономъ».

Записано тамъ-же, 7 августа.

XXXVII.

Т. СУХАНОВЪ.

Трофимъ Ивановичъ Сухановъ, крестьянинъ съ Охтомъострова на Водлозерѣ, 70 лѣтъ, здоровый, моложавый, еще несущій тягло и занимающійся доселѣ полѣсничествомъ. Перенялъ былины отъ отца, который умеръ подъ 100 лѣтъ отъ роду; говоритъ, что большую часть изъ нихъ забылъ, вслѣдствіе тяжелой рабочей жизни.

206.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славноёмъ было городи во Кіеви,
А й у ласкова князя Владиміра,
Собирается у князя почестенъ пиръ.
Вси ли на пиру напивалисе,
Вси ли на пиру наѣдалисе,
Вси ли на пиру пьяны веселы,
А вси ли на пиру порасфастались:
Умный фастатъ отцемъ матерью,
Безумной фастатъ молодой женой,
Глупой фастатъ добрыимъ конемъ.
А сидитъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ,
Не ѣстъ онъ не пьетъ да не кушаётъ,
Бѣлой лебе́душки не рушаётъ,
Надъ собой онъ думушку думаётъ.
Говоритъ солнышко князь столно-кіевской:
«А чего же ты сидишь позадумался,
«Хлѣба ты соли не кушаёшь,
«Бѣлой лебёдушки не рушаёшь,
«Не пьёшъ ты чары зелена вина?»
И говоритъ князь столно-кіевской:
— Ай же вы русскіи богатыри:
— Во первы́ихъ казакъ Илья Муромецъ,
— Во другі́ихъ Добрынюшка Микитиничъ!
— Вы берите злаче́ныи же́ребьи
— Кому ѣхать въ путь богатырскую,
— Во тую въ дороженку широкую,
— Не за триста за три тысячи,
— Выправляти дани выходы за двѣнадцать лѣтъ.
— Во тыи Индѣи во богатыи,
— Не вамы были дани запущены,
— Только вамы будутъ дани взысканы. —

Ай тутъ Добрынюшка поросплакался,
Своей матушки порозжалился:
— Ужъ ты свѣтъ добра да мо́я матушка!
— На что Добрынюшку спородила,
— Сильняго Добрынюшку не сильняго,
— Ростомъ его не высокаго,
— Красотою его не красиваго,
— Ай богачествомъ не богатаго.
— Лучше родила-бъ моя матушка
— Сѣрыимъ горючіимъ камешкомъ,
— Завертѣла во тонко полотенышко,
— Ставала на гору высокую,
— Розмахала Добрыню — въ море бросила.
— А лежалъ бы Добрынюшка въ синёмъ мори,
— Не ѣздилъ Добрыня по свято̀й Руси,
— Не проливалъ бы крови христіяньскіи,
— Не вдовилъ Добрыня молодыихъ жонъ,
— Не сироталі-бъ малыя дѣточки. —
И получаетъ несчастныя жеребей.
Говоритъ онъ казаку Илью Муромцу:
— Я поѣзжаю въ путь богатырскую. —
И говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
— Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка,
— Честна вдова Намельфа Тимоѳеевна! [1])
— Только нѣтъ у молодца добра коня,
— Нѣту сбруюшки богатырскіи,
— Всихъ успѣховъ богатырскіихъ. —
Отвѣчае добра да ему матушка:
«Ты Добрынюшка сынъ Микитиничъ!
«Поди на конюшню стоялую,
«А на другу поди ты на конную,
«Выбирай добра коня уче́наго.

---

1) Она была поляница, сидѣла на пиру.

«Буде тутъ тебѣ не прилюбится,
«Опускайся въ погрёбы глубокіи,
«Стоитъ добрыи конь богатырскіи
«На двѣнадцати цѣпочкахъ серебряныхъ,
«На двѣнадцати тонкіихъ поводахъ,
«На тыихъ ли на поводахъ шелковыихъ,
«А не нашего шолку, Шемахинскаго.
«Тамъ есть сбруя богатырская,
«Вси успѣхи молодецкіи».
Тольки Добрынюшка спрашивалъ.
Скочилъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Зъ-за того за столика дубоваго,
Бѣжалъ на конюшню стоялую.
Тутъ ему не слюбилосе,
Перешолъ на конюшенку на конную,
Нѣтъ добра коня по разуму.
Опустился въ погребы́ глубокіи,
Увидѣлъ коня онъ добраго,
Онъ валился коню во праву ногу:
— Ужъ ты добрый конь богатырскій!
— Служилъ конь и батюшку,
— Служилъ добрый конь дѣдушку,
— Послужи-тко Добрыни Микитичу
— Во тыи́ пути́ богатырскіи́. —
Сталъ добра коня отка́ивать *(отковывать)*,
Сталъ добра коня отвязывать,
Кладывалъ онъ сѣделышко черкальское.
Самъ онъ себя сталъ окольчуживать:
Обувалъ онъ сапожки сафьянные,
Околъ носика яйцё кати,
А й подъ пяточки воробей лети.
Въ каблучкахъ были шпильки серебряны,
Шляпочки позолочены,
Не ради красы — басы молодецкіи,

Ради крѣпости богатырскіи,
Одѣвалъ онъ лату богатырскую,
Не грузну́ю лату, въ девяносто пудъ.
Одѣвалъ онъ платьицо цвѣтное,
Кладывалъ онъ шляпу пуховую,
Не грузную шляпу, во двѣнадцать пудъ.
Кладывалъ онъ праву́ ногу во стремено,
Во тое ли стремено булатнёё,
Скочилъ Добрыня легче заюшка,
Повернулся кручѣе горносталюшка.
Садился во сѣдельшко черкальское,
Пріѣзжалъ онъ къ полаты бѣлокаменнои,
Ко своéй ко матушки ко роднын,
Ко честной вдовѣ Намельфѣ Тимоѳеевной.
Говоритъ Добрыня таково слово:
— Дай-ко прощеньицо родительско,
— Мнѣ-ка ѣхать въ путь богатырскую. —
Свѣтъ добра́ да е́го матушка,
Полагае крестъ благословленныи,
Отправляе въ путь богатырскую.
Стоитъ молода жена Настасья Микулична,
Говоритъ Настасья Микулична:
«Ай же Добрынюшка Микитиничъ!
«Поѣзжаешь ты въ путь богатырскую,
«Когда ждать тебя со чиста поля?»
Отвѣчаё Добрыня Микитиничъ:
— Ждите Добрынюшку три года.
— Не пріѣде Добрынюшка три года,
— Еще ждите Добрынюшку три года.
— Не пріѣде Добрыня черезъ шесть годовъ,
— Еще ждите Добрынюшку три года,
— Пройде времечки всего девять лѣтъ. —
И говоритъ-то Настасьи Никуличной:
— Аль вдовой живи аль хоть замужъ поди,

— И за того поди хошь за и́ннаго,
— За вора́ поди хошь за разбойничка,
— Не ходи за моего за брата крестоваго,
— За смѣлаго Алёшу Поповича,
— За дѣвочьяго за насмѣшника. —
Поѣзжалъ Добрынюшка во чисто́ полё,
Аль не пыль во поли запылается,
Отъ земли пески поднималися,
Одна куревка поку́рила,
Поѣзжалъ Добрыня во чисто́ полё,
Вид'ли молодца сядучись,
Ай не вид'ли удалаго поѣдучись.
Прошло тому времени три года,
Не видать Добрынюшки съ чиста поля.
Тутъ ходя старухи кошельницы [1]),
Они вѣсти носятъ недобрыи:
«Нѣту Добрынюшки во живности,
«Убитъ Добрыня во чистомъ поли,
«Лежитъ Добрыня о Почай рѣку,
«Ай ногамы лежитъ во Почай рѣку,
«Кудрями лежитъ въ частъ ракитовъ кустъ,
«Малолѣсны птички гнѣзда спо́вили
«Во Добрыниныхъ во желтыхъ кудряхъ».
Тому старуха не вѣрила:
— Молода Настасья Микулична!
— Подождемъ еще времечки три года. —
Прошло того времечки шесть годовъ,
Не видать Добрынюшки съ чиста поля.
Пріѣзжаетъ Олёшенька поповскій сынъ
Со да́леча дале́ча со чиста поля,
Прямо къ доброй-то его матушки,
Молодой жены Настасьи Микуличной.

1) Нищія.

Говоритъ добра да его матушка:
— Гдѣ ты былъ Олёшенька поповскій сынъ? —
Отвѣчаетъ Олёшенька поповской сынъ:
«Ужъ я былъ во да́лечи, дале́чи во чистомъ поли».
— Не видалъ ли Добрыни Микитича? —
Отвѣчаетъ Олёшенька поповскій сынъ:
«Ужъ я видѣлъ Добрыню во чистомъ поли,
«Видилъ Добрыню убитаго:
«Лежитъ Добрыня о Почай рѣку,
«А й ногамы лежитъ во Почай рѣку,
«Кудрями лежитъ въ частъ ракитовъ кустъ,
«Малолѣсны птички гнѣзда сповили
«Во Добрыниныхъ во желтыхъ кудряхъ».
Говоритъ Настасья Микулична,
Говоритъ она Олёши Поповичу:
— Не былъ ты Олёша во чистомъ поли,
— Не видалъ ты Добрыни убитаго,
— А былъ ты съ собакамы на задворки. —
Олёши слова не слюбилисе,
Идётъ онъ съ обидою великою
Прямо ко князю Владиміру:
«Ужъ ты солнышко князь стольно-кіевской!
«Пособи-тко мнѣ думы думати.
«Надо мной удовка насмѣяласе
«Молодая Настасья Микулична
«Не могу на ёй сосвататься.
«Возьми меня во служители,
«Возьми меня въ сторожители,
«Буду служить вѣрой правдой».
Говоритъ князь стольно-кіевской:
— Ай же ты Олёшенька поповской сынъ!
— Сдѣламъ указы мы грозныи,
— По первому городу по Кіеву,
— По дру́гому городу Чернигову,

— По тре́тьему городу Смолягину:
— Не держать бы жонъ безмужнiихъ,
— Не держать удовокъ безпашпортнiихъ.
— Пошлю стражовъ немило́сливыхъ,
— Чтобы гнали со перваго города,
— Со перваго города Кiева,
— Со дру́га гнали Чернигова,
— Со третьёго со Смолягина. —
Какъ ишли стражи немило́сливы,
Выгнали со перваго города Кiева,
Выгнали съ дру́гаго Чернигова,
Выгнали съ тре́тьяго Смолягина,
Всихъ удовокъ безмужнiихъ.
Идутъ съ обидой великою
Ко той Добрыниной матушки,
Идутъ къ Настасьи Микуличной:
«Ужъ ты свѣтъ Настасья Микулична!
«Поди за Олёшу во замужество.
«Не подёшь за Олёшу во замужество —
«Изгонятъ тебя вонъ изъ города».
Говоритъ Настасья Микулична;
— Я пору́шаю мужнюю заповѣдь. —
Пожалѣла удовокъ безмужнiихъ,
Пожалѣла вдовицъ безпашпортнiихъ,
Не охвотою шла во замужество,
Поневолѣ пошла во замужество.
Во далечи во чистомъ поли,
Не за́ триста за три тысячи,
Спитъ Добрыня во бѣломъ шатри.
Стоитъ добрый конь у бѣла шатра,
Онъ копытомъ бьётъ о сыру землю,
Подъ шатромъ земля сколыбаласе,
Во рѣки вода зазыбаласе.
Скочилъ Добрыня на рѣзвы ноги,

Отъ крѣпка сну богатырскаго.
Говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Ай же добрый конь богатырскіи!
«Не во вре́мя будишь русскаго бога́тыря».
Отвѣчаетъ конь по-человѣчьёму:
— Ай же Добрынюшка Микитиничъ!
— Ты не знаешь незгоды великіи.
— Твоя жена Настасья Никулична
— Пошла она во замужество,
— Не охвотою, по неволюшки,
— За смѣлаго Олёшу Поповича.
— Вчерасе было рукобитьицо,
— Сегодня у ихъ столованьицо. —
Тольки Добрынюшка спрашивалъ.
Садился на добра коня уче́наго,
Бьётъ коня плёткой шелковою,
Бьётъ коня по тучны́мъ бедрамъ.
Сталъ его добрый конь поскакивать,
Скоки давать съ горы на́ гору,
Мелки источинки въ шахъ берётъ.
Пріѣзжае къ славному городу ко Кіеву,
Ко своёй полаты бѣлокаменной.
Становился къ косивчату окошечку,
Закричалъ онъ гласомъ богатырскіимъ:
«Ай же добра да моя матушка,
«Есть ли честна вдова во живности?
«Отворяй-ко широки воротечка,
«Запусти Добрыню Микитича».
Отвѣчатъ старуха таково слово:
— Отойдите голи кабацкіи!
— Кабы былъ Добрынюшка во живности,
— Не досугъ бы вамъ насмѣхатисе,
— Надо мной старухой пролыгатисе. —
Говоритъ Добрыня во второй наконъ:

«Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка,
«Честна вдова Намельфа Тимоѳеевна!
«Опустись ты со печки муравленой,
«Ты садись на скамейку хрустальнюю,
«Ты гляди въ окошко стекольчато,
«Тутъ сидитъ Добрыня на добромъ кони».
Свѣтъ добра да его матушка
Опущаласе со печки муравленой,
Садилáсь на скамейку хрустальнюю,
Глядѣла въ околенку стекольчату.
Только взяла дубину подорожную,
Не грузную дубину, въ девяносто пудъ,
Говорила старуха таково слово:
— Ай удалый добрый молодецъ!
— Не такой Добрынюшка отпущенъ онъ
— Во тую ли путь богатырскую,
— Во тую поѣздку молодецкую,
— Его личико было бѣлоё,
— Платьицо на нёмъ цвѣтноё,
— Сапожки на ножкахъ сафьянныи,
— Шля́па была пуховая. —
Отвѣчатъ Добрыня Микитиничъ:
«Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка!
«Во тый пути богатырскіи
«Сапожки о стре́мена вытерло,
«Цвѣтное платьице сдёржано,
«Пухову шляпу дождями повы́сѣкло,
«Личико жарамы зажарило».
Говоритъ добра да его матушка:
— Будетъ сидитъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
— На своемъ кони богатырскоёмъ,
— Дакъ подашь ты крестъ благословленныи. —
Тутъ Добрыня Микитиничъ
Подавае крестъ благословленныи,

Свѣтъ доброй да своёй матушки.
Получала крестъ благословленныи,
Съ которымъ спустила во чисто́ поле,
Тутъ она срадова́ласе.
Скоро бѣжала на широкъ дворъ,
Отворяла воротца широкіи,
Запустила Добрыню Микитича.
Тутъ скочилъ Добрыня со добра коня.
Говоритъ добра да ему матушка:
— Ты Добрынюшка сынъ Микитиничъ!
— Какъ твоя молода жена,
— Пошла ёна во замужество
— Не охвотою, по неволюшки,
— За смѣлаго Олёшу Поповича. —
Тольки Добрынюшка спрашивалъ.
Спустилъ коня на свою волю,
Самъ бѣжалъ въ полату бѣлокаменну,
Обувалъ онъ сапожки сафьянныи,
Надѣвалъ онъ платьицо цвѣтное,
Кладывалъ онъ шляпу пуховую,
Берётъ онъ гусёлушка яровчаты,
Берётъ онъ напитокъ подорожныихъ
Во право́й корманъ, во лѣвой корманъ,
Берётъ онъ дубину подорожную,
Не грузну́ дубину, въ девяносто пудъ,
Прямо пошелъ на почестенъ пиръ.
Тутъ у солнышка князя Владиміра
Поставлены стражи́ немило́сливы,
Сильніи могучіи богатыри —
Не ходить никому на почестенъ пиръ —
Не пущаютъ Добрыни на почестенъ пиръ.
У Добрыни сердце розгорѣлосе,
Онъ махнулъ дубиной подорожною,
Убилъ онъ сильніихъ богатырей.

Прямо идётъ на почестенъ пиръ,
Во тую полату гряновитую,
Къ этыимъ ко столикамъ дубовыимъ,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ужъ ты солнышко князь стольно-кіевской!
«Нѣтъ ли мѣста немношечко
«Поприсѣсть удалому молодцу?»
Отвѣчаё князь стольно-кіевской:
— Вси мѣста попризаняты. —
Угледѣлъ онъ мѣста немношечко
На тыи на печки муравленой.
Скочилъ Добрыня лекче заюшка
На тую на печку муравлену,
Заигралъ онъ въ гусёлушка яровчаты.
Вси на пиру оглянулисе,
Вси на пиру ужахнулисе.
Скочитъ князь на рѣзвы ноги,
Самъ говоритъ таково слово:
— А й скоморошина удалая!
— Опустись-ко со печки муравленой:
— Первое мѣсто подлѣ́ меня,
— А другóе тѣ мѣсто возлѣ́ меня,
— Трéтьёё мѣсто гдѣ слюбится. —
Отвѣчаетъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Ужъ ты солнышко Владиміръ стольно-кіевской:
«Не спрашивай у холоднаго,
«Не спрашивай у голоднаго.
«Спѣшись-ко молодца кормить поить,
«Потомъ удалаго спрашивать».
Приносили чару зелена вина,
Не большую чару, полтора ведра.
Принималъ Добрыня единой рукой,
Выпивалъ Добрыня на единой духъ,
Самъ говоритъ таково слово:

— Солнышко князь стольно-кіевской!
— Позволь поднести чару зелена вина,
— У м'ня есть напитковъ подорожныхъ.
— Поднести мнѣ князю со княгиною,
— Первую Настасьи Никуличной,
— А вторую Алеши Поповичу. —
Наливаетъ чару зелена вина,
Не большую чару, полтора ведра,
На вѣсъ-то чара полтора пуда,
Кладываетъ онъ перстень злаченыи,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ужъ ты пей Настасья Микулична!
— Пей-ко чарочку зелена вина,
— Пей-ко чарочку да всю до дна.
— Какъ пьешъ до дна, увидашь добра,
— Не пьешь до дна, не видать добра. —
Беретъ Настасья Микулична,
Беретъ чарочку единой рукой,
Выпивала цару на единой духъ,
Къ устамъ перстень прикатается,
Свѣтъ Настасья срадоваласе.
За тыимъ за столикомъ дубовыимъ,
Скочила Настасья на рѣзвы ноги,
Скочила она лекче заюшка,
Зъ-зá того за столика дубоваго.
Прямо къ Добрыни на бѣлы груди,
Сама говоритъ таково слово:
«Не тотъ мой мужъ, кой подлѣ меня,
«Тотъ мой мужъ супротивъ меня,
«Супротивъ очей моихъ ясныихъ».
Тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Онъ беретъ Алёшеньку Поповича,
Зъ-зá того за столика дубоваго,
Беретъ Алёшу за желты кудри,

Сталъ онъ дубиною накладывать.
Отъ стуканья пошло бу́канье,
Отъ буканья пошло охканьё
По всёй полаты гряновитыи.
Вси съ пиру розбѣжалисе,
Вси съ пиру розскакалисе,
Только стоитъ князь со княгиною.
Говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
— Чёго ты стоишь князь со княгиною,
— Чёго ты стоишь да того же ждёшь,
— Пусть тебѣ прiуважено:
— Моему-то батюшку крестовой братъ»[1]).
Тутъ пошолъ Алёшенька поповской сынъ,
Пошолъ съ пиру окоракою,
Самъ идётъ съ пиру кленется,
Больше того проклинается:
«Всякой чортъ на сёмъ свѣтѣ женится,
«Не всякому женитьба удавается,
«Мнѣ-ка женитьба неудачная,
«Молода жена невзрачная[2]).
«Удавалаcе женитьба двумъ богатырямъ:
«Во первыихъ Добрынюшки Микитичу,
«Во-другiихъ старому казаку Илью Муромцу».

Записано на Водлозерѣ, 6 августа.

---

1) Владимiръ.
2) Т. е. дубина.

207.

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ.

Ай съ-подъ ельничку съ-подъ березничку,
Изъ-подъ часта молодаго орѣшничку,
Выходила калика перехожая,
Перехожая калика переѣзжая.
У калики костыль дорогъ рыбей зубъ,
Дорогъ рыбей зубъ да въ девяносто пудъ.
О костыль калика подпирается,
Высоко калика поднимается,
Какъ повыше лѣсу да стоячаго,
А пониже облачка ходячаго.
Опустилася калика на тыи поля,
На тыи поля на широкія,
На тыи лужка на зеленыи,
Ай о матушку-ль о Почай рѣку.
Тутъ стоитъ ли силушка несмѣтная,
А несмѣтна сила непомѣрная,
Въ три часу́ сѣру́ волку́ да не обска́кати,
Въ три часу ясну соколу да не обле́тѣти.
Осере́дъ-то силы той невѣрнои,
Сидитъ Ту́рченко да богаты́рченко.
Онъ хвати́лъ Турку́ да за желты кудри,
Опустилъ Турку́ да о сыру землю.
Говоритъ калика таково слово:
«Ска́жи Ту́рченко да богатырченко!
«Много ль вашей силы соскопилосе,
«Куда эта сила снарядиласе?»
Отвѣчаетъ Турченко да богатырченко:
— Я бы радъ сказать, да не могу стерпѣть,
— Не могу стерпѣть, да голова болитъ,
— Ай уста мои да запечалились.
— Е соро́къ царей, сорокъ царевичевъ,

— Со́рокъ королей, да королевичевъ.
— Какъ у кажнаго царя царевича,
— Ай у короля да королевича,
— Ай по три́ тмы силы по три тысячи.
— Снарядиласе ужъ сплушка подъ Кіевъ градъ,
— Хочутъ Кіевъ градъ да головнёй катить,
— Добрыхъ молодцо́въ стави́ть ширинками,
— Ай добры́хъ коней да табунами гнать,
— Ай животъ со града вонъ телѣгамы. —
О косты́ль калика подпирается,
Высоко-ль калика поднимается,
Ай повыше лѣсу стоячаго,
Ай пониже облачка ходячаго.
Прискакала каликушка ко городу,
Ай ко славному ко городу ко Кіеву,
Она въ городъ шла да не воротамы,
Она прямо черезъ стѣну городовую,
Нечто лучшу башню наугольнюю.
Становилася калика середь города,
Закричала калика во всю голову,
Съ теремовъ вершочики посыпались,
Ай око́ленки да повалялисе,
На столахъ питья да поплескалисе.
Выходилъ Олешенька поповскій сынъ,
Беретъ па́лицу булатнюю,
Не́ грузну́ю палицу, да въ девяносто пудъ,
Онъ бьетъ калику по головушки,
Каликушка стоитъ не стряхнется,
Его жёлты кудри не ворохнутся.
Выходилъ Добрынюшка Микитиничъ,
Какъ беретъ Добрынюшка черлёный вязъ,
Не грузны́я вязъ, да въ девяносто пудъ [1]),

1) Богатыри всѣ одной силы были.

Онъ бьетъ калику по головушки,
Каликушка стоитъ не стряхнется,
Его жёлты кудри не сворохнутся.
Выходилъ казакъ Илья Муромецъ,
Говоритъ казакъ таково слово:
«Ужъ вы глупы русскіи богáтыри!
«Пошто бьете калику по головушки?
«Еще набъ у калики вíстей спрашивать:
«Куды шла калика, а что видѣла?»
Говоритъ калика таково слово:
— Ужъ я шла, калика, по тыимъ полямъ,
— По тыимъ полямъ, по широкіимъ,
— По тыимъ лужкамъ по зелёныимъ,
— Ай о матушку ли о Почай рѣку.
— Ужъ я видѣла тутъ силушку великую,
— Въ три часу волкý не обскáкати
— Въ три ясну соколу не облéтѣти.
— О серёдки силы великіи
— Сидитъ Турченко богатырченко.
— Я хватилъ Туркý за желты кудри,
— Опущалъ Туркý о сыру землю.
— Скажи, Турченко богатырченко:
— Много ль вашой силы соскопилосе,
— Куда эта сила снарядиласе?
— Ужъ бы радъ сказать, да не могу стерпѣть,
— Не могу стерпѣть, да голова болитъ,
— Ай уста мои да запечалились. —
Говоритъ казакъ таково слово:
«Ай калика перехожая!
«А идёшь ли съ намы во товарищи,
«Ко тыи́ ли силы ко великіи?»
Отвѣчатъ калика перехожая
Старому казаку Илью Муромцу:
— Я иду со вамы во товарищи. —

Садили́сь богатыри́ на добрыхъ коняхъ:
Во первыхъ казакъ Илья Муромецъ,
Во другихъ Добрынюшка Микитиничъ.
Оны съ города ѣхали да не воротамы,
Прямо черезъ стѣну городовую,
Нечто лучшу башню наугольнюю.
Ай каликушка не осталасе,
О костыль она да подпираласе,
А скочила стѣну городовую.
Поѣзжатъ казакъ Илья Муромецъ
Во тую́ ли силу во великую,
Во тую ли силу право́й рукой,
Добрыня Микитиничъ лѣво́й рукой,
Калика шла серёдочкой.
Сталъ онъ своею́ дубиною помахивать,
Какъ куды махнулъ, дакъ пала улица,
Отмахивалъ — переулочокъ,
Прибили всю силу невѣрному.
Обращались ко славному городу,
Ко тому ли городу ко Кіеву,
Скакали черезъ стѣну городовую,
Отдавали честь князю Владиміру:
«Мы прибили силу всю невѣрную».

Записано тамъ же, 6 августа.

208.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

По морю морю морю синему,
По тому по морю по Веряйскому,
По тому по морю по Дунайскому,
Изъ-за того ли острова Кодольскаго,

Бѣжитъ побѣжитъ тридцать кораблей.
Одинъ корабль напередъ бѣжитъ,
Носъ корма по звѣриному,
Бока-ты у его по туриному
И хоботъ-ты мече́ по змѣиному,
И мѣстъ очей было вставлено
По дорогому камню самоцвѣтному,
И мѣсто бровь было кладено
По дорогому соболю заморьскому,
Мѣсто хвоста было повѣшено
По дорогой лисици заморьскія.
О середь корабля стоитъ три терема,
Три терема златоверхіихъ:
Во первомъ те́ремѣ стунчитъ-бунчитъ,
Въ другомъ терему́ шепоткомъ говорятъ,
Въ третьёмъ терему скачутъ и пляшутъ и пѣсни поютъ,
Пѣсни поютъ прикоку́иваютъ.
Тутъ Соловьева дружинушко
Пятьдесятъ молодцо́въ со единыимъ,
Все молоде́цъ молодца́ лучше,
Тутъ самъ Солове́й сынъ Буди́мировичъ
Со́ своей дружиною хороброю.
Онъ говоритъ таково слово:
«Ай же дружина хоробрая!
«Приворачивай къ кру́тому бе́режку,
«Выкиньте сходни дубовыи,
«Дру́гіи сходни серебряны,
«Третьіи сходни мѣди казанскіи».
Говоритъ Соловей таково слово:
«Ай дружина хоробрая!
«Бери дружина золоты ключи,
«Отмыкай дружина кованы́ ларьцы,
«Вынимай-ко камочику зо́лотую,
«Что въ золоти камочика не погнется».

Брала дружина золоты ключи,
Отмыкала дружина кованы ларьци,
Вынимала камочику зо́лотую,
Въ золоти камочика не погнется.
Берётъ онъ подарки великіи,
Иде къ солнышку князю столно-кіевску
Съ этыма подаркамы великима,
Въ этую полату гряновитую,
Крёстъ онъ кладётъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведётъ по учёному,
Бьётъ онъ челомъ, покланяется
На вси на четыре на стороны.
Онъ говоритъ таково слово:
«Ужъ ты солнышко князь столно-кіевской!
«Дай-ко мнѣ мѣста немношечко
«Поставить три терема златоверхіихъ.
«Въ о́дную ноченку во тёмную,
«Во тёмную ноченку въ осённую,
«Къ утру свѣту жить перейти».
— Гдѣ тебѣ мѣсто прилюбится,
— Устрой терема златоверхіи. —
Поклонился Солове́й Будимировичъ
Солнышку князю столно-кіевску.
Онъ говоритъ таково слово:
«Ай же дружина хоробрая,
«Пятьдесятъ молодцовъ со единыимъ!
«Скидывайте платьицо цвѣтное,
«Надѣвайте кожа́ны лосиныи,
«Берите топорики булатніи,
«Поставьте три терема златоверхіихъ,
«Къ утру къ свѣту бы жить перейти».
Въ этую во ноченку во тёмную,
Во тёмную ноченку во осённую,
И молода Забава Путятична

Во тую во ноченку во темную,
Слышала стукъ и громъ она великіи,
Поглянула въ косивчату околенку:
— Что это у насъ не по старому.
— У батюшка въ зеленомъ саду
— Дубья колодья повысѣчена,
— Изъ-за саду вонъ все повы́метано,
— Стоятъ три терема златоверхіихъ. —
Она скоро скочила на рѣзвы ноги,
Чёботы обула на босу носу,
Салопъ одѣвала на одно плечо,
По крылечику спущалась по-легошенько,
По улушкѣ шла по-скорёшенько.
У пёрваго терема послухала,
Въ тоемъ терем̀и стунчитъ-бунчитъ,
Стунчитъ-бунчитъ, щелчитъ-молчитъ,
Тутъ Соловьёва золота казна.
У дру́гаго терема послухала,
Въ друго́мъ терему́ шопоткомъ говорятъ,
Тутъ Соловьёва родна матушка,
Она за́ Соловья Бога́ умаливала.
У третьяго терема послухала,
Въ тоёмъ терему скачутъ и пляшутъ и пѣсни поютъ,
Пѣсни поютъ, прикокуйкиваютъ,
Тутъ Соловьёва дружинушка,
Самъ Солове́й сынъ Буди́міровичъ.
Она прямо идетъ во высокъ терёмъ,
Она крёстъ то кладётъ по писаному,
Поклонъ-тотъ ведётъ по учёному,
Она бьётъ челомъ поклоняется
На всѣ на четыре на стороны,
Со́ловью Буди́міровичу въ собину.
— Ты, молодецъ, есть холостъ не женатъ,
— Я красна дѣ́вица на выда́ваньи. —

Говоритъ Солове́й сынъ Будимíровичъ:
«Всимъ ты мнѣ дѣвица прилюбиласе,
«Однымъ ты мнѣ дѣвица не слюбиласе,
«Сама себя за мужъ просватываёшь».
Говоритъ Соловей сынъ Будимíровичъ:
«А й же дружина хоробрая!
«Сбирайте злаченыи теремы,
«Отъѣдемъ отъ кру́таго берега».

Записано тамъ же, 6 августа.

209.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда же возсіяло солнце красное
На тую ли на землю свято-русскую,
Тогда же воцарился нашъ Грозныя царь,
Грозныя царь Иванъ Васильевичъ,
На ту́ю на землю Свято-русскую.
Тогда же собиралъ онъ почестенъ пиръ.
Вси ли на пиру напивалисе,
Вси ли на пиру похвалялисе:
Умный фастатъ отцемъ матерью,
Безумной фастатъ молодой женой,
Глупой фастатъ добрымъ конемъ.
Говоритъ грозныя царь Иванъ Васильевичъ:
«А вывелъ я измѣну изъ Опского,
«Да вывелъ я измѣну изъ Казаньскаго,
«А вывелъ я измѣну съ Астраканьскаго,
«Да вывелъ измѣну съ Нова́города,
«Да выведу измѣну съ каменной Москвы,
«Всю неправду со святой Руси».
Подъ его подъ ручкой подъ правою,

Сидитъ млады Иванъ тотъ Ивановичъ,
Подъ его подъ ручкой подъ лѣвою,
Сидитъ младый Ѳедоръ Ивановичъ.
Воспроговоритъ Иванъ тотъ Ивановичъ:
— Батюшко Грозныя царь Иванъ Васильевичъ!
— А вывелъ измѣну изъ Опского,
— Да вывелъ измѣну изъ Казаньскаго,
— А вывелъ измѣну съ Астраканьскаго,
— Да вывелъ измѣну съ Нова́города,
— Не вывести измѣну съ каменной Москвы,
— А всёй-то неправды со святой Руси.
— У тебя измѣнщикъ за однимъ столомъ,
— Ѣздилъ по царьству Російскому,
— По тому государьству Московскому,
— Улицу казнилъ онъ десятую,
— Въ де́сятой казнилъ онъ десятаго,
— Больше голову пѣтуньюю,
— Все ерлуки онъ подписывалъ.
— Въ той улицы больше (пѣту́ны не поютъ) [1])
— Въ той улицы больше щепотью не молятся.
— Не могъ вывести измѣны изо Пского,
— Не могъ вывести измѣны изъ Скопскаго
— Не могъ вывести измѣны изъ Казаньскаго,
— Не могъ вывести съ Востраканьскаго,
— Не могъ вывести измѣны съ Нова-города,
— Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы
— Всей неправды со святой Руси. —
Грозно царь роспаляется,
Скочитъ царь на рѣзвы ноги,
Говоритъ ли царь таково слово:
«Ай палачи немилосливыи!
«Берите-тко Ѳедора Ивановича

---

1) Такъ при первоначальномъ сплошномъ распѣвѣ.

«За его за ручки за бѣлыи,
«За его за перстни злаченыи,
«Накиньте камочику черную,
«Бросьте въ телѣгу ордынскую,
«Везите за мать Москву бѣлокаменну,
«На тое болото на Житноё,
«На тую на плаху кровавую,
«Отсѣките измѣнщику голову».
Вси палачи розбѣжалисе,
Вси палачи роскакалисе,
Большой-отъ хоронится за средняго,
Средней-отъ хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго стало да отвѣту нѣтъ.
Грозно царь роспаляется,
Говоритъ ли царь таково слово:
«Ай палачи немилосливыи!
«Берите Ѳедора Ивановича
«За его за ручки за бѣлыи,
«За тыи за перстни злаченыи,
«Накиньте камочику черную,
«Бросьте въ телѣгу ордынскую,
«Везите за мать Москву бѣлокаменну,
«На тое болото на Житное,
«На тую на плашку кровавую,
«Отсѣките измѣнщику голову»
Изъ-за того стола за нижайшаго,
Выходитъ маленькой малютка Скурлатковъ сынъ
Беретъ онъ Ѳедора Ивановича
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни злаченыи,
Накинулъ камочику черную,
Бросилъ въ телѣгу ордынскую,
Повезъ за мать Москву бѣлокаменну,
На тоё болото на Житное,

На тую на плаху кровавую,
Отсѣчь измѣнщику голову.
Молодая Марья Романовна
Скочила она на рѣзвы ноги,
Чобота обула на босу ногу,
Шубу одѣвала на одно плечо,
По крылечку спущалась полегошеньку,
По улушку бѣжала поскорешеньку,
Прямо къ Микиты Романовичу
Во тую полату гряновитую.
Крёстъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведётъ по учоному,
Бьетъ челомъ покланяется,
На вси на четыре на стороны,
Братцу Микиты Романовичу въ собину.
Говоритъ братецъ Микита Романовичъ:
— Что же за чудо за чудное,
— Что же за диво за дивноё,
— Не звана пришла гостья, не приказывана? —
Говоритъ Марья Романовна:
«А й братецъ Микита Романовичъ!
«Потухла свѣча наша мѣстная,
«Закатилось наше красное солнышко,
«Не стало млада Ѳедора Ивановича,
«Увезъ маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ
«На тоё болото на Житноё,
«На тую на плашку кровавую,
«Отсѣкётъ ему буйную голову».
Скочилъ Микита на рѣзвы ноги,
Чоботы обулъ на босу ногу,
Армякъ надѣвалъ на одно плечо,
Шляпу кладывалъ на одно ухо,
Онъ бѣжитъ на конюшню стоялую,
Беретъ добра коня учоного.

Садился на добра коня не сѣдлана,
Ѣде по мать Москвы бѣлокаменной,
Шляпою маше, голосомъ кричитъ:
— Ай же народъ люди добрыи!
— Дайте мѣста немножечко
— Коню пройти, меня провезти,
— Скоро ѣхать за мать Москву бѣлокаменну
— На тоё болото на Житное,
— Ко тыи ко плашки кровавыи,
— Застать любезнаго племянника. —
Увидѣлъ маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ,
Закричалъ Микита во всю голову:
— Ты не ѣшь-ко собака куса сахарня,
— Хоть съѣшь собака, подавишься. —
Повернулъ копье во матушку сыру землю,
Маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ
Самъ падáетъ на вострóй конецъ.
Тутъ Скурлатковы славы́ поютъ.
Подъѣзжаетъ Микита Романовичъ
Къ этой ко плашкѣ кровавыи,
Беретъ нонь любезнаго племянничка
За его за ручки за бѣлыи,
За тыи за перстни злаченыи,
Кладыватъ его подъ правую пазушку,
Везётъ онъ въ полату бѣлокаменну,
Во свой домъ да гряновитыи.
Прошло тому времечки круглой годъ.
Вспомнилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Своего Ѳедора Ивановича,
Сдѣлалъ указы онъ грозныи
По всему по царьству Російскому,
По тому ли государьству Московскому,
Къ этыи обѣдни воскресенскіи,
Къ этыи заутрени Христовскіи,

Шли бы въ платьицахъ опальнiихъ.
Молодой Микита Романовичъ
Надѣваё платьё что ни лучшеё,
Кладываетъ любезнаго племянничка,
Кладываe подъ правую пазушку,
Идётъ онъ къ обѣдени Христовскiи,
Крёстъ онъ кладётъ по писаному,
Поклонъ ведётъ по учёному,
Бьетъ онъ челомъ, покланяется
На вси на четыре на стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ собину:
— Здравствуй грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своима сѣменамы царскима,
— Со своей любезной семеюшкой:
— Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
— Со молодымъ Өедоромъ Ивановичемъ,
— Со молодой со Марьей Романовной! —
Воспроговоритъ царь таково слово:
«Кабы былъ ты не Микита не Романовичъ,
«Отсѣкъ бы тебѣ буйну голову».
Здравствуетъ Микита во второй наконъ:
— Здравствуй Грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своима сѣменамы царскима,
— Со своей любезной семеюшкой:
— Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
— Со молодымъ Өедоромъ Ивановичемъ,
— Со молодой со Марьей Романовной! —
Говоритъ царь таково слово:
«А й же ты Микита Романовичъ!
«Подай скоро Өёдора Ивановича.
«Не подашь ты Өедора Ивановича,
«Отсѣку тебѣ буйну голову».
Молодой Микита Романовичъ
Вынимаетъ Өедора Ивановича

Изъ этыи правыи пазушки.
Говоритъ Грозныя царь Иванъ Васильевичъ:
«А й ты Микита Романовичъ!
«Чимъ тебя буде жаловать
«За твои подарки великiи:
«Города ли тебѣ съ пригородкамы,
«Деньгамы ль золотой казной,
«Али платьицомъ тебѣ цвѣтныимъ,
«Али пожаловать добрымъ конёмъ?»
Отвѣчаетъ Микита Романовичъ:
— Не надо городовъ съ пригородкамы,
— И золота казна у м'ня не тощится,
— Цвѣтное платьё не дёржится,
— Добрые кони не ѣзжены.
— Пожалуй Микитину улицу:
— Кто голову убьё, кто жону уведётъ,
— Въ Микитину отчину зайдетъ, того Богъ проститъ. —

Записано тамъ же, 6 августа.

XXXVIII.

ПАНОВЪ.

Савелiй Кузмичъ Пановъ, съ Куганаволока на Водлозерѣ, 43 лѣтъ; выучился пѣть былины на лѣсныхъ гонкахъ, гдѣ бывалъ въ работникахъ.

210.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

Ай какъ изъ города да изъ Мурома,
А изъ того села Коротяева,
Ай какъ справляется, вооружается,

Ай какъ удаленькой да дородненькой,
Ай какъ дородненькой добрый молодецъ.
Ай нынь какъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ справляется да воружается,
Ай какъ въ тотъ ли во славныи да во Кіевъ градъ,
Ай какъ на тотъ ли онъ на славныи на почестенъ пиръ,
Ай какъ ко солнышку князю Владиміру стольнё-кіевску.
Ай онъ беретъ себѣ да добра коня,
Беретъ бурушка да косматушка,
Ай какъ не сѣдлана добра коня беретъ не уздана,
Ай какъ не уздана беретъ не обкольчужена.
Сталъ онъ бурушка осѣдлывать,
Сталъ косматушка да обкольчуживать:
Ай на главу въ-первы́хъ клалъ лошадиную,
Ай онъ какъ клалъ уздицю тесмяную,
Какъ не ради клалъ красы, басы молодецкою,
Ай ради крѣпости крѣпилъ онъ богатырскою.
Ай на спину-ту клалъ онъ лошадиную
Двѣнадцать потниковъ двѣнадцать войлоковъ,
Ай на верёхъ-то клалъ сѣдёлышко черкальское,
Ай какъ не ради клалъ красы басы молодецкою,
Ай ради крѣпости крѣпилъ онъ богатырскою.
Ай онъ двѣнадцать нынь вязалъ подпруговъ шелковыихъ,
Ай ради крѣпости крѣпилъ-то всё да богатырскою.
Ай какъ подпруги у его сѣделышка да шелковыи,
Ай какъ того шелку ли китайскаго,
Да славнаго того маханскаго.
Ай какъ вѣдь пряжечки нынь были мѣдныи,
Ай какъ той мѣди казанскои.
Ай маханскій шолкъ да не сорвется,
Какъ казанская мѣдь да не ржа́вѣётъ.
Ай стремена булатъ желѣза нынь крѣпкаго не подогнутся,
Ай тутъ не ради красы, басы крѣплёно молодецкою,

Ай ради крѣпости нынь крѣплёно богатырскою.
Ай только вид'ли добраго молодца
Ай на добраго коня вид'ли сядучись,
Ай какъ не вид'ли его удалаго да поѣдучись,
Ай только одна куревка по чисту полю да покỳрила,
Ай какъ отъ буйнаго вѣтрушка нынь зимою снѣгъ завивается,
Ай также тутъ отъ стара́ казака отъ добра коня,
Ай отъ сырой земли песокъ-то къ верху поднимается.
Ай онъ пріѣхалъ нынь на чисто полё къ трёмъ ро́зстанямъ:
Ай нынь какъ первая розстань во Кіевъ градъ,
Какъ другая розстань во Черниговъ градъ,
Ай нынь какъ третья та розстань дорожка прямохожая,
Прямохожая да прямоѣзжая.
Ай только нынь какъ на той пути на богатырской,
Ай какъ на той дорожки прямоѣзжей,
Ай какъ стоитъ тамъ сила ратищё да великая.
«Ай мнѣ не честь хвала молодецкая,
«Какъ мимо силушку да проѣхати,
«Ай не побиться мнѣ не пораниться,
«А на бою-то мнѣ стару казаку да смерть не писана».
Ай какъ стоитъ тамъ сила великая,
Ай стоятъ пановья да улановья,
Ай какъ поганыи да татаровья.
Ай онъ пріѣхалъ ко той ко силы ко ратищу,
Ай сходилъ вѣдь онъ со добра коня,
Ай енъ какъ палъ коню во праву ногу:
«Ай ужъ ты бурушко мой косматушко!
«Ай пособи-тко мнѣ, помоги-тко мнѣ,
«Ай какъ побиться мнѣ какъ пораниться
«Ай со пановьямы со ула́новьямы,
«Ай со поганыма со тата́ровьямы».
Ай пошолъ его добрый конь какъ ясёнъ соколъ.
Ай тутъ вѣдь старъ казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ

А ёнъ какъ рвалъ сыры́я дубъ да крякно́вистый,
Ай воротилъ онъ дубъ изъ сырой земли со каменьямы со кореньямы,
Ай сталъ онъ тутъ сыры́мъ дубомъ да крякно́вистымъ помахивать,
Ай его добрый конь сталъ по силушки тутъ поскакивать.
Ай куды дубомъ махнетъ, падетъ силы улица,
Перемахнетъ — переулочекъ.
Ай колько самъ-то бьётъ, вдвое конь топчётъ,
Ай какъ прибилъ онъ силушку до единаго,
Ай не оставилъ онъ ни единаго да тутъ во живности.
А ёнъ пріѣхалъ ко городу ко Чернигову.
Ай во то̀мъ во городи во Чернигови,
Ай во стѣны ворота призаперты,
Ай у воротъ крѣпки сто́рожа да поставлены,
Ай стоятъ сильніи да могучіи да бога́тыри.
А ёнъ вѣдь тутъ да у сильніихъ у могучіихъ да у богатырей,
Да ёнъ не спрашивался, не докладывался,
Ай ёнъ направилъ добра коня черезъ стѣночку городовую,
Ай какъ махнулъ его добрый конь черезъ тую стѣну городовую,
Ай какъ котора стѣна высотой-то была двѣнадцать сажеей печатніихъ,
А ёнъ заѣхалъ тутъ да въ Черниговъ градъ,
А ёнъ пріѣхалъ тутъ ко Божьёй церквы,
Ай ко тому ли Ивану великому.
Ай во Божьёй церквы стоятъ тутъ люди Богу молятся,
А ёны каются, пріобщаются,
Ай какъ со бѣлыимъ свѣтушкомъ да прощаются.
А ёнъ пришолъ тутъ во славныи да великой храмъ,
А ёнъ какъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Ай во-первыхъ клонился Спасу образу,
Ай во-дру́гихъ кло́нился Божьей матери,

А й во третьихъ покло́нился онъ тутъ всему́ міру.
«А й ужъ вы здравствуйте, купци да Черниговци вельможи богатыи,
«А й ужъ вы сильніи могучіи да здравствуйте бога́тыри,
«А й ужъ вы вси поляницы [1]) здравствуйте да удалыи!
«А й вы объ чемъ тутъ нынь-же каяетесь да причащаетесь,
«А й вы зачѣмъ же со бѣлымъ свѣтомъ прощаетесь?»
А й говорили тутъ вси купци вельможи богатыри,
Какъ вси сильніи могучіи бога́тыри,
А й отвѣчали поляници удалыи:
— А й мы объ томъ вѣдь каемся причащаемся,
— А й для того со бѣлымъ свѣтомъ прощаемся, —
— А й обступила насъ сила великая,
— А й наступаютъ на насъ пановья да улановья,
— А й какъ поганыи да татаровья. —
А й говорилъ тутъ вѣдь батюшко да старо́й казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
«А й вы идите-тко да на славну стѣну городовую,
«А й посмотрите-тко на чисто поле,
«Нынь на тую силу великую».
А й выходили купци бояра вельможи богатыри,
А нынь какъ вси сильніи могучіи да богатыри,
А й нынь какъ вси выбирались поляницы удалыи,
А й какъ смотрѣли во чисто поле на тую силу великую.
А гдѣ стояли пановья да улановья,
А й какъ поганыи да татаровья,
А й тутъ только на томъ поли да на чистоёмъ
А й какъ остались знамена стоять да не руськіи,
А й какъ осталось знамянъ многи́мъ много́ да многёнинько,
А й во темномъ лѣсу какъ стои́тъ знамянъ,
Какъ ровнымъ много какъ лѣсу су́хого.

1) Дѣвици богатырицы.

А й какъ народу тутъ прибито приранёно,
А й какъ приранено да привалено,
Будто въ лисяхъ какъ нива присичена.
А й оны вси ему какъ низкимъ низко кланялись.
— А й ты удаленькой да дородненькой,
— А й какъ доро́дненькой доброй молодецъ,
— А й ужъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— А й Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
— А й хоть у насъ ты въ гради Чернигови
— А й хоть князёмъ живи, хоть королёмъ живи,
— А хоть живи барпномъ а хоть хрестьяниномъ.
— А занимай себѣ три мѣста любымыихъ:
— А й ужъ какъ первое мѣсто супротивъ Ивана Великаго,
— А й какъ другое мѣсто середь рынку-то нашего столичнаго,
— А й вѣдь какъ третье мѣсто гдѣ думаешь. —
А й вѣдь какъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
А й вѣдь какъ только у ихъ онъ спрашивалъ,
А й вѣдь какъ только онъ тутъ сказывалъ:
«А й не живу я у васъ ни барпномъ, ни крестьяниномъ,
«А й вы скажите мнѣ про ту дорожку прямохожую,
«А й вы скажите мнѣ про ту дороженку да прямоѣзжую».
А й какъ сказали оны ему про дорожку прямохожую,
А й какъ сказали оны ему про прямоѣзжая:
— А й прямоѣзжая дороженка до Кіева одна тысяча,
— А й какъ окольная дороженка есть двѣ тысячи.
— А только не ѣзди по той дорожки прямохожею,
— А й какъ не ѣзди по той прямоѣзжею:
— А й какъ на той дорожки прямохожею,
— А й какъ на той дорожки прямоѣзжею,
— Да есть три за́ставы да великіихъ:
— А нынь какъ первая за́става го́ра крутая,
— А й какъ вторая-та за́става широка́ рѣка мать Смородина.

— А й въ ширину рѣка она въ шесть же вёрстъ,
— А за рѣкой живётъ тамъ разбойничекъ,
— А й по названьицю живётъ Соловьюшка,
— А вѣдь какъ тая птица рахманная.
— А только нынь по той пути по дороженки,
— А й какъ вѣдь тридцать лѣтъ никто да не хаживалъ,
— А й на добромъ кони никто туда не проѣзживалъ. —
А вѣдь какъ только старъ казакъ у ихъ выспрашивалъ,
А вѣдь какъ только Илья Муромецъ вывѣдывалъ.
А й ёнъ садился нынь на добра коня,
А ёнъ поѣхалъ по той дорожки прямохожею,
А енъ поѣхалъ нынь по прямоѣзжею,
А ёнъ пріѣхалъ ко первою ко заставѣ.
А й какъ пріѣхалъ онъ ко крутóй горы,
А й какъ поднялся его добрый конь отъ сырой земли,
А й какъ поднялся конь какъ ясёнъ соколъ,
А й ёнъ повыше вѣдь лѣсу стоячаго,
Какъ пониже облачка ходячего, —
А й переѣхалъ тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
А й переѣхалъ онъ пéрву заставу,
А й переѣхалъ онъ гору высоку,
А й пріѣзжаетъ онъ ко второй заставы ко быстрóй рѣки,
А й какъ ко матушки ко Смородины.
А на быстрóй рѣки нѣтъ ни мостику, нѣтъ ни плотику,
Да не прибиралъ онъ тутъ мелка мѝстеця,
А ёнъ какъ билъ кóня по тучнымъ ребрамъ,
А й какъ махнулъ его добрый конь какъ ясёнъ соколъ,
А черезъ тую онъ махнулъ черезъ рѣку Смородину,
А й подъѣзжаетъ онъ къ третьей заставы,
А й ко тому ли къ дому Соловьиному,
А й какъ сидитъ Соловеюшко да разбойничекъ,
А по названьицу Птица Рахманная,
А й какъ сидитъ-то на семи дубахъ да на крякнóвистыхъ.

А й ёнъ беретъ тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Да онъ беретъ съ плеча нынь тугíи лукъ да разрывчатой,
А й кладыва́ётъ на лукъ нынь какъ стрѣлочку калёную,
А ёнъ самъ тутъ какъ стрѣлочки приговаривалъ:
«А й ты лети-тко, стрѣлка каленая, къ Соловеюшку,
«А ты лети къ Соловеюшко во право ухо,
«Вылетай-ко, стрѣлка, во лѣвыи глазъ».
А й покамѣстъ онъ тута стрѣлочку накладывалъ,
А й вѣдь какъ ту́гіи лукъ да направливалъ,
А й какъ вѣдь той порой да ты́мъ временёмъ,
А й засвисталъ Соловей по соловьиному,
А й закрикалъ тутъ Соловеюшко по звѣриному,
А й заздыхалъ Соловеюшко по змѣиному.
А й у стара казака Ильи Муромца сына Ивановича,
А подъ имъ добрый конь на колѣнка палъ,
На колѣнка палъ испугается.
А й только старъ казакъ со добра коня сопущается,
А ёнъ пиналъ коня по тучнымъ ребрамъ:
«А й ужъ ты конь ты конь пеловой[1]) мѣшокъ!
«А развѣ ты не бывалъ вѣдь конь во темномъ лѣсу,
«А развѣ ты не слыхалъ вѣдь здоху змѣинаго,
«А развѣ ты не слыхалъ вѣдь крыку звѣринаго,
«А развѣ ты не слыхалъ вѣдь свисту соловьинаго?»
А й какъ добрый конь да на но́ги всталъ,
А вѣдь какъ тутъ отъ стрѣльбы Соловейко на землю упалъ.
А прiѣзжалъ тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ
А й подъѣзжаетъ онъ тутъ ко Соловьюшку,
А й подымаетъ отъ сырой земли да онъ Соло́вьюшко,
А того ли пресильнёго премогучаго да разбойничка,
А ёнъ вязалъ его Соловьюшко ко сѣдёлышку да ко стре́мену.
А какъ поѣхалъ тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ,

---

1) Пела́ — мякина отъ овса.

А Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А его доброй конь сталъ поскакивать,
Ай Соловеюшко у стре́мена сталъ поплясывать.
А подъѣзжаютъ оны къ тому дому Соловьиному,
А ко тому двору да ко ши́року.
Ай у Соловьюшка дворъ да повыстроенъ,
Да повыстроёнъ дворъ да повы́лаженъ,
Ай на семи столбахъ да на семи верстахъ.
А й только тутъ увидали Соловьиныи какъ дѣточки,
А й говорили оны родной матушки:
— А й государыни наша матушка!
— А й нашъ какъ батюшка ѣдетъ мужика везётъ,
— А й какъ у стремена да привязана. —
А й подходила къ тому окошку косивчату,
Подходила дочь Елена волшебница,
Какъ смотрѣла въ то окошко косивчато.
Какъ во то ли то стеколко хруста́льное.
А й какъ глядѣла она да на улицу,
А й говорила она таково слово:
«А й мои родныи бра́тьица мои се́стрици!
«А й какъ не батюшко ѣдетъ, мужика везётъ,
«А й вѣдь какъ ѣдетъ старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
«А й везётъ нашего батюшка да у стремена нынь привязана».
А й какъ бѣжала Алена волшебница да на широкъ дворъ,
А й какъ хватила она подворотенку полтораста пудъ,
А й какъ хотѣла ударить стара̀ казака Илью Муромца сына Ивановича,
А й прямо въ лобъ ударить межъ ясны очи,
А й какъ вѣдь дать ему разъ да смёртныи.
А й вѣдь на уловочки онъ былъ ловкенькой,
А й увернулся отъ уразу великаго,
А й онъ скочилъ вѣдь тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

А й онъ скочилъ ско́ренько со добра коня,
А й какъ онъ пнулъ то Алену подъ жопищо ото всёго зла,
А й какъ летѣла Алена волшебница черезъ широкъ дворъ,
А й какъ ко заднюю летѣла ко стѣночкѣ,
Да у стѣны-то она плаваётъ окоракою.
А й говоритъ Олена волшебница:
«Да меня чортъ-отъ кинулъ жали́бницю[1]),
«А й какъ не доброй меня сунулъ заступщицю».
А й какъ кричитъ тутъ Алена волшебница своей матушки:
«А й государыни моя матушка!
«Вы насыпьте нынь злата да серебра,
«А й вѣдь какъ скатняго мелкаго жемчугу,
«А й какъ три нынь насыпьте подноса серебряныхъ,
«А й вы дарите стара казака Илью Муромца сына Ивановича,
«А й вы дарите его златомъ да серебромъ,
«Нынь какъ мелкіимъ скатніимъ жемчугомъ,
«А чтобы оставилъ намъ родна батюшка,
«Хоть не ради прокормленьица, а хоть бы ради погляженьица».
А й говоритъ тутъ какъ батюшка старой казакъ Илья Муромецъ:
— А пріѣзжайте нынь во славный Кіевъ градъ,
— Не оставлю я вамъ батюшка на погляженьицо.
— Пріѣзжайте вслѣдъ во Кіевъ градъ,
— А пріѣзжайте вы во Кіевъ градъ на прощеньицо. —
А й только тутъ какъ поѣхалъ нашъ батюшко да старо́й казакъ,
А его добрыи конь сталъ поскакивать,
А й Соловеюшко у стремена сталъ поплясывать.
А й какъ поѣхалъ да удаленькой дородненькой добрый молодецъ,
А й нынь какъ старыи казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

1) Отца жалѣла.

А й какъ во славныи да во Кіевъ градъ,
Какъ ко славному князю Владиміру,
А й какъ на славныи да на почестенъ пиръ.
А й какъ на ту́ пору да на то́ время,
Какъ Владиміра князя стольне-кіевска,
А его при доми́ не случилосе,
Какъ ушелъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
Какъ ушелъ Владиміръ князь во Божій храмъ,
А й какъ ушелъ ко той обѣдени христосскіи.
А й какъ вѣдь тутъ старыи казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А ёнъ заѣхалъ къ Владиміру князю стольнё-кіевску на широкъ дворъ,
А й безъ допросу без докладу заѣхалъ нынь княженецкаго,
И становилъ добра коня посередь двора нынь какъ широка,
А ёнъ вязалъ коня ко тому столбу ко точёному,
А й ко тому ли вязалъ кольцю да къ золочёному.
А походилъ тутъ вѣдь старъ казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Да онъ добру коню тутъ наказывалъ:
— А стой-ко бурушка, стой косматушко,
— Береги нынь бурушка косматушка береги Соловьюшка,
— А й того сильняго могучаго нынь разбойничка. —
А ёнъ еще Соловейку наказывалъ:
— Ты уйдешь Соловейко отъ моего коня,
— А отъ меня ты Соловей ни куда не уйдешь по бѣлу свѣту. —
А й какъ пришолъ тутъ вѣдь батюшко да старо́й казакъ нынь во Божій храмъ,
А й какъ во Божій храмъ да во Божью церкву,
А ёнъ какъ крёстъ кладётъ по писаному,
Онъ поклонъ веде по ученому,
Онъ Владиміру князю тутъ челомъ не бьётъ.
А й отошла тутъ обѣденка да Христосская,

А й какъ пошолъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
А й какъ пошелъ онъ по городу по Кіеву,
Онъ какъ сдѣлалъ тутъ публикацею:
А й чтобы кромѣ Владиміра князя стольне-кіевска,
А й чтобы не были пиры балы да открытыи.
А й какъ выходитъ тутъ со Божьёй церквы
Какъ staро́й казакъ Илья Муромецъ,
А й какъ идутъ тутъ по городу да по Кіеву,
Какъ идутъ тутъ голи кабацкіи пьяницы,
А межу собою они разговариваютъ:
«А что это у насъ у князя нынь да узаконено,
«А й чтобы у его у одного было пированьицо,
«Пированьицо да столованьицо?
«А й какъ вѣдь намъ голямъ да кабацкіимъ,
«Въ кабакахъ не вышло позволеньица
«А й выпить съ горюшка да съ досадушки зелена вина».
А й говорилъ голямъ кабацкіимъ пьяницамъ
Какъ старой казакъ Илья Муромецъ:
— А й погодите голи кабацкіи пьяницы.
— Я отопру кабаки вси питейные,
— Розрѣшу я вамъ выпить зелена вина. —
А й вѣдь какъ самъ-то пошелъ тутъ батюшко нашъ старо́й казакъ,
А й ёнъ вѣдь пошолъ къ тому нынь князю Владиміру,
А й ко тому ли пошолъ ко свѣту ко солнышку,
А й какъ пришолъ къ ему да на почестенъ пиръ,
А й какъ Владиміръ князь ему челомъ не бьётъ,
Какъ челомъ не бьётъ, его не здравствуётъ.
«А ты зачѣмъ идёшь да незваной гость,
«А й какъ незваной гость неприказыванъ?»
А й приказалъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«А й вы вставайте-тко друзья да вы удалы добри молодцы!
«А й вы ведите-тко гостя за бѣлы руки,
«А й какъ за бѣлы руки ведите на широкъ дворъ

«А изъ-за того стола изъ-за дубоваго».
А й какъ ставали два удалыихъ да два молодца,
А ёны брали стара́ казака Илью Муромца
А ёны брали его за бѣлы руки,
А й какъ оны вели его да на ши́рокъ дворъ,
А й ёнъ какъ бралъ на двори свою палицю,
А й свою палицю взялъ булатнюю.
А й какъ кругомъ-то у князя Владимiра́,
А й у того ли у свѣта у солнышка,
А й кругомъ всёй палаты бѣлокаменной,
А й были шарики принавѣшены,
А й принавѣшены да золочёныи,
А тѣмъ полата да была изукрашена,
А обломалъ тутъ вѣдь батюшко да старо́й казакъ,
А й какъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А собиралъ онъ ты шарики во праву́ полу,
А й выходилъ онъ тутъ на улицу съ широка двора,
А й какъ на ту ли на дороженку да на почтовую,
А й на ту улицю да на плано́вую.
Да ёнъ пошёлъ тутъ нынь на царе́въ кабакъ,
А ёнъ собралъ всихъ голе́й пьяницъ кабацкiихъ,
А ёнъ пришёлъ къ кабаку, — въ кабаки вороты приза́перты,
А й крѣпкимъ на́ крѣпко да заложены,
А ёнъ кричалъ своимъ громкимъ голосомъ:
— А й посидѣльщики цѣловальники!
— А й отпирайте-тко да отложайте-тко
— А й нынь какъ славныи да царёвъ кабакъ,
— И со тыма ли со напитками со ра́зныма. —
А отвѣчаютъ тутъ ёму чумаки цѣловальники:
«А й покамѣстъ не изойдутъ строки тому пиру княженецкому,
«А не имѣёмъ мы право отперетъ кабака да запустить тебя».
А й какъ вѣдь только тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,

А й какъ вѣдь столько онъ у цѣловальничковъ тутъ спрашивалъ,
Какъ ударилъ рукою во всѣ двери.
А й какъ на́ разъ тутъ двои трои двери отворилисе.
А ёнъ какъ бралъ своей силою да натурою,
А й бралъ своей силою да натурою зелена вина полтора ведра,
А принималъ то онъ единой рукой,
Да выпивалъ-то онъ тутъ на единый здохъ.
А й какъ скорымъ скоро да скорёшенько,
А й у Владиміра князя стольнё-кіевска,
А й у того ль у свѣта у солнышка,
А й вѣдь какъ тамъ за его да схватилисе.
«А й вѣдь у насъ гость отъ хошь не старъ ли казакъ Илья Муромецъ?»
А й говоритъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
— А й вы дружья братья гости любящи!
— А й вы сходите-тко да провѣдайте,
— А й гдѣ находится тамъståро́й казакъ Илья Муромецъ?—
А й какъ во томъ столы да во дубовоёмъ,
А й какъ всѣ вѣдь си́дятъ во молцаночку.
А й тутъ сидитъ одинъ удалой доброй молодецъ,
А й Скоморохъ сидитъ да Скомороховичъ.
«А й вѣрно надо мнѣ итти ко стару казаку да Ильи Муромцу».
А й вѣрно тутъ удалой доброй молодецъ да справляется,
А й какъ справляется онъ, воружается.
А й какъ скорымъ скоро было на скоро,
А й онъ приходитъ тутъ да на царевъ кабакъ,
А й во которомъ кабаки нашъ-ко батюшко да старо́й казакъ,
А й какъ старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А ёнъ сидитъ-то тамъ пьётъ проклаждается,
А й со тыма со голямы съ кабацкима пья́ницамы.
А й какъ пришолъ тутъ удалой добрый молодецъ,

А й какъ пришолъ Скоморохъ Скомороховичъ,
А й какъ низкимъ низёхонько кланялся,
А й какъ тому ли нынь стару казаку Ильи Муромцу,
А Ильи Муромцу сыну Ивановичу,
А нынь какъ сильнёму могучему да богатырю:
«А й ты пожалуй-ко нашъ какъ батюшко да старой казакъ
«И какъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
«А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Да ты пожалуй-ко да на почестенъ пиръ,
«А какъ ко нашему князю ко Владиміру,
«А й ко тому ли ко свѣту ко солнышку».
А й воспроговорилъ тутъ удаленькой,
Какъ удаленькой да дородненькой доброй молодецъ,
А й нынь какъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
Да Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— А й не иду я на вашъ на почестенъ пиръ.
— А й заведите-тко сызно́ва вы почестенъ пиръ,
— А й какъ не ради вѣдь князя Владиміра,
— А для ради стара́ казака Ильи Муромца,
— А Ильи Муромца сына Ивановича. —
А й завели оны да почестенъ пиръ.
А й какъ пришолъ тутъ батюшко да нашъ старой казакъ,
А й нашъ старой казакъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А й какъ низкимъ они низёхонько ему кланялись.
А какъ вѣдь онъ самъ пришолъ, Соловья привёлъ,
Отвязалъ его да отъ стремена.
А й какъ садились съ Соловеюшкомъ оны рядышкомъ,
А й говорилъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
А й стольне-кіевской, да красно солнышко:
«А ну-тко ты свищи нынь Соловьюшко въ полъ-свисту,
«А й да ты крычи-тко Соловьюшко ровно въ полъ-крику,
«А й да ты здыши-тко Соловьюшко ровно въ полъ-вздоху».
А й говорилъ вѣдь тутъ Соловьюшко да разбойничокъ:

— А й ты послушай-ко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Хоть за твоимъ столомъ сижу да пью да кушаю,
— А только не тебя я Владиміръ князь да нынь слушаю.
— А надо мною есть да нынь большіи братъ,
— А нынь какъ старый казакъ есть Илья Муромецъ.
— А если онъ прикажетъ мнѣ здыхать нынь въ полъ здоху,
— А если онъ прикажетъ мнѣ крыкать нынь какъ въ полъ-крику,
— А если онъ прикажетъ мнѣ свистать нынь какъ въ полъ-свисту. —
А говорилъ тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«А й ты кричи Соловеюшко ровно въ полъ-крику,
«Вѣрно ты здыши Соловьюшко нынь какъ въ полъ-здоху,
«А нынь свищи Соловьюшко ровно въ полъ-свисту».
А й закрикалъ Соловьюшко ровно въ полъ-крику,
А й заздыхалъ Соловьюшко вѣрно въ полъ-здоху,
А й засвисталъ Соловьюшко вѣрно въ полъ-свисту.
А й какъ отъ крику тутъ Соловьинаго,
А й стары те́рема розсыпалисе,
А новы те́рема да пошаталисе.
А й какъ отъ здоху его люди тутъ пужалисе,
А й какъ отъ свисту люди съ пиру да розбѣжалисе.
А й какъ вѣдь бралъ тутъ Соловьюшка старо́й казакъ,
А й какъ вѣдь какъ бралъ его за бѣлы руки,
А й выводилъ зъ-за стола зъ-за дубоваго,
А й какъ вѣдь свёлъ Соловеюшка въ тёмны погреба,
А й въ темны́ погреба да во глубокіи.
А й вѣрно тутъ Соловеюшку да славы́ поютъ,
А й только тутъ Дунай Дунай да ничего не знай.

Запис. на р. Черевѣ, 8 августа.

211.

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША.

Начало этой былины Пановъ пѣлъ совершенно сходно съ предъидущимъ сказителемъ. Послѣ отвѣта Настасьи Алешѣ Поповичу, что онъ не былъ въ чистомъ полѣ, а былъ съ собаками на за́дворкѣ, Пановъ продолжалъ:

А й какъ пошолъ тутъ Алёшенька да Поповскій сынъ,
А й онъ пошолъ ли тутъ ко князю Владиміру,
А й ко тому ли свѣту ко солнышку,
А й на совѣтъ пошолъ думы крѣпкіи.
«А й ты послушай-ко пашъ батюшко какъ Владиміръ князь!
«А й пособи-тко мнѣ, помоги-тко мнѣ,
«А мнѣ повысватать нынь молодой жены,
«Той Настасьи ли свѣтъ Викуличной.
«А й вѣдь она надо мною нынь надсмѣхается,
«А й какъ она надо мною нынь да надрыгается.
«А й напишите вы указы престрогіи,
«А й нынь какъ тѣ манифесты да немилосливы:
«А й чтобы въ городи да во Кіеви,
«А й чтобы не́ были жоны безмужніи,
«А й чтобы не́ жили люди безпашпортныи.
«А если найдутся жоны безмужніи,
«А й найдутся люди да безпашпортныи,
«А й высылать ихъ изъ города да изъ Кіева,
«А й высылать ихъ на чужу на да́льнюю на сторону,
«А ихъ лишать государевой своей вотчины».
А й какъ писали указы престрогіи,
А й нынь какъ тѣ манифесты немилосливы,
А й розсылали по городу да по Кіеву,
А й нынь какъ вси ты люди безпашпортныи убоялисе,
А й молодыи жоночки перепалисе,

А й какъ со той со страсти со ужасти.
А й какъ пошла свѣтъ Настасья Викулична,
А й какъ пошла за Алёшеньку во замужество.
А й какъ скорымъ-скоро было на скоро,
А нынь какъ красное солнышко да на вечери,
А й у Алёшеньки пиръ да на весели.
А й тутъ не за́ триста, за три тысячи,
А й тутъ у той ли рѣки у Смородины,
А й какъ стоитъ тамъ шатёръ бѣлополотняной,
А й во шатры спитъ удаленькой
И какъ дородненькой добрый молодецъ,
И молодой Добрынюшка Микитичъ-отъ.
А его добрый конь стоитъ не ѣстъ не пьётъ да не кушаётъ,
А какъ не зоблетъ пшена да бѣлоярова,
А й призадумался, запечалился,
А й какъ о той незгоды великіи.
А ёнъ какъ бьётъ копытомъ лошадинымъ,
А й какъ о матушку бьётъ о сыру́ землю.
А й какъ сыра́я земля подъ шатерикомъ потряхается,
А только тотъ шатёръ бѣлополотняной колыбается,
А й ото сна тутъ удалой доброй молодецъ пробуждается,
А молодой-то Добрынюшка да Микитинъ сынъ;
А ёнъ какъ сталъ тутъ поскорёшенько,
А ёнъ умылся тутъ да бѣлёшенько,
А ёнъ пиналъ коня по тучнымъ ребрамъ.
— А й ужъ ты конь мой конь пеловой мѣшокъ,
— Пеловой мѣшокъ да нынь же волчья сыть!
— А ты ужъ что стоишь да не пьешь, не ѣшь, да не кушаёшь,
— А й ты скажи-тко каку незгодушку вѣдаёшь,
— А надъ собой ли нынѣ, надо мной ли нынь? —
А й какъ заржалъ тутъ добрый конь по конину,
Только тутъ же конь проговорилъ по человѣчьему:
«А ты послушай-ко вѣдь какъ мой сѣдакъ,

«А вѣдь какъ мой сѣдакъ, я какъ твой возакъ,
«Только у насъ нынь Добрынюшка сынъ Микитичъ-отъ,
«А й какъ у насъ-то дома не по старому,
«А й какъ у насъ-то дома не по прежному:
«А какъ твоя молода жена свѣтъ Настасья Викулична,
«А й какъ пошла она во замужество,
«А й не съ охвотушки да съ неволюшки,
«А й за того ли Олёшу Поповича,
«А за того ли твоего нынь брата крестоваго».
А й вѣдь только Добрынюшка у добра коня вѣдь спрашивалъ,
Вѣдь какъ только онъ у добра коня да вывѣдывалъ,
А ёнъ садился тутъ на добрá коня,
А поднимался ёго добрый конь да отъ сырой земли,
А й ровно онъ полетѣлъ какъ ясёнъ соколъ,
А й повыше онъ лѣсу стоячаго,
А й какъ пониже поѣхалъ облачка ходячего.
А й какъ пріѣхалъ во славныи да во Кіевъ градъ,
А какъ ко той ли полаты пріѣхалъ бѣлокаменной,
Къ своему ли дому да къ широку двору.
А во тоемъ широкомъ двори ворота призáперты,
А й да крѣпкимъ нá крѣпко да заложены.
А й какъ стучится Добрынюшка да колотится,
А й какъ у тѣхъ воротъ да у широкіихъ
А ёнъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«А й государыни моя матушка,
«А й ты честна вдова Намельфа Тимофеевна!
«А й если есть ты нынь да во живности,
«А й отопри ворота широкіи,
«А й ты пусти-тко Добрынюшку меня на широкъ дворъ».
А й какъ кричитъ старуха громкимъ голосомъ,
А й на печи кричитъ она на печномъ столби:
— А й отойдите вы голи кабацкіи пьяници,
— А й отъ моихъ воротъ да отъ широкіихъ.

— А й какъ не вамы вороты устроены,
— А й не для васъ ворота улажены.
— А й кабы былъ Добрынюшка да во живности,
— Дакъ не досугъ бы вамъ надо мною нынь насмѣхатисе.—
А какъ соходила старуха со той ли печи кирпички,
Соходила она да на кирпиченъ полъ,
А й какъ подъ то окошечко косивчато,
Какъ глядѣла во то стеколко хрустальнёё,
А й какъ глядѣла она прямо на улицу,
На улицу да на бѣлой свѣтъ,
А й на того на удалаго на дородняго,
На дородняго да добра молодца,
А на своего на Добрынюшку Микитича.
А й не узнала Добрынюшки своего Микитинича,
А послѣ той поѣздки да богатырскою,
Не узнала его да во бѣло лицё.
А й говорила старуха та престарая да предревная:
— А й ты удаленькой да упаленькой,
— А й ты дородненькой доброй молодецъ!
— Ты какой орды да ты какой земли,
— А й какого отца какой матушки? —
А й какъ кричалъ тутъ Добрынюшка громкимъ голосомъ,
А ёнъ кричалъ ей вѣдь тутъ второ́и разъ:
«А что жъ ты нынь не узнала меня матушка,
«А й ты честна вдова Намельфа Тимофеевна!
«А й что же ты не узнала меня во бѣло лицё?»
А й говорила намѣсто старуха престарая:
— А й потому не узнала я тебя удалой доброй молодецъ,
— А й потому не узнала да во бѣло лицё.
— А й какъ у мня Добрынюшка былъ отпущенъ бѣлы́мъ бѣло,
— Какъ бѣлы́мъ бѣло́й да бѣлёшенёкъ,
— А й какъ бѣлёшенёкъ румянёшенёкъ. —
А й говорилъ намѣсто Добрынюшка сынъ Микитичъ-отъ:

«А й государыни моя матушка,
«А й вѣдь честна вдова Намельфа Тимофеевна!
«А й вѣдь какъ ѣздилъ я во той пути богатырскою,
«А я вѣдь въ той поѣздки ѣздилъ молодецкою,
«А й у мня бѣлое личушко да вѣтрамы завѣяло,
«А й красоту во мнѣ краснымъ солнышкомъ да зажарило,
«А цвѣтно платьё у мня нынь дождями повыбило,
«А й какъ о темны лѣса платьё да повырвало,
«А й пуховую шляпу сучьямы повырвало.
«А й ты гляди-ко только на благословлящій крёстъ,
«А й какъ которымъ крестомъ благословила ѣхати во ту́ю путь,
«А какъ во тую путь богатырскую,
«Да какъ во ту поѣздку молодецкую.
«А й ты еще гляди на втору́ примѣточку на злачонъ перстень.
«А й мы когда съ своей женой съ Настасьей Викуличной,
«А й мы когда съ ей да вѣнчалисе,
«А именнымъ перстнёмъ обручалисе».
А вѣдь какъ тутъ старуха срадовалась,
А какъ тутъ она да испужаласе;
А какъ бѣжала старуха на широкъ дворъ,
А й отпирала ворота широкіи,
А й какъ пустила Добрынюшку заѣхати да на широкъ дворъ,
А какъ заѣхалъ Добрынюшка да на широкъ дворъ.

(Конецъ сходно съ предъидущею былиною, № 206).

Запис. на Заволочьѣ, 8 августа.

XXXIX.

ѲЕДУЛОВЪ.

Павелъ Антоновичъ Ѳедуловъ, крестьянинъ 40 лѣтъ, родомъ съ Великострова на Водлозерѣ, теперь живетъ въ дер. Бостиловѣ. Зналъ нѣсколько былинъ, которымъ выучился отъ стороннихъ людей; многое забылъ вслѣдствіе продолжительной горячки, отъ послѣдствій которой доселѣ еще не оправился.

212.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Старыи казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Поѣзжаетъ онъ во далечо далечо чисто поле.
Поѣзжаетъ онъ прямохожею,
Прямохожею дорожкой прямоѣзжею,
Черезъ тотъ ли черезъ градъ черезъ Черниговской,
Черезъ тую грязь да черезъ Черную,
И ко стольнему ко городу ко Кіеву,
И ко ласкову князю ко Владыміру.
И ужъ ѣдетъ черезъ градъ черезъ Черниговской,
Ужъ онъ спрашиватъ у старичковъ у черниговскихъ:
«И куды мнѣ-ка попасть эттá будетъ
«Прямохожою дорожкой прямоѣзжою,
«Черезъ тотъ ли черезъ градъ черезъ Черниговской,
«Черезъ тую грязь да черезъ Черную,
«Черезъ тую рѣчку да Смородину?»
Говорятъ тутъ старички тыи черниговскіи:
— Еще тридцать лѣтъ дорожка заколодѣла,
— Заколодѣла дорожка задубровѣла.
— Тамъ сидитъ на той дорожкѣ Соловей разбойничокъ,

— Енъ сидитъ тутъ да есть на трехъ дубахъ.
— Какъ вѣдь пѣшому тутъ нѣтъ проходища,
— Лошадиному вѣдь нѣту тутъ проѣздища,
— И вѣдь птицы нѣту тутъ пролетища. —
Какъ поѣхалъ тутъ вѣдь да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ужъ онъ ѣдетъ черезъ градъ черезъ Черниговской.
Ужъ какъ въ томъ ли гради во Чернигови,
Тутъ вѣдь стоитъ ли́ вѣдь войско несмѣточно.
Ужъ онъ поѣхалъ тутъ по́ рать силы великіи,
Ужъ онъ нѣколько тутъ вѣдь бьетъ да на отмашину,
Ужъ онъ только больше да конёмъ топчётъ.
Ужъ перебилъ онъ ту рать силу великую.
Ужъ какъ выходятъ старички тутъ черниговски:
«А й же ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
«Ты живи-тко у насъ полны́мъ хозяиномъ:
«Золота тебѣ казна не запрещоная,
«Ужъ что тебѣ угодно то и со́творяй».
— Ужъ мнѣ не надоть ли вѣдь вашой золотой казны,
— У мнѣ золотой казны безсчетныи́ тутъ есть.
— Только покажите мнѣ дорожку прямохожую,
— Прямохожую дорожку прямоѣзжую. —
Ужъ поѣхалъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ужъ онъ ѣдетъ-то мимо то Соловьиное гнѣздышко.
Ужъ какъ сидитъ-то Соловей тутъ разбойничекъ,
Ужъ сидитъ-ли тутъ на трехъ дубахъ,
Засвисталъ тутъ Соловей разбойничокъ,
Засвисталъ тутъ Соловей по змѣиному,
Закричалъ злодѣй онъ по звѣриному.
Ужъ его добрый конь упалъ на колѣночка,
Говоритъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ужъ не слыхалъ ли развѣ свисту Соловьиного,

— Аль ты крику змѣинаго? —
Ужъ натягалъ онъ тутъ лукъ да калену стрѣлу,
Ужъ онъ стрѣлялъ Соловья тутъ розбойничка,
Ужъ онъ стрѣлялъ его да во правыи глазъ.
Вылетѣла ёго стрѣлка во лѣво ухо,
Ужъ повалился Соловей да тутъ розбойнпчокъ,
Ужъ онъ съ трехъ дубовъ какъ овсяной снопъ,
О сыру землю.
Ужъ онъ привязывалъ Соловья да тутъ розбойничка,
Ужъ ко булатніи ужъ онъ ко страмены.
Ужъ онъ ѣдетъ мимо то Соловьитое гнѣздышко,
Ужъ какъ глядятъ его рожоныи дѣтушки;
«А й же ты родитель наша матушка!
«Ужъ какъ ѣдетъ нашъ да тутъ батюшко,
«Везетъ голову да человѣчьюю,
«А й другу везетъ да лошадиную».
И какъ глядитъ его родитель та матушка:
— А й же вы рожоны мои дѣтушки!
— Какъ не батюшко везетъ да голову человѣчьюю,
— А й другу везетъ да лошадиную,
— Только вашъ есть батюшко у булатніи ёнъ у стремены.—
Ужъ какъ проѣзжаютъ оны къ Соловитому-то гнѣздышку,
Онъ прибилъ то Соловитое-то гнѣздышко.
Ужъ онъ ѣдетъ тутъ ко городу ко Кіеву,
А й ко ласкову князю ко Владыміру,
Ужъ пріѣзжаетъ онъ ко городу ко Кіеву,
Пріѣзжаетъ онъ ко князю Владыміру,
Пріѣзжаетъ тутъ на широкъ дворъ,
Ужъ онъ приходитъ тутъ во гридню во столовую.
Говоритъ тутъ Владыміръ князь столно-кіевской:
«А й же ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
«И ты которой же вѣдь ѣхалъ дорожкою:
«Прямохожею ли дорожкой, ли окольною?»
— Ужъ я ѣхалъ вѣдь дорожкой прямохожею,

— Прямохожею дорожкой прямоѣзжею,
— Ужъ мимо того Соловья да розбойничка. —
Ужъ говоритъ тутъ Владымiръ князь столно-кiевской:
«Ужъ какъ у насъ на той дорожки прямохожею,
«Какъ тутъ сидитъ Соловей да розбойничокъ:
«Ужъ какъ пѣшому нѣту проходища,
«Лошадиному нѣту проѣздища,
«И вѣдь птицы нѣту тутъ пролетища.
«Ужъ какъ сидитъ тутъ Соловей да розбойничокъ».
Ужъ говоритъ тутъ вѣдь ёнъ да таково слово
Еще старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ужъ Соловей да розбойничокъ,
— Ужъ у меня онъ на бѣломъ двори,
— У булатнiи онъ у стремены. —
Ужъ выходилъ тутъ Владымiръ князь столно-кiевской,
Ужъ онъ выходилъ тутъ да на бѣлой дворъ,
Самъ онъ говорилъ да таково слово:
«Еще а й ты Соловей да розбойничокъ,
«Засвищи-тко ты вѣдь свистомъ соловьиныимъ,
«Закрычи-тко ты злодѣй да по змѣиному».
Говоритъ тутъ Соловей да розбойничокъ:
— Еще ай же ты Владимiръ столно-кiевской!
— Ужъ не твоё я вѣдь ѣмъ пью да вѣдь кушаю,
— И не тебя я буду и слушати.
— У кого ѣмъ пью да я кушаю,
— Дакъ того я буду и слушати. —
Ужъ какъ приходитъ Владымiръ столно-кiевской:
«Ужъ ты старыи казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
«Ты заставь-ко засвистать Соловья по соловьиному,
«Закричать тутъ злодѣя по змѣиному».
Какъ выходитъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
Ужъ онъ выходитъ тутъ на бѣлой дворъ,

Ужъ онъ говоритъ Соловью да разбойнику:
— Еще ай ты Соловей да разбойничокъ:
— Засвищи-тко Соловей по соловьиному,
— Закричи злодѣй да по змѣиному. —
«А й же старыи казакъ Илья Муромецъ!
«Ужъ какъ дай-тко мнѣ головушку лошадиную
«Ты купи-тко зелена вина полтора ведра».
Ужъ выпивалъ ёнъ тутъ чару зелена вина,
Зелена вина полтора ведра,
Ужъ выпивалъ онъ чару на единой духъ,
Ужъ онъ самъ онъ говоритъ таково слово:
«Еще старыи казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Еще какъ мнѣ-ка́ да буде засвистать:
«Еще въ полъ-свиста алѝ во цѣлый свистъ?»
Говоритъ тутъ старыи казакъ Илья Муромецъ;
— Засвищи-тко Соловей да разбойничокъ,
— Закричи злодѣй по змѣиному,
— Засвищи ты хоть тутъ въ полъ-свиста. —
Ужъ засвисталъ тутъ Соловей да разбойничокъ,
Засвисталъ онъ свистомъ соловьиныимъ,
Закричалъ злодѣй да по змѣиному.
Какъ во томъ во царстви во Кіеви
Ужъ вси околенки да порозсыпались.
Ужъ говоритъ тутъ Владыміръ столно-кіевской,
Столно-кіевской да князь Владымірской:
«А й же ты старыи казакъ Илья Муромецъ:
«Ты уйми-тко Соловья́ свиста́ть розбойника,
«Ты уйми-тко свѝстать свистомъ соловьиныимъ,
«Да кричать злодѣя по змѣиному».
Ужъ какъ тутъ вѣдь старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Ужъ натягалъ ёнъ лукъ калену стрѣлу,
Калену́ю стрѣлочку розстрѣльчату,

Ужъ тугіи лукъ да ёнъ розрывчатой,
Ужъ застрѣлилъ тутъ Соловья да разбойничка.
И тутъ ёму да ёнъ вѣдь смерть придалъ.

Запис. на Водлозерѣ, 5 августа.

213.

ДЮКЪ.

А изъ Волынца города изъ Галичи,
А изъ той Корелы пребогатыи,
А исправляется да воружается
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ,
Ко стольнёму ли городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владыміру.
«И у миня во Кіеви дă не бывано,
«А й Владиміра въ очи дă не видано».
И онъ приходитъ къ своей родители матушки:
«Ужъ ты свѣтъ родитель моя матушка,
«А й честна вдова Офимья Тимофеевна!
«Дай прощеньицо да бласловленьицо
«Съѣздить ко городу мнѣ-ка ко Кіеву,
«Ко ласкову князю ко Владыміру.
«У меня есте во Кіеви дă не бывано,
«А й Владиміра да въ очи дă не видано».
И говоритъ ёго свѣтъ родитель матушка,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна:
— Молодой боярской Дюкъ Степановичъ!
— У тебя есте умокъ тотъ молодёшенёкъ,
— Самъ не въ полноёмъ ты большомъ возрасти.
— Когда будёшь въ городи во Кіеви,
— У ласкова ты князя у Владиміра,
— Ужъ ты самъ собой дă не росхвастайся,

— Не житьемъ бытьемъ да не богачествомъ,
— А й не силушкой своёй богатырьскіи,
— А й не храбростью да молодецкіи.
— Много въ Кіёви есте богатырей,
— Много тамъ сильніихъ да очень могучіихъ. —
Бласловила свѣтъ его родитель тутъ матушка,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна.
А й пошелъ боярской Дюкъ Степановичъ,
А й онъ выходитъ на конюшню на стоялую
И говоритъ своимъ да малымъ конюхамъ:
«А й же вы мои да малы конюхи!
«Вы сѣдлайте-уздайте моего коня,
«Моёго вы маленькаго бурушка.
«Кладьте вы потнички да вы на потнички,
«А й на потнички кладите вы войлочки,
«А й на войлоцки кладьте сѣдёлышко.
«Ужъ вы то кладите сѣделышко черкальское,
«Подпруговъ кладите вы до двѣнадцати,
«До двѣнадцати подпруговъ шолковыихъ,
«А й того ль кладьте шолку Шаматиньскаго.
«Ужъ вы пряжочки кладите мѣдныи,
«Дорогіи мѣди вы сибирскіи.
«А й шпенёчики кладьте булатьніи,
«Дороги булату вы дă заморскаго».
Самъ пошолъ боярской Дюкъ Степановичъ
Ко заутренки пошолъ христосскіи,
И отстоялъ заутрену христосскую.
Онъ выходитъ Дюкъ да со Божьей церквы,
Отъ тыи заутрены отъ христоскіи,
Набъ поспитъ къ обѣденки христосскіи
И ко стольнёму городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владыміру.
Ёнъ приходитъ Дюкъ да къ свóёй матушки,
Во свою ль ёнъ полатушку бѣлокáменную,

Ёнъ со матушкой своёй прощается,
А й выходитъ Дюкъ тутъ на широкъ дворъ,
И толь садился ёнъ дă на добра коня.
Енъ поѣхалъ тутъ да во городъ Кіевъ-онъ,
Черезъ тую стѣну городовую,
Черезъ тую башну что да не бóльшую.
Какъ пошолъ его добрый конь въ полъ дéрёвца,
Енъ приправилъ коня повыше деревца,
А й повыше деревца стоячаго,
А й пониже онъ облачка ходяцаго.
И розстаяньица было немножечко
Отъ Волыньца города отъ Галичи,
И до стольнёго города до Кіева,
До ласкова князя до Владыміра,
Розстаянья было триста тридцать верстъ.
Переѣхалъ боярской Дюкъ Степановичъ,
Пріѣзжатъ къ стѣны онъ бѣлокаменной.
Ужъ ёнъ не спрашивалъ у дверей придверничковъ,
У воротъ не спрашиватъ приворотничковъ,
Прямо ѣдетъ черезъ стѣну городовую,
Черезъ тую башню что да не большую.
Пріѣзжатъ ко гриденки столовыи,
А й ко столбику да ко точёному,
А й къ колецушку да къ золочёному.
Насыпалъ пшонá ёнъ бѣлоярова,
Самъ приходитъ ёнъ да во гридню во столовую,
Ужъ енъ крестъ кладётъ да по писáному,
А й поклонъ ведётъ да по учéному,
И поклонился на вси четыре стороны,
А й Владыміру князю въ особину.
Отстояли обѣдёнку христосскую,
А й пошолъ Владыміръ князь стольно-кіевской
Отъ обѣдёнки да отъ христосскіи.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Ужъ онъ вслѣдъ идётъ всё не останется,
И самъ онъ говоритъ да таково слово:
«А й же ты Владыміръ столно-кіевской!
«А й велика славушка шла про Кіевъ градъ,
«Про тобя Владыміръ князь столно-кіевской.
«Поцему́жъ у васъ улушки есть грязныи,
«Какъ измаралъ я свои чоботы дорожныи?
«Во моемъ во городи во Галичи,
«У моёй свѣтъ-родители дă у матушки,
«У честной вдовы Офимьи Тимофеевной,
«У ёй мости́чки стланы калёныи,
«По мостамъ стланы сукна одинцовыи,
«По сукнамъ песочики посыпаны,
«Не измараешь чоботовъ своихъ дорожныихъ».
И говорятъ ёго тутъ князья бо́яра,
И говорятъ сильни́ могуціи богатыри:
— А й же ты Владыміръ столно-кіевской,
— Столно-кіевской ты князь владымірской!
— А й не Дюкъ идётъ да тутъ Стёпановичъ,
— А идётъ мужикъ тутъ деревенщина,
— Деревенщина да пустохвастина. —
Какъ подходятъ ёны къ гриденки столовыи,
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ
Ужъ онъ вслѣдъ идётъ самъ не останется,
И богатырьско ёго сердцо росходилосе,
Молодецка кровь въ ёмъ розыграласе.
Енъ началъ пло́тнымъ-плотно поступывать,
И дубово крылечко подгибается,
И мостовининки вси да ломаются,
А й стекольча́ты сини ходуномъ ходятъ.
Тутъ говоритъ Владыміръ стольне-кіевской:
«Ужъ вы глупыи мои князья бояра,
«Неразумныи дă мои богатыри!
«Не мужикъ идётъ тутъ деревенщина,

«Не мужикъ идётъ да пустохвастина,
«Молодой идё бояринъ Дюкъ Степановичъ».
А й проводя ёго въ гриденку столовую,
А й садятъ ёго во мѣсто въ бо́льшое,
А й во большо́ мѣсто во большо́мъ углу,
И почитаютъ ёго гостя за́ гостя.
И становили ёны столики дубовыи,
Накрывали скатерти шелковыи,
Становили ѣствы тутъ сахарьніи,
Розводили питья тутъ медвяныи,
А й садили за столики его дубовыи,
А й за тыи скатерти шелковыи,
А й во большо́ мѣсто во большомъ углу.
И вси ѣдятъ тутъ пьютъ да веселятсе,
Молодой боярской Дюкъ Стёпановичъ
Ёнъ не ѣстъ не пьётъ да ёнъ не кушаё,
Ёнъ не чимъ болѣ молодецъ не хвастаё.
И говоритъ Владымiръ князь столно-кiевской,
Столно-кiевской да князь владымiрской:
«А й же молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
«Ужъ ты что сидишь не пьешь не ѣшь дӑ не кушаёшь,
«А й нечимъ ты молодецъ боль не хвастаёшь!»
— А й же ты Владымiръ столно-кiевской,
— Столно-кiевской да князь владимiрской!
— Не могу я хлѣба соли вашой кушати.
— И почему же у́ васъ печки-ты кирпичныи,
— А й поме́льца дёржите вы болотнiи,
— И пеките хлибцы вы подгорѣлыи?
— Во моёмъ во городѣ во Галичи,
— У моёй родители дӑ у матушки,
— У честной вдовы Офимьи Тимофеевной,
— У ёй печки-ты есте да муравлены,
— А й помяльца дёржи́тъ она шелковыи,
— А й пекётъ она колачики крупивчаты.

— И какъ колачикъ съѣшь — другого хочется,
— А й какъ другой-отъ съѣшь — по третьеёмъ душа горитъ. —
Вынималъ онъ три колачика зъ-за пазушки,
Енъ поѣлъ попилъ своихъ колачиковъ,
Енъ употчивалъ князя Владыміра,
Ены хлѣба-соли тутъ откушали.
А й выходя изъ-за столичковъ дубовыихъ,
Изъ-за тыихъ скатертей шелковыихъ,
Изъ-за тыихъ ѣстовъ зъ-за сахарніихъ,
Изъ-за тыихъ напиточокъ медвяныихъ,
Ены Господу Богу помолилисе.
Говоритъ Владыміръ столно-кіевской:
«Не угодно ли боярской Дюкъ Степановичъ,
«Не угодно ль съѣздить прогулятися,
«Съ моима́ со князьямы съ боярамы,
«Съ сильнима́ могучима бога́тыря́мы?»
Говорилъ тутъ Дюкъ да таково слово:
— А й же ты Владыміръ столно-кіевской!
— Буде съѣздить прогулятися,
— Не въ досадочку съѣздить во гуляночку. —
И даватъ ёму Владыміръ столно-кіевской
Самолучшаго ёму богатыря,
А й того Щурилу щапа Пленкова.
Оны садилися тутъ на добрыхъ коней,
А й поѣхали гуляти да во чисто полё.
А й говоритъ ужъ Щурила щапа Плёнковичъ,
Самолучшой бога́тырь столно-кіевской:
«Молодой боярской Дюкъ Степановичъ!
«Поѣзжай-ко гостюшко попе́реди,
«Я поѣду я вслѣдъ тутъ да вѣдь по́зади».
Говорилъ вѣдь Дюкъ да таково-ль слово:
— А й же ты Щурилушка щапа Плёнковичъ,
— Самолучшой богатырь столно-кіевской!

— Ты когда будёшь какъ на моёй земли,
— Ты когда будёшь да на моёй орды,
— Дакъ тогда поѣду я попе́реди. —
Оны ѣздя гуляютъ во чистомъ поли,
А й Владыміръ князь тутъ столно-кіевской
Ужъ онъ смотритъ во ты трубы подзорныи,
Какъ гуляютъ ѣздятъ добры молодцы,
Добры молодцы да во чистомъ поли.
И говорилъ вѣдь Дюкъ ёнъ таково слово:
— А й же ты вѣдь-то да столно-кіевской
— Самолучшой ты да бога́тырь-отъ.
— Да ай же ты Щурила щапа Пленковичъ!
— Что намъ ѣздить гулять да во чистомъ поли,
— Мы поѣдемъ гулять да за Неву рѣку,
— А й потому гулять станёмъ по кре́жику,
— Какъ по тымъ по травонькамъ шелковыимъ,
— А й по тымъ по цвѣточкамъ по лазуревымъ,
— А й Нева-рѣка три вёрсты ши́рина. —
И говоритъ Щурила щапа Плёнковичъ:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Поѣзжай-ко гостюшко по переди,
«Я поѣду вслѣдъ тутъ да вѣдь по́зади».
Говорилъ вѣдь Дюкъ да таково слово:
— А й же ты Щурила щапа Пленковичъ!
— Ты когда будёшь вѣдь на моёй земли,
— Ты когда будешь да на моёй орды,
— Тогда поѣду я да тутъ попе́реди. —
И самолучшой богатырь Щурила щапа Плёнковичъ,
Онъ чесалъ коня по чесны́мъ ребрамъ,
Онъ приправилъ коня черезъ Неву-рѣку,
Онъ огрузъ съ конемъ съ мечёмъ съ саблёй вострыи,
Съ саблёй вострыи да осере́дь рѣки.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ приправилъ коня черезъ Неву рѣку,

Ухватилъ Щурилу щапа Плёнкова,
Самолучшого его богáтыря,
Осередь его рѣки да за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
Перевезъ Щурилу щапа Плёнкова
Изъ тыи онъ да изъ серéдь рѣки.
Переѣхали ёны за Неву рѣку,
Ены тамъ ѣздя гуляютъ тутъ по крежику,
А й по тымъ травонькамъ по шелковыимъ,
А й по тымъ цвѣточикамъ лазуревымъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Стёпановичъ,
Енъ приправилъ коня черезъ Неву рѣку,
Переѣхалъ взадъ да во чисто полё.
А й тыи Щурила щапа Пленковичъ,
Самолучшой богатырь столно-кіевской,
Енъ не смѣетъ ѣхать зъ-за Невы рѣки,
Онъ крычитъ оттуль да перевозику.
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ
Пріѣзжатъ онъ къ князю тутъ Владыміру:
— А й же ты Владыміръ столно-кіевской:
— Столно-кіевской ты князь владымірской!
— Самолучшой богатырь Щурила щапа Пленковичъ,
— Енъ сидитъ тамъ вѣдь да за Невой рѣкой,
— Енъ крычитъ оттуль да перевозику. —
Какъ занарядилъ Владыміръ столно-кіевской
А й достать Щурилу щапа Пленкова,
А изъ-за тыи тутъ его да зá рѣки,
А й молодóго боя́рского Дюкá Степановича
Посадилъ его въ темницу тутъ во тéмную,
Енъ поставилъ тутъ вѣдь ёнъ да стражиковъ,
Посылалъ во городъ тутъ во Галичу
А й своихъ господъ ёнъ да общѣнщиковъ,
Общѣнить у Дюкá вѣдь имѣньицо:
«Не пустымъ ли захвастался Дюкъ Степановичъ

«Ёнъ житіёмъ-бытьёмъ своимъ богачествомъ,
«Своёй силушкой да богатырскіи,
«Своёй храбростью да молодецкіи?»
А й какъ пошли вѣдь тутъ какъ общѣнщички,
А й приходя во городъ тутъ во Галичу,
Тамъ вѣдь увидѣли оны да портомойницу.
Оны падали тутъ на рѣзвы ножки:
«Помогай вамъ Господь портомойницы,
«Портомойницы да бѣломойницы!
«Еще какъ намъ увидать да Дюкова матушка?»
— А каки вы йдитé добры людюшки,
— Когда ищи́те да Дюкову матушку,
— Дюкову матушку вы въ портомойницахъ.
— Ино у насъ никогда вѣдь Дюкова матушка
— Не быватъ она да въ портомойницахъ. —
«А й же вы да портомойницы!
«Намъ увидѣть надо Дюкова матушка».
— Вы живите-тко да до воскрёсна дня.
— А й воскрёсной день да вы увидите
— Какъ пойдётъ тутъ Дюкова-та матушка
— А й ко ты къ обѣдни ко воскрёсныи. —
Тутъ оны жили были до воскрёсна дня,
Зазвонили тутъ какъ въ воскре́сный день,
А й ко ты къ обѣденки къ воскре́сныи,
Тутъ какъ этыи господа общѣнщички
А й берутъ оны да тутошна человѣка-то,
А й когда пойдетъ да Дюкова матушка.
Какъ идетъ народу вѣдь премножество,
Оны думаютъ совѣтъ удумываютъ:
«Что не Дюкова ли и́детъ тутъ вѣдь матушка?»
Дюковой матушки да ище близко нѣтъ.
Тутъ потомъ идётъ да Дюкова матушка,
Дакъ ведутъ вѣдь Дюкову есть матушку
А й за ты ведутъ ю за бѣлы руку,

За бѣлы руки да во Божью черковь.
Идётъ Дюкова матушка вся въ золоти,
Идётъ Дюкова матушка вся въ серебри.
Околъ Дюковой да вѣдь тутъ матушки
Золотыи кисти и серебряны,
А й отъ Дюковой матушки да лучи пекутъ
По всему ли по городу по Галичи.
Какъ приходитъ Дюкова вѣдь матушка,
Какъ на то крылечко на церковноё,
Тутъ вѣдь господа вѣдь обцѣнщички,
А й обцѣнщички да столно-кіевски,
Становилисе да на колѣночка,
Положили тутъ да эты записи,
Эты записи да на головушку.
Какъ глядитъ ёго родитель матушка,
Приниматъ у ихъ да эты записи
Во свои она да во бѣлы ручки,
Ена сама вѣдь тутъ да прослезиласе,
Горючи слёзы съ глазъ прокатилисе,
Только ничего имъ ёна не спромолвила.
Какъ прошла ёна да во Божью черковь,
Отстояла обѣдёнку воскре́сную,
Какъ пошли отъ обѣденки воскресныи,
Какъ выходитъ на церковно на крылечушко,
Сейчасъ пали господа да вѣдь обцѣнщички,
Становились оны да на колѣночка.
Какъ приходитъ къ имъ Дюкова тутъ матушка,
А й насупротивку ихъ да устояласе,
Ёна говоритъ имъ таково слово:
«А й же вы господа да вѣдь обцѣнщички,
«А й обцѣнщички да столно-кіевски!
«Вы пришли Дюковыхъ животовъ оцѣнивать.
«А й же онъ глупой Дюкъ да неразумной сынъ,
«Молодой ёнъ боярской Дюкъ Степановичъ.

«Говорила ему родитель матушка:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Ужъ ты будёшь въ городи во Кіеви,
«У ласкова князя у Владыміра,
«Ужъ ты самъ собой да не захвастайсе,
«Не житьёмъ-бытьёмъ своимъ богачествомъ,
«И не силушкой своей богатырьскіи,
«А й не храбростью да молодецкіи
«Енъ захвастался боярской Дюкъ Степановичъ
«А й какъ больши а й сѣротски жи́воты,
«Сѣротски животы у его побѣдныи.
«Дакъ приходите господа вы тутъ обцѣнщички,
«А й послѣ обѣда въ третьёемъ часу
«Буду я оказывать вамъ Дюковыи животы».
Оны поѣли тутъ пришли покушали,
Оны приходятъ на кое мѣсто приказаны,
Ажно идетъ тутъ Дюкова есть матушка,
Идё въ золоти да и́де въ серебри.
А й ведутъ тутъ Дюкову есть матушку
А й служаночки да за бѣлы руки,
А й приходя къ погребамъ глубокіимъ,
Вынимать она три камешка съ погрёбовъ глубокіихъ.
«А й же вы господа мои обцѣнщички!
«Можете ль этымъ камешкамъ цѣны тутъ дать?»
Да когда отъ тыихъ вѣдь тутъ камешковъ,
По всему по городу по Галичи,
Всякіи огни горя лучи пекутъ,
Ены господа да тутъ обцѣнщички.
Ёны стали тутъ да пороздумались,
А й не могутъ оны да тутъ цѣны вѣдь дать,
Еще что стоятъ этыи три камешка.
Говоритъ тутъ Дюкова-та матушка,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна:
«А й же вы господа да тутъ обцѣнщички!

«Ужъ вы что вы стали подроздумались?
«Неужоль вы не можете цѣны тутъ дать.
«А й надо не эдакъ Дюковы животы цѣнить:
«Когда не можете трехъ камешковъ цѣнить,
«Дакъ не дорого вы стоите господа обцѣнщички,
«А й обцѣнщички да столно-кіевски.»
Говорятъ господа вѣдь тутъ обцѣнщички:
— А й же ты вѣдь Дюкова есть матушка,
— А й честна вдова Офимья ты Тимофеевна!
— А й не можёмъ тутъ мы цѣны-есть дать
— Твоимъ ли этыимъ тутъ камешкамъ.
— Негдѣ оцѣнить намъ вѣдь Дюковы животы,
— А й велики вѣрно что у Дюка животы.
— Какъ намъ спродать надо весь городъ Кіевъ-отъ,
— А еще семь разъ спродать ёго повыкупить,
— Накупить бумаги да черниловъ-то,
— То не хватитъ намъ у Дюка животовъ уписать. —
Оны пошли въ свой городъ столно-кіевской,
Оны приходя тутъ въ городъ-есть въ Кіевъ-онъ
А й ко князю ёны ко Владыміру,
Ко Владыміру да столно-кіевскому.
Еще спрашивать Владыміръ князь столно-кіевской:
«А й же вы господа мои обцѣнщички!
«А й чимъ хвасталъ Дюкъ у насъ Степановичъ,
«А й житьёмъ-бытьёмъ онъ да богачествомъ,
«А й велики ли есть у Дюка животы?»
Говорятъ ёго тутъ князи ёго бояра,
Говорятъ сильни могучіи богатыри:
— А й же ты Владыміръ столно-кіевской,
— Столно-кіевской ты князь владымірской!
— А й велики у Дюка есте животы.
— Какъ семь продать нашъ городъ Кіевъ набъ,
— Намъ спродать ёго да и повыкупить,
— Накупить намъ бумаги да черниловъ-то,

— И то не хватитъ у Дюка животовъ уписать. —
Тутъ Владымiръ князь да столно-кiевской
Выпустилъ ёнъ Дюка тутъ Степановича,
Изъ-за той те́мницы на свою волю.
Какъ занарядилъ Щурилу щапа Плёнкова
На три годину да ёнъ выщапливать,
Онъ со Дюкомъ тутъ вѣдь Степановичемъ
Ены стали вѣдь тутъ щапить-то есть.
А что деничекъ то платьё смѣнноё,
И прощапили оны тутъ два годичку.
Какъ не стало у Дюка тутъ Степановича,
Недохваточки стали во платьицахъ,
Посылаетъ ёнъ да своего коня,
А й своего коня во городъ во Галичъ-отъ,
А й привязыватъ коню да онъ записочку,
Чтобы послала родитель ёго матушка,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна,
А й послала бы ему да платьё смѣнноё,
Чтобы хватило на цѣлой тутъ на годичокъ.
Какъ приходитъ тутъ ёго вѣдь доброй конь,
А й во городъ ёнъ да вѣдь во Галичю,
Онъ къ стѣны приходитъ бѣлокаменны,
Началъ бить копытомъ въ подворотенку,
Въ подворотенку да во серебряну,
По всему по городу по Галичи,
А й по Галичи да только звонъ пошолъ.
Какъ выходятъ его да слуги вѣрныи,
Отворяютъ ворота ты желѣзныи,
Запущаютъ оны да доброго коня,
А й приводятъ его тутъ на бѣлой дворъ,
А й докладъ держатъ то Дюковой матушки:
«А й же ты честна вдова Офимья Тимофеевна!
«А й пришолъ вѣдь конь, а Дюка близко нѣтъ».
А й выходитъ свѣтъ ёго родитель матушка,

А й выходитъ она тутъ на бѣлой дворъ,
А й берётъ она да доброго коня,
Доброго коня да во бѣлы руки
И нашла у коня ёна записочку.
Какъ глядитъ ёго родитель матушка,
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ
Ёнъ находится тамъ во несчастьицѣ,
Онъ приказыватъ да платья цвѣтнаго,
Платья цвѣтнаго ёнъ на цѣлый годъ.
А й честна вдова Офимья Тимофеевна,
Она подвязывала да доброму коню,
А й ко тыимъ подпругамъ шелковыимъ.
Отпустила коня да во чисто́ поле,
А й пошолъ ёго тутъ да вѣдь доброй конь.
А й приходитъ ёнъ да вѣдь тутъ доброй конь,
Енъ приходитъ ко князю столно-кіевкому,
А й стрѣтатъ его да Дюкъ Степановичъ,
Своёго ёнъ маленькаго бурушка.
Енъ со радостію стрѣ́татъ съ весельицемъ,
Что пришолъ ёго да тутъ доброй конь,
А й принёсъ ёму да что вѣдь надобѣ.
Какъ пошёлъ тутъ Дюкъ да ёнъ выщапливать,
А й что день тутъ платьице ёго смѣнное.
Прощапилъ вѣдь онъ да тутъ вѣдь цѣлый годъ,
Только недохваточки есть на одинъ тотъ день.
Вынималъ тутъ онъ да еще сумочку,
А й котора прежде была привезена,
Вынималъ ёнъ лапотки тутъ плете́ные,
Енъ пошолъ въ лапоткахъ Дюкъ плете́ныихъ,
Енъ щапить пошолъ по городу Кіеву,
Только лапотки на ноженкахъ посвистываютъ.
А й у князя тутъ да у Владыміра,
Во всёмъ городи да тутъ во Кіеви,
Не нашлось тутъ вѣдь бере́стины,

Не могли вѣдь Дюковымъ лапоточкамъ,
А й лапоточкамъ его цѣны тутъ дать.
Тутъ вѣдь Дюкъ онъ есть да какъ Степановичъ,
Еще тутъ вѣдь Дюкъ онъ да слободенъ сталъ.
Отправляется во свой во городъ во Галичю,
Самъ говоритъ Дюкъ вѣдь таково слово:
— А й гóсти Владымiръ столно-кiевской!
— Ты гóсти-тко князь да на ту же честь,
— А й на ту же честь какъ и меня употчивалъ[1]). —
Ёнъ отправился въ свой городъ Галичю,
Ко своёй родители ко матушки,
Ко честной вдовы Офимьи Тимофеевной.
Онъ прiѣзжаетъ во городъ тутъ во Галичю,
Ко своёй къ родители ёнъ къ матушкѣ.
Ужъ какъ тутъ свѣтъ его родитель матушка,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна,
А й встрѣчатъ ёго да съ большой радостью,
Съ большой радостью да со весельицемъ.
«Дожидала своего Дюка Степановича,
Своего сына да я любимаго».

Записано тамъ же, 5 августа.

XL.

ПЕТРОВЪ.

Алексѣй Петровъ, крестьянинъ съ Пилмас-острова на Водлозерѣ, за 50 лѣтъ отъ роду; помнитъ только одинъ отрывокъ былины, здѣсь печатаемый; слышалъ его отъ стороннихъ людей.

---

1) Т. е. прiѣзжай въ гости.

214.

ДУНАЙ.

А во славноёмъ городи во Кіеви,
А у славнаго у князя у Владиміра,
Заводился у его да вѣдь почестенъ пиръ.
Вси на пиру да напивалисе,
Вси на пиру да наѣдалисе,
Вси на пиру да пьяны веселы,
Вси на пиру порасхвастались.
Умной хвастатъ отцемъ матерью,
А безумной хвастатъ молодой женой,
Сильный хвастатъ своей силой богатырской,
А богатый хвастаетъ имѣніемъ.
А по той ли по гридни княженецкіи
А похаживатъ славный князь да стольнё-кіевской,
Своимá то бѣлымá онъ ручкамы помахиватъ,
Свои тыи желтыи кудёрышка подрачиватъ:
Самъ-то онъ да выговариватъ;
«Слушайте вы гости любимыи!
«Вси вы нá пиру напивалисе.
«Сънщите-ко мнѣ невѣсту сосватайте,
«Чтобы возрастомъ да изъ плеча въ плечо,
«Красотою то была изъ лиця въ лицё,
«Чтобы было мнѣ-ка съ кимъ-то вѣкъ-отъ жить,
«Чтобы вамъ то было кому кланяться.»
А вси эти гости закручинились,
А й вси эти гости запечалились.
Еще большой-отъ туляется за средняго,
Средней-отъ туляется за меньшаго,
А отъ меньшагó да и отвѣту нѣтъ.
Зъ-за тыхъ ли столовъ зъ-за дубовыихъ,
Зъ-за тыхъ ли кушаней медовыихъ,

А выходитъ-то славныи Дунай да сынъ Ивановичъ.
Становился онъ супротивъ его лиця княженецкаго,
Говорилъ ёму да таково слово:
— А й же ты славныи да князь ты стольнё-кіевской!
— Ты позволь сударь да словцё вымолвить:
— Съѣздимъ-то тебѣ невѣсту да сосватаемъ.
— Она возростомъ да изъ плеча въ плечо,
— Красотою съ тобой да изъ лиця въ лицё.
— Чёрны брови соболя заморскаго,
— Ясны очи сокола пролётнаго.
— Только дай-ко мнѣ да двухъ товарищовъ:
— Дай-ко мнѣ Василья да Буславьева,
— Дай-ко Ванюшенку повареннаго,
— И позволь сходить да на конюшній дворъ,
— Выбрать намъ да трёхъ жеребчиковъ,
— Трёхъ жеребчиковъ да намъ не сѣдланыхъ,
— Несѣдланыхъ жеребчиковъ не ѣзженыхъ. —
Воспроговоритъ славный князь да стольне-кіевской:
«Ужъ ты славныи Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Ты бери-тко ты моей казны безсчетныи,
«Ты бери моей силы колько надобно.»
Славныи Дунай да сынъ Ивановичъ
Говорилъ ему да таково слово:
— Не набъ твоей силы мнѣ-ка мелкія,
— Не набъ твоей казны мнѣ-ка безсчетныи. —
И пошли добры молодцы да на конюшній дворъ,
Выбирали оны трёхъ жеребчиковъ неѣзженыхъ,
Облатилися добры молодцы да обкольчужились,
И садились добры молодцы да на добрыхъ коней.
Видѣли добрыхъ молодцевъ сядучись,
А не видѣли удалыихъ поѣдучись.
Ѣхали не путемъ да не дороженкой,
И скакали черезъ стѣну городовую,
Черезъ ту ли башню наугольную.

Пріѣзжали оны ко царству Малидоньскому,
Къ Николаю державцю Малидоньскому,
Сосватались оны да на Опраксіи да Микулаевной.
И садили ей да на добрыхъ коней,
Повезли оны ко городу ко Кіеву,
Ко славному князю ко Владиміру.
Тутъ оны да заводили свадебку,
Заводили тутъ оны почестенъ пиръ.

Запис. на Водлозерѣ, 7 августа.

XLI.

В. СУХАНОВЪ.

Василій Алексѣевичъ Сухановъ, крестьянинъ-столяръ, съ Пилмас-острова; выучился былинамъ отъ слѣпаго старика изъ деревни Волковой, Быковской волости въ Каргопольскомъ уѣздѣ и прежде часто распѣвалъ ихъ за столярною работою. Въ послѣдствіи бросилъ заниматься этою работою и почти пересталъ пѣть былины, большую часть которыхъ и забылъ.

215.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

А еще шла подошла у насъ повы́катила̀,
Еще славная матушка быстра Волга́ рѣка̀,
Ёна мѣста шла ровно три тысящи верстъ,
А й широко а й далёко подъ Каза́нь подъ горо̀дъ,
Ёна шире того дале подъ Вастракань.
Ёна устьё давала ровно семдесятъ вёрстъ,
А й во славное морюшко Каспи́цкоё.

Е широкой перевозъ тамъ подъ Невы́мъ подъ градо̀мъ,
А й тёмныи лѣсушки Смоленьскіи,
И тамъ высоки были горы Сорочински,
Славны тихи плеса̀ да Череви́стый.
Теперь скажемъ про Добрынюшку мы сказочку,
А й теперь у насъ Добрыни старина̀ пойдётъ.
И какъ во стольномъ славномъ городи во Кіеви,
А й у ласковаго князя у Владимера,
Какъ корошенькой заве́денъ былъ почестной пиръ,
А й для многіихъ для князей для бо́ярей,
А й для сильніихъ могучіихъ бога́тырей,
А й для всѣхъ поляницъ для уда́лыихъ [1]).
Еще всѣ на пиру да напивалисе,
А и всѣ на пиру да наѣдалисе,
А й всѣ на пиру да пьяны ве́селы сидя̀тъ,
Еще всѣ на пиру да поросхвасталисе́:
А й умной-отъ хвастатъ отцемъ матерью,
А й безумной-отъ хвастатъ молодой женой.
Выходилъ ли князь Владиміръ на круто́й красёнъ крылецъ,
Ужъ онъ зритъ да глядитъ во чисто́е во полё.
Что ли во да̀лечи дале́чи во чисто́мъ во поли́,
Какъ не ясныи соколикъ тамъ вылётываё,
А й не бѣлыи заюшко проска́киваё,
А й не гречъ-отъ головою пова́рачиваё,
Какъ не малый горносталюшко проры́скиваё,
Онъ не миленькіи слѣдочики проме́тываётъ.
Какъ изъ далеча дале́ча изъ чисто́го изъ поля̀,
А й повыѣхалъ уда́лой доброй молодецъ,
Какъ по имени Ильюшка славенъ Муромецъ.
Ѣде прямо ко Владиміру на широко́й на дво̀ръ,
Заходилъ Илья во гридни княженецкіи,
Еще крёстъ кладё Ильюшка по писаному,

1) Женщины-богатырицы были досель.

Какъ поклонъ веде Ильюшка по ученому,
Исполна творитъ молитву поісусову.
Еще бьетъ Ѝлей чоломъ покланяется,
А на всѣ ли на четыре на сторонушки,
Какъ Владиміру да князю бье въ осо́бину чело́мъ.
А й садился Ильюша за дубовой столъ,
А й во тотъ ли во почёстной во большом-уголъ
На тую ли на скамеечку на ры́бчатую̀.
Еще всѣ ли у насъ гости ѣдятъ и пьютъ,
Еще всѣ приходящи хлѣбъ соль кушаютъ,
А бѣлу́ю лебедь сидя рушаютъ.
Какъ Владиміръ князь по гридни поха́живаё,
Еще самъ государь князь выговариваетъ:
«Ахъ мы всѣ на пиру да ѣдимъ мы пьѐмъ,
«А всѣ на почестномъ стали на́веселѝ,
«А й некого у насъ нынь нѣту на заставушки.
«А й во да́лечи дале́чи во чисто́мъ во полю̀,
«Какъ летаетъ тамъ невѣжа чернымъ ворономъ,
«А пише невѣжа за́ угро́зою ко мнѣ̀:
«А й ты подай-ко князь Владиміръ поединщичка!»
А й всѣ на пиру да замолча́ли да сидя̀,
Еще большой-отъ хоронится за средняго,
А средній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго князю̀ отвѣта нѣтъ.
А со того ли со почестнаго большо́м-угла,
А й со той ли со скамеечки со ры́бчатыи,
Выходилъ ли тутъ удалой доброй молодецъ,
Какъ по имени Ильюшка славенъ Муромецъ.
Становился Ильюша на рѣзвы́ ноги,
Ёнъ клонилъ свою головушку низёхонько,
А своё-то онъ бѣло лицё къ рѣзвымъ ногамъ.
—Ахъ вы многи наши князи а й вы бояра,
—А й вы сильніи могучіи богатыри,
—Еще всѣ ли наши гости приходящіи!

—Еще колько не молцать да говорить намъ быть.
—Я вѣдь топереча Ильюша изъ дороженки,
—Я вѣдь три годá стоялъ подъ Царéмъ подъ градòмъ,
—Я вѣдь три годá стоялъ подъ Еросóлимомъ,
—Я двѣнадцать лѣтъ Ильюша на розъѣздѣ былъ.
—Не видалъ во поли собачки пробѣгаючись,
—Я увидѣлъ бы собачку изъ лучкá бы пострѣлѝлъ.
—А пошлёмте-тко Добрынюшку Микúтьевича,
—А й во дáлечо далéчо во чистóе во полё,
—Какъ защита-та буде славну Кіеву,
—Уборона будетъ нашей крѣпости.—
Тутъ премлáдыи Добрынюшка Микитичъ младъ,
Выходилъ ли тутъ Добрыня зъ-за дубóваго столà.
Какъ пошолъ тутъ Добрыня на широкой дворъ,
На широкой дворъ Добрыня къ своей матушки,
Пришолъ къ матушки Добрынюшка росплакался,
Своей матушки Добрынюшка розжалился:
«Ахъ ты свѣтъ государыни моя матушко,
«Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимофеевна!
«И ты на что молодца меня спородила:
«Ахъ ты силой меня матушка не сúльнёго,
«Ахъ ты смѣлостью меня мать не смѣлаго,
«А похавностью меня ли не похавнаго [1]),
«Какъ щапствомъ щегольствомъ не щегольливаго лѝ,
«Красотою меня матушка не красиваго,
«Какъ имѣніемъ богатствомъ не богатаго менѧ̀».
Говорила тутъ Добрыни родна матушка:
—Какъ премлáдыи Добрынюшка Микитичъ младъ!
—Я бы знала молодца какъ воспорóдити тебѧ̀,
—Я бы силою въ Самсона Колывáнища,
—Я бы смѣлостью въ Ильюшку славна Муромца,
—Я похавностью въ Олёшу во Попóвичева,

1) Поступками не хорошій человѣкъ.

—А й щапствомъ щегольствомъ въ Чурилу Пле́нковича,
—Красотою бы тебя въ Осипа прекраснаго,
—А поѣздкою во Дюка во боярского.
—Какъ такого тебя чада нынь Госпо́дь зароди̇лъ.—
Тутъ Добрынюшка со матушкой прощается,
Молодой жены Добрынюшка нака́зываё:
«Ты премлада Катерина Викулична!
«Пройдетъ девять лѣтъ Добрыни во чисто́мъ во поли̇,
«А не будутъ къ тебѣ письма и грамоты,
«Какъ не будутъ ерлыки скоропи́счатыи̇,
«Хоть вдовой ты живи да хоть ты за̀ мужъ поди̇,
«Хоть ты за́ князя поди хоть за боярина,
«За купча хоть ты поди гостя торговаго,—
«А не ходи-ко ты за вора̀ за Олёшу Попо́вичева̀.
«Мнѣ похавный воръ Олёшка кресто́вый братъ,
«А какъ крестовой-онъ вѣдь братецъ паче ро́днаго.»
Выходилъ ли Добрыня на широкой дворъ,
Какъ садился Добрыня на добра коня,
Еще видли добра молодца ли сядучись,
А не видѣли удалаго поѣдучись.
А й да пыль-та́ вспылѣла во чистомъ поли,
Еще бѣлыи березки къ землѣ клонятся.
Еще три года стоялъ онъ подъ Царемъ-градомъ,
Еще три года стоялъ подъ Еросолимомъ,
А й двѣнадцать лѣтъ Добрыня на разъѣздѣ былъ.
Того времечки прошло ли восемнадцать лѣтъ,
На Добрыни цвѣтно платьицо поприрывалосе,
На Добрынюшки платьице звѣриное,
На Добрынюшки шапочка звѣриная.
А й тутъ похавливый Алёшенька догадливъ былъ.
А й обуздалъ обсѣдлалъ онъ своёго до́браго коня̀,
Какъ объѣхалъ Алёшенька по задворкамъ,
А й назадъ къ Владиміру ворочался,
Еще самъ говоритъ таково слово:

— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской князь!
— А ужъ былъ я Алёша во чистомъ во полѝ,
— Ужъ я видѣлъ Добрыню бита ра́нена лежѝтъ,
— Ужъ онъ буйною головушкой въ ракитовъ кустъ,
— А й да рѣзвыма ногамы во кавыль во травы̀.
— Что ль оружье его ручки порозмётаны лежа̀,
— Ёго добрый конь во степи́ гулятъ,
— Еще черны вороны тѣло тры́нкаютъ его̀.
— А й ты поѣдемъ-ко Владиміръ со́ мной свататься,
— Какъ на той ли поѣдемъ на моло́дой на вдовы̀,
— А й на прежней на Добрыниной моло́дою жены̀,
— На молодой Катерины Викули́чной. —
И тутъ на силушку Владиміръ принево́лилъ ей итти̇,
У нихъ въ пятницю-ту было сватовство,
Во суботу у ихъ было рукобитьицо,
Еще завтра воскресенье будетъ сва́дебка у нѝхъ.
Изъ широкихъ было улушокъ Ильинскіихъ,
А й изъ мелкіихъ пере́улковъ изъ Мари́нушкины̀хъ,
Какъ не ясный соколикъ тамъ вылётывае̇̀,
А й не бѣлыи заюшко проска́кивае̇̀,
Какъ не гречетъ головою поварачивае̇̀,
Какъ не малый горносталюшко проры́скивае̇̀,
Онъ не миленькій слѣдочики проме́тываѐтъ,
Какъ повыѣхалъ Ильюша славенъ Муромецъ.
А й поѣхалъ Ильюша во чисто́е во полё,
Какъ на тую ли заставушку на Кіевску.
Какъ роздёрнулъ тамъ шатёръ бѣлополотняной,
Насыпалъ коню пшена онъ бѣлояроваго,
Какъ увидѣлъ тутъ Добрыня: стоитъ бѣлъ въ поли шатёръ,
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня ко бѣлу шатру,
А й выходитъ Добрыня со добра коня.
Становилъ вѣдь ёнъ коня къ пшену да бѣло́яровому̀,
Какъ заходитъ Добрыня во бѣлыи во шатёръ.
Оны свидѣлись съ Ильюшей поздоро́валися̀,

Стала Добрынюшка про Кіевъ-отъ выспрáшиватп:
«Еще всё ли у насъ въ Кіеви по старому,
«Еще всё ли у насъ въ Кіеви по прежнему?»
—Только въ Кіеви у насъ нынь не по старому,
—Столько въ Кіеви у насъ нынь не по прежнему.
—А твоя-та молода жена замýжъ пошла.
—Пошла за вора Алёшу за Поповичева,
—А за нашего за братца за крестоваго.
—Ей на силушку Владиміръ приневóлилъ ей иттѝ:
—У ихъ въ пятницу-ту было сватовство,
—Во суботу у ихъ было рукобитьицё,
—Въ воскресеньице севодня у ихъ свáдебка идётъ. —
Не досугъ Добрыни разговáривать съ Ильéй.
Выходилъ ли тутъ Добрыня съ бѣлагó шатра,
Какъ садился Добрыня на добра коня,
Оны видѣли добра молодца сядучись,
Какъ не видѣли удалаго поѣдучи,
Только пыль-та вѣдь вспылѣла во чистóемъ во полѝ,
Еще бѣлыи берёзки къ земли клонятся.
А й даваетъ онъ поѣздку лучше стараго,
Лучше стараго поѣздку лучше прежнаго,
Ѣдетъ прямо онъ ко городу ко Кіеву,
А не около вѣдь ѣде не воротами,
Ѣде прямо черезъ стѣну городовую,
Черезъ тую ѣде башню что не большую,
Ѣде прямо къ своей матушки на широкой на дворъ.
Говорилъ тутъ вѣдь Добрыня своей матушки:
«Ахъ ты свѣтъ ли государыня моя матушка,
«Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимофеевна!
«Признавай-ко ты меня по прáвой по щекѝ,
«А й на правой на щеки есть три знáмени у мня̀,
«Какъ три знамени у мня̀ твои родительски».
Говорила тутъ Добрыни родна матушка,
Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимофеевна:

—А ясныи соколикъ на дво́ръ залетѣлъ,
—А й да бѣлая лебедка со двора сошла.
—Какъ твоя то Добрыня молода жена,
—Молодая Катерина Викулична,
—А Викулична она замужъ пошла,
—И пошла за вора за Алёшку за Поповичева,
—А за вашего за братца за крестоваго.
—Какъ на силу князъ Владиміръ принево́лилъ ей итти̂:
—У ихъ въ пятницу-ту было сватовство,
—Во суботу у ихъ было рукобитьицё,
—Въ воскресеньице севодня у ихъ сва́дебка идётъ.—
Говорилъ ли тутъ Добрыня родной матушкѣ:
«Ахъ ты свѣтъ ли государыня моя матушка,
«Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимофеевна!
«Принеси-тко мнѣ-ка платье скоморошкино,
«Принеси-тко мнѣ-ка досочку гусельчатую,
«Принеси-ко мнѣ шалыгу подорожную,
«Подорожную шалыгу полъ-восьма пуда.»
Еще справился Добрынюшка на свадебку пошолъ.
Онъ приходитъ къ Алешки на свадебку,
Еще крестъ кладётъ Добрыня по писаному,
А й поклонъ ведётъ Добрыня по учёному,
Исполна творитъ молитву поисусову.
Еще бьётъ Добрыня челомъ и поклоняется,
А й на всѣ ли на четыре на сторонушки.
Какъ Владиміру князю да бьетъ въ особину челомъ.
Тутъ садился Добрыня на опеченку,
Сталъ Добрынюшка въ гусёлушка поигрывати.
Ужъ онъ струночку играетъ что я кіевской,
Какъ во другую игратъ отъ Еросолима,
Еще въ третью про розъѣзды про Добры́нюшкины.
Какъ ни кто этой игры не догадается,
Догадаласе Добрынина моло́дая жена,
А й моло́дая Катерина Викулична.

Какъ Владиміру игра эта показаласе,
Еще самъ говорилъ таково слово:
—А й ты премладая заѣзжа скоморошинка!
—А й ты поди-ко ты садись къ намъ за дубовой столъ,
—За дубовой столъ садись, вотъ три мѣста тебѣ:
—Еще перво тебѣ мѣсто, ты возлѣ́ меня сади́сь,
—А друго́е тебѣ мѣсто супроти́въ меня́,
—Еще третье тебѣ мѣсто куда хочешь тутъ и сядь.—
А й садился Добрыня супротивъ своёй жены,
Супротиву Катерины Викуличной.
Наливала Катерина зелена чару вина,
Подавала тутъ Добрынюшки Микитичу,
А й сама говорила таково слово:
«А ты премлады́й Добрыня сынъ Микитичъ младъ!
«Ужъ ты пей-ко у мня чару зелено́го вина,
«Я другу́ тебѣ налью да пива пьянаго,
«Еще третьюю подамъ я меду сладкаго.»
А и премладыи Добрыня сынъ Микитичъ младъ,
А й беретъ онъ чару зелена́ въ руки вина,
Опущаетъ туды перстень злачёныи,
А й которымъ оны перстнемъ обручалисе,
Подавае тутъ Добрыня зелено́ вино наза̀дъ.
—А й ты премлада Катерина Викулична!
—Ужъ ты выпей-ко до дна, такъ ты увидишь и добра,
—А не выпьешъ до дна, такъ не видать тебѣ добра.—
Еще пила Катерина зелено вино до дна,
Какъ увидитъ Катерина тамъ злаче́ный перстень,
А й сама говорила таково слово:
«Ахъ вы князи ли вы наши а й вы бо́яра,
«А й вы сильніи могучіи бога́тыри,
«Еще вси ли ваши гости приходящіи!
«А й не тотъ мнѣ мужъ кой возлѣ меня стоитъ,
«Еще тотъ мнѣ-ка мужъ кой супроти́въ меня сидитъ,
«Еще прежніи Добрынюшка Микитичъ младъ».

Выходилъ ли тутъ Добрыня зъ-за дубового стола,
Уфатилъ вѣдь онъ Алёшку за желты кудри,
А й повыдернулъ на сéреду кирпичную,
Взималъ въ руки онъ шалыгу подорожную,
Подорожную шалыгу полъ-восьмá пуда.
Еще сталъ вѣдь онъ Алёшку тутъ работати,
А й во охканьи не слышно бухканье,
А во бухканьи не слышно охканья.
Еще всѣ со пиру да разбѣжалисе,
Еще всѣ ли съ почестнóго росхучалисе[1]),
Ужъ какъ видитъ князь Владимiръ неминучую бѣду,
Затыкаетъ онъ свою жопу онучею.

Запис. на Водлозерѣ, 7 августа.

XLII.

НИГОЗЕРКИНЪ.

Матвей Ѳедоровичъ Нигозёркинъ, крестьянинъ дер. Чуялы на Водлозерѣ, маленькiй невзрачный мужчина лѣтъ за 40, земледѣлецъ, занимающiйся отчасти и рыболовствомъ. Выучился былинамъ осенью прошлаго 1870 года отъ старика, проѣзжавшаго изъ-за Кенозера черезъ его деревню и два раза проведшаго ночь въ его избѣ; до того времени былинъ не зналъ и не слыхалъ.

216.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А й ѣздилъ старой по чисту полю,
А енъ отъ младости ѣздилъ до старости,
А енъ отъ старости да до гробнóй доски,

1) Попрятались.

А енъ стоялъ за вѣру да отечество.
А й какъ хорошъ у стараго былъ доброй конь,
А ёнъ у рѣкъ перевозу старъ не спрашивалъ,
А конь рѣки вѣдь озёра перескакивалъ,
Ёнъ эти мхи болота промежъ ногъ пущалъ,
А ёнъ сини моря тыи кругомъ бѣжалъ.
А выѣзжае старъ на тую ли на путь,
На путь дороженку широкую,
А й какъ камени подпись есть написана,
А й на другой стороны есть напечатана:
«А й какъ въ дорожку ѣхать да богату быть.
«А во дру́гу ѣхать да женату быть,
«А й во третью ѣхать да й убиту быть».
Илья Муромечъ да самъ роздумался:
«А й какъ на что старому жениться мни?
«А еще стара взять да не надержишься[1]);
«А й молодая взять да какъ чужа корысть.
«А й на что тутъ старому богачество?
«А й золотой казны у ёго смѣты нѣтъ».
А ёнъ поѣхалъ старъ во ту́ю ёнъ во путь,
Во тую путь дороженку широкую — гдѣ убиту-быть.
А ёнъ наѣхалъ на сорокъ па разбойниковъ,
А ёнъ па чистыихъ ночныихъ подорожниковъ.
А й какъ розбойнички ко старому трога́лисе,
А ёны хочутъ у стараго коня отнять,
Ёны хочутъ старому тутъ смерть придать,
Ёны смёрточку да ему скорую.
А й говоритъ тутъ старой таково слово:
«Ахъ вы сорокъ сорокъ вы разбойниковъ,
«А й сорокъ чистыихъ ночныихъ подорожниковъ!
«А еще гдѣ вамъ у стараго коня отнять?
«А й какъ уздица у стараго въ пятьсотъ рублей,

---

1) Помрешь скоро.

«А й какъ сѣдёлышко у стараго въ двѣ тысячи,
«А й самому старъ бурушку чѣны́ не знатъ.
«А й какъ старъ колпакъ да со головушки,
«А еще тотъ шишакъ да девяносто пудъ».
А ёнъ вѣдь началъ колпачкомъ да ёнъ помахивать,
А й куда махнетъ махнетъ — туда улочокъ,
А й назадь отмахнетъ — переулочокъ.
Енъ прибилъ тутъ сорокъ всѣхъ розбойниковъ,
А й сорокъ чистыихъ ночныихъ подорожниковъ.
А й какъ назадь тутъ старъ да ворочается,
А ёнъ вѣдь старую ту подпись вѣдь захѣривалъ,
А ёнъ нову тутъ вѣдь напечатывалъ:
«Еще та дороженка росчищена,
«А й какъ росчищена дороженка розъѣзжена,
«А й какъ розъѣзжена дорожка Ильёй Муромцемъ».

(конца не знаетъ).

Запис. на Водлозерѣ, 6 августа.

217.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

А й во стольноёмъ во городи во Кіеви,
А й у солнышко вѣдь князя у Владиміра,
Собираются да соѣзжаются,
Соѣзжается да какъ почестный пиръ,
На царевъ царевъ да на царевичовъ,
А й на королей королей да королевичевъ,
Какъ на сильнихъ на могучихъ на богатырёвъ,
Какъ на тѣхъ ли поляницъ вельможъ да на удалыихъ.
Говоритъ тутъ солнце князь, да князь владимерской,
Князь владимерской, да стольнё-кіевской:
«А й ужъ вы князи́, князи ужъ вы бояриы,

«Ужъ вы сильніи могучіи богáтыри!
«Вы поѣдьте-тко да по инымъ землямъ,
«Вы сберите-тко да дани пошлины,
«Вы за стары годы да за нынѣшній,
«Ужъ за тыи годы за двѣнадцать лѣтъ».
Какъ большой туляется за средняго,
Какъ среднéй туляется за меньшаго,
Какъ отъ мéньшаго отъ бѣднаго отвѣту нѣтъ.
А й изъ-зá того стола изъ-за дубоваго,
Выходилъ удалой доброй молодецъ,
Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
Говоритъ вѣдь енъ да таково слово:
— Ужъ ты солнце князь да князь владимерской,
— Князь владимірской да стольнё-кіевской!
— Я могу поѣхать по инымъ землямъ,
— Я могу собрать да дани пошлины,
— Я за стары годы я за нынѣшній,
— Я за тыи годы за двѣнадцать лѣтъ. —
Говоритъ тутъ князь да князь владимерской,
Князь владимірской, да стольнё-кіевской:
«А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
«За твою услугу за великую,
«Города те дамъ я съ пригородкамы,
«Я села те дамъ да со приселкамы,
«Золота казна незатворéная».
Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
Ёнъ пошелъ вѣдь енъ да со честна пира
Во свою полату бѣлокаменну,
Ёнъ садился на ременчатъ стулъ,
Обувалъ сапожки ёнъ козловыи,
Енъ черна козла да вѣдь заморскаго.
Одѣвалъ ёнъ шубу соболиную,
Ёнъ того ли черна соболя заморскаго,
Выходилъ удалой доброй молодецъ,

Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
Выходилъ вѣдь ёнъ да на широкій дворъ.
Ёнъ идётъ на стойлу лошадиную,
Выбиралъ добра коня не ѣзжена,
Налагалъ уздицу ёнъ шелковую,
Ёнъ изъ чиста шолку Шемаханскаго.
Ёнъ вѣдь потнички на потнички накладывалъ,
Войлочки на войлочки сѣдельшко черкаско окованое,
Ёнъ подпругъ кладае до двѣнадцати,
Ёнъ тринадчату натягивалъ продольнюю,
Какъ не для ради красы басы угожества,
Для такой укрѣпы богатырскіи.
Подпругá изъ чиста шолку Шемаханскаго,
Стременá желѣза есть булатняго,
Еще пряжки мѣди ты казанскіи.
Шемаханской шолкъ не трется да не держится,
А булатъ желѣзо то не ломится,
А казанска мѣдь та не заржáвѣё.
Выходилъ удалой доброй молодецъ,
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Енъ вѣдь бралъ вѣдь сбрую всю ёнъ лыцарску,
Енъ таку ли сбрую богатырскую.
Во-первыхъ беретъ да онъ вѣдь вострой мечъ,
Во-другихъ беретъ да онъ вѣдь тугой лукъ,
Енъ во-третьихъ палицу булатнюю.
Енъ вѣдь вострой мечъ беретъ подъ пазуху,
Енъ вѣдь тугой лукъ да на плечé кладалъ,
Енъ вѣдь палицу булатню ту въ кольцо кладалъ.
Какъ садился удáлой доброй молодецъ,
Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
На того ли бурушка косматушка,
Приходила его родитель матушка,
Какъ честна вдова Елена Тимофеевна.
Говоритъ енá да таково слово:

— Ужъ ты чадо, чадо моё ми́лоё,
— Ты дитя дитя моё любимоё,
— Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
— Отправляешься ты воружаешься,
— Ты во да́лечо дале́чо по инымъ землямъ,
— Ты сбирать сбирать какъ дани пошлины,
— За стары годы да за нынѣшній,
— Какъ за тыи годы за двѣнадцать лѣтъ. —
— Во вторыхъ пришла да молода жена,
— Молода жена Настасья да Викулична.
Говоритъ Добрынюшка наказывалъ:
«Ай молода жена Настасьюшка Викулично!
«Если годъ не буду, — жди вѣдь два году,
«Если два не буду, — жди вѣдь три году,
«Если три не буду, — жди вѣдь шесть годовъ,
«Если шесть не буду, — жди двѣнадцать лѣтъ,
«Есть двѣнадцать лѣтъ не буду — хоть вдовой живи,
«Хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди.
«За царя поди ли за царевича,
«За короля поди за королевича,
«Ли за сильняго за храбраго могучаго за воина.
«Не ходи за вора за Алёшеньку Поповица,
«Воръ Алёшка мнѣ крестовый братъ».
Какъ видали добра молодца что сядучись,
Не видали добра молодца поѣдучись.
Какъ по тымъ степямъ да по саратовскимъ
Одна куревка да завивается,
Съ горы на гору да съ долы на долу.
А й конь рѣки ёнъ озера перескакивалъ,
А ёнъ мхи ты да болота промежъ ногъ пущалъ,
Ёнъ сини моря тыи кругомъ бѣжалъ.
А какъ день тутъ за день — какъ вода текё,
Какъ недѣля за недѣлю — какъ трава ростё.
Какъ прошло то тому времечки да чѣльный годъ,

Не видать Добрыни изъ чиста поля.
Какъ прошло то времечки тутъ два году,
На проходи времечки тутъ три году.
Какъ прошло времечки тутъ шесть годовъ,
На проходи времечки двѣнадцать лѣтъ.
Еще сталъ тутъ воръ Алёшенька подхаживать
Ко честной вдовы Настасьи да Викуличной.
— А й ты честна вдова Настасья да Викулична!
— Ты поди иди за мня да во замужество,
— За меня Олешу за Поповича.
— Я вечо́ръ вѣдь ѣздилъ по чисту полю,
— А на томъ ли поли да иа лыцарскомъ,
— Какъ видалъ Добрынюшка убитъ лежитъ,
— Головой лежитъ да ко синю́ морю,
— А й ноги́ рѣзвыи о ракитовъ кустъ.
— Скрозь его раны́ да скрозь кровавыи
— Прорасла трава да росшелковая,
— Расцвѣли цвѣты да всѣ лазуревы. —
Говоритъ Настасья таково слово:
«Воръ Алешенька да ты Поповичъ-отъ!
«Не бывалъ вечоръ ты во чистомъ поли,
«Какъ ходилъ съ собаками на задворкахъ».
Это слово ему не показалосе,
Не казалось слово не слюбилосе.
Какъ идетъ Алёша прямъ на царской дворъ,
Говоритъ Алёша таково слово:
— Ужъ ты солнце князь да князь владимерской,
— Князь владимірской, да стольнё-кіевской!
— Ты послушай князь да что те я скажу:
— Сочини указы государевы —
— Не держать удовки въ гради въ Кіеви
— Еще той Настасьи да Викуличной,
— Не хорошима словами меня озвала,
— Что я не былъ вечоръ да во чистомъ поли,

— Я на томъ ли поли да на лыцарскомъ,
— Что ходилъ съ собакамы по задворкамъ. —
По Алешеньки да вси ручаются,
Еще сильніи могучіи богатыри,
А й вельможи поляницы да удалыи,
Ены прося солнышка да князя да Владиміра
Сочинить указъ да государевой,
Не держать удовки въ гради въ Кіеви,
Еще той Настасьи да Викуличной.
Еще солнце князь да князь владимерской,
Князь владимерской да стольнё-кіевской,
Приказалъ указы сочинить ёнъ строгіи —
Не держать удовки въ гради въ Кіеви.
Приходилъ Алёшенька Поповичъ-отъ
Ко честной вдовы Настасьи да Викуличной,
Говоритъ Алёша таково слово:
— А й ты честна вдова Настасья да Викулична!
— Если въ честь идёшь — такъ я тя въ честь возьму,
— Если въ честь не йдёшь — такъ я не въ честь возьму,
— Красота твоя мнѣ приглянуласе,
— Ты не йдешь ли за меня да во замужество,
— За меня Алёшу за Поповича,
— Какъ должна итти да съ града съ Кіева.
— Сочиненъ указъ да госуда́ревы
— Не держать удовки въ гради въ Кіеви. —
Какъ честна вдова Настасья да Викулична,
Какъ пошла ена да во замужество,
За того Алёшу за Поповича.
Какъ во стольнёмъ городи во Кіеви,
Какъ во Кіеви да былъ почестной пиръ.
Какъ на томъ пиру да на почестноемъ,
Тамъ цари съѣзжалисе царевичи,
Короли съѣзжались королевичи,
Тамъ вѣдь сильніи могучіи богатыри,

Какъ вельможи поляницы да удалыи.
А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ
Енъ съѣзжаетъ съ земли съ земли съ Датскіи,
Выѣзжалъ вѣдь енъ да на чисто полё,
Ёнъ роздернулъ шатéръ бѣлополотняной,
Насыпалъ коню пшена ёнъ бѣлоярова.
Ёнъ зашелъ въ шатéръ бѣлополотняной,
Вкругъ бѣла шатра да его доброй конь,
Его добрый конь кругомъ похаживатъ,
Ёнъ не ѣстъ пшена да бѣлоярова,
Ёнъ вѣдь билъ ногамы о сыру землю,
Еще мать земля стала́ продрагивать.
Выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра,
Енъ вѣдь взялъ вѣдь палицу булатнюю,
Енъ вѣдь бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
Енъ вѣдь бьетъ коня самъ приговаривалъ:
— Ужъ ты волчья сыть да травяной мѣшокъ! —
Какъ за тымъ шатромъ бѣлополотнянымъ,
Говоритъ Добрыни добру молодцу [1]):
«А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
«Ты не бей-ко бурушка косматушка,
«Ты садись на бурушка косматушка,
«Поѣзжай-ко ты во стольнёй Кіевъ градъ.
«Какъ во томъ ли городи во Кіеви,
«Какъ во Кіеви да тамъ почестной пиръ.
«Тамъ цари съѣзжаются чаревичи,
«Короли съѣзжались королевичи,
«Ужъ тамъ сильніи могучи храбры лыцари,
«Тамъ вельможи поляницы да удалыи.
«Какъ твоя теперь да молода жена,
«Молода жена да любима семья,
«Какъ пошла ёна да во замужество,

---

1) Неизвѣстно кто, такъ слышалъ и отъ «пѣтаря».

«Не за царя ёна не за царевича,
«А не за короля ёна за королевича,
«Не за сильняго за храбраго могучаго богатыря, —
«За того Олеша за Поповича».
А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
Ёнъ садился на бурушка косматушка,
Поѣзжалъ вѣдь ёнъ да во стольнёй Кіевъ градъ,
Пріѣзжалъ къ полаты бѣлокаменной.
Ёнъ во томъ ли городи во Кіёви,
Становился къ окошечку косивчату,
Енъ на томъ ли бурушки косматушки.
Закричалъ Добрыня громкимъ голосомъ:
— А й во моей полаты бѣлокаменной,
— Еще есть родитель моя матушка во живностяхъ? —
Какъ честна вдова Елена Тимофеевна,
Какъ сидитъ старуха старо-матерша,
На печи печи да у печна столба.
Услыхала старуха старо-матерша
Ёна громкій голосъ богатырскіи.
Сопущается изъ печенки муравленой,
Ко тому окошечку косивчату,
Увидала сына да любимаго,
Молода Добрынюшку Микитича.
Какъ скочила ена да на широкій дворъ,
Отворятъ воротца да широкіи,
Заѣзжалъ Добрыня на широкой дворъ,
Говорилъ Добрыня доброй молодецъ:
— А й ты родитель моя матушка,
— Честна вдова Елена Тимофеевна!
— Еще гдѣ моя да молода жена,
— Молода жена Настасья да Викулична? —
«Ужъ ты чадо чадо моё милоё,
«Ты дитя дитя мое любимоё,
«Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!

«Какъ твоя теперь да молода жена,
«Молода жена да любимá семья,
«Какъ пошла ёна да во замужество
«Не за царя ёна не за царевича,
«Не за короля ёна за королевича,
«Не за сильняго за храбраго могучаго богатыря,
«За того ли за Олёшеньку Поповица».
— А й ты родитель моя матушка,
— Честна вдова Елена Тимофеевна!
— Принеси мнѣ платье скоморошноё,
— Принеси гусёлышка яровчаты,
— Какъ пойдётъ Добрыня на почестный пиръ. —
Принесла вѣдь платье скоморошноё,
Принесла гусёлышка яровчаты,
Какъ пошолъ Добрыня на почестный пиръ.
Ёнъ иде въ полаты бѣлокаменны,
Енъ во тыи гридни во столовыи,
А й ёнъ крестъ кладетъ самъ по писаному,
Енъ поклонъ веде самъ по учéному,
Енъ на вси четыре да на стороны,
А й царю съ царицей да въ особину.
Говоритъ удалой доброй молодецъ,
Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ:
— Ужъ ты солнце князь да князь Владимірской,
— Князь Владимірской, да стольнё-кіевской!
— Ты послушай князь да что те я скажу:
— Отведи-ка мнѣ-ка нынь вѣдь мистечко,
— Мнѣ молóдому теперь гусельщику. —
Говоритъ тутъ солнце князь да князь владимерской,
Князь владимерской да стольнё-кіевской:
«А й молодóй молóдыи гусельщичокъ!
«Ещѐ вси мѣста да попризаняты
«У молóдыихъ да у гусельщиковъ,
«Только мистечка да на печи́ печи,

«На печи печи да на печномъ столби».
Какъ ставалъ Добрыня добрый молодецъ,
Ёнъ на тую печенку муравлену,
Ёнъ садился удалый добрый молодецъ,
Ёнъ садился тутъ да на печной-отъ столбъ,
Ёнъ вѣдь началъ гуселка́ налаживать,
Ёнъ вѣдь началъ струночки натягивать.
Ёнъ перву́ наладилъ съ града съ Кіева,
Ёнъ другу наладилъ изъ Чернигова,
Ёнъ вѣдь третьюю изъ каменно́й Москвы.
Ёнъ вѣдь началъ гуселка́ поигрывать, —
Какъ дивилися цари цари царевичи,
Короли дивились королевичи,
Ужъ какъ сильніи могучіи богатыри,
Какъ вельможи поляницы да удалыи.
Еще не было моло́даго гусельщика
Супротивъ Добрынюшки Микитица,
А й находится моло́дыи гусельщичокъ,
Ёнъ не хуже да Добрыни добра молодца,
Ёнъ вѣдь волосомъ да ёнъ вѣдь возрастомъ,
Красотой вѣдь е́нъ да всѣмъ угожествомъ
Какъ не хуже Добрынюшки Микитица.
Говоритъ тутъ солнце князь да князь владимірской
Князь владимірской, да стольнё-кіевской:
«А й молодо́й моло́дыи гусельщичокъ!
«Сопущайся-ко да изъ печна столба,
«Какъ изъ той изъ печенки муравленой.
«Еще перво мѣстечко подлѣ́ меня,
«Еще друго мѣсто супроти́въ меня,
«Еще третьё мѣсто супротивъ княгины да моло́дыи,
«Супротивъ Настасьюшки Викуличной».
Молодо́й моло́дыи гусельщичокъ,
А й садился ёнъ да о-середь стола
Ёнъ на ту скамеёчку кленовую,

Супротивъ княгины да молодыи,
Супротивъ Настасьи да Викуличной.
Наливали чару зелена вина,
Подносилы молóдому гусельщику,
Принималъ ёнъ чару единой рукой,
Выпивалъ ёнъ чару на единой здохъ.
Говоритъ молóдыи гусельщичокъ:
— Ужъ ты солнце князь, да князь владимірской,
— Князь владимірской да стольнё-кіевской!
— Ты послушай князь да что те я скажу:
— Какъ позволь-ка нáлить чару зелена вина,
— А вѣдь тую чару, кою я вѣдь пилъ,
— Поднести княгины да молодыи,
— Еще той Настасьюшки Викуличной.—
«А й молодой молодыи гусельщичокъ!
«А й наливай-ко чару зелена вина,
«А й подноси княгины да молодыи,
«Еще той Настасьи да Викуличной».
Наливалъ ёнъ чару зелена вина,
Енъ спущалъ туда да именнóй перстень,
Какъ которымъ перстнемъ обручалисе
А со той Настасьей да Викуличной.
Подносилъ вѣдь чару, приговаривалъ:
— А й молодá молóдая Настасья да Викулична!
— Если пьешь до дна, дакъ увидашь добра,
— А й не пьешь до дна, дакъ не видать добра.—
Принимала чару единой рукой,
Выпивала чару на единой здохъ,
Увидала перстень золоченыи.
Какъ увидла перстень золоченыи,
Какъ которымъ перстнемъ обручалисе
А й со тымъ Добрынюшкой Микитицомъ,
Положила перстень éна нá руку.
«Ужъ ты солнце князь да князь владимірской,

«Князь владимірской, да стольне-кіевской!
«Ты послушай князь да что те я скажу:
«А не тотъ мой мужъ, кой нынь подлѣ́ меня,
«Еще тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня».
Какъ на той скамеечки кленовыи,
Какъ пошла изъ-за стола изъ-за дубоваго
Какъ ко той скамейки ко кленовыи,
Какъ къ тому Добрынюшки Микитичу,
Розгорѣлось сердце богатырскоё,
Какъ ставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Ёнъ взималъ Але́шу за желты кудри,
Ёнъ кидалъ Алешу о кирпичной полъ,
А ёнъ пнулъ Алешеньку подъ лавочку.
Какъ подъ ла́вицей Алёша выговаривалъ:
— Еще всякой-отъ дуракъ на свѣтѣ женится,
— Какъ не всякому женидьба удается.
— Удаваласе женидьба тремъ богатырямъ:
— Еще старому казачку да Ильи Муромцу,
— А й молоду Добрынюшки Микитицу,
— А й молоду Чурилы щапы Пленковицу.

Записано тамъ же, 6 августа.

218.

ДЮКЪ.

А й во Волынь-земли да въ Золотой орды,
А й что во той Индѣи пребогатыи,
Во Волынцѣ городи во Галицѣ,
А й жилъ молоденькой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
А й какъ удаленькой да доброй молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Енъ пришелъ въ полату бѣлокаменну,

Енъ садился на лавочку брусовую,
Енъ понизилъ буйну голову пониже плечъ,
А й ниже плечъ своихъ могучихъ богатырскіихъ.
Приходила родитель ево матушка,
А й честна вдова Нанельфа Тимофеевна,
А й говорила ёна да таково слово:
«Ужъ ты чадо, чадо моё милоё,
«А й ты дитя дитя моё любимоё,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«И отправляешься ты воружаешься,
«А й во перву́ поѣздку богатырскую,
«А й не въѣзжай ли на гору на Палань-гору,
«А й на то ли мѣстечко на красивоё,
«А й на красиво мѣ́стечко удобноё,
«Гдѣ цари съѣзжаются царевичи,
«А й короли съѣзжались королевичи,
«А й гдѣ сильніи могучи храбры лыцари,
«А й вельможи поляничи[1]) тамъ удалыи.
«А й не садись съ нима во тую во компаньицу великую,
«А й какъ хвастай-ко имѣньицомъ сиротскіимъ,
«А й какъ сиротскіимъ имѣньицомъ побѣдныимъ».
Это слово ему не слюбилосе.
А й какъ ставалъ бояринъ на рѣзвы ноги,
Енъ пошелъ на стойлу лошадиную,
А й выбиралъ добра коня не ѣзжана,
Налагалъ уздицю ёнъ шелковую,
А й онъ изъ чиста шолку Шемаханскаго,
А й онъ вѣдь потнички на потнички накладывалъ,
А й войлочки на войлочки,
Сѣделышко черкаско окова́ное,
А й подпругъ кладае до двѣнадцати,
А й онъ тринадцату натягивалъ продольнюю,

1) Досюль женщины воевали, это — поляница значитъ по деревенски.

Какъ не для ради красы басы угожества,
А й для такой укрѣпы богатырскіи.
А й подпругà изъ чистаго шолку шемаханскаго,
А й стремена желѣза изъ булатняго,
А еще пряжки мѣди ты казанскіи.
А й Шемаханской шолкъ не трется да не держится,
А й булатъ желѣзо то не ломится,
А й хошь казанска мѣдь та не заржáвѣё.
А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ёнъ пришолъ въ полату бѣлокаменну,
Садился éнъ да на ременчатъ стулъ,
А й обувалъ сапожки онъ козловыи,
А й онъ черна козла да ёнъ заморскаго;
А й одѣвалъ éнъ шубу соболиную,
Ёнъ того ли черна соболя заморскаго,
Выходилъ удалой на широкій дворъ.
А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А й онъ беретъ вѣдь сбрую всю вѣдь лыцарску:
А й во-первыхъ беретъ онъ вóстрой мечъ,
А й во-дрýгихъ беретъ да ёнъ вѣдь тýгой лукъ,
А й онъ во-третьихъ палицу булатнюю.
А й онъ вѣдь вострой мечъ да бралъ подъ пазуху,
А й онъ вѣдь тýгой лукъ да на плечé кладалъ,
А й онъ вѣдь палицу булатнюю ту въ кольцо кладалъ,
А й онъ садился удалой доброй молодецъ,
А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Енъ на того ли бурушка косматушка.
А й какъ видали добра мóлодца что сядучись,
А й не видали удала поѣзжаючись.
А й съ горы нá гору да съ дóлы нá долу,
А й какъ по тымъ стéпямъ по саратовскимъ
Одна куревка да завивается.
А й конь вѣдь рѣки-озёра перескакивалъ,
А й ёнъ мхи болота промежъ ногъ пущалъ,

А й какъ сини моря тыи кругомъ бѣжалъ,
Выѣзжалъ на гору онъ на Пала́нь-гору,
А ёнъ на тое мѣстечко красивоё,
А й на красиво мѣ́стечко удобноё.
А й тамъ цари съѣзжаются царевичи,
А й короли съѣзжались королевичи,
А й тамъ вѣдь сильнiи вѣдь храбрыи бога́тыри,
А й какъ вельможи поляницы да удалыи.
А й не садился съ нима́ во ту ли во кампаньицу великую,
А ёнъ не хвастаётъ имѣньицомъ сиротскiимъ,
А й поѣзжалъ съ горы ёнъ съ Палань-горы,
А й выѣзжалъ ёнъ вѣдь во чисто полё,
А й на то́е поле да на лыцарско,
И прiѣзжалъ онъ въ поли ко сыру дубу.
А й на сыромъ дубу сидитъ птица че́рный воронъ-отъ,
А й говоритъ тутъ удалой доброй молодецъ,
А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— А ужъ ты воронъ воронъ птица цорная,
— А й птица це́рная да сама вѣщая!
— А й ты скажи-ко воронъ да повѣдай-ко,
— А й не видалъ мни воронъ поединщика,
— А изъ царевъ ли изъ царевичёвъ,
— Аль изъ королей ли королевичёвъ,
— А й какъ изъ сильнiихъ храбрыхъ могучiихъ изъ лыцарёвъ,
— А й какъ изъ тѣхъ вельможъ ли поляницъ да мнѣ удалыихъ.
— А й ты не скажешь воронъ сущёй правды мнѣ,
— А й пострѣлю тя воронъ на сыромъ дубу,
— А изъ сыра дуба да па́дешь на землю. —
А закричалъ тутъ воронъ громкимъ голосомъ:
«А й ты удаленькой да доброй молодецъ:
«А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А й не стрѣляй-ко меня да чорна ворона,
«А я скажу тобѣ про поединщика,
«А я скажу тобѣ про супротивника.

«А й поѣзжай-ко къ риченкѣ Смородинѣ.
«А й какъ у той у риченки Смородины,
«А й тамъ стоитъ шате́ръ бѣлополотняной,
«А ужъ тамъ те́рема да златоверхіи.
«А й какъ во томъ шатри бѣлополотняномъ,
«А й спитъ старый казакъ да Илья Муромечъ,
«А Илья Муромечъ да сынъ Ивановичъ.
«А й у того шатра бѣлополотняна,
«Что у шатричка да сто́итъ доброй конь,
«А ёнъ при всей вѣдь сбруи богатырскіи:
«А й на кони уздица е шелковая,
«Что изъ чиста-ль шолку Шемаханскаго,
«А й на ёмъ потнички на потнички накладены,
«А й на ёмъ войлочки на войлочки,
«А й на войлочкахъ черкаское сѣде́лкоokованое
«А й подпругъ кругомъ да до шестнадцати,
«А й какъ семнадцата натянута продольняя,
«А й какъ не для ради красы басы угожества,
«А й для той укрѣпы богатырскіи.
«А й подпруга изъ чиста шолку Шемаханскаго,
«А й стремена желѣза изъ булатнёго,
«А еще пряжки мѣди ты казанскія.
«Шемаханской шолкъ не трется да не держится,
«А й какъ булатъ-желѣзо то не ломится,
«А й казанска мѣдь та не заржавѣё».
А й какъ удаленькой да доброй молодецъ,
А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А не стрѣли́лъ вѣдь е́нъ да черна ворона,
А й поѣзжалъ ёнъ къ рѣченки Смородины.
Пріѣзжаё къ рѣченки Смородины,
А й тамъ стоитъ шате́ръ бѣлополотняной,
А й тамъ теремъ-отъ да златоверхіи.
И у того шатра бѣлополотняна,
А й что ль у терема да златоверхаго,

А й что ль у терема да сто́ялъ доброй конь,
А ёнъ при всей вѣдь сбруи богатырскіи.
А й на конѣ уздица есть шелковая,
А й какъ изъ чиста шолку Шемаханскаго,
А на ёмъ потнички на потнички накладены,
А й на нёмъ войлочки на войлочки,
На войлочкахъ сѣдельшко черкальско окованоё,
А подпругъ на ёмъ есть до шестнадцати,
А й какъ семнадцата натянута продольняя,
А й какъ не для ради красы басы угожества,
А й для такой укрѣпы богатырскіи.
А й какъ во томъ шатри бѣлополотняномъ,
А й въ терему во томъ да златоверхіимъ,
А й спитъ старый казакъ да Илья Муромечъ,
А Илья Муромечъ да сынъ Ивановичъ.
А й приходилъ удалой доброй молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А й говоритъ е́нъ таково слово:
— А й ты старый казакъ да Илья Муромечъ,
— А Илья Муромечъ да сынъ Ивановичъ!
— А ужъ ты спишь лежишь да проклажаешься,
— А й надъ собой незгоды не начаешься, —
— А й отрублю Ильюши буйну голову! —
А й какъ стары́й казакъ да Илья Муромечъ,
А онъ на одри́ лежитъ самъ выговариватъ:
«А й ты удаленькой да добрый молодецъ,
«А й молодая млада скоморошина!
«А й ты скажись удалой доброй молодецъ:
«А изъ какой земли изъ какой орды,
«Коёго́ отца которой матушки?
«А й ты не скажешься удалой доброй молодецъ, —
«А й ужъ мы сядемъ-ко на добрыхъ коней,
«А й мы отправимся мы во чисто полё,
«А й кто вывезё головушку съ чиста поля».

— А я скажу тебѣ да проповѣдую:
— Я съ Волынь земли да съ Золотой орды,
— Я изъ той Индѣи пребогатыи,
— Изъ Волынца города изъ Галичи,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ. —
«Ужъ мы сядемъ-ко да на добрыхъ коней,
«Мы отправимся да во чисто полё,
«Кто повывезé головушку съ чиста поля».
А й молодой бояринъ сокручинился,
А й сокручинился да запечалился.
А й онъ понизилъ буйну голову пониже плечъ,
А й ниже плечъ своихъ могучихъ богатырскіихъ,
Говоритъ вѣдь енъ да таково слово:
— А й ты стары́й казакъ да Илья Муромецъ!
— Еще гдѣ мнѣ стоять съ тобой въ чистомъ поли? —
Говоритъ старой казакъ да Илья Муромечъ:
«А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не кручинься-тко да не печалься-тко,
«Назовёмся братьямы крестовыма».
А й какъ старóй казакъ да Илья Муромечъ,
А Илья Муромечъ да сынъ Ивановичъ,
А Илья Муромечъ да тотъ большéй-отъ братъ,
А й молодой бояринъ тотъ меньшóй-отъ братъ.
А й какъ старой казакъ да Илья Муромечъ,
Своего да брата ёнъ крестоваго,
А ёнъ за рученки за бѣлыи,
А ёнъ за тыи перстни за злачёныи,
А ёнъ за тыи кольца золочёныи,
А ёнъ садилъ за столички дубовыи,
А ёнъ за ты шелковы скатерти за браныи,
Ёнъ за тыи ѣствы за сахарніи,
И за такіи питья за медвяныи.
А й какъ сидятъ тутъ ѣдятъ пьютъ проклажаются,
А й какъ два брателка да два крестовыхъ,

Надъ собой незгоды не начаются.
А й какъ въ томъ шатри бѣлополотняномъ,
А й въ терему во томъ во златоверхіимъ,
А й отворялась дверь дубовая тутъ на́ пяту,
Какъ идётъ поганоё Инодолищо,
Ёнъ вѣдь чудному образу не молится,
Ёнъ вѣдь добрымъ молодцамъ челомъ не бьётъ.
А ёнъ садился на лавочку брусовую,
А сидучи́сь вѣдь енъ да поросфастался
И какъ тое поганое Инодолищо:
— Я прошолъ по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
— Я Казань-Рязань прошолъ да Во́строкань.
— Ужъ я былъ я въ городи во Кіеви,
— Я не давно ль былъ да во Чернигови,
— Я сейчасъ иду изъ каменной Москвы.
— А й не находится мнѣ поединщичка,
— Изъ царевъ царевъ мнѣ изъ царевичёвъ,
— Изъ королей королей да королевичёвъ,
— А й какъ изъ сильніихъ изъ храбрыихъ могучіихъ богатырёвъ,
— А й какъ изъ вельможъ мнѣ поляницъ мнѣ да удалыихъ.
— А й какъ на тотъ ли тотъ ли стольнё Кіевъ градъ,
— А идетъ честь вѣдь слава великая,
— А й что во томъ ли гради да во Кіёви,
— Есть старой казакъ да Илья Муромечъ,
— Илья Муромечъ да сынъ Ивановичъ. —
А й говоритъ погано Инодолищо:
— А Илья Муромечъ да вѣрно силёнъ есть,
— А й вѣрно силёнъ есть, да ёнъ по многу ль ѣстъ? —
А й говоритъ удалой доброй молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Что старой казакъ да Илья Муромечъ,
«А ёнъ вѣдь выть держалъ да ёнъ не бо́льшеньку.
«По одной то ѣлъ крупчатой булочки,

«А й какъ крупивчатымъ колачикомъ закусывалъ,
«А й какъ крупивчатой колачикъ будто турей рогъ».
А й говоритъ погано Инодолище:
— А й что какой Илья мнѣ поединщичёкъ?
— Я того Илью да на помахъ убью.
— А ужъ какъ я удалой доброй молодецъ,
— А хоть выть держалъ да я вѣдь среднюю,
— По семи хлѣбовъ да я къ выти ѣлъ,
— По полу волу да я закусывалъ,
— Гуся лебедя да на закуску ѣлъ. —
Говоритъ Ильюша таково слово:
«А й у поганаго да Инодолища,
«А й лошаденка была да обжорищо,
«И обжралась пшеномъ да бѣлояровымъ».
А й какъ во стольноёмъ во городи во Кіеви
А поганому да Инодолищу,
Это слово ему не прилюбилосе,
Вынималъ ножищо да кинжалищо,
А й ёнъ бросалъ Ильюши во бѣлы груди.
А й какъ стары́й казакъ да Илья Муромечъ,
А ёнъ вѣдь зналъ увертки богатырскіи,
Отвернулся отъ ножика кинжалика.
Пролетѣлъ тутъ ножъ да скрозь дубову дверь,
Улетѣлъ тутъ ножъ да во чисто́ полё,
А й какъ валился ножъ да на сыру землю,
Енъ ушолъ вѣдь въ землю да́ и́ до череня.
А й какъ стары́й казакъ да Илья Муромечъ,
А й розгорѣлось сердце богатырское,
И отъ порога ёнъ да ворочается,
И енъ хватилъ поганаго Инодолища,
И ёнъ здымалъ его выше́ могучихъ плечъ,
А ёнъ бросалъ его да о кирпичной полъ,
А еще тутъ поганому славы̀ поютъ.

Записано тамъ же, 6 августа.

VI.

КЕНОЗЕРО.

КЕНОЗЕРО.

XLIII.

ПОРОМСКОЙ.

Иванъ Павловичъ Си́вцевъ, по прозванію **По́ромской**, богатый крестьянинъ изъ дер. Поромска, лежащей у впаденія рѣчки Пормы въ Кенозеро, средняго роста, плотный, еще моложавый, безъ единаго сѣдаго волоса, старикъ 65 лѣтъ. Его отецъ, умершій 30 лѣтъ тому назадъ не старымъ еще человѣкомъ (на шестомъ десяткѣ отъ роду), былъ лучшій знатокъ былинъ во всемъ околоткѣ. Звали его Павломъ Семеновичемъ, и онъ былъ по ремеслу деревенскимъ портнымъ. Былины свои онъ заимствовалъ отъ стариковъ въ Плесскомъ погостѣ, что̀ у впаденія Кены въ Онегу-рѣку (этотъ погостъ сосѣдній съ Бережно-дубровскимъ, откуда вынесъ былины Иванъ Фепоновъ, см. выше XIII). Здѣсь учителями старика Поромскаго были преимущественно двое слѣпыхъ «пѣтаря» [1]) — Шерёнкинъ и Подмёткинъ, оба давно умершіе. Мальчикомъ Иванъ Павловичъ сопровождалъ своего отца и помогалъ, ему въ портняжной работѣ; тутъ-то онъ, слушая отца, а иногда и вышепоименованныхъ Плесскихъ пѣтарей, «понялъ

---

1) Слово *пѣтарь* употребляется на Кенозерѣ и Мошѣ въ томъ же смыслѣ, какъ *сказйтель* на Онежскомъ побережьѣ; оно означаетъ пѣвца былинъ.

старины». Самъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ выросъ, почти оставилъ портняжное ремесло, и занимается по большей части земледѣліемъ и рыбною ловлею.

Иванъ Сивцевъ извѣстенъ былъ, хотя не лично, г. Рыбникову: въ сборникѣ его онъ упоминается подъ именемъ «Паромскаго старика»; былины, которыя были отъ него доставлены г. Рыбникову, записалъ по словамъ Сивцева, фельдшеръ, жившій въ то время на Кенозерѣ. Это лучшій изъ кенозерскихъ пѣвцовъ, но нельзя сказать, чтобы его дикція была такъ изящна, какъ напр. у Рябинина, Калинина, Никитина или Прохорова. Воиновъ (см. ниже, XLIV) поетъ изящнѣе его, но у Сивцева былины отличаются бо́льшею полнотою и складностью.

219.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Изъ стольняго города изъ Кіева
Выѣзжали два могучіё богатыря:
Одинъ богатырь Илья Муромецъ,
Да другой молодецъ Добрынюшка Микитьевицъ.
Пріѣзжали богатыри́ на Ѳаворъ гору,
Розставляли богатыри́ полотнянъ шатёръ,
Во шатри-то богатыри опочивъ держатъ.
Спятъ темную ночъ до бѣла́ свѣту,
Пробужается свѣтъ государь Илья Муромецъ,
Да и самъ говоритъ таково слово:
«Вставай молодецъ Добрынюшка Микитьевичъ!
«У насъ что де надъ шатромъ сотворилосе,
«Налетала на шатёръ да вѣща́ птица
«Вѣща́ птица черно́й воронъ,
«Черной воро́нъ самъ проку́ркиватъ,
«Нерадошну вѣсточку сказыватъ.

«Да выходи-тко Добрыня изъ бѣла шатра,
«Погляди по дорогѣ прямоѣзжіе:
«Не проѣхала ли поляница удалая»?
Выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра,
Да поглядѣлъ по дорогѣ прямоѣзжіе,
Да проѣхала поляница удалая.
Да ево храбра поѣздка молодецкая,
Да и́скопыть у коня мётана,
По цѣлой-то овчинѣ по барановой.
У коня изо́ рта-то пламя́ машё,
Изъ ноздрей у коня да кудрявъ дымъ валитъ,
Да ѣде молодецъ де самъ тѣшится,
Да шибаетъ онъ палицу подъ облаки,
Да назадь-то она ей подхватыватъ.
Да пришолъ Добрынюшка въ шатёръ, а самъ разсказыватъ:
— Ты де батюшко да Илья Муромецъ!
— Да проѣхала поляница удалая
— Ево храбра поѣздка молодецкая,
— Ископыть у коня мётана,
— По цѣлой овчинѣ по барановой.
— У коня изо рта-то пламя машё,
— Изъ ноздрей у коня да кудрявъ дымъ валитъ,
— Да ѣде молодецъ де самъ тѣшится,
— Да шибаетъ онъ палицу подъ облаки,
— Да назадь-то она ей подхватыватъ. —
Говоритъ Илья Добрынѣ таково слово:
«Да ты мо́лодецъ Добрынюшка Микитьевичъ!
«Поѣзжай-ко те́перь за бога́тыремъ.
«Да буде русской богатырь — побратайся,
«А невѣрной богатырь — ты войны проси».
Говори Добрыня Ильи таково слово:
— Ты де батюшко да Илья Муромецъ!
— Я не смѣю де ѣхать за богатыремъ. —

Говоритъ Илья Добрыни таково слово:
«Когда не смѣешь ты́ ѣхать за богатыремъ,
«Дакъ больше мнѣ въ товарищи не надобно.
«Поѣзжай-ко назадь ты во Кіевъ градъ,
«Къ молодой-то жены, да къ своей матери».
Да ставалъ Илья на чеботы сафьянные,
Да на сини чулки кармазинные.
Надѣваетъ онъ шубу соболиную,
Да выходитъ старикъ изъ бѣла́ шатра,
Да уздалъ-сѣдлалъ онъ добра коня,
Да уздалъ-то осѣдлалъ скоро-на-скоро,
Скоро-на-скоро да крѣпко-на́-крѣпко.
Да скочилъ де ста́рикъ на добра коня,
Да поѣхалъ Илья за бога́тырёмъ,
Да онъ ѣдетъ изъ утра день до вечера,
Да и темную ночь до бѣла́ свѣту;
Да на другой-отъ день попущается,
Да другой день проѣхалъ изъ утра до вечера,
Да и темную ночь до бѣла свѣту,
Да догналъ онъ богатыря́ въ чистомъ поли,
Да изъ далеча-то Илья закричалъ по звѣриному,
Засвисталъ де старикъ а по змѣиному,
Да подъ богатыремъ конь на колѣни палъ.
Да ѣде богатырь не оглянется,
Да бьетъ палкой коня по тучнымъ ребрамъ:
— Ты несытая кляча конь а травяной мѣшокъ!
— Еще что ты въ полѣ птицы шарашишься,
— Налетѣла де ворона поразграялась. —
Закричалъ Илья-то во второй наконъ,
Да засвисталъ де старикъ по змѣиному,
Подъ богатыремъ конь а на колѣни палъ,
Да оборачивалъ богатырь коня къ Ильи Муромцу,
Да съѣхались оны ужо копьями, —
Только копья ты въ кольцахъ попригнулисе.

Да разъѣздъ чинили на тридцати верстахъ,
Да съѣхались богатыри палками, —
Только палки по щербнямъ отвернулисе.
Соскочили оны со добрыхъ коней,
Да схватились оны на рукопашной бой.
Да хватилъ невѣрной богатырь Илью Муромца,
Да шибалъ де его о сыру́ землю,
Да и самъ де садился на бѣлы груди,
Да вынималъ изъ чинжалища вострой ножъ,
Да хотѣлъ ему пороть а груди бѣлые.
Да и видитъ Илья что бѣда пришла,
Поглядѣлъ онъ на ручку на правую,
На бою де старику смерть не писана.
Да сокоплялъ Илья силу всю въ одно мѣсто,
Да спибалъ съ себя бога́тыря въ чисто́ полё.
Да выскочилъ онъ на рѣзвы́ ноги,
Да хватилъ де богатыря за желты кудри,
Да шибалъ ево онъ подъ облаки,
Да назадь-то онъ ево подхватывалъ.
Кабы де ево не подхватывалъ,
Дакъ предалъ бы ему смерть ту скорую,
Становилъ де богатыря проти́во себя,
Да началъ е́во онъ выспрашивать:
«Скажи-тко удалый дороднiй добрый мо́лодецъ!
«Ты коей орды ты кое́й земли,
«Да котораго ты града урожденiе,
«Да и какъ тебя зовутъ по имени?
Говоритъ молодецъ таково слово:
— Да не знаю я себѣ ро́днаго батюшка.
— Да одна у мня есть родная матушка,
— Да стара́я дѣвка Сиверьянична. —
Говорилъ Илья-то таково слово:
«Да и съѣдешь ты къ родной матери,
«Да скажи-тко ты матери низко́й поклонъ».

Да поѣхалъ молодецъ къ своей матери,
Да встрѣчаетъ ево матушка родимая,
Да сама говорила таково слово:
— Да ты что Василей пріѣхалъ не весёлъ а съ чиста поля?—
Говорилъ де Васька своей матери:
«Да государыни моя ты родна матушка!
«Да наѣхалъ богатырь меня во чистóмъ полѣ.
«Да перво я было ево побилъ сидѣлъ да на бѣлыхъ грудяхъ,
«Да хотѣлъ ему пороть а груди бѣлые,
«Да онъ меня сшибалъ во чисто полё,
«Да ухватывалъ за желты кудри,
«Да шибалъ де меня подъ облаки,
«Да назадь-то онъ меня подхватывалъ.
«Кабы онъ, мать, не подхватывалъ,
«Дакъ предалъ бы мнѣ смерть ту скорую».
Говорила ему мать да таково слово:
— Да и ты дитя моё милоё!
— Да и тутъ-то тебѣ вѣдь ужъ отецъ родной.—
Говорилъ де Василей своей матери:
«Государыни моя ты рóдна матушка!
«Да не хочу де я слыть заугольникомъ.
«Да ему жить, алибо мнѣ-ка жить».
Да обварачивалъ назадь добра коня,
Да поѣхалъ опять къ Ильи Муромцу.
Да Илья муромецъ гдѣ бился тутъ и опочивъ державъ.
Да роздéргиванъ былъ ево бѣлъ шатёръ,
Да закричалъ де Васька зычнымъ голосомъ:
«Да ты старая собака сѣдатой пёсъ!
«Да выходи-тко ты а изъ бѣла шатра,
«Тебѣ вѣдь жить, либо мнѣ-ка жить».
Да ставалъ Илья на чеботы сафьянные,
Да на сини чулки кармазинные,
Да выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
Да хватилъ де богатыря съ коня за желты кудри,

Да шибалъ де онъ евó подъ облаки,
Да назадь-то ево да не подхватывалъ,
Дакъ предалъ ему смерть ту скорую.

Записано на Кенозерѣ (дер. Немятова), 12 августа.

220.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ЦАРЕГРАДѢ.

Отъ стольняго города отъ Кіева,
Да идётъ тамъ калика перехожая.
Старой волосомъ бѣлъ бородóй сѣдой,
Да на старомъ была гуня сорочинская,
Да была шляпа на главы земли греческой,
Да клюшá у калики свинцовая.
Да идётъ де стáрикъ подпирается,
Да йно мать земля та колыбается.
Да пришолъ-де стáрикъ-отъ во Царьгородъ,
Да зашолъ на кружáло государево.
Да онъ крестъ тотъ кладётъ по писаному,
Да поклоны ведётъ по ученому.
«Да вы здравствуйте чумаки чѣловальники!
«Да мнѣ дайте вина на пятьсотъ рублей,
«Да разопьюсь мнѣ повѣрьте на тысяцу».
Да въ закладъ имъ дáвалъ-то пречудной крестъ,
Изъ червоннаво краснаго золота.
Да емý тутова старому не вѣрили.
Да догадались одни голи кабацкіе,
Да сбиралисе голи въ единой кругъ,
Да сложилисе голи по деньги въ складь,
Да брали вина полтора ведра,
Да подносили де калики перехожему.
Да у ихъ принималъ единой рукой,
Да выпивалъ де стáрикъ на единой духъ,

Да и самъ говорилъ а таково слово:
«Да вамъ спасибо братцы голи кабацкіе!
«На приходѣ старика вы мéня опохмѣлили,
«Да опохмѣлили пить роззадорили».
Да съ тово де пошолъ съ кабака долой,
Да пришолъ ко глу́бокому ко погребу,
Да пиналъ ворота ногой вальячные,
Да съ крюковъ замковъ двери вонъ выставливалъ.
Да зашолъ де старикъ во глубокъ погрёбъ,
Да и бралъ-де онъ бочку подъ пазуху,
Да другу́ю сорокóвую подъ дру́гую,
Да третью ту бочку ногой катилъ,
Да выкачивалъ на площадь торговую,
Да упоилъ де голей со всѣхъ кáбаковъ,
Да и самъ упивался онъ дó пьяна,
Да пришолъ лёгъ спать на печку кабацкую.
Да и всѣ чумаки порасплакались,
Да къ царю пришли да поразжáлились:
— Ты де батюшко царь Костянтинъ Боголюбовецъ!
— Да что невѣдомо де къ намъ за старóй пришолъ,
— Да просилъ онъ вина на пятьсотъ рублей,
— Да роспиваться-то ладилъ на тысящу,
— Да въ закладъ давалъ намъ пречудной крестъ,
— Да изъ червонова краснаго золота,
— Да и тутъ мы ему старому не вѣрили.
— Догадалися де голи кабацкіе,
— Да купили де вина полтора ведра,
— Подносили кáлики перехожему.
— Да у ихъ принималъ единой рукой,
— И выпивалъ де старикъ а на единый духъ.
— Да съ тово де онъ ходилъ во глубокъ погребъ,
— Да пиналъ ворота ногой вальячные,
— Да съ крюковъ замковъ двери вонъ выставливалъ.
— Да зашолъ де старикъ во глубокъ погрёбъ,

Да и бралъ-де онъ бочку подъ пазуху,
Да другу́ю сороко́вую подъ дру́гую,
— Да тре́тью ту бочку ногой катилъ,
— Да выкачивалъ на площадь торговую,
— Да упоилъ де голей со всѣхъ ка́баковъ,
— Да и самъ упивался онъ до́ пьяна,
— Нонь лежитъ на печи да на кабацкіи.
Говоритъ туто царь Костянтинъ Боголюбовецъ:
«Да вы глупы чумаки чѣловальники!
«Да подите приведите ко мнѣ на лицо,
«Погляжу я де каковъ craномъ во́зрастомъ».
Пришли чумаки чѣловальники,
Да розбудили соннаго е́го хмѣльняго.
Да скочилъ старъ со печки кабацкіе,
Да не успѣлъ хватить клюши во двѣна́дцать пудо̀въ,
Да ухватилъ онъ вороне́чину дубовую,
Да сталъ онъ по ка́баку похаживать,
Да дубово́й вороне́чиной помахивать,
Да прибилъ чумаковъ чѣловальниковъ,
Да пошолъ де ста́рикъ съ кабака долой.
Да идётъ мимо палату мимо чарскую,
Да закричалъ де ста́рикъ зычнымъ голосомъ:
— Ты де батюшко чарь Костянтинъ Боголюбовецъ!
— Да ищи казну за Ильей славнымъ Муромцемъ,
— Да приходилъ къ тебѣ на славу на великую,
— Да и пить зелено вино безденежно. —
Да ушолъ де стари́къ а во чисто́ полё,
Да раздёргивалъ въ полѣ бѣлъ шатёръ,
Да во шатри то ста́рикъ опочивъ держалъ.
Да мы съ той поры Илью въ старинахъ поёмъ,
Да отнынѣ поёмъ его до́ вѣку.
Да диди-диди-дудай болѣ впередъ не знай.

Записано тамъ же, 11 августа.

221.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Да ѣздилъ тамъ старъ по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости.
Да хорошъ былъ у стараво доброй конь,
За рѣку ту перевозу мало спрашивалъ.
Да ѣдетъ де старый чистымъ полёмъ,
Да большой-то дорогою Латынскою,
Да наѣхалъ на дороги горючъ камень.
Да на камешки подпись подписана:
«Старому де казаку да Ильѣ Муромцу
«Три пути пришло дорожки широкіе:
«А во дороженку ту ѣхать, убиту быть,
«Во другую ту ѣхать, женату быть,
«Да во третью ту ѣхать, богату быть».
Да сидитъ де старикъ на добромъ конѣ,
Головой то качатъ проговариватъ:
— Да я кольки по святой Руси не ѣзживалъ,
— Такова-то чуда вѣкъ не видывалъ.
— Да на что мнѣ-ка старому богачество,
— Своего де у мня много злата серебра,
— Да и много у меня скатняго жемчугу.
— Да на что мнѣ-ка старому женитися,
— Да женитися мнѣ не нажитися.
— Молодая та жена взять чужа корысть,
— Да мнѣ-ка старой жены взять не хочется. —
Да поѣхалъ въ ту дорогу гдѣ убиту быть,
Да наѣхалъ на дорогѣ то станицу разбойниковъ.
Да разбойниковъ стоитъ до пяти́ ихъ сотъ,
Да хотятъ они у стараго коня отнять,
Да сидитъ де старикъ на добромъ конѣ,
Да головой то качатъ проговариватъ:

— Да вы разбойники братцы станичники!
— Вамъ убити де старика меня некого,
— Да отняти у стараво нечево,
— Да съ собою у мня денегъ семь тысячей,
— Да точмяна узда въ цѣлу тысящу,
— Да ковано мое сѣдло во девять тысящей.
— Своему де я добру коню цѣны́ не знай,
— Да я цѣны не знай бурку не вѣдаю:
— Да межъ ушми у мня у коня скаче́нъ жемчугъ,
— Драгоё самоцвѣтноё каменьё,
— Да не для ради красы басы молодецкіѐ,
— Для ради темной ночки осенные,
— Чтобы видно гдѣ хо́дитъ мой доброй конь. —
Да говорятъ ему разбойники станичники:
«Да ты старая собака сѣдатой пёсъ!
«Да и долго ты сталъ разговаривать».
Да скочилъ де старикъ со добра коня,
Да хватилъ де онъ шапку со буйно́й головы,
Да и началъ онъ шапкой помахивать.
Дакъ куды де махнётъ — туда улицы,
Да назадь отмахнётъ — переулочки.
Да разбилъ ёнъ станицю разбойниковъ,
Да разбойниковъ розбилъ подорожниковъ.
Да садился старикъ на добра коня,
Да поѣхалъ онъ ко латыру камешку,
Да на камени подпись поднавливалъ:
«Да старому де казаку а Ильѣ Муромцу
«На бою старику смерть не писана,
«Да и та была дорожка прочищена».
Да отъ стольняво города отъ Кіева,
Да отъ Кіева лежитъ а ко Чернигову,
Да еще было дорожка извѣдати:
«Отчево старику буде женитися,
«Да женитися мнѣ не нажитися,

«Да молодая жена взять чужа корысть,
«Да мнѣ старой жены взяти́ не хочется».
Да поѣхалъ большою дорогою,
Да наѣхалъ на дороги крѣпость богатырскую.
Да стоитъ туто церковь соборная,
Да соборная богомольняя.
Отъ тое́ де обѣдни полуденные,
Идетъ двѣнадцать прекрасные дѣвици,
Да посредѣ то ихъ идётъ королевична.
Говорила королевна таково слово:
— Ты удалой дороднiй доброй молодецъ!
— Да пожалуй ко мнѣ во высокъ терёмъ,
— Да напою накормлю хлѣбомъ солью. —
Да соходилъ де старикъ со добра коня,
Да оставливалъ онъ добра коня,
Не прикована да не привязана.
Да пошолъ де старикъ во высо́къ терёмъ,
Да мосты ты подъ старымъ качаются,
Переводинки перегибаются.
Да зашолъ де старикъ во высокъ терёмъ,
Да садился за столы за бѣлодубовы,
Да онъ ѣстъ де пьётъ проклажается,
Да весь дологъ день да до вечера.
Да выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Да и самъ говорилъ таково слово:
«Ты ли душечка красная дѣвушка!
«Да гдѣ-ка твои ложни те́плые,
«Да и гдѣ твои кровати тесовые,
«Гдѣ-ка мяккiе перины пуховые?
«Да мнѣ на старость старику бы опочинуться».
Да привела его де въ ложни теплые.
Да стоитъ старой у кровати головой качатъ,
Головой то качатъ проговариватъ:
«Да я кольки по святой Руси не ѣзживалъ,

«Такова́ де я то чуда вѣкъ не видывалъ,
«Да видно эта кроватка подложная».
Да хватилъ королевну за бѣлы руки,
Да шибалъ ей ко стѣны кирпичные.
Обвернуласе кроватка тисовая,
Да увалилась королевна во глубокъ погрёбъ.
Да выходилъ старикъ на улицю паратную,
Да нашолъ двери глубокаго погреба,
Да колодьемъ то были призавалены,
Да пескамы-ты были призасыпаны.
Да ёнъ колодья ногами распихивалъ,
Да пески ты руками распорхивалъ,
Да нашолъ двери глубокаго погреба,
Да пиналъ ворота ногой вальячные,
Да съ крюковъ съ замковъ двери вонъ выставливалъ,
Да выпущалъ сорокъ царей сорокъ царевичевъ,
Да и сорокъ королей королевичевъ,
Сорокъ сильнихъ могучихъ богатырёвъ.
Да и самъ говорилъ таково слово:
«Да вы подьте цари по своимъ землямъ,
«Да вы короли по своимъ Литвамъ,
«Да вы богатыри по своимъ мѣстамъ».
Да идётъ душечка красная дѣвушка,
Да ёнъ выде́ргиваётъ саблю вострую,
Да срубилъ ей по плечъ буйну голову,
Да розсѣкъ разрубилъ тѣло женское,
Да куски ты разметалъ по чисту полю,
Да сѣрымъ-то волкамъ на съѣденіё,
Да чернымъ воронамъ на погра́яньё.
Да садился старикъ на добра коня,
Да пріѣхалъ онъ ко латырю каменю,
Да на камешки подпись поднавливалъ:
«Старому де казаку да Ильи Муромцу,
«Да и та была дорожка прочищена».

Да отъ стольнято отъ города отъ Кіева,
Да отъ Кіева лежитъ а ко Царюграду,
Да еще было дорожка извѣдати,
Да отчего де старику будё богачество.
Да поѣхалъ онъ большою дорогою,
Да наѣхалъ на дороги пречудной крестъ,
Да стоитъ у креста головой качатъ,
Головой то качатъ проговариватъ:
«Да я кольки по святой Руси не ѣзживалъ,
«Такова то де я чуда вѣкъ не видывалъ».
Да этотъ крестъ есть не пróстъ стоитъ,
Да стоитъ онъ на глубокомъ на погребѣ,
Да есть несмѣтноё злато серебро.
Да сходилъ де Илья со добра коня,
Да и бралъ крестъ ёнъ нá руки на бѣлые,
Да снималъ со глубокаго со погреба,
Да воздвигнулъ животъ въ славный Кіевъ градъ,
Да построилъ онъ церковь соборную,
Соборную да богомольнюю.
Да и тутъ вѣдь Илья-то окáменѣлъ,
Да понынѣ ево мощи нетлѣнные.

Записано тамъ же, 11 августа.

222.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Изъ-за горъ-то было изъ-за высокіихъ,
Изъ-за лѣсу-то было лѣсу темнаго,
Да повышла, повышла-повыкатила
Да широкая та матушка быстра Волгá рѣка,
Да широкая та Волга подъ Казань прошла,
Да пошире подалѣ подъ Вáсторокань.

Да широкій перевозъ подъ Новы́мъ-городомъ,
Темные лѣсы Смоленскіе,
Да тихіе плеса́ то Чижарицкіе.
Да мѣста шла ровно три тысячи,
Да рѣкъ и ручьёвъ брала смѣты нѣтъ,
Да выпала во́ море Коспійское.
Да то де Добрынюшкѣ не сказочка,
Да теперь старины ево нача́лъ пойдётъ[1]).
Да въ стольнёмъ во городи во Кіеви,
Да у ласкова князя у Владиміра,
Да хорошъ заве́денъ былъ почестной пиръ,
На многи на князи да на бояра,
На сильніе могучіе бога́тыри,
Да на всѣ поляницы удалые.
Да свѣтъ государь де Владиміръ князь,
Да налилъ онъ чару зелена вина,
Да залилъ онъ чару ту сладки́мъ медомъ,
Да засыпалъ онъ чару бѣлымъ сахаромъ.
Становилосе вина да полтора ведра,
Да подноситъ онъ сильнимъ богатырямъ,
Да самъ говоритъ и таково слово:
«Вы братцы могучи бога́тыри!
«Да пишё невѣжа заугро́зою ко мнѣ̀,
«Да проситъ де въ поле поединщика.
«Да который изъ васъ меня выручитъ,

---

1) Крестьянинъ Илья Максимовъ изъ Немятова на Кенозерѣ, лѣтъ 50-ти отъ роду, отецъ котораго пѣвалъ много былинъ, но который очень немногое изъ нихъ удержалъ въ памяти, говорилъ, что его отецъ начиналъ эту былину такъ:

Вышла, повышла-повыкатила да матушка Волга рѣка,
Волга рѣка широка глубока,
Мѣста-то шла она три тысящи,
Плеса-ты давала Сужерѣцкіе,
Выпала въ морё во Каримское.
Топерь-то про Добрынюшку не сказочка сказать,
А топере про Добрыню старины́ будетъ нача̀лъ.

«Отъ этой бѣды а отъ великіе?»
Всѣ во пиру призамо́лкли сидя̀тъ,
Да говоритъ изъ ихъ ужо большо́й-отъ богатырь,
Да большо́й богатырь а Илья Муромецъ:
— Да вы братцы могучіе богатыри!
— Да хоша долго сидить, а говори́ть будётъ.
— Да кому въ поле ѣхать поединщикомъ?
— Да я вѣдь недавно изъ похо́ду де пришолъ,
— Да бился рубился съ невѣ́жей богатырёмъ.
— Да летаетъ невѣжа чернымъ ворономъ,
— Да я не могъ его на́ очи обо́здрити.
— Кабы увидѣлъ собаку, убилъ бы изъ туга́ лука. —
Службу-работу накинули
Да молодцу Добрынюшки Мики́тьевичу.
Да выпивалъ Добрыня чару зелена вина,
Да одва де скороталъ онъ почестной пиръ,
Да не веселъ Добрыня со пиру пошолъ,
Да не веселъ Добрыня да не радошёнъ.
Да приходитъ Добрыня къ своей матери,
Говоритъ ему матушка сударыни:
«Что ты Добрыня не весёлъ со пиру́ пришолъ?
«Мѣсто тебѣ было не по вотчины,
«Али чара тебѣ де не рядомъ дошла,
«Али безумница тебя да обезчестила?»
Говорилъ де Добрыня да отвѣтъ держитъ:
— Да государыни моя ты родна матушка!
— Что мати споро́дила несча́стливаго,
— Да несчастливаго да ненала́нливаго:
— Да силою меня де ты не сильняго,
— Да поѣздкой меня не наѣздника. —
Говорила ему матушка сударыни:
«Да удалый ты дородній добрый молодецъ!
«Да я рада́ молодца́ бы тя спородити.
«Ужо силою въ Самсона Колыва́новича,

«Да смѣльствомъ напускомъ въ Илью Муромца,
«Да кра́сотой во Осипа прекраснаго,
«Да кудрями въ царя де Кудрея́нища,
«Да поѣздкой во Дюка во Степановича,
«Да пощапкой въ Чурила сына Плёнковича.
«Да такова́ молодца́ тебя Госпо́дь Богъ зароди̇лъ».
Да больше Добрыня не распрашиваётъ,
Да со своею матерью прощается,
Да паче тово де съ молодой женой.
Да молодой-то жены да самъ наказывалъ:
— Да хороша Катерина дочь Микулична!
— Да я въ полѣ проѣзжу вѣдь семь годовъ,
— Да подъ дубомъ простою да всёго девять лѣтъ,
— Да всё Катерина ты вдовой живи.
— Да тогда я не буду изъ чиста поля,
— Да хоть вдовой живи да хошь замужъ поди.
— Не ходи не за князя, не за боярина,
— Да вы́бери бога́тыря проти́во хошь меня̀.
— Да еще не ходи за Алёшу за Поповича,
— Да ёнъ воръ собака мнѣ кресто́вой братъ,
— Да крестовой-отъ братъ а паче роднаго. —
Да въ торока Добрыня кладётъ платье цвѣтное,
Въ торока ты кладётъ и калены стрѣла,
Въ торока кладетъ и золоту казну.
Скоро Добрыня забирается.
Забирался Добрыня на коня́ ли самъ сѣлъ,
Поѣхалъ по городу по Кіеву,
Да уѣхалъ Добрыня во чисто́ полё.
Да въ полѣ проѣздилъ онъ семь годовъ,
Да подъ дубомъ простоялъ а все́го девять лѣтъ,
Да всё Катерина-та вдовой живетъ.
Да выѣхалъ Алёша во чисто́ полё,
Да проѣздилъ ёнъ дологъ день до вечера,
Да пріѣхалъ ко князю самъ подска́зывается̀:

«Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да ѣздилъ я сегодня во чисто́ полё,
«Да видѣлъ Добрыню бита ранена лежитъ,
«Да буйной головой а во ракитовъ кустъ,
«Да рѣзвыми ногами во чисто полё.
«Да ору́дія вся-де поразмётана,
«Да черные враны тѣло трынкаютъ».
Да ево-то хозяйка замужъ пошла,
Да за премладова Алёшу за Поповича.
Да на силу ей князь понево́лилъ-де пойтѝ,
Да въ пятницу у ихъ рукоби́тье былò,
Да въ суботу у ихъ ужо и сва́дьба былà,
Въ воскресенье у ихъ а столованьё.
Да на свѣтло-то Христово воскресеніё,
Да поѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто́ полё,
Стрѣтилъ Добрынюшку Микитьевича.
Да ѣдетъ Добрыня изъ чиста́ поля,
Да началъ Добрыня-то про Кіевъ градъ выспра́шивати́,
Да Илья ему Муромецъ разска́зыватѝ:
— Премладыи Добрынюшка Мики́тьевичъ!
— Тебѣ первое сло́вцо нера́дошноё:
— Да твоя-та хозяйка за му́жъ пошла,
— За премладаго Алёшу за Поповича,
— На силу-де ей князь а поневолилъ-де пойтѝ
— Да сегодня у ихъ столова́ніё. —
Да больше Добрыня не разспра́шиваётъ,
Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Да будетъ Добрыня на своёмъ широ́комъ дворѣ̀,
Да не узнала е́во матушка родимая,
Сама говорила таково слово:
«Ты какая поляница наѣхала,
«Не видала ли Добрынюшки Микитьевича?»
Да нельзя признать Добрынюшки Микитьевича:
Да ѣзжучись дѣтина по чисту полю,

Стоячись-де дѣтина подъ сыры́мъ дубомъ,
Истаскалосе да платье цвѣтное,
Издержаласе да золота казна,
Испошилъ-де кафтаны всё звѣриные,
Да шапки, сапоги да всё звѣриноё.
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
— Да помнишь ли мать, спамятуешь-ли,
— Да у Добрыни на право́мъ лицѣ три зна́мени было̀? —
Говорила ево матушка сударыни:
«Да роспекло-де у насъ какъ солнцо красноё,
«Да закатается-де младъ свѣтёлъ мѣсяцъ.
«Да твоя-та хозяйка замужъ пошла
«За премладаго Алёшу за Поповича,
«Да на силу-де ей князь поневолилъ де пойтѝ».
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
— Государыни моя ты родна матушка!
— Да мнѣ подай-ко мать платьё скоморошноё,
— Да мнѣ подай-ко мать гусли́ хрустальнiи.
— Да подай мать шалыгу подорожную. —
Да пошолъ-де Добрыня во почестной пиръ,
Да садился Добрыня на упечинку,
Началъ во гусли наи́грывати,
Перво́й разъ игралъ отъ Царя́-де города̀,
Друго́й разъ игралъ отъ Еруса́лима,
Трете́й разъ сталъ наигрыватѝ,
Да всё своё-то похожденьицо разска́зыватѝ.
Да князю эта игра и по уму пришла,
Самъ говорилъ и таково слово:
«А й же ты дѣти́на скоморошина!
«Да поди-ко дѣтина ты во поче́стно̀й пиръ,
«Тебѣ первое мѣсто подлѣ́ меня сади̇̀сь,
«Друго́е-то мѣсто супроти́во-де меня̀,
«Тре́тье-то мѣсто куды самъ похошь».
Да пришолъ-де Добрыня во почестной пиръ,

Да садился противо Алёши съ молодой женой,
Началъ во гусли наи́грывати̑,
Пе́рвой разъ игралъ отъ Царя-де-города,
Дру́гой разъ игралъ отъ Еруса́лима,
Тре́тей разъ сталъ наигрывати,
Всё своё-то по̆хожденьицо разска́зывати.
Никто-то тому не догадается,
А Катя тому и догадаласе.
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
— Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
— Прикажи Алёшиной да молодой жены,
— Да мнѣ налить де стаканъ-и зелена вина. —
Наливала Катерина стаканъ-и зеле́наго вина,
Положила на подносъ-и на сере́бряной,
Да подносила Добрыни, низко кланяласе.
Да выпилъ Добрыня стаканъ-и зелена́ вина,
Наливалъ стаканъ да назадь подавалъ,
Да опустилъ-де во чару ту злаченъ перстень
Молодца Добрынюшки Микитьевича,
Да самъ говорилъ-и таково слово:
— Да выпивай Катерина стаканъ до́ суха вина̀.
— Да выпьешь ты до дна, дакъ увидашь добра. —
Выпивала Катерина сто́канъ до́ суха вина̀,
Да нашла де во чары-то злаченъ перстень
Да молодца Добрынюшки Микитьевича,
Да сама говорила таково слово:
«Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да не тотъ мнѣ-ка любъ а кой подлѣ́ меня сидитъ,
«А тотъ мнѣ-ка любъ, кой супроти́во менѐ,
«Да молодецъ Добрынюшка Микитьевичъ.
«Да я не знаю, откуда его Богъ принёсъ».
Да князю эта рѣчь-и за бѣду пришла,
За великую досаду не за малую.
Да говорилъ де Добрыня таково слово:

— Да свѣтъ государь ты Владимiръ князь!
— Кабы ты-дѐ былъ а не Владимiръ князь,
— Назвалъ бы тебя я ужо сводникомъ,
— Да государыню княгиню бы я сво́дницею̀.
— Да вы зачѣмъ отъ жива мужа жену́ да отнялѝ? —
Да бралъ Добрыня Алёшу за желты́ кудри,
Да прямо черезъ столъ а переде́ргиваётъ,
Да началъ шалыгой поворачиватѝ:
Въ бухканьѣ не слышно охканья,
Да не далъ ему смерти скорые,
Да далъ ему безвѣчье вѣковѣчноё,
Да стольки Алёша-та женатъ бывалъ,
Да стольки Алёша-та съ женой сыпалъ.

Записано тамъ же, 12 августа.

223.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

Въ сто́льнёмъ городи во Кiеви,
У ласкова князя у Владимiра,
Хорошiй заве́денъ былъ почестной пиръ,
На многiе на князи да на бояра,
Да на сильни могучiе богатыри.
Бѣлой день иде ко вечеру,
Да почестной-отъ пиръ идётъ на веселѣ.
Хорошо государь роспотѣшился,
Да выходилъ на крылечко перёное,
Здрѣлъ-смотрѣлъ во чисто полё.
Да изъ да́леча дале́ча поля чиставо,
Толпа мужиковъ да появиласе.
Да идутъ мужики да всё Кiевляна,
Да бьютъ они князю жалобу кладутъ:

«Да солнышко Владиміръ князь!
«Дай государь свой пра́ведные судъ,
«Да дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
«Да сегодня у насъ на Саро́гѣ на рѣкѝ
«Да невѣдомыи люди появилисе,
«Да наѣхала дружина-та Чурилова.
«Шелковы не́воды заме́тывали,
«Да тетивки были семи́ шелковъ,
«Да плутивца у сѣтокъ-то сере́бряные,
«Камешки позолоченые.
«А рыбу Сарогу повыловили,
«Намъ государь свѣтъ улову нѣтъ,
«Тебѣ государь свѣжа куса нѣтъ,
«Да намъ отъ тебя нѣту жа́лованья.
«Скажутся называются
«Всё оны дружиною Чуриловою».
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе.
Да идутъ мужики да все Кіевляна,
Да бьютъ оны̀ челомъ жалобу кладутъ:
— Да солнышко да нашъ Владиміръ князь!
— Дай, государь, свой пра́ведные судъ,
— Дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
— Севодня у насъ на тихихъ на за́водяхъ
— Да невѣдомые люди появлялисе,
— Гуся да лебедя да повы́стрѣляли,
— Сѣру пернату малу утицу.
— Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
— Тебѣ государь свѣжа куса нѣтъ,
— Намъ отъ тебя да нѣту жалованья.
— Скажутся а называются
— Всё оны дружиною Чуриловою. —
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе.

Да идутъ мужики да все Кіевляна,
Да бьютъ оны̀ челомъ жалобу кладутъ:
«Да солнышко да нашъ Владиміръ князь!
«Дай государь свой пра́ведные судъ,
«Дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
«Да севодня у насъ во темны́хъ во лѣса̀хъ
«Невѣдомые люди появилисе,
«Ше́лковы те́нета заметывали,
«Кунокъ да лисокъ повы́ловили,
«Чернаго сибирскаго соболя.
«Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
«Да тебѣ, государь свѣтъ, корысти нѣтъ,
«Намъ отъ тебя да нѣту жалованья.
«Скажутся а называются
«Всё оны̀ дружиною Чуриловою».
Та толпа̀ на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе.
А и́де молодцовъ до пяти́ ихъ сотъ,
Мо́лодцы на коняхъ одноличные,
Кони подъ нима́ да однока́ріе были,
Же́ребцы всё латынскіе,
Узды по́вода у ихъ а сорочи́нскіе,
Сѣдёлышка были на́ золотѣ,
Са́пожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Зелена сафьяну-то турецкаго,
Сла́внаво покрою-то нѣмецкаго,
Да крѣпкаво шитья-де ярославскаго.
Скобы гвоздьё де были на́ золотѣ,
Да ко́жаны на мо́лодцахъ лосиные,
Да кафтаны на мо́лодцахъ голу́бъ скурлатъ,
Да источниками подпоя́сано се,
Колпацки золоты́е верхи.
Да молодцы на ко́няхъ бывъ свѣчи́-де горятъ,
А ко́ни подъ нима́ бывъ соколы́-де летятъ.

Доѣхали пріѣхали во Кіевъ градъ,
Да стали по Кіеву урóдствовати,
Да лукъ чеснокъ весь повы́рвали
Бѣлую капусту повы́ломали,
Да старыхъ-то старухъ обезвичили,
Молоды́хъ молодицъ въ соромы́-де довели,
Красныхъ дѣвицъ а опозорили.
Да бьютъ челомъ князю всѣмъ Кіевомъ,
Да князи-ты просятъ со княгинами,
Да боя́ра-ты просятъ со боя́рынями,
Да всѣ мужики огородники:
— Да дай, государь, свой прáведные судъ,
— Да дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
— Да сегодня у насъ во городѣ во Кіевѣ,
— Да невѣдомые люди появилисе.
— Да наѣхала дружина та Чурилова,
— Да лукъ чеснокъ весь повырвали
— Да бѣлую капусту повы́ломали,
— Да старыхъ-то старухъ обезвичили,
— Молоды́хъ молодицъ въ соромы́-де довели,
— Красныхъ дѣвицъ а опозорили. —
Да говорилъ туто солнышко Владиміръ князь:
«Да глупые вы князи да боя́ра,
«Неразумные гости торговые:
«Да я не знаю Чуриловой посéличи,
«Да я не знаю Чурило гдѣ дворóмъ стоитъ».
Да говорятъ ему князи и бояра:
— Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
— Да мы знаемъ Чурилову посéличу,
— Да мы знаемъ Чурило гдѣ дворóмъ стоитъ.
— Да дворъ у Чурила вѣдь не въ Кіеви стоитъ,
— Да дворъ у Чурилы не за Кіевомъ стоитъ.
— Дворъ у Чурила на Почáй на рѣки,
— У чудна креста де Мендалидова,

— У святы́хъ мощей а у Бори́совыхъ.
— Да около двора да всё булатній тынъ,
— Да ве́реи были всё точе́ные. —
Да поднялся князь на Поча́й на рѣку̀,
Да со князьями-ты поѣхалъ со боярами,
Со купцями со гостями со торговыми.
Да будетъ князь на Поча́й на рѣкѝ
У чудна креста де Мендалидова,
У святыхъ мощей да у Борисовыхъ,
Да головой-то ка́ча, самъ проговариватъ:
«Да право мнѣ не пролгали мнѣ».
Да дворъ у Чурила на Поча́й на рѣкѝ,
Да у чудна креста де Мендалидова,
У святыхъ мощей да у Борисовыхъ.
Да около двора всё булатній тынъ,
Да ве́реи-ты были всё точёные,
Воротика-ты бы́ли всё всё стекольчатые,
Подворотенки да дорогъ ры́бей зубъ.
Да на томъ дворѣ де на Чуриловомъ,
Да стояло теремовъ до семи до десяти.
Да во которыхъ теремахъ Чури́лъ самъ живётъ,
Да трои сѣни у Чурила-де косивчатые,
Трои сѣни у Чурила-де рѣша́тчатые,
Да трои сѣни у Чурила-де стеко́льчатые.
Да изъ тѣхъ де изъ вы́сокихъ изъ теремовъ,
На ту ли на улицу падовую,
Да выходилъ туто старыи матёрый человѣ̀къ.
На ста́ромъ шуба-то собо́лья была̀,
Да подъ до́рогимъ подъ зе́ленымъ подъ ста́метомъ,
Да пўгвицы были вальячные,
Да вальякъ-отъ литый красна золота.
Да кланяется поклоняется,
Да самъ говоритъ и таково слово.
— Да свѣтъ-государь ты Владимiръ князь!

— Да пожалуй-ко Владиміръ во высо́къ терёмъ,
— Во высо́къ терёмъ хлѣба кушати. —
Да говорилъ Владиміръ таково слово:
«Да скажи-ко мнѣ старый матёрый человѣкъ,
«Да какъ тебя да именёмъ зовутъ,
«Хотя зналъ у кого бы хлѣба кушати?»
— Да я Пленко̀ да гость Сарожанинъ,
— Да я вѣдь Чуриловъ-отъ есть батюшко. —
Да пошолъ де Владиміръ во высокъ терёмъ,
Да въ теремъ-отъ идётъ да всё дивуется.
Да хорошо де те́ремы да изукра́шены были:
Полъ-середа̀ одного̀ серебра̀,
Печки-ты были всё муровле́ные,
Да потики-ты были всё сере́бряные,
Да потолокъ у Чурила изъ черны́хъ соболѐй,
На́ стѣны сукна нави́ваны,
На сукна-ты стёкла наби́ваны.
Да всё въ терему́ де по небесному,
Да вся небесная луна̀ де принаве́дена была̀,
Ино всякія утѣхи несказа́нные.
Да пиръ-отъ идётъ о полу́-пиру,
Да столъ-отъ идётъ о полу́-столѣ,
Владиміръ князь роспотѣшилсе,
Да вскрылъ онъ окошечка немножечко,
Да поглядѣ́лъ де во да́лече чисто́ полё.
Да изъ да́леча дале́ча изъ чиста́ поля,
Да толпа молодцовъ появиласе,
Да ѣде молодцо̀въ а болѣ тысящи,
Да середи́-то силы ѣздитъ купа́въ молодѐцъ,
Да на мо́лодцѣ шуба-та собо́лья была̀,
Подъ до́рогимъ подъ зе́ленымъ подъ ста́метомъ.
Пугвицы были вальячные,
Да вальякъ-отъ литый красна золота,
Да по до́рогу яблоку свирскому.

Да ѣдё молодецъ да и самъ тѣшится,
Да съ коня-де на коня переска́киваётъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваётъ,
Черезъ тре́тьево да на четвёртаго,
Да вверхъ копьё побрасываётъ,
Изъ ручки въ ручки подфатываётъ.
Да ѣхали пріѣхали на Поча́й на рѣку̀,
Да сила та ушла де по свои́мъ терема̀мъ.
Да сказали Чурилы по незна́емыхъ гостѐй,
Да бралъ-де Чурило золоты ключи,
Да ходилъ въ амбары́ мугазенные,
Да бралъ онъ сорокъ сороковъ че́рныхъ соболѐвъ,
Да и многіе пары лисицъ да куницъ,
Подарилъ де онъ князю Владиміру.
Да говоритъ-де Владиміръ таково слово:
«Да хоша много было на Чурила жа́лобщиковъ,
«Да побольше того де челомъ-би́тчиковъ,
«Да я теперь на Чурила да суда́ де не дамъ».
Да говорилъ-де Владиміръ таково слово:
«Да ты премладыи Чурилушко сынъ Плёнковичъ!
«Да хошь ли итти ко мнѣ во стольники,
«Да во стольники ко мнѣ во чашники».
Да иной отъ бѣды дакъ откупается,
А Чурило на бѣду и нарывается.
Да пошолъ ко Владиміру во стольники,
Да во стольники къ ему во чашники.
Пріѣхали они ужо во Кіевъ градъ,
Да свѣтъ государь да Владиміръ князь,
На хороша́ на новаго на стольника,
Да завёлъ государь да почестной пиръ.
Да премла́дыи Чурило-то сынъ Плёнковичъ,
Да ходитъ-де ставитъ дубовы́ столы,
Да желтыми кудрями самъ потря́хиваётъ,
Да же́лтыи кудри разсыпаются,

А бывъ скачёнъ жемчу́гъ раскатается.
Прекрасная княгина-та Апраксія
Да рушала мясо лебеди́ное,
Смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову,
Обрѣзала да руку бѣлу правую.
Сама говорила таково слово:
— Да не дивуйте-ко вы жены господскіе,
— Да что обрѣзала я руку бѣлу правую.
— Да помѣшался у мня разумъ во буйно́й головѣ̀.
— Да помутилисе у мня де очи ясные,
— Да смотрячи́сь де на кра́соту Чурилову,
— Да на его́-то на́ кудри на желтые,
— Да на его́ де на́ перстни злаченые,
— Помѣшался у мня разумъ во буйно́й головѣ̀,
— Да помутились у меня да очи ясные, —
Да сама говорила таково слово:
— Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
— Да премла́дому Чурилу сыну Плёнковичу
— Не на́ этой а е́му службы быть,
— Да быть ему де во постельникахъ,
— Да стлати ковры да подъ насъ мяккіе. —
Говорилъ Владиміръ таково слово:
«Да суди́ те Богъ княгина что въ любовь ты мнѣ пришла̀.
«Да кабы ты княгина не въ любовь пришла,
«Да я срубилъ бы те по плечъ да буйну голову,
«Что при всѣхъ ты господахъ обезчестила».
Да снялъ-де Чурила съ этой бо́льшины,
Да поставилъ на бо́льшину на и́ную,
Да во ласковые зазыватели,
Да ходить де по городу по Кіеву,
Да зазывати гостей во почестной пиръ.
Да премладыи Чурило-то сынъ Плёнковичъ,
Да улицми идётъ де переулкамы,
Да желтыми кудрями потря́хиваётъ,

А желтые ты кудри разсыпаются.
Да смотрячи́сь де на кра́соту Чурилову,
Да старици по кельямъ онати[1]) оны дерутъ,
А молодыи молодицы въ голенища сцатъ,
Красныя дѣвки отселья (отъ селья?)[2]) дерутъ.
Да смотрячи́сь де на красоту Чурилову,
Да прекрасная княгина-та Апраксія,
Да еще говорила таково слово:
— Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
— Да тебѣ де не любить, а пришло мнѣ говорить,
— Да премла́дому Чурилу сыну Плёнковичу,
— Да на́ этой а ёму службы быть,
— Да быти е́му во постельникахъ,
— Да стлати ковры подъ насъ мяккіе. —
Да видитъ Владиміръ что бѣда пришла,
Да говорилъ де Чурилу таково слово:
«Да премладыи Чурило ты сынъ Плёнковичъ!
«Да больше въ домъ ты мнѣ не на́добно.
«Да хоша въ Кіеви живи, да хоть домой поди.»
Да поклонъ отдалъ Чурила да и вонъ пошолъ.
Да вышелъ Чурило-то на Кіевъ градъ,
Да нанялъ Чурило тамъ извощика,
Да уѣхалъ Чурило на Поча́й на рѣку̀,
Да и сталъ жить быть а вѣкъ коро́тати.
Да мы со той поры Чури́ла въ старина́хъ скажёмъ,
Да отнынѣ сказать, а будемъ до́ вѣку.
А й диди диди дудай — болѣ вперёдъ не знай!

Записано тамъ же, 11 августа.

1) Такъ; не знаетъ что̀: «одѣжка, должно быть.»
2) Не знаетъ что.

224.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Наканунѣ было праздника Христова дни,
Канунъ де честна́го Благовѣщенья,
Выпадала порошица де снѣ́гъ а молодо̀й.
По той де порохѣ по бѣло́му по снѣжку̀
Да не бѣлый горносталь слѣды прометывалъ
Ходилъ де гулялъ ужо купавъ молодецъ
Да на́ имя Чурило сынъ Плёнковичъ.
Да ронилъ ёнъ гвоздочики серебряныѐ
Скобочки позоло́ченыѐ.
Да вслѣдъ ходя малые ребятушка
Да собирали гвоздочики серébряныѐ,
Да тѣмъ-де ребята головы́ кормятъ
Да загулялъ-де Чурило ко Бермяты ко высоку́ терему̀.
Да Бермяты во дому де не случилосе,
Да одна Катерина прилучиласе.
Отворялось окошечко косивчатое,
Не бѣлая лебёдушка прокы́чала,
Говорила Катерина таково слово:
«Да удалый дороднiй добрый молодецъ!
«Да премладыи Чурила ты сынъ Плёнковичъ,
«Пожалуй ко мнѣ во высо́къ терёмъ».
Пришолъ-де Чурило во высокъ терёмъ,
Крестъ кладётъ по писаному,
Да поклонъ-отъ ведётъ по ученому,
Кланяется да покланяется
На всѣ четыре на сторонушки,
Катерины Чурило и въ особину.
Да брала Катерина-та доску хрустальнюю,
Шахматы брала серébряныѐ,
Да начали играть а съ имъ во шахматы.

Говорила Катерина-та Микулична:
«Да премладыи Чурила ты сынъ Плёнковичъ!
«Да я тя поиграю, тебя Богъ проститъ,
«А ты меня поиграешь, тебѣ сто рублей».
Да первой разъ игралъ Чурило ею матъ давалъ,
Да взялъ съ Катерины денегъ сто рублей.
Да другой де разъ игралъ, да ей другои-де матъ давалъ,
Да взялъ съ Катерины денегъ двѣ́сти рублей.
Да третéй-де разъ игралъ, да ей третей-де матъ давалъ,
Да взялъ съ Катерины денегъ три́ста рублей.
Да бросала-де Катерина доску хрустальнюю
Да шахматы бросала-де серéбряыѐ,
Да брала-де Чурила за руки за бѣ́лые,
Да сама говорила таково слово:
«Да ты премладыи Чурилушко сынъ Плёнковичъ!
«Да я не знаю играть съ тобою во шахматы,
«Да я не знаю глядѣть на твою крáсоту,
«Да на твои-ты на кудри на жéлтые,
«На твои-ты на перстни злачéные,
«Да помѣшался у мня разумъ во буйно́й головѣ̀,
«Да помутились у меня-де очи ясные,
«Смотрячись-де Чурило на твóю на красотỳ».
Да вела ево во ложню во тéплую,
Да ложились спати во ложни тéплые,
Да на мякку пéрину на пухóвую,
Да начали съ Чуриломъ забавлятисе.
Да бы́ла у Бермяты-де дѣвка чернáвка егò,
Да ходитъ она по терему, шурчи́тъ да бурчи̇́тъ:
— Хороша ты Катерина дочь Микулична!
— Еще я пойду къ Бермяты, накучу́ да намучỳ. —
Да тово Катерина не пытаючи,
Да во ложни съ Чуриломъ забавляется.
Да пошла де дѣвка во Божьió церковь.
Приходитъ де дѣвка во Божью̀ церковь,

Крестъ-отъ кладётъ и по писаному,
Да поклонъ-отъ ведётъ по ученому,
На вси стороны дѣвка поклоняется,
Да хозяину Бермяты де въ особину:
— Ласковой мой хозяйнушко!
— Да старыи Бермята сынъ Васильевичъ,
— Да стоишь ты во церкви Богу молишься,
— Надъ собой ты незгоды-то не вѣ́даѐшь.
— Да у тебя въ терему́ есть ужо гость гоститъ,
— Да незваный де гость а не прика́зыванѐй,
— Да съ твоею-то женою забавляется. —
Да говорилъ-де Бермята таково слово:
«Да правду говоришь, дѣвка, пожалую,
«А нѣтъ, тебѣ дуры срублю голову».
Говорила-де дѣвка таково слово:
— Да мнѣ сударь не вѣришь, поди са́мъ а досмотрѝ. —
Да пошолъ-де Бермята изъ Божье́й церквы,
Да пришолъ ко высокому ко терему,
Да застучалъ во кольцо-де во сере́бряное.
Спитъ Катерина не пробудится.
Да застучалъ-де Бермята во второй наконъ.
Да спитъ Катерина не пробудится.
Да застучалъ-де Бермята во трете́й наконъ,
Да изъ-за всей могуты́ де богатырскіе,
Теремы-ты всѣ да пошаталисе,
Маковки поламалисе.
Услышала Катерина та Микулична,
Да выбѣгала въ одной тоненькой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однѣхъ тоненькихъ чулошкахъ безъ чеботовъ,
Отпирала Катерина широкіе ворота,
Запущала Бермяту Васильевича.
Говорилъ-де Бермята таково слово:
— Что Катерина не снарядна идёшь?
— Сегодня у насъ вѣдь честно́й праздничёкъ.

— Честное Христово Благовѣ́щеньё. —
Да умѣе Катерина какъ отвѣтъ держать:
«Да ласковой мой хозяйнушко!
«Да старыи Бермята сынъ Васильевичъ,
«Да болитъ у мня буйна́я голова̀,
«Опущалась болѣсни́ца ниже пупа и до по́яса,
«Да во тѣ ли во нижніи че́рева,
«Не могу хорошо я обряди́тися».
Да пришолъ-де Бермята во высо́къ терёмъ,
Да увидѣлъ де платье всё Чурилово,
Да шапка, сапоги да всё Чурилово.
Говорилъ-де Бермята таково слово:
— Да хороша ты Катерина дочь Микулична!
— Да я этоё платье на Чурили всё видалъ. —
Да умѣе Катерина какъ отвѣтъ держать:
«Ласковой мой хозяйнушко,
«Старыи Бермята сынъ Васильевичъ!
«Да у моево родимаго у бра́телка,
«Да ко́нями съ Чуриломъ-то помѣ́няносѐ,
«Да цвѣтнымъ-то платьемъ побра́таносе».
Да того-де Бермята не пытаючи,
Да беретъ-де со стопки саблю вострую,
Да идётъ-де Бермята въ ложню теплую.
Да увидѣлъ Чурила на кровати слоповы́хъ костей,
На мяккой пери́ны на пуховые.
Да не лучная зорюшка просвѣтила,
Да вострая сабелька прома́хнула,
Да не крущатая жемчужинка скатиласе,
Да Чурилова головушка свалиласе,
Да бѣлые горохъ а разстилаетсе,
Да Чурилова кровь-и проливаетсе,
Да по той-де по се́реды кирпичные
Да Чуриловы кудри валяютсе.
Да услышала Катерина та Микулична,

Да брала два ножа она, два вострые
Становила ножи черенемъ во сыру землю,
Да разбѣгалась на ножики на вострые,
Да своею она грудью бѣлою.
Да подрѣзала жилiё ходячеё,
Да выпустила кровь-и ту горячую,
Да погинуло двѣ головушки,
Да что хорошiе головы не лучшiе.
Да старые Бермята сынъ Васильевичъ,
Да дождался Христова Воскресенье,
Да пропустилъ-де онъ недѣлю ту онъ Свѣтлую,
Старую дѣвку чернавушку,
Да беретъ ею за правую за рученку,
Да сводилъ-де дѣвку во Божью церковь,
Да принялъ съ дѣвкой золотые вѣнцы,
Да сталъ жить быть да вѣкъ коротати.
Да мы съ той поры Бермяту въ старинахъ скажёмъ,
Да премладаго Чурила сына Плёнковича.

Записано тамъ же, 12 августа.

225.

ДЮКЪ.

Изъ славнаго города изъ Галича,
Изъ Волынь земли богатые,
Да изъ той Карелы изъ упрямые,
Да изъ той Сарачины изъ широки,
Изъ той Индѣи богатые,
Не ясёнъ соколъ тамъ пролётывалъ,
Да не бѣлой кречетко вонъ выпорхивалъ,
Да проѣхалъ удалой дороднiй доброй молодецъ,
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ.

Да на гуся ѣхалъ Дюкъ на лебедя,
Да на сѣру пернасту малу утицу,
Да изъ утра проѣхалъ день до вечера,
Да не наѣхалъ не́ гуся и не лебедя,
Да не сѣрой пернастой малой утицы.
Да не разстрѣливалъ вѣдь Дюкъ-отъ триста стрѣлъ,
Да триста стрѣлъ ровно три́ стрѣлы,
Головой-то качатъ проговариватъ:
«Да всѣмъ-то стрѣламъ я цѣну знаю,
«Только трёмъ стрѣламъ цѣны не вѣдаю.
«Почему эти стрѣлы были дороги?
«Да потому эти стрѣлы были дороги,
«На три гряночки были стрѣлы строганы,
«Да изъ той трестиночки заморскіе.
«Да еще не тѣмъ стрѣлы были дороги,
«Что на три гряночки были стрѣлы строганы,
«Да тѣмъ-де были стрѣлы дороги,
«Перены-де перомъ были сиза́ орла,
«Не того орла сиза орловича,
«Да которой летае по святой Руси,
«Бьетъ сорокъ, воронъ, черную галицу,
«Да тово-де орла сиза орловича,
«Да который летае по синю морю,
«Да и бьетъ-да онъ гуся да и лебедя
«И отлетаётъ садится на бѣлъ камень,
«Щиплетъ ронитъ-де перьица орлиные,
«Да отмётыватъ на́ море на синеё.
«Мимо ѣдутъ-де гости карабельщики,
«Да развозятъ тѣ перьица по всѣмъ ордамъ,
«По всѣмъ ордамъ по всѣмъ украинамъ,
«Дарятъ царей всё царевичёвъ,
«Дарятъ королей и королевичёвъ,
«Дарятъ сильнихъ могучихъ богатырёвъ.
«Да пришли эты перья мнѣ во да́ровяхъ,

«Оперилъ-де я этымъ пе́рьемъ три́ стрѣлы.
«Да еще не тѣмъ, братцы, были стрѣлы дороги,
«Что перены-де были перьемъ сиза́ орла, —
«Да тѣмъ-де стрѣлы были дороги:
«Въ носъ и въ пяты втираны каменья яфанты.
«Гдѣ стрѣла та лежитъ, такъ отъ ней лучъ печётъ,
«Будто въ день отъ краснаго отъ солнышка,
«Да въ ночи то отъ свѣтлаго отъ мѣсяца».
Да собиралъ Дюкъ стрѣлы во единъ колчанъ.
Да дѣло то вѣдь, братцы, дѣется:
Да во ту ли во суботу Великодённую
Да пріѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ,
Да ушли ко ве́черни ко Христовскіе,
Да пошолъ Дюкъ ко ве́черни Христовскіе,
Отстояли ве́черню въ церкви Божіей,
Да выходит-де Дюкъ изъ Божье́й церквы,
Становился на крылечки перёные.
Да выходитъ ево матушка изъ Божье́й церквы,
Да понизешенько Дюкъ поклоняется,
Да желтыма-ты кудрями до сырой земли,
Да и самъ говоритъ-то таково слово:
«Государыни ты свѣтъ а моя матушка!
«Да на всѣхъ городахъ, мать, много бывано,
«Да во городи во Кіеви не бывано,
«Да Владиміра князя мать не видано,
«Да государыни княгины свѣтъ Апраксіи.
«Дай мнѣ, матушко, прощенье-бласловленіе —
«Съѣздити во Кіевъ градъ,
«Повидати солнышка князя Владиміра,
«Государыню княгину свѣтъ Апраксію».
Говорила ему мать да таково слово:
— Да свѣтъ ты моё чадо милоё,
— Да молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Да не ѣзди-тко ты ужо во Кіевъ градъ.

— Да живутъ тамъ люди всё лукавые,
— Изведутъ тебя добраго молодца,
— Бывъ хороша наливного яблока. —
Да говорилъ Дюкъ матери отвѣтъ держалъ:
«Да государыни моя ты родна матушка!
«Да даси́ мать прощеньё — поѣду я,
«И не даси́ мать прощенья — поѣду я».
Да давала матушка прощеніё,
Да матушкино благословеніё,
Давала матушка плётоньку шелковую.
Да поклонъ отда́лъ Дюкъ прочь пошолъ,
Да ходилъ на конюшню стоялую,
Да выбиралъ жéребца себѣ неѣзжана,
Да изо ста́ бралъ да изъ тысячи,
Да и выбралъ себѣ бурушка косматаго.
Да у бурушка шорсточка трёхъ пядей,
Да у бурушка грива была трёхъ локотъ,
Да и ѳостъ-отъ у бурушка трёхъ сажёнъ.
Да уздалъ узду ему течмяную,
Да сѣдлалъ ёнъ сѣдельшко черкасское,
Да накинулъ попону пестрядиную,
Да строчена была попона въ три строки:
Да пе́рвая строка краснымъ золотомъ,
Да друга́я строка чистымъ сéребромъ,
Да третья строка мѣдью казаркою.
Да котора-де была казарка мѣдь,
Да подороже ходитъ злата и серебра,
Да не дорога узда была въ цѣлу тысящу,
Да не дорого сѣдёлко во двѣ тысящи,
Да попона та была во три тысячи.
Снарядилъ-де Дюкъ лошадь богатырскую,
Да отходитъ прочь самъ посматриватъ,
Да посматриватъ Дюкъ поговариватъ:
«Да и конь ли лошадь, али лютой звѣрь,

«Да съ-подъ-наряду добра коня не видѣти».
Да въ торока ты кладётъ платья цвѣтные,
Въ торока ты кладётъ калены стрѣлы,
Да въ торока ты кладётъ золоту казну,
Да скоро дѣ́тина забирается.
Забирался-де скоро на коня́ ли самъ сѣлъ,
Хорошо-де подъ нимъ добрый конь повыскочилъ,
Черезъ стѣну маше прямо городовую,
Черезъ высоку башню наугольнюю.
Да хорошо-де пошелъ въ полѣ добрый конь,
Да мети-ты мече онъ по́ версты,
Да мети-ты мече по двѣ версты,
Да по двѣ по три пяти́-де вёрстъ.
Да повыше идётъ дерева жаровчата,
Да пониже иде облака ходячего,
Да онъ рѣки озёра межу ногъ пустилъ,
Да гладкіе мхи перескакивалъ,
Да синеё-то море кругомъ-де нёсъ.
Да налегала на молодца Горынь-змѣя,
Да о двѣнадцати зла де ли о хоботахъ,
Да и хочетъ добра коня огнёмъ пожечь.
Да добрый конь у змѣи ускакивалъ,
Да добра молодца у смерти унашивалъ.
Да налегалъ тутъ на мо́лодца лютый звѣрь,
Да хочетъ добра коня живкомъ сглотить,
Да со боярскимъ со Дюкомъ со Степановымъ.
Да доброй конь у звѣ́ря ускакивалъ,
Добра молодца у смерти унашивалъ.
Да налетало на молодца стадо́ грачёвъ,
Да по нашему стадо черныхъ вороновъ,
Да хотятъ оны молодца расто́ргнути.
Да доброй конь у грачёвъ ускакивалъ,
Добра молодца у смерти унашивалъ.
Да й тѣ заставы Дюкъ проѣхалъ вси,

Да на заставу пріѣхалъ на четвертую.
Да край пути стоитъ во поли бѣлъ шатёръ,
Во шатри́-то спитъ могучъ бо́гатырь,
Да старой-де казакъ Илья Муромецъ.
Да пріѣхалъ-де Дюкъ ко бѣлу шатру,
Да не съ разума слово зго́ворилъ:
«Да кто-де тамъ спитъ во бѣломъ шатрѣ,
«Да выходи-ко съ Дюкомъ поборотися».
Да вставае Илья на чеботы́ сафьянные,
Да на сини чулки кармазинные,
Да выходитъ старикъ изъ бѣла шатра,
Да самъ говоритъ таково слово:
— Да я смѣю-де съ Дюкомъ поборотися,
— Поотвѣдаю-де Дюковой-то храбрости. —
Да одолила-де страсть Дюка Степанова,
Да падалъ съ коня Ильи во рѣзвы ноги,
Да и самъ говорилъ а таково слово:
«Да одно у насъ на небеси-де солнце красное,
«Да одинъ на Руси-де могучъ богатырь,
«Да старо́й-де ка́закъ Илья Муромецъ!
«Да кто-де съ имъ смѣя поборотися,
«Тотъ боками отвѣдатъ матки тупъ-травы».
Да Ильи эти рѣчи полюбилисе,
Да и самъ говорилъ а таково слово:
— Да ты удалой дородній доброй молодецъ,
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Да ты будёшь во городи во Кіеви,
— Да живутъ тамъ вѣдь люди всё лукавые,
— Да и станутъ налегать на те́бя молодца,
— Да ты пиши ярлы́ки скорописчаты,
— Да ко стрѣламъ ярлыки припечатывай,
— Да разстрѣливай стрѣлы во чисто́ полё.
— У меня-де летае младъ ясёнъ соколъ,
— Да собираетъ-де всѣ стрѣлы со чиста поля.

— Да пособлю-де я, дѣтина, твоему горю. —
Да поклонъ отдалъ Дюкъ на коня́ ли самъ сѣлъ,
Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Да пріѣхалъ онъ вѣдь во Кіевъ градъ,
Черезъ стѣну маше прямо городовую,
Да черезъ вы́соку башню наугольнюю,
Да пріѣхалъ ко палаты княженецкіе.
Сходилъ онъ со добра коня,
Да оставливалъ онъ добра коня
Неприкована ево да непривязана,
Да пошолъ-де Дюкъ во высокъ терёмъ.
Да приходитъ Дюкъ во высокъ терёмъ,
Крестъ-отъ кла́детъ по писаному,
Да поклоны ведетъ по учéному,
На всѣ стороны Дюкъ поклоняется,
Желтыма-ты кýдрями до сырой земли.
Владиміра въ домѣ не случилосе,
Да однѣ какъ тутъ ходя люди стряпчіе.
Говоритъ туто Дюкъ таково слово:
«Да вы стряпчіе люди всѣ дворецкіе!
«Да гдѣ у васъ солнышко Владиміръ князь?»
Говорятъ ему люди стряпчіе:
— Да ты удалой дороднiй доброй молодецъ!
— Да изученье[1]) мы видимъ твое полноё,
— Да не знамы теби ни имени ни вотчины.
— У насъ Владиміра въ домѣ не случилосе,
— Да ушолъ ко заутрени Христовскіе. —
Да больше Дюкъ не разговаривалъ,
Да выходилъ онъ на улицю паратную,
Да садился Дюкъ на добра коня,
Да пріѣхалъ къ сóбору Богородицы.
Сходилъ-де Дюкъ со добра коня,

---

1) Образованіе.

Да оставливалъ онъ добра коня
Неприкована ево да непривязана,
Да зашолъ-де Дюкъ во Божью церковь.
Да крестъ тотъ кладётъ по писаному,
Поклонъ ведётъ по ученому,
Да на всѣ стороны Дюкъ а поклоняется,
Желтыма-ты ку́дрями до сырой земли.
Становился подлѣ князя Владиміра,
Промежду-де Бермяты Васильевича,
Промежду-де Чурила сына Плёнковича,
Да кланяется да покланяется,
Да на платьё-де часто самъ посматриватъ.
«Да погода та братцы была вёшная,
«Да я ѣхалъ мхами да болотами,
«Убрызгалъ-де я свое платьё цвѣтное».
Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово:
— Да скажись-ко удалый дороднiй добрый молодецъ!
— Ты коей орды да коей земли,
— Тебя какъ молодца зовутъ по имени? —
«Да есть я изъ города изъ Галича,
«Изъ Волынъ-земли изъ богатые,
«Да изъ той Карелы изъ упрямые,
«Да изъ той Сорочины изъ широкiе,
«Да изъ той Индѣи богатые,
«Молодой-де боярской Дюкъ Степановичъ,
«Да на славу прiѣхалъ къ тебѣ во Кiевъ градъ».
Говорилъ-де Владиміръ таково слово:
— Да скажи удалый дороднiй добрый молодецъ!
— Да давно ли ты изъ города изъ Галича? —
Говоритъ-де Дюкъ ему отвѣтъ держитъ:
«Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да вечерню стоялъ я въ славномъ Галичѣ,
«Да ко затрены поспѣлъ къ тебѣ во Кiевъ градъ».
Говорилъ-де Владиміръ таково слово:

— Да дороги ли у васъ кони въ Галичѣ? —
Да говорилъ Дюкъ Владиміру отвѣтъ держалъ:
«Да есть у насъ кони, сударь, пó рублю,
«Да есть сударь кони по два рубли,
«Да есть по сту, по два, по пяти-де сотъ.
«Да своему-де я добру коню цѣны не знай,
«Да я цѣны не знай, бурку не вѣдаю».
Говорилъ-де Владиміръ таково слово:
— Слушайте, братцы князи бояра!
— Да кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
— Да отъ Кіева до Галича много-ль разстоянія? —
Говорятъ ему князи да и бояра:
«Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да окольней дорогой — на шесть мисяцевъ,
«Да прямой-то дорогой — на три мисяца.
«Да были бы-де кони перемѣнные,
«Съ коня-де нá конь перескакивать,
«Изъ сѣдла въ сѣдло лишь перемахивать».
Да говорятъ ему князи да и бóяра:
«Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да не быть тутъ Дюку Степанову,
«Токо быть мужичёнку засельщины,
«Да засельщины быть деревеньщины.
«Да жилъ у купца гостя торговаго,
«Да укралъ унёсъ платьё цвѣтное.
«Да жилъ у и́ного боярина,
«Да угналъ у боярина добра коня,
«На иной городъ пріѣхалъ и красуется,
«Надъ тобой-то княземъ надсмѣхается,
«Да надъ нами боярами прольıгается».
Да отстояли оны заутрину въ церкви Божіей,
Да съ обиднею да святы́е честны́е молебены.
Выходили на улицу паратную,
Да на улици стоитъ народу и смѣты нѣтъ,

Да смотрятъ на лошадь богатырскую,
На ево-то снаряды молодецкіе.
Да садились ёны-де по добрымъ конямъ,
Да поѣхали къ высокому терему.
Да ѣдетъ-де Дюкъ головой качатъ,
Головой-то качатъ проговариватъ:
— Да у Владиміра всё а не по нашему.
— Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
— Да у моей-то сударыни у матушки,
— Да мощёны-де были мосты всё дубовые,
— Сверху стланы-де сукна батрецовые.
— Напередъ-де пойдутъ у насъ лопатники,
— За лопатниками пойдутъ и метельщики,
— Очищаютъ дорогу су́кна стланаго.
— А твои мосты, сударь, неровные,
— Неровные мосты да всё сосновые. —
Да пріѣхали оны къ широку двору,
Головой-то качатъ Дюкъ проговариватъ:
— Да хороша была сла́ва на Владиміра,
— Да у Владиміра всё де не по нашему.
— Какъ у насъ во городи во Галичѣ,
— Да у моей-то сударыни у матушки,
— Надъ воротами было намъ (?) до семи́десятъ.
— А у Владиміра того-де не случилосе,
— Да одна та икона была мѣстная. —
Да заѣхали оны на широкой дворъ,
Да головой качатъ Дюкъ проговариватъ:
— Да хороша была слава на Владиміра,
— У Владиміра-де всё а не по нашему.
— Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
— Да у моей сударыни у матушки,
— На дворѣ стояли столбы всё серебряны,
— Да продёрнуты кольца позолочены,
— Разоставлена сыта́ медвяная,

— Да насыпано пшены-то бѣлоярые,
— Да е что добрымъ конямъ пить-ѣсть-кушати,
— А у тебя Владиміръ того-де не случилосе. —
Да зашли-де оны во высокъ терёмъ,
Да садились за столы за бѣлодубовы,
Понесли-де по чаркѣ зелена вина.
Да молодой боярской Дюкъ Степановичъ
Головой-то качатъ проговаривать:
— Да хороша была слава на Владиміра,
— У Владиміра-де всё а не по нашему.
— Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
— У моей-то сударыни у матушки,
— Да глубокіе были погребы,
— Сорока-де сажонъ въ землю копаны.
— Зелено вино на цѣпяхъ виситъ на серебряныхъ,
— Да были въ поле то трубы понаве́дены.
— Да повѣетъ-де вѣтёръ изъ чиста поля,
— Да проноситъ за́тохоль великую,
— Да чару ту пьешь друга́я хочется,
— Да безъ третьей чары минуть нельзя.
— А твое, сударь, горько зелено вино,
— Да пахнётъ на за́тохоль великую. —
Понесли послѣдню ѣству — колачики крупищаты.
Говорилъ-де Дюкъ таково слово:
— Хороша была слава на Владиміра,
— У Владиміра-де всё а не по нашему.
— Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
— У моей-то сударыни у матушки
— Да колачикъ съѣси́ а другаго хочется,
— А безъ третьёго да минуть нельзя.
— Да твои, сударь, горькіе калачики,
— Да пахнутъ ёны на фою сосновую. —
Да тутъ-то Чурилу стало за́зорко,
Да и самъ говорилъ таково слово:

«Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да когда правдой дѣтина похваляется,
«Дакъ пусть ударитъ со́ мной о великъ закладъ:
«Щапить-басить по три года,
«По стольнему городу по Кіеву,
«Надѣвать платья на разъ, на дру́гой не перенашивать».
Поро́къ поставили пятьсотъ рублей:
Который изъ ихъ а не перещапитъ,
Взяти съ того пятьсотъ рублей.
Премладыи Чурило сынъ Плёнковичъ,
Обулъ сапожки-ты зеленъ сафьянъ,
Носы — шило, а пята́ — востра,
По́дъ пяту хоть соловей лети,
А кругомъ пяты хоть яицо кати.
Да надѣлъ ёнъ шубу-ту купеческу,
Да во пуговкахъ литы добры молодцы,
Да во петелькахъ шиты красны дѣвицы,
Да наложилъ ёнъ шапку черну мурманку,
Да ушисту-пушисту и завѣсисту,
Спереди-то не видно ясны́хъ очей,
А сзади́ не видно шеи бѣлые.
А молодой боярской Дюкъ Степановичъ,
Да по Кіеву онъ не снаряденъ шолъ.
Обуты-то у его лапо́тци-ты семи́ шелковъ,
И въ этыи ла́потци были вплётаны
Каменья всё яфонты.
Да который же камень самоцвѣтные
Сто́итъ го́рода всего Кіева,
Опришно[1]) Зна́менья Богородицы,
Да опришно прочихъ святителей.
И надѣта была у его шуба-та расхожая,
Во пуговкахъ ли́ты люты́ звѣри,

---

1) Т. е. кромѣ этой церкви.

Да во петелькахъ шиты люты змѣи.
Да бралъ онъ Дюкъ матушкино благословленіё,
Плётоньку шолковую.
Да подёрнулъ Дюкъ-отъ по пуговкамъ,
Да заревѣли во пуговкахъ люты звѣри;
Да подёрнулъ Дюкъ-отъ по петелькамъ,
Да засвистали во петелькахъ люты змѣи.
Да отъ тово-де рёву отъ звѣринаво,
И отъ тово-де свисту отъ змѣиного,
Да въ Кіеви старой и малой на земли лежитъ.
Токо малые люди оставалисе,
Да за Дюкомъ всѣмъ городомъ Кіевомъ качнулисе.
— Тебѣ спасибо удалый дороднiй добрый молодецъ!
— Перещапилъ ты Чурила сына Плёнковича. —
И тогда взялъ онъ съ Чурила пятьсотъ рублей,
Да купилъ на пятьсотъ зелена вина,
Да напоилъ онъ голей кабацкихъ всѣхъ до́ пьяна.
Тогда всѣ тутъ голи зрадова́лисе.
Тутъ еще Чурилу стало за́зорко,
Да самъ говорилъ таково слово:
«Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Когда жъ правдой дѣтина похваляется,
«Да пошлёмъ мы туда переписчика,
«Во славную во Волынъ землю».
— Кого намъ послать переписчикомъ? —
«Да пошлёмъ мы Добрынюшка Микитьевича».
Да поѣхалъ Добрыня во Волынь землю,
Во славной во Галичъ градъ,
Житья его богачества описывать.
Да нашолъ онъ три высоки три терема,
Не видалъ теремо́въ такихъ на сёмъ свѣтѣ.
Зашолъ Добрыня во высокъ терёмъ,
Да сидитъ жена стара ма́тера,
Мало шолку вся въ золотѣ.

Говорилъ-де Добрынюшка Микитьевичъ:
— Ты здравствуй Дюкова матушка!
— Тебѣ сынъ послалъ челомбитіё,
— По-низку велѣлъ поклóнъ поставити. —
Говорила жена стара матера:
«Удалой дороднiй добрый молодецъ!
«Изученье вижу твоё пóлноё,
«Да не знай тебѣ ни имени ни вотчины.
«А я не Дюкова здѣсь а есть вѣдь матушка,
«А Дюкова здѣсь а есть портомойница».
Да тутъ Добрыни стало зáзорко.
Отъѣзжалъ-де Добрыня во чистó полё,
Да просыпалъ Добрыня ночку темную.
На утро прiѣхалъ онъ во Галичъ градъ,
Да нашолъ три вы́соки три терема,
Не видалъ теремовъ такихъ на сёмъ свѣтѣ.
Да зашолъ-де Добрыня во высокъ терёмъ,
Да сидитъ жена стара матера,
Мало-де шолку вся въ золотѣ.
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
— Ты здравствуй Дюкове матушка!
— Тебѣ сынъ послалъ челомбитіе,
— По-низку велѣлъ поклонъ поставити. —
Говоритъ жена стара матера:
«Удалый ты дороднiй добрый молодецъ!
«Я не знай тебѣ ни имени ни вотчины.
«Да не Дюкова здѣсь а есть я матушка,
«А Дюкова здѣсь а есть я божатушка.
«Не найти тебѣ здѣсь Дюковой матушки.
«У насъ на утро Христово Воскресенiё,
«Да ты стань па дорогу прешпехтивую,
«Гдѣ-ка стланы сукна багрецовые.
«Напередъ пойдутъ у насъ лопатники,
«За лопатниками пойдутъ метельщики,

«Очищаютъ дорогу су́кна стланаго,
«Дакъ ты стань на дорогу прешпехтивую.
«Да пойдётъ тутъ Дюкова-та матушка».
Да тутъ Добрыни стало за́зорко,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто́ полё,
Просыпалъ Добрыня ночку темную,
На утро пріѣхалъ онъ во Галичъ градъ,
Да сталъ на дорогу прешпехтивую,
Гдѣ-ка стланы сукна багрецовые.
Напередъ пошли тутъ лопатники,
За лопатниками пошли метельщики,
Да очищаютъ дорогу су́кна стланаго.
Потомъ пошла ужо толпа-де вдовъ,
Пошла тутъ Дюкова-та матушка.
То умѣетъ дѣтина покланятися
Желтыма́ кудрями до сырой земли.
— Ты здравствуй Дюкова же матушка!
— Тебѣ сынъ послалъ челомбитіе,
— По-низку велѣлъ поклонъ поставити. —
Говорила Добрыни мати таково слово:
«Скажи ты удалый дороднiй добрый молодецъ,
«Я не знай тебѣ ни имени ни вотчины,
«А изученье вижу твоё полноё.
«У насъ севодня Христово Воскресеніё,
«Пойдёмъ со мной во Божью церковь,
«Простой ты обѣдню воскресённую.
«Заберу молодца тебя въ высо́къ терёмъ,
«Напою накормлю хлѣбомъ солію».
Простояли обѣдню въ церкви Божіей,
Забрала молодца во высо́къ терёмъ,
Поитъ и кормитъ да много чествуетъ.
Да премладыи Добрынюшка Микитьевичъ
Выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Да самъ говорилъ таково слово:

— Да государыни ты Дюкова матушка!
— Да я вѣдь пріѣхалъ не тебя смотрѣть,
— Житья твоево богачества описывать.
— Призахвастался сынъ твой богачествомъ. —
Да брала старуха золоты ключи,
Да привела его въ погребы темные,
Гдѣ-ка складена деньга не хожалая.
Смекалъ Добрыня много времени,
Да не могъ онъ деньгамъ и смѣты дать.
Да привела его въ амбары мугазенные,
Гдѣ-ка складены товары заморскіе.
Да смекалъ Добрыня много времени,
Не могъ товарамъ онъ смѣты дать.
Да садился Добрыня на ременьчатъ стулъ,
Да писалъ ярлыки скорописчаты,
Да самъ говорилъ таково слово:
— Да намъ съ города изъ Кіева,
— Да везти бумаги на шести возахъ,
— Да чернилъ-то везти на трёхъ возахъ,
— Да описывать Дюково богачество,
— Да не описать будётъ. —
Да прощался Добрыня-то съ Дюковой матушкой,
Да садился Добрыня на добра коня,
Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣхалъ онъ въ славной Кіевъ градъ,
Да ко князю Владиміру,
Ярлыки на дубовъ столъ клалъ,
Словесно-то больше самъ розсказыватъ.
Тогда Дюкова правда сбывается,
Да будто вёшная вода розливается.
Да еще тутъ Чурилу стало зáзорко,
Да самъ говорилъ таково слово:
«Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да когда же правдой дѣтина похваляется,

«Дакъ пусть со мной ударитъ о великъ закладъ:
«Скакать на добрыхъ коней,
«За матушку Почай рѣку,
«И назадь на добрыхъ коняхъ отскакивать».
И ударились ёны̀ о великъ закладъ,
Да не о стѣ оны и не о тысячѣ,
Да ударились оны̀ о своихъ о буйны́хъ головахъ:
Которой изъ ихъ не пере́скочитъ,
Дакъ у тово молодца голова срубить.
Премладыи Чурило-то сынъ Плёнковичъ,
Выводилъ-де Чурило тридцать жеребцовъ,
Изъ тридцати выбиралъ-де самолучшаго.
Да разганивалъ да онъ онъ разъѣзживалъ,
Изъ да́леча дале́ча изъ чиста поля,
Да скакалъ-де за матушку Почай рѣку.
Молодой-отъ боярской Дюкъ Степановичъ,
Да не разганивалъ да не разъѣзживалъ,
Да съ кру̀того берегу коня своего приправливалъ,
Да скочилъ-де за матушку Почай рѣку,
И назадь на добромъ конѣ отскакивалъ,
И Чурила къ кру́тому берегу притягивалъ.
Тогда выде́ргивалъ Дюкъ-отъ саблю вострую,
Да хотѣлъ ему срубить буйну голову.
Тогда вступился князь и со княгиною,
Говорили Дюку Степанову:
— Удалый дороднiй добрый молодецъ!
— Не руби ты Чурилу буйной головы,
— Да спусти ты Чурила на свою волю. —
Тогда Дюкъ-отъ пиналъ Чурила право́й ногой,
Да улетѣлъ Чурило во чисто полё,
Да самъ говорилъ таково слово:
«А й де ты Чурило сухоногiе:
«Да поди щапи съ дѣвками да съ бабами,
«А съ нами съ добрыма мо́лодцамѝ».

Да прощается Дюкъ-отъ со княземъ Владиміромъ,
Съ государынею княгиной Апраксіей.
«Да простите вы бояра всѣ Кіевски,
«Всѣ мужики огородники!
«Да споминайте вы Дюка вѣки на́ вѣки».
Да садился Дюкъ на добра коня,
Да уѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ,
Ко своей-то матушки сударыни,
Да сталъ жить быть, вѣкъ коротати.

Записано тамъ же, 11 и 12 августа.

XLIV.

ВОИНОВЪ.

Петръ Андреевичъ Воиновъ, крестьянинъ дер. Рыжкова на Свиномъ озерѣ (у Кенозера), высокій статный мужчина 59 лѣтъ, земледѣлецъ; въ молодости живалъ въ работникахъ у кенозерскихъ крестьянъ, между прочими — у Павла Семеновича, отца Сивцева (XLIII), отъ котораго и перенялъ нѣкоторыя былины; другимъ онъ научился отъ старика Захара Андреева, жившаго въ сосѣдней съ нимъ избѣ и занимавшагося плетеньемъ сѣтей; а этотъ Захаръ Андреевъ въ свою очередь научился былинамъ отъ того же Павла Сивцева. Петръ Воиновъ поетъ очень пріятнымъ голосомъ и складно; замѣчательно при этомъ, что былины у него не подверглись искаженіямъ, которыхъ можно бы было ожидать отъ обстоятельствъ его жизни: Воиновъ былъ долго въ Петербургѣ и служилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ въ артельщикахъ; во время крымской войны поступилъ въ ополченіе, гдѣ ему досталась честь быть знаменоносцемъ. По окончаніи похода, онъ возвратился на родину и сталъ крестьянствовать.

226.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Изъ славнаго города изъ Кіева,
Выѣзжало двѣ поляницы двѣ удалые
А два сильные могучіе богáтыря.
Выѣзжали молодцы-де на Фаворъ-гору,
Роздернули мóлодцы бѣлой шатёръ,
Проспали-то дологъ день до вечера,
Да темнýю ночь да до бѣла свѣту.
По утру на зóрюшки на утреной,
Пробуждается старыé казакъ да Илья Муромецъ.
Говорилъ Илья да таково слово:
«Ставай-ко Добрынюшка Микитьевичъ!
«Да что у насъ надъ бѣлымъ шатромъ да сдѣлалось?
«Налетѣла вѣщая птица у насъ чéрный вранъ,
«Жалобнёшенько да онъ прокрикиватъ,
«Видно сказыватъ онъ вѣсточку нерадостну.
«Не проѣхала ли поляница тутъ удалая,
«Ли не звѣрь ли подходитъ подъ добрыхъ коней?»
Выставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра,
Поглядѣлъ на дорожку прямоѣзжую,
Увидѣлъ въ чистомъ поли богатыря.
А ѣде богатырь на добромъ кони,
Его храбрая поѣздка молодецкая,
А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
Скокú-ты онъ скаче по цѣлой версты,
Слѣды-ты какъ доброй конь вымéтыватъ
По цѣлой овчины по борановой,
Изо рта у добра коня пламя́ машё,
Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
Изъ ушей у коня да въ кудряхъ дымъ стаётъ.

У богатыря шишакъ на головы-де какъ огонь горитъ,
А узда на кони да какъ лучи пекутъ,
Отъ стремену его да звѣзды сыплются,
Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаётъ,
Зоря стаётъ да ровно утренна.
У лѣва стремена борзой кобель проскакиватъ,
На правомъ стремени сидитъ-то младъ сизóй орёлъ,
Поё орёлъ да всё пасвистыватъ,
Улещатъ, спотѣшаетъ онъ богатыря.
А съ плеча съ плечо ясенъ соколъ да перелётыватъ,
Да изъ уха въ ухо да вѣсти перенашиватъ.
Сидитъ богатырь на дòбромъ конѣ самъ тѣшится,
Шибáетъ палочку подъ óблака,
А назадь-то палка опущается,
Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
До сырой земли не допускаючи.
Подходитъ подъ коней у ихъ лютой звѣрь,
Заберал Добрыня кóней ко бѣлу шатру,
Насыпалъ пшена да бѣлоярова.
Заходилъ Добрыня во бѣлой шатёръ,
Говорилъ Добрыня таково слово:
— Ужъ ты ста̀рые казакъ да Илья Муромецъ!
— Проѣзжала поляница тутъ удалая,
— Проѣзжалъ богатырь на добрóмъ конѣ.
— Его храбрая поѣздка молодецкая
— А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
— Скокú-ты онъ скаче по цѣлой версты,
— Слѣды ты какъ доброй конь вымéтыватъ
— По цѣлой овчины по борановой,
— Изо рта у добра коня плямя́ машё,
— Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
— Изъ ушей у коня да въ кудряхъ дымъ стаётъ,
— У богатыря шишакъ на головы-де какъ огонь горитъ,
— А узда на кони да какъ лучи пекутъ,

— Отъ стремену его да звѣзды сыплются,
— Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаётъ,
— Зоря стаётъ да ровно утренна,
— У лѣва стремена борзой кобель проскакиватъ,
— На правомъ стремени сидитъ-то младъ сизо́й орёлъ,
— Поё орёлъ да всё пасвистыватъ,
— Улещатъ, спотѣшаетъ онъ богатыря.
— А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелётыватъ.
— Да изъ уха въ ухо да висти перенашиватъ.
— Сидитъ богатырь на добромъ конѣ самъ тѣшится,
— Шибае онъ палочку подъ облака
— А назадь-то палка опущается
— Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
— До сырой земли не допускаючи.
— Подходилъ подъ коней у насъ лютой звѣрь,
— Забиралъ я коней ко бѣлу шатру,
— Насыпалъ пшена да бѣлоярова.
Говорилъ Илья да таково слово:
«Да а й ты Добрынюшка Микитьевичъ!
«Садись-ко ты да на добра коня,
«Поѣдь-ко ты да вслѣдъ съ угоною».
Говорилъ Добрыня таково слово:
— Ужъ ты старыс казакъ да Илья Муромецъ!
— Мнѣ не дать на бога́тыря вѣдь напуску. —
Говорилъ Илья да таково слово:
«Ты худая поляница ты удалая!
«Выѣзжалъ ты въ чисто́ полё поляковать,
«Какъ наѣдешь въ чисто́мъ поли сильняй себя,
«А какъ съ тѣмъ ты будешь бой держать,
«Али ты ему будёшь покоръ держать?
«Поѣдь къ жены да къ своей матери,
«А ты мнѣ въ товарищи не надобно».
А уздалъ Илья да тутъ добра коня,
Сѣдлалъ Илья да своего коня,

Садился Илья да на добра коня,
Поѣхалъ Илья да вслѣдъ съ угоною.
Настигъ онъ богатыря въ чистомъ поли,
А ѣде богатырь на добромъ кони,
Его храбрая поѣздка молодецкая,
А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
Скоки́-ты онъ скаче по цѣлой версты,
Слѣды-ты какъ доброй конь вымéтыватъ
По цѣлой овчины по барановой.
Изо рта у добра коня пламя́ машё,
Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
Изъ ушей у коня да въ кудряхъ дымъ стаётъ.
У богатыря шишакъ на головы-де какъ огонь горить,
А узда на кони да какъ лучи пекутъ,
Отъ стремену его да звѣзды сыплются,
Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаётъ,
Зоря стаётъ да ровно утренна.
У лѣва стремена борзой кобель проскакиватъ,
На правомъ стремени сиди́тъ-то младъ сизо́й орёлъ,
Поё орёлъ да всё насвистыватъ,
Улещатъ, спотѣшаетъ онъ богатыря.
А съ плеча съ плечо ясенъ соколъ да перелётыватъ,
Да изъ уха въ ухо да вѣсти перенашиватъ.
Сидитъ богатырь на добромъ конѣ самъ тѣшится,
Шибáетъ палочку подъ óблака,
А назадь-то палка опущается,
Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
До сырой земли не допускаючи.
Тутъ Илья да пороздумался.
«Да и что мнѣ съ богатыремъ да будетъ дѣлати?
«Мнѣ-ка биться драться не стоять будё,
«А назадь отъѣхать дакъ не честь не слава молодецкая:
«Что настигъ я богáтыря въ чистомъ поли,
«Да тутъ мнѣ съ богатыремъ не свидѣться,

«Не свидѣться не поздороваться».
Зарыкалъ Илья да по звѣриному,
Засвисталъ Илья да по змѣиному,
Подъ богатыремъ конь да на колѣна палъ,
Говорилъ богатырь таково слово:
— Ты мой доброй конь, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой доброй конь шарашишься,
Пужаешься крику воронинаго,
— Налетѣла ворона порозграялась».
А ѣде богатырь не оглянется,
Впередъ богатырь подавается.
Во-второ́й разъ зарыкалъ Илья да по звѣрному,
Засвисталъ Илья да по змѣиному,
Подъ богатырёмъ конь да на колѣна палъ.
Говорилъ богатырь таково слово:
— Ты мой доброй конь, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой доброй конь шарашишься,
— Пужаешься крику воронинаго.
— Налетѣла ворона порозграялась. —
Да ѣде богатырь не оглянется,
Впередъ богатырь подавается,
Да во тре́тiй разъ зарыкалъ Илья да по звѣрному,
Засвисталъ Илья да по змѣиному.
Подъ богатыремъ конь да на колѣна палъ,
Ударилъ богатырь тутъ добра коня да по тучнымъ бедрамъ.
— Ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой добрый конь шарашишься,
— Пужаешься крику воронинаго,
— Видно мнѣ ворожишь да въ полону-де быть. —
Обворачивалъ богатырь тутъ добра коня,
Поѣхалъ на стрѣту къ Ильи Муромцу.
Они стали добры молодцы съѣзжатисе,
Будто́ двѣ сильнiи горы́ вмѣсто́ свалилисе.
Будто два сильнiи оболо́ка вмѣсто солетѣлисе:

Два богатыря вмѣсто́ съѣзжалисе,
Они палками молодцы ударились,
А палки до рукъ да поломалисе.
Да и копьями мо́лодцы ударились,
А и копья въ кольцахъ попригнулисе,
А другъ-то друга вѣдь не ранили,
Да оба изъ си́делъ вонъ выпадали.
Пошли какъ онѣ на рукопашной бой,
Пошибъ-то бога́тырь Илью Муромца.
Садился бога́тырь на бѣлы груди,
Вынималъ пожище-то кинжалище,
Е́во ладитъ пороть да груди бѣлые.
Говорилъ Илья да таково слово:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чьей матери?»
Говорилъ богатырь таково слово:
— А чортъ тебѣ мёртвому и надобно. —
Во-вторы́е разъ Илья да е́во спрашивалъ:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чье́и матери?»
Говорилъ богатырь таково слово:
— Да чортъ тебѣ мёртвому и надобно,
— Лежи подъ низомъ, когда те Богъ убилъ. —
Да во третій разъ Илья да е́во спрашиватъ:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего́ отца, да чье́и матери?»
Говорилъ богатырь таково слово:
— Да чортъ тебѣ мёртвому и надобно. —
Дакъ видитъ Илья да неминучую,
Сокопляетъ силу всю въ одно́ мѣсто,
Зглянулъ Илья да на праву́ руку,

На правой руки́ подпись подписана:
На бою Ильи да смерть не писана.
Ухватилъ богатыря́ онъ за бѣлы груди,
Да онъ сшибъ бога́тыря въ чисто полё.
Выставалъ Илья да на рѣзвы ноги,
Ухватилъ богатыря́ да за желты́ кудри,
Да онъ сшибъ бога́тыря подъ о́блака.
Назадь-то богатырь опущается,
Онъ на бѣлые руки подфатаючи.
Становилъ богатыря́ онъ супротивъ себя,
Да то сталъ бога́тыря онъ спрашивать,
И дакъ сталъ бога́тырь ёму сказывать:
— Я изъ за́падпихъ странъ, изъ Золото́й орды,
— Я Петре царевичъ золотничанинъ.
— Я спорожонъ отъ дѣвки Спверьянчины[1]),
— А не знаю родителя-то батюшка. —
Говорилъ Илья да таково слово:
«Да ай ты удалый доброй молодецъ!
«Садись-ко ты да на добра коня,
«Поѣдь-ко ты да къ ро́дной матушки,
«Скажи-тко ты да ей низко́й поклонъ
«Отъ старо́ва казака Ильи Муромца».
Садился богатырь на добра коня,
Пріѣзжаетъ богатырь къ родной матушки,
Стрѣчаетъ ево да родна матушка,
Стрѣчаетъ ево да середи двора.
— Да ты ай ты дитя ты мое милоё!
— Что у тя дитя да въ ли́цы кровь не та,
— Смѣнился руменецъ во бѣломъ лицы.
— Видно ты, дитя, да на побо́йщи былъ? —
Говорилъ бога́тырь ро́дной матушки:
«Ты свѣтъ государынь мо́я матушка!

1) «Была поляница какая-то, Богъ ее знаетъ».

«А былъ я сегодня на побоищи.
«Ѣхалъ какъ я по чисту полю,
«Настигъ меня богáтырь во чистóмъ поли,
«Зарыкалъ богáтырь по звѣри́ному,
«Засвисталъ богатырь по змѣиному,
«Подо мной доброй конь да на колѣна палъ.
«А ѣду я да не оглядаюсь,
«Вперёдъ вѣдь я да подаваюсе.
«И во вторóй разъ зарыкалъ богатырь по звѣриному
«Засвисталъ богатырь по змѣиному,
«Подо мной доброй конь да на колѣна палъ.
«А ѣду я да не оглядаюсь,
«Вперёдъ вѣдь я да подаваюсе.
«И да во третій разъ зарыкалъ богатырь по звѣриному,
«Засвисталъ богатырь по змѣиному,
«Подо мной доброй конь да на колѣна палъ,
«Тутъ ударилъ я добра коня да по тучнымъ бедрамъ».
— Ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой добрый конь штрашишься,
— Пужаешься крику воронинаго,
— Видно мнѣ ворожишь да въ полону-де быть. —
«И обворачивалъ тутъ я добра коня,
«Поѣхалъ на стрѣту я къ богатырю.
«Какъ мы стали добры молодцы съѣзжатисе,
«Будтó двѣ сильніи горы́ вмѣстó свалилисе,
«Будто два сильніи облóка вмѣсто солетѣлисе,
«Мы съ богатырёмъ вмѣсто съѣзжалисе,
«А палками мы съ нимъ какъ ударились,
«Да и палки до рукъ да поломалисе.
«А копьями мы какъ съ нимъ ударились,
«Да копья въ кольцахъ попригнулися,
«И другъ-то друга вѣдь не ранили,
«А оба изъ сиделъ вонъ выпадали.
«Пошли мы какъ съ нимъ на рукопашной бой,

«Пошибъ вѣдь я да тутъ бога́тыря.
«Садился тутъ я на бѣлы груди,
«Вынималъ ножище-то кинжалище,
«Ево лажу пороть да груди бѣлые.
«Говорилъ богатырь таково слово:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чьей матери?
«Говорилъ вѣдь я да таково слово:
«А чортъ тебѣ мертвому и надобно.
«И во вторые разъ бога́тырь меня спрашивалъ:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чье́и матери?»
Говорилъ вѣдь я да таково слово:
— Да чортъ тебѣ мёртвому и надобно. —
«Да въ третей разъ богатырь меня спрашивалъ:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чье́и матери?»
Говорилъ вѣдь я да таково слово:
— Да чортъ тебѣ мёртвому и надобно. —
«Тутъ-то видитъ богатырь неминучую
«Сокопляетъ силу всю въ одно́ мѣсто,
«Ухватилъ меня онъ за бѣлы груди,
«А онъ сшибъ меня да во чисто полё.
«Выставалъ богатырь да на рѣзвы ноги,
«Ухватилъ меня онъ да за желты кудри,
«Да и сшибъ меня онъ тутъ подъ о́блака,
«Назадь какъ я тутъ опущаюсе
«Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
«До сырой земли не допускаючи.
«Становилъ меня онъ супротивъ себя,
«А и сталъ меня онъ тутъ-то спрашивать,

«Да вѣдь сталъ-то я вѣдь ёму сказывать:
— Я изъ за́паднихъ странъ, изъ Золото́й орды,
— Я Петре царевичъ золотничанинъ.
— Я спорожонъ отъ дѣвки Сиверьянчины,
— А не знаю родителя-то батюшка.—
«Говорилъ богатырь да таково слово:
««Да ты а й ты удалый доброй молодецъ!
««Садись-ко ты да на добра коня,
««Поѣдь-ко ты да къ ро́дной матушки,
««Скажи-тко ты да ей низко́й поклонъ
««Отъ старо́ва казака Ильи Муромца»».
Говорила ему да родна матушка:
— Да а й ты дитя ты мо́е милоё!
— Ты бился съ родителёмъ вѣдь батюшкомъ.
— Когда ѣздила я во чисто́ полё поляковать,
— Съѣзжались мы съ имъ на поединочку.
— Онъ меня побилъ, да тутъ и грѣхъ творилъ,
— Оттого ты дитя моё заро́жено.—
Говорилъ богатырь таково слово:
«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
«Поѣду я да на Фаворъ гору,
«Предамъ ему да смерть я скорую».
И обворачивалъ богатырь тутъ добра коня,
Пріѣзжаётъ къ Ильину да ша́тру бѣлому,
Говорилъ богатырь таково слово:
— Ста́вай старая собака ты сѣдатой пёсъ!
— Я предамъ тебѣ да смерть вѣдь скорую.—
Выстава́лъ Илья да на рѣзвы ноги,
Надѣвалъ халатъ да въ ростопашечку (sic),
Выходилъ Илья да изъ бѣла шатра,
Ухватилъ богатыря́ онъ за желты кудри,
Да онъ сшибъ бога́тыря подъ о́блака,
Да назадь богатырь опущается,
Онъ на бѣлые руки не подфатаючи.

Убился богатырь о сыру землю.
Говорилъ Илья да таково слово:
«Едино чадушко на сёмъ свѣти́ зарожено,
«И тому отъ своихъ да рукъ и смерть пришла».

Запис. на Кенозерѣ,
10 августа.

227.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

По трѝ годы Добрынюшка стольничалъ,
По трѝ годы Добрыня приворотничалъ,
По трѝ годы Добрынюшка чашничалъ.
На десятоё-то лѣто сталъ конёмъ владать,
Сталъ конёмъ владать Добрынюшка по городу гулять.
И матушка Добрынюшкѣ наказывала,
Государыни Добрыни наговаривала:
«Ужъ ты младые Добрынюшка Микитинъ сынъ!
«Не ѣзди-тко Добрынюшка по го́роду гуля̀ть,
«Да не ѣзди-тко Микитинъ сынъ по Кіеву гулять.
«Ты не ѣзди-ко во улицы Игнатьевски,
«Да въ тѣ ли переулочки Маринкины.
«Да и та курва̀ Мариночка Игнатьевска,
«Да сама курва Мариночка отравщичка,
«Она много отравила князей бояръ,
«А поболѣ отравила удалыхъ молодцовъ.
«Отравила она девять богатырей,
«Отравитъ тебя Добрыню во десятые».
Да и матушки Добрынюшка не слушаё,
А поѣхалъ ли Добрынюшка по го́роду гуля̀ть,
Да поѣхалъ ли Микитинъ сынъ по Кіеву,
Заѣзжалъ онъ тутъ во улицы Игнатьевски,
А во тѣ ли переулочки Маринкины.

А у той курвы Мариночки Игнатьевской,
Хорошо ли терема да изукрашены.
Онъ увидѣлъ на Маринкиномъ терем̀и,
А сидятъ туто голубъ со голубкою,
Да носокъ къ носку сидя ликуются[1]),
А прави́льныма крылами обнимаются.
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердцо,
А натя́галъ ли Добрынюшка свой тугой лукъ,
И да накла́далъ ли Добрыня калену стрѣлу,
Да стрѣлялъ онъ тутъ во голуба съ голубкою.
Не попалъ тутъ онъ во голуба съ голубкою,
А попалъ онъ ко Маринки во высокъ терёмъ,
Да во то ли то въ окошечко косярчато.
А разбилъ у ней околенку стекольчату,
А сломилъ у ней прицѣленку[2]) серебряну,
А убилъ онъ у Маринки дружка милаго,
А и младаго Тугарина Змiевича.
И та курва́ Мариночка Игнатьевска,
А металасе въ окошечко по поясу,
Говоритъ курва́ Маринка таково слово:
— А й ты младые Добрынюшка Микитьевичъ!
— Ты на что стрѣлялъ во голуба съ голубкою,
— Не попалъ ты во голуба съ голубкою,
— А попалъ ко мнѣ ты во высокъ терёмъ,
— Да разбилъ у мня околенку стекольчату,
— А сломилъ у мня прицѣленку серебряну,
— А убилъ ты у меня да дружка милаго,
— Младаго Тугарина Змiевича,
— Обирай-ко ты поди да тѣло мёртвоё. —
Сходилъ туто́ Добрыня со добра коня,
Становилъ тутъ онъ коня да ко точёному столбу̀,
Ко тому ли то кольцу да золоченому.

1) Милуются. 2) Рама.

Заходилъ-то Добрыня во высокъ терёмъ.
А й та курва Мариночка Игнатьевска,
А металасе Мариночка за за́вѣсу,
А манила ли Добрынюшку за завѣсу,
Просидѣлъ туто Добрыня день до вечера,
А не другъ-то другу слова не прого́ворили.
Да пошолъ-то Добрынюшка изъ терема,
Да и та курва́ Мариночка Игнатьевска,
Да и брала то два ножика булатніе,
А подрѣзала Добрынины слѣдочики,
Ко слѣдамъ курва Маринка пригова́ривала:
«Какъ я рѣжу то Добрынины слѣдочики,
«Такъ бы рѣзала Добрынино сердечушко,
«А по мнѣ ли по Мариночкѣ Игнатьевской».
Затопляла скоро печку муравленку,
Да метала-то Добрынины слѣдочики,
Ко слѣдамъ курва Маринка пригова́ривала:
«Какъ горя этѣ Добрынины слѣдочики,
«Такъ горѣло бы Добрынино сердечушко».
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердцо,
А по той ли по Мариночкѣ Игнатьевской.
По утру вставае онъ ранёшенько,
Да и проситъ онъ прощенія у матушки.
— Ты свѣтъ государынь моя матушка!
— А и дай-ко мнѣ прощеньицо женитися,
— А на той ли на Мариночкѣ Игнатьевской.—
Говорила ли Добрыни родна матушка:
«Ужъ ты младые Добрынюшка Микитинъ сынъ!
«Хоть у князя ты женись, хоть у боярина,
«Хоть у мужика женись ты у крестьянина,
«Вездѣ дамъ тебѣ прощеніё женитися,
«А не дамъ тебѣ прощеньица женитися,
«А на той курвы Мариночкѣ Игнатьевской».
Да и матушки Добрынюшка не слушаё,

А садился ли Добрыня на добра коня,
Да поѣхалъ ли Добрынюшка по городу гулять.
Заѣзжалъ онъ тутъ во улицы Игнатьевски,
Да во тѣ ли переулки во Маринкины,
Сходилъ туто́ Добрыня со добра коня,
Становилъ онъ тутъ коня да ко точеному столбу,
Ко тому ли то кольцу да золоченому,
Заходилъ ли то Добрыня во высокъ терёмъ.
А й та курва́ Мариночка Игнатьевска,
Она брала ли Добрыню за бѣлы руки,
Говорила ли Добрыни таково слово:
— Ужъ ты младые́ Добрынюшка Микитинъ сынъ!
— Топерь какъ я захочу, такъ тобо́й поворочу̀.
— Обвернуть тебя туромъ да златорогіемъ,
— Отъ златорогаго тура поворотъ-отъ есть,
— Обвернуть тебя какъ жабой подколоднею,
— А отъ жабы подколодней повороту нѣтъ. —
А й тутъ курва́ Мариночка сдобри́ласе,
Обвернула-то туромъ да златорогіемъ,
Да спустила-то тура да во чисто полё.
А провѣдала Добрынюшкина матушка,
Пріѣзжала ко Мариночкѣ Игнатьевской,
Говорила ли Маринки таково слово:
«Ужъ ты ай Мариночка Игнатьевска!
«А ты много отравила князей бояръ,
«А поболѣ отравила удалыхъ молодцовъ,
«Отравила ты девять богатырей,
«Отравила ты Добрыню во десятые,
«Оберни́-тко ты Добрыню добрымъ мо́лодцомъ,
«Я тя за Добрынюшку заму́жъ возьму.
«Не обвернешь ты какъ Добрыни добрымъ молодцомъ,
«Оберну тебя сорочкой вѣ́щицею».
Да и тутъ курва Маринка перепаласе,
Обвернула-то Добрыню добрымъ молодцомъ.

А и та ли та Добрынюшкина матушка,
Обвернула-то Мариночку сорочкою,
Да и той ли то сорочкой вѣ́щицею,
Да спустила-то сорочку во чисто полё,
Съ-подъ гуме́ньица сорочекъ всѣхъ повы́гонила̀,
Изъ чиста поля сорочекъ всѣхъ повы́тащила̀.

Запис. тамъ же, 14 августа.

228.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Изъ-подъ бѣлыя березки кудреватыя,
Изъ-подъ чудна креста Леванидова,
Изъ-подъ святыхъ мощей изъ-подъ Борисовыхъ,
Изъ-подъ бѣлаго ла́тыря каменя,
Тутъ повышла, повышла-повыбѣжала,
Выбѣгала-вылетала матка Волга рѣка,
Широка матка Волга подъ Казань прошла,
Пошире того она подъ Вастракань.
Она много матка́ Волга въ собе рѣкъ побрала,
Побольше того она ручьёвъ пожрала,
Давала плеса она Дали́нскіе,
А горы долы Сорочинскіе,
А мѣсто-то шла она три тысячи.
А выпала Волга въ море Че́рноё,
Да устьёвъ пустила ровно семдесятъ,
Широкъ перевозъ да подъ Новы́мъ-градомъ.
Да все это братцы не сказочка,
А все это братцы прибалуточка,
Теперь-то Добрынюшки зачинъ пошолъ.

Во стольнёмъ-то городи во Кіеви,
У ласкова князь у Владимира,

Хорошъ погодился почестной пиръ,
На многіе князи на бо́яра,
На сильни могучіе бога́тыри,
На всѣ поляницы удалые.
Да дологъ день иде ко вечеру,
Почестной пиръ иде ко ве́селу,
А красноё солнышко ко западу.
Почестной пиръ иде на весели,
Владимиръ князь да роспотѣшился.
Онъ ходитъ по гряни по столовыи,
Да самъ государь выговариватъ:
«Вы сильни могучіе богатыри,
«Вы всѣ поляницы удалые!
«Постойте за вѣру христіанскую,
«За домъ Пресвятыя Богородицы,
«За меня за князя за Владимира,
«За княгину Опракси-Тимоѳеевну,
«За вдовъ, за сиротъ и за безсчастныхъ жонъ,
«А пишетъ невѣжа за угрозою,
«Да проситъ невѣжа поединщика».
А всѣ тутъ богатыри замолцали,
А бо́льшей тулится за среднево
А сре́дней тулится за ме́ньшево,
Отъ меньшево царю отвѣту нѣтъ.
Возговорилъ да Илья Муромецъ:
— Вы глупые русскіе богатыри!
— Хоть долго молцать, а слово говорить.
— Не давно братцы я изъ походу-то пришолъ,
— Я жилъ на дорожки сорочинскіе,
— На крѣпости-заставы богатырскіе,
— А бился я дрался съ поединщикомъ.
— Налетѣла невѣжа чернымъ ворономъ,
— Не покажется невѣжа на мои глаза,
— А я бы невѣжу изъ туга лука убилъ. —

Накинули службу-роботушку
На млада Добрынюшку Микитича,
Тутъ здробѣло у Добрыни ретиво сердцо,
Помутились у Добрыни очи ясные,
Потемнѣлъ бѣлой свѣтъ во ясны́хъ оча́хъ.
Онъ со пиру пришолъ къ родной матушки,
Да не веселъ пришолъ не радошенъ.
Говорила Добрыни родна матушка:
«Да ай ты дитя мое милоё,
«Ты младой Добрынюшка Микитьевичъ!
«А что ты не веселъ со пиру пришолъ?
«Видно мѣсто те было не по вотчины,
«Али чара пива не рядомъ дошла,
«Али пьяница тобою осмѣяласе,
«А й безумница прибезчестила».
Говорилъ Добрыня родной матушки:
— Ты свѣтъ государынь родна матушка!
— А мѣсто-то мнѣ было по вотчины,
— И чара-то пива мнѣ рядомъ дошла,
— Да пьяница мной не осмѣяласе,
— Безумница не прибезчестила.
— Спородила ты меня мать несчастливаго,
— А силою меня не сильнёго,
— Да смѣлостью меня не смѣлаго,
— Поѣздочкой меня не храбраго,
— Походочкой и не щапливаго,
— Басою-красой не красовитаго,
— Кудрями меня не кудреватаго,
— Богачествомъ не богатаго. —
Говорила Добрыни родна матушка:
«Да а й ты дитя ты мое милоё!
«Я бы рада спороди́ть дитя милоё,
«А силой въ Самсона Колыванова,
«А смѣлостью да въ Илью Муромца,

«Поѣздочкой въ Дюка Степанова,
«Походочкой въ Чурила Пленкова,
«Басой-красой въ Оси́па прекраснаго,
«Кудрями въ царища Кудреянища,
«Богачествомъ дитя милоё
«Въ Садка купца да новгородского,
«Таково тя Господь зародилъ».
А прóспалъ Добрыня ночку тéмную,
Поу́тру Добрынюшка справляется,
Съ родителью матушкой прощается,
А паче тóво съ молодой женой.
И да наказывалъ Добрыня молодой жены:
— Да ай ты моя ты молода жена,
— А ты Катерина дочь Микулична!
— Какъ будетъ Добрынюшки три годы,
— А будётъ Добрынюшки шесть годовъ,
— Пройдётъ какъ Добрыни ровно девять лѣтъ,
— Не будетъ не вѣсточка, не грамотка,
— Не низко близко челомъ-би́тьицо,
— Тогда Катерина и за мýжъ поди,
— Выбирай жениха собѣ по разуму.
— Не ходи не за князя, не за барина,
— А вѣдь ты за русскаго богáтыря,
— Выбирай-ко богатыря противó меня.
— Не ходи Катерина дочь Микулична
— За вора Олёшу за Поповича.
— Олёша Поповичъ мнѣ крестóвой братъ,
— Крестóвой братъ и паче рóдного. —
Садился Добрыня на добра коня,
Поѣхалъ Добрынюшка въ чистó полё,
Отъѣзжалъ Добрыня во чистó полё,
Становился на дóрожку Сорочинскую,
На крѣпость-заставу богатырскую.
Онъ жилъ на дорожки ровно три́ года,

Не видѣлъ ни конного ни пѣшого,
Не сѣраго гуся пролётного.
А платье на мо́лодци избилосе,
Надѣвалъ онъ пла́тьица звѣриныя.
Захотѣлось Добрынюшки помытися,
Помытись Добрыни покупатисе,
Забродилъ онъ во матку во Пучай рѣку·
На ту ли то пору да на то́ время
Налетѣла курва Яга́ баба,
Ладитъ Добрынюшку нага́ пожрать.
Говорилъ Добрыня таково слово:
— А й ты курва Яга́ баба!
— Не честь не слава молодецкая
— Нагого богатыря въ воды пожрать.
— А дай-ко, курва, надѣтисе,
— Да дай-ко, курва, обутисе! —
Да дала Яга́ баба надѣтисе,
А дала Яга баба обутисе,
Совсѣмъ Добрынюшка справилсе;
А стали Добрыня съ бабой битисе,
Да бился Добрыня съ бабой шесть годовъ,
Не видѣлъ ни конного ни пѣшого,
Не сѣрого гуся пролётного,
Только видѣлъ Олёшу Поповича.
А ѣде Олёша изъ чиста поля,
Да прямо-то ѣде онъ во Кіевъ градъ.
Пріѣзжалъ Олёша во Кіевъ градъ,
Приходилъ Олёша ко Владимиру,
Говорилъ Олёша таково слово:
«Владимиръ ты князь да столенъ-Кіевской!
«Благослови государь меня женитисе
«На той Катерины на Микуличной.
«Я видѣлъ Добрыню бита ранена,
«Головою лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ,

«Ногами лежитъ да во кувыль траву,
«Да ружья лука́ исприломаны,
«По сто́ронамъ лука́ испримётаны,
«А конь-отъ ходитъ въ широки́хъ степяхъ.
«А летаютъ вороны-ты черные,
«А трынькаютъ тѣло Добрынино
«Нося суставы всё Добрынины».
Говорилъ Владимиръ таково слово:
— Поди-тко Олёша ты къ ей сватайся.
— Буде добромъ идё, дакъ ей добромъ бери,
— Добромъ нейде, дакъ забоёмъ бери,
— Ты силой бери да богатырскою,
— Грозою бери да княженецкою. —
— Приходилъ Олёша къ ей свататься.
Не поизволила Катерина тутъ заму́жъ итти.
Поизволилъ Владимиръ ей сило́мъ отдать,
Онъ силой отдать да богатырскою,
Грозою отдать княженецкою.
Севодня у нихъ рукобитьицо,
А завтра будетъ у нихъ свадебка.
По той ли по улки по Ильинскіи,
Не ясной соколикъ пролётывалъ,
Проѣзжалъ пролегалъ тутъ старо́й казакъ,
Начальный богаты́рь Илья Муромецъ.
Проѣзжалъ Илья во чисто́ полё,
На ту па дорожку сорочинскую,
На крѣпость-заставу богатырскую,
Пріѣзжалъ ко Добрынюшки Микитичу.
Говорилъ Илья таково слово:
«А здравствуй Добрынюшка Микитьевичъ!»
Говорилъ Добрыня таково слово:
— А здравствуй любимый ты мой дядюшко,
— Начальный богатырь Илья Муромецъ! —
Тутъ-то спрашивалъ Добрынюшка про Кіёвъ градъ,

Здорово ли живётъ да весь тутъ Кіевъ градъ
Перву́ говорилъ онъ висть нерадошну:
«Здорово живётъ да весь-то Кіевъ градъ,
«Какъ твоя-то вѣдь и молода жена,
«Твоя Катерина дочь Микулична,
«Выходитъ за́ вора Алёшу за Поповича.
«Не добромъ выходитъ, забоёмъ берё,
«Онъ сило́й берё да богатырскою,
«Грозою берё княженецкою».
Говорилъ Добрыня таково слово:
— Да а й ты любимый ты мой дядюшка,
— Начальный богатырь Илья Муромецъ!
— Пособи-тко убить курвы Яго́й бабы. —
Говорилъ Илья да таково слово:
«Да а й ты Добрынюшка Микитьевичъ!
«Не честь не слава молодецкая
«Двумъ богатырямъ биться съ о́дной бабою.
«А бей-ко ты бабу по ба́бьему,
«По титькамъ бей да и по́дъ гузно».
Да спомнилъ онъ старые ухваточки,
А сталъ бить по титькамъ да и по́дъ гузно,
Убилъ онъ курву Ягу бабу.
Садился Добрыня на добра коня,
Поѣхалъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
Кричитъ онъ вопитъ лучше старого,
Поѣздку кажетъ лучше пре́жнёго,
Да прямо-то ѣде онъ во Кіевъ градъ.
Пріѣзжалъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
Скакалъ черезъ стѣну городовую,
Черезъ высоки башни наугольніе,
Да прямо-то ѣдё онъ ко терему,
Ко своей родители матушки.
Пріѣзжалъ Добрынюшка ко терему,
Сходилъ Добрыня со добра коня,

Заходилъ Добрыня во высокъ теремъ,
Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ выводитъ до сырой земли,
А бьетъ челомъ да на вси стороны,
Родители матушки въ особину.
— А здравствуй родитель моя матушка! —
Говорила Добрыни родна матушка:
«Ты здравствуй удалый доброй молодецъ!
«Хоть Добрынюшкой ты называешься,
«А нѣту Добрыни жива на́ свѣтѣ.
«А видѣлъ Олёша Поповичъ-отъ,
«Онъ видѣлъ Добрыню бита-ранена,
«Головою лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ,
«Ногами лежитъ да во кувыль траву,
«Да ружья лука́ исприломаны,
«По сто́ронамъ лука́ испримётаны,
«Да конь-отъ ходитъ въ широки́хъ степяхъ.
«А лéтаютъ вороны-ты черные,
«Да тры́нькаютъ тѣло Добрынино,
«Носятъ суставы всё Добрынины».
Скидалъ Добрыня до-нага платьё,
Показывалъ пя́тенца родимные.
Подъ той подъ правой подъ пазушкой
А было два пя́тенца два черные,
Два че́рные пя́тенца родимные.
Говорила Добрыни родна матушка:
— Теперь возсіяло красно солнышко
— Ты мла́дой Добрынюшка Микитьевичъ!
— Какъ твоя-то вѣдь и молода жена,
— Твоя Катерина дочь Микулична,
— Выходитъ за вора Олёшу за Поповича
— Не добромъ выходитъ забоёмъ берё,
— Онъ силой берё богатырскою,
— Грозою берё княженецкою.

— Вчерасе у нихъ рукобитьицо,
— Севодня-то у нихъ свадебка. —
Говорилъ Добрыня родной матушки:
«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
«А дай-ко мнѣ доску гусельнюю,
«Да дай-ко мнѣ платье скоморошноё,
«А дай-ко шалыгу мнѣ корманную,
«Вѣсу̂ коя̂ тяне́ полъ-сема́ пуда.
«Пойду я къ Олёшѣ на свадебку».
А дала мать доску гусельнюю,
Да дала мать платье скоморошноё,
Да дала шалыгу корманную,
Вѣсу̂ коя̂ тяне́ полъ-семи́ пуда.
Пошёлъ онъ къ Олёшѣ на свадебку,
Заходилъ онъ къ Олёшѣ во высокъ терёмъ,
Садился Добрыня на ошёсточёкъ [1]),
Натягалъ онъ струну про Кіевъ градъ,
Другую-ту про похожденьицо,
Выигрывалъ своё рожденьицо.
Никто-то въ пиру не догодается,
Одна Катерина догодаласе:
«Не быть то весёлой скоморошины,
«А быть то Добрынюшки Микитичу».
Владимиру игра прилюбиласе,
Говорилъ Владимиръ таково слово:
— Да а й ты весёла скоморошина!
— Садись, скоморохъ, за дубовой столъ,
— Перво́е тѣ мѣсто подлѣ меня,
— Друго́е мѣсто на лавочкѣ,
— А третье мѣсто куды самъ садись. —
Садился Добрыня на скамеечку,
Супротивъ Олёшиной молодой жены,

1) Противъ печи.

Супротивъ Катерины-то Микуличной.
Не долго сидѣлъ а слово выдумалъ:
«Владимиръ ты князь да столенъ-Кіевской!
«Благослови, государь, слово молвити.
«За слово меня да не повѣсити.
«А пусть-ко Олёшина молода жена,
«Поднесётъ мнѣ чару зелена вина».
Дакъ тутъ-то Олёшина молода жена,
Подносила чару зелена вина.
Берётъ онъ чару единой рукой,
Выпивалъ онъ чару на единой духъ,
На отместку наливалъ самъ чару зелена вина,
Подовалъ Катерины-то Микуличной,
Подавае чару выговариватъ:
«Ужъ ты а й ты Олёшина молода жена,
«А ты Катерина дочь Микулична!
«Ты пей до дна — дакъ увидашь добра,
«Не выпьешь до дна — дакъ не видать добра».
Она пила до дна дакъ увида́ла добра:
Выкатывался перстень обручёныи,
Которымъ перстнемъ обручалисе
Со старымъ Добрынюшкой Микитичемъ.
По перстню она да догодаласе,
А тутъ Катерина взрадова́ласе,
Говоритъ Катерина таково слово:
— Владимиръ ты князь да столенъ-Кіевской!
— Благослови, государь, слово молвити,
— За слово меня да не повѣсити.
— Какъ не тотъ мой милъ да кой подлѣ́ сидитъ,
— А тотъ мой милъ кой супротивъ сидитъ. —
Подавалъ-ка чару зелена
Старо-прежній Добрынюшка Микитьевичъ,
Выставалъ Добрыня со скамеечки,
Берётъ онъ Олёшу за желты кудри,

Да онъ тя́не Олешу зъ-за дубо́ваго стола.
Е́во сшибъ-то о се́реду кирпичную,
Вынималъ шалыгу корманную,
Да и сталъ Олёшу покакивать[1]),
А и сталъ Олеша поахкивать.
Во томъ шалышномъ бухканьѣ
Не слышно Олёшина охканья.
Да только Олёша женатъ бывалъ,
Постригся Олёша поскимился,
Пошёлъ Олёша во мона́стыри.
А тотъ ли Добрынюшка Микитьевичъ
А бралъ Катерину за праву руку,
Повёлъ Катерину къ родной матушки.
Съ той поры да съ того времени,
Стали Добрыню стариной сказать,
Отнынь сказать да е́во до вѣку.

Запис. тамъ же 10 августа.

229.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

Да во стольномъ-то во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владимира
Хорошъ погодился почестной пиръ
На многіе князи на бояра,
На сильніе могучіе богатыри,
На всѣ на поляницы удалые.
Дологъ день идē по вечеру,
Почестной пиръ идē ко веселу,
Красное солнышко ко западу,

---

1) Поколачивать.

Почестной пиръ иде на весели,
Владимиръ князь роспотѣшился.
Выходилъ онъ на крылечко перёное,
Овалился о перила о точеные,
Здрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Изъ далеча-далеча изъ чиста́ поля
Идутъ мужики и все Кіевляна,
Бьютъ они целомъ, жалобу́ кладутъ,
Владиміру-то князю до сырой земли.
«Солнышко нашъ Владимиръ князь!
«Дай, государь-царь, правой судъ
«На вора Чурила сына Пленковича.
«У насъ было на матки на Сароги на рѣки,
«Невѣдомые люди появилисе,
«Шелковы неводы запускивали,
«Грузивца были серебряные,
«Наплавки позолоченые.
«Рыбы сорогу[1]) повыловили,
«Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
«Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
«Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья».
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе,
Идутъ мужики и все Кіевляна,
Бьютъ они целомъ жалобу кладутъ,
Владимиру-то князю до сырой земли.
— Солнышко нашъ Владиміръ князь!
— Дай, государь-царь, правой судъ
— На вора Чурила сына Пленковича.
— У насъ было на матки на Сароги на рѣки
— Невѣдомые люди появилисе.
— Во тѣхъ ли во тихихъ во за́водяхъ

1) Плотва.

— Гуся-лебедя повыстрѣляли,
— Сѣрую пернату малу утушку.
— Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
— Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
— Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья. —
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе,
Идутъ мужики и все Кіевляна,
Бьютъ они *ц*еломъ жалобу кладутъ,
Владимиру-то князю до сырой земли.
«Солнышко нашъ Владимиръ князь!
«Дай, государь-царь, правой судъ
«На вора Чурила сына Пленковича.
«У насъ было за городомъ за Кіевомъ,
«Во тѣхъ ли рощахъ во сосновыихъ,
«Невѣдомые люди появилисе.
«Шелковы тéнета протягивали,
«Кунку и лиску повыловили,
«Бѣлаго заморскаго зáяца,
«Чернаго сибирскаго соболя.
«Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
«Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
«Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья».
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе,
Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ,
Кони подо нимá однокáріе были,
Жéребцы всё латынскіе,
Узды повода сорочинскіё,
Сѣдельшка были нá золоти.
Мóлодцы на конехъ однолицные,
Платьё у нихъ однопарное,
Кожáны-ты на молодцахъ лосиные,
Кафтаны-ты на молодцахъ голýбъ скурлатъ,

Источниками-де[1]) подпоясалисѐ,
Шляпы на главахъ золоты́ вёршки,
Камзолы-ты штаны голопли́совые,
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
До́рога сафьяну турецкаго,
Ба́ского покрою нѣмецкаго,
Крѣпкого шитья ярославскаго.
Кони подъ нима́ бы соколы летя,
Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя,
Ѣздя по городу уродствуютъ,
Лукъ и чеснокъ весь повыщипали,
Бѣлую капусту повыломали,
Красныхъ-то дѣвокъ къ сорому-де привели,
Молодыхъ молодокъ прибезчестили,
Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили.
Собиралисе князьё всѣ и бояра,
Всѣ ли то купцы всѣ торговые,
Всѣ ли мужики огородники.
Бьютъ они целомъ, жалобу кладутъ,
Владимиру-то князю до сырой земли.
— Солнышко нашъ Владимиръ князь!
— Дай, государь-царь, правой судъ
— На вора Чурила сына Пленковича.
— У насъ было во городи во Кіеви,
— Невѣдомые люди появилисе,
— Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ,
— Кони подъ нима́ однока́ріе были,
— Жѐребцы всё латынскіе,
— Узды, повода сорочинскіё,
— Сѣделышка были на́ золоти.
— Мо́лодцы на коняхъ однолицные,
— Платьё у нихъ однопарное,

---

1) Не знаетъ.

— Кожа́ны-ты на молодцахъ лосиные,
— Кафтаны-ты на молодцахъ голу́бъ скурлатъ,
— Источниками-де подпоясалисè,
— Шляпы на главахъ золоты́ вёршки,
— Камзолы-ты штаны голопли́совые,
— Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
— До́рога сафьяну турецкаго,
— Ба́ского покрою нѣмецкаго,
— Крѣпкого шитья ярославскаго.
— Кони подъ нима́ бы соколы летя,
— Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя,
— Ѣздя по городу уродствуютъ,
— Лукъ и чеснокъ весь повыщипали,
— Бѣлую капусту повыломали,
— Красныхъ-то дѣвокъ къ сорому-де привели,
— Молодыхъ молодокъ прибезчестили,
— Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили. —
Говорилъ-то Владимиръ таково слово:
«Глупые князьё всѣ и бояра,
«Неразумные купцы всѣ торговые!
«На ково мнѣ-ка, дать, сударь, правой судъ.
«Не знаю я Чурила гдѣ дворомъ стоитъ,
«Не знаю я Чуриловой поселицы».
Говорятъ-то князьё всѣ и бояра:
— Знаемъ мы Чурила гдѣ дворомъ стоитъ,
— Знаемъ мы Чурилову поселицу.
— Живётъ-то Чурилушко не въ Кіеви,
— Живётъ-то Чурилушко за Кіевомъ,
— Дворъ-отъ у Чурила на семи верстахъ,
— Около двора всё булатній тынъ,
— Верхѝ-ты были всё точёные,
— Подворотенки-ты были дорогъ рыбей зубъ,
— Надъ воротами иконъ до семидесятъ,
— На дворѣ есть теремовъ до семи́ ихъ сотъ. —

Подымается Владимиръ во чисто́ полё,
Подымается къ Чурилушку посе́лицы глядѣ̀ть.
Садился Владимиръ на добры́хъ коней,
Пріѣ́зжае ко Чурилову широкому двору̀,
Говорилъ-то Владимиръ таково слово:
«Какъ говорили мужики такъ и сдѣлалось.
«Есть туто дворъ на семи верстахъ,
«Около двора всё булатній тынъ,
«Верхѝ-ты были всё точёные,
«Подворотенки-ты были дорогъ рыбей зубъ,
«Надъ воротами иконъ до семидесятъ,
«На дворѣ́ есть теремовъ до семи́ ихъ сотъ».
Изъ того ли изъ Чурилова широ́каго двора̀
Выходилъ туто старые матерый человѣ̀къ,
Шуба-та на старомъ соболиная,
Подъ до́рогимъ подъ зеленымъ подъ знаметомъ,
Пуговки всё вольячные,
Литъ-то во̀льякъ красна золота,
По тому ли-то по яблоку по любскому.
Петельки изъ семи шелковъ,
Шляпа-та на старомъ съ полимажами.
Говорилъ туто старой таково слово:
— Владимиръ ты нашъ князь столенъ-Кіевской!
— Гости-тко ты, пожалуй во высо́къ терёмъ —
— Хлѣба ты соли покушати
— Бѣлаго-то лебедя порушати. —
Говорилъ тутъ Владимиръ таково слово:
«А й же ты старые матерый человѣкъ!
«Не знаю тебя, старый, какъ по имени зовутъ,
«Не знаю тебя, старый, по отечеству».
Говорилъ туто старый таково слово:
— Владимиръ ты нашъ князь столенъ-Кіевской!
— Я-то вѣдь Плѣнкъ, сынъ Саро́жанинъ,
— Со Сароги со рѣки, Чуриловъ батюшко. —

Пошолъ-то Владимиръ на широкой дворъ:
У Чурила первы сѣни рѣшетчатые,
У Чурила други сѣни серебряные,
У Чурила третьи сѣни были на золоти.
Заходилъ-то Владимиръ во высокъ терёмъ,
Въ терему полъ-середà одного серебрà,
Стѣны потолокъ красна золота,
Нá неби сонце и въ терема сонце,
Нá неби мѣсяцъ и въ терема мѣсяцъ,
На неби звѣзды розсыплются,
Въ терема звѣзды розсыплются.
Вся небесная лунà въ терему́ приведенà.
Садился Владимиръ за дубовой столъ.
Столъ-отъ вѣдь идё у нихъ въ полъ-стола,
Пиръ-отъ вѣдь идё у нихъ въ полъ-пира,
Красное солнышко ко западу,
Почестной идё на весели,
Владимиръ князь роспотѣшился.
Взглянулъ онъ въ окошко косѐ́рчатоѐ,
Увидѣлъ онъ въ поли толпа-де молодцовъ,
Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ.
Кони подъ нимá однокáріе были,
Жéребцы всё латынскіе,
Узды повода сорочинскіё,
Сѣделышка были нá золоти.
Мóлодцы на коняхъ однолицные.
Платьё у нихъ однопарное,
Кожáны-ты на молодцахъ лосиные,
Кафтаны-ты на молодцахъ голу́бъ скурлатъ,
Источниками-де подпоясалисѐ,
Шляпы на главахъ золоты́ вёршки,
Камзолы-ты штаны голоплúсовые,
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ.
Дóрога сафьяну турецкаго,

Ба́ского покрою нѣмецкаго,
Крѣпкого шитья ярославскаго.
Кони подъ нима́ бы соколы летя,
Молодцы на коняхъ какъ свѣчи́ горя.
Владимиръ князь исполошался,
Говорилъ-то Владимиръ таково слово:
«А й же ты старые мате́рый человѣкъ!
«Чья это за сила появиласе?
«Не царь ли съ ордой, не король ли съ Литвой,
«Не думные бояринъ ли не сватовщикъ
«На любимые Забавны на племянницы?»
Говорилъ туто старый таково слово:
— Не пужайся, Владимиръ, не полошайся!
— Не царь ѣде съ ордой, не король съ Литвой,
— Не думные бояринъ да не сватовщикъ,
— На любимые Забавне на племянницы,
— А ѣдутъ то Чуриловы всё стольники. —
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе,
Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ.
Кони подъ нима одноры́жи бѣжа̀,
Же́ребцы всё латынскіе,
Узды повода сорочинскіё,
Сѣдельшка были на́ золоти.
Мо́лодцы на коняхъ однолицные,
Платьё у нихъ однопарное,
Кожа́ны-ты на молодцахъ лосиные,
Кафтаны-ты на молодцахъ голу́бъ скурлатъ,
Источниками-де подпоясалисѐ,
Шляпы на главахъ золоты́ вёршки,
Камзолы-ты штаны голопли́совые,
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
До́рога сафьяну турецкаго,
Ба́ского покрою нѣмецкаго,

Крѣпкого шитья ярославскаго.
Кони подъ нимá бы соколы летя,
Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя.
Владимиръ князь исполошался,
Говорилъ-то Владимиръ таково слово:
«А й же ты старые матéрый человѣкъ!
«Чья это за сила появиласе?
«Не царь ли съ ордой, не король ли съ Литвой,
«Не думные бояринъ ли не сватовщикъ
«На любимые Забавне на племянницы?»
Говорилъ туто старый таково слово:
— Не пужайся Владимиръ, не полошайся!
— Не царь ѣде съ ордой, не король съ Литвой,
— Не думные бояринъ да не сватовщикъ
— На любимые Забавне на племянницы,
— Ѣдутъ то Чуриловы все ключники. —
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе,
Есть молодцовъ ихъ до тысячи.
Кони подъ нимà однобýры бѣжà,
Жéребцы всё латынскіе,
Узды повода сорочинскiё,
Сѣдельшка были нá золоти.
Мóлодцы на коняхъ однолицные,
Платьё у нихъ однопарное,
Кожáны-ты на молодцахъ лосиные,
Кафтаны-ты на молодцахъ голýбъ скурлатъ,
Источниками-де подпоясалисѐ,
Шляпы на главахъ золоты́ вёршки,
Камзолы-ты штаны голопли́совые,
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Дóрога сафьяну турецкаго,
Бáского покрою нѣмецкаго,
Крѣпкого шитья ярославскаго.

Кони подъ нимá бы соколы летя,
Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя.
Середній ѣде улицею мóлодецъ,
Съ коня-то онъ на кóнь перескáкиваё,
Черезъ три-то онъ коня да на четвёртого.
Говорилъ тутъ Владимиръ таково слово:
«А й же ты старые матéрый человѣкъ!
«Что это ѣде за мóлодецъ?»
— Не пужайся, Владимиръ, не полошайся,
— Ѣде мой сынишко безгодные,
— Младые Чурилушко сынъ Пленковичъ. —
Заслышалъ-то Чурило немилы́хъ гостей,
Бралъ туто Чурило золоты ключи,
Заходилъ-то Чурило во глубокъ погрёбъ,
Бралъ-то Чурила золотой казны,
Да бралъ-то Чурилушка куни́цъ и лисицъ,
Бѣлыхъ заморскихъ-то заяцовъ.
Князей-то дарилъ да онъ куницами,
Куницами дарилъ да лисицами,
А мужиковъ-то дарилъ онъ золотой казной.
Говорилъ-то Владимиръ таково слово:
«Младый ты Чурилушко сынъ Пленковичъ!
«Много на тебя было просителей,
«Теперь больше того благодателей».
Съ той поры съ того времени
Стали Чурила стариной сказать.

Запис. тамъ же 14 августа.

230.

ДЮКЪ.

Изъ Волынца города изъ Галича,
Изъ той Волынь земли богатыя,
Изъ той Корелы изъ проклятыя,
Да не бѣлъ кречетушко выпо́рхивалъ,
Не бѣлъ горносталюшко проскакивалъ,
Не ясенъ соколикъ тутъ пролётывалъ,
Проѣзжалъ удалой доброй молодецъ,
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ.
Ѣздилъ Дюкъ да ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охвотами,
Охвотникъ стрѣлять былъ гусей лебедей
А сѣрыхъ пернатыхъ малыхъ утушокъ.
Онъ днёмъ стрѣлялъ, ночью́ стрѣлы сбиралъ,
Гдѣ стрѣла лежитъ, дакъ будто жаръ горитъ.
А выстрѣлялъ Дюкъ да ровно триста стрѣлъ,
А и триста стрѣлъ да ровно три стрѣлы,
Не убилъ ни гуся и не лебедя,
Не сѣрой пернатой малой утушки.
Собиралъ онъ стрѣлочки въ одно мѣсто,
Нашолъ-то Дюкъ да ровно триста стрѣлъ,
Не могъ найти онъ ровно трёхъ-то стрѣлъ.
Отошолъ-то Дюкъ, а самъ дивуется:
«Всѣмъ тремъ-стамъ стрѣламъ да цѣну вѣдаю,
«А й тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаю,
«Которыи стрѣлки потерялися».
А точёны стрѣлки на двѣнадцать гранъ,
Да точёны стрѣлки позолочёны,
Пе́рены были перьями сиза орла,
Не тотъ орёлъ, кой по полямъ летатъ,
А тотъ орёлъ, кой по морямъ летатъ,

Летатъ орёлъ да за сини́мъ моремъ,
Дѣтей выводитъ на синимъ мори,
На бѣломъ латыри на камени.
Ѣхали гости карабельщики,
Нашли три пе́рышка орлиныи,
Приносили Дюку пе́рышка во даровяхъ.
Садился Дюкъ да на до́бра коня,
Поѣхалъ Дюкъ да въ свою сторону.
Онъ ѣхалъ путёмъ-дорожкою широкою,
Настигъ тридцать каликъ да со каликою,
Кричитъ онъ во́питъ зычнымъ го́лосомъ:
«Али воры вы, али разбойники,
«Али вы ночныи подорожники,
«Али вы церковныи грабители?»
Говоря калики перехожіе:
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Мы не воры идёмъ, да не разбойники,
— А и мы не ночныи подорожники,
— Да мы не церковныи грабители.
— Идёмъ мы калики перехожіе,
— Идёмъ калики мы изъ Кіева,
— Идёмъ мы калики въ славный Галичъ градъ,
— Во ту Индѣрію широкую. —
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«А й вы, ай калики перехожіе!
«Скажите вы да мнѣ повѣдайте:
«А много ли отъ Галича до Кіева да розстояньица?»
Говоря калики перехожіе:
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— А отъ Кіева до Галича розстояньица:
— Пѣшо́ итти будё на цѣлой годъ,
— А конёмъ-то ѣхать на три мѣсяца,
— Чтобы кони были перемѣнные,
— А прямой дорожкой дакъ проѣзду нѣтъ.

— На прямой дорожкѣ три заставушки:
— Пе́рвая заставушка — Горынь-змѣя,
— Горынь-змѣя да змѣя лютая,
— Змѣя лютая, змѣя пещерская.
— Другая заставушка великая —
— Стоитъ-то стадушко люты́хъ грачёвъ,
— По русски́ назвать дакъ черныхъ вороновъ.
— А тре́тья заставушка великая —
— Стоитъ-то стадушко люты́хъ гонцёвъ[1]),
— По-ру́сски-то назвать дакъ сѣры́хъ волковъ.
— Четвёрта заставушка великая —
— Стоитъ шатёръ да во чистомъ поли,
— Стоитъ богатырь во бѣло́мъ шатрѣ. —
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«Спасибо калики перехожіе!»
Поѣхалъ Дюкъ во славной Галичъ градъ,
Пріѣхалъ Дюкъ во славной Галичъ градъ,
Простоялъ Христосскую вечеренку.
Приходилъ-то Дюкъ да къ родной матушкѣ,
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
«Мнѣ-ка дай прощеньицо благословле́ньицо.
«Мнѣ-ка ѣхать Дюку во столенъ Кіевъ градъ».
Говорила Дюку родна матушка:
— Да ай ты дитя, ты моё милоё,
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ:
— Я не дамъ прощеньица благословленьица
— Тебѣ ѣхать Дюку въ столенъ Кіевъ градъ,
— Не поспѣть къ христосскіи заутрены.
— Пѣшо итти буде на цѣлой годъ,
— Конёмъ-то ѣхать на три мѣсяца,
— Чтобы кони были перемѣнные.

1) Поляковъ о гонцахъ.

— А прямой дорожкой дакъ проѣзду нѣтъ.
— На прямой дорожкѣ три заставушки,
— Три заставы вѣдь великія:
— Пepва́я заставушка — Горынь-змѣя,
— Горынь-змѣя да змѣя лютая,
— Змѣя лютая, змѣя пещерская.
— Другая заставушка великая —
— Стоитъ-то стадушко люты́хъ грачёвъ,
— По-русски́ назвать дакъ черныхъ вороновъ.
— А тре́тья заставушка великая —
— Стоитъ-то стадушко люты́хъ гонцёвъ,
— По-ру́сски-то назвать дакъ сѣры́хъ волковъ.
— Четверта заставушка великая —
— Да той заставушки минуть нельзя:
— Стоитъ шатёръ да во чистомъ поли,
— Стоитъ богатырь во бѣломъ шатрѣ. —
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
«Мнѣ-ка дай прощеньицо благословленьицо,
«Мнѣ-ка ѣхать Дюку въ столенъ Кіевъ градъ.
«Во всѣхъ градахъ у мня побывано,
«А всѣхъ князьёвъ да перевидано,
«Да всѣмъ княгинамъ-то послужено, —
«Въ одномъ во Кіеви не бывано,
«Кіевско́го князя-то не видано,
«Кіевской княгинѣ-то не служено.
Говорила Дюку родна матушка:
— Я не дамъ прощеньица благословеньица —
— Тебѣ ѣхать Дюку въ столенъ Кіевъ градъ.
— Какъ вѣдь ты дитя мое заносливо,
— А заносливо да фастоватоё,
— Пофасташь Дюкъ ты родной матушкой,
— Пофасташь Дюкъ да ты добрымъ конёмъ,
— Пофасташь Дюкъ да золотой казной,

— Пофасташь Дюкъ да платьемъ цвѣтныимъ.
— А во Кіеви люди всё лукавыи,
— Изведутъ тебя Дюка не за денежку. —
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
«Тѣмъ меня ты не угрaживай.
«Даси́ прощеньицо — поѣду я,
«Не даси́ прощеньица — поѣду я».
Говорила Дюку родна матушка:
— А й ты дитя, ты моё милое,
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Тебя Богъ проститъ Господь помилуётъ. —
Выходилъ-то Дюкъ да на широкій дворъ,
На ту конюшню на стоялую,
Выбиралъ коня да себѣ добраго,
Коня добраго да не ѣзжалаго,
Выбиралъ онъ бурушка косматаго.
Да шерсть у бурушка по три́ пяды,
А грива у бурушка да трёхъ локотъ,
А фостъ у бурушка да трёхъ сажонъ,
А фостъ и грива до сырой земли,
Фостомъ слѣды да онъ запахиватъ.
Выводилъ коня да на широкой дворъ,
Каталъ-валялъ бурушка косматаго
Во той росы да во вечерніи,
А бралъ часту рыбью ту гребёлочку,
Росчесалъ онъ бурушка косматаго,
Наклалъ онъ попону пестрядиную,
Въ три строки попона была строчена:
Перва строка да краснымъ золотомъ,
Друга строка да скатнымъ жемчугомъ,
А третья строка мѣдью́ казанскою.
Не тѣмъ попона была дорога,
Что въ три строки попона была строчена,

А тѣмъ попона была дорога,
Что всякима манерами выплётана,
По денежку мѣста дакъ рублемъ купить.
А не тѣмъ попона была дорога,
Что всякима манерами выплётана,
Да и тѣмъ попона была до́рога:
Во ту попону пестрядиную,
Вплётано по камешку по яфанту,
По яфанту по самоцвѣтному.
Пекутъ лучи да солнопечные,
Не ради красы басы да молодецкіе,
А ради поѣздки богатырскіе,
Чтобы днемъ и ночью видно ѣхати.
Накинулъ Дюкъ да подсѣдельники,
Наклалъ сѣделышко черканское,
Подпрягалъ подпруги богатырскіе,
Подпруги были изъ семи шелковъ,
А пряжицы были серебряны.
Спене́чки были всё булатніе,
Да шолкъ не трется и булатъ не гнется,
Красное золото не ломится.
Подвязалъ торока-ты онъ великіе,
Нагру́жалъ торока-ты золотой казны,
Золотой казны да платья цвѣтнаго.
Отошолъ-то Дюкъ, а самъ дивуется:
«Али добрый конь, али ты лютый звѣрь,
«Исподъ наряду добра коня не видѣти».
Садился Дюкъ да на добра коня,
Простился Дюкъ да совсѣмъ Галичемъ,
Съ родителью матушкой въ особинку.
А видѣли Дюка на коня гдѣ сѣлъ,
Не видѣли Дюковой поѣздочки,
Только дымъ стоитъ да во чистомъ поли.
А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то и въ полъ-травы,

А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то поверхъ травы,
Да ѣдетъ Дюкъ тутъ-то и въ по́лъ-лѣсу,
А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то поверхъ лѣсу,
Повыше лѣсу-то стоячего,
Пониже о́блака ходячего.
Налегала на молодца Горынь-змѣя,
Горынь-змѣя да змѣя лютая,
Она ладитъ молодца съ конёмъ пожрать.
Отъ змѣи-то добрый конь ускакивалъ,
Добра молодца у́ смерти унашивалъ.
Налегало на мо́лодца стадо́ грачовъ,
По-русски назвать дакъ черныхъ вороновъ.
Отъ грачевъ-то добрый конь ускакивалъ,
Добра молодца у́ смерти унашивалъ.
Налегало на молодца стадо́ гонцёвъ,
По-русски назвать дакъ то сѣрыхъ волковъ.
Отъ гонцёвъ-то добрый конь ускакивалъ,
Добра молодца у́ смерти унашивалъ.
Да тѣ три заставушки проѣхано,
Четвёртой заставушки минуть нельзя.
Доѣзжалъ до шатра бѣлополотняна,
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«Еще что въ шатрѣ да за невѣжа спитъ?
«А идётъ ли съ Дюкомъ вѣдь побитися,
«Да побитися съ нимъ поборотися?»
Говоритъ въ шатрѣ да не уступыватъ:
— А я съ-то съ Дюкомъ вѣдь побитися,
— Да я съ-то съ Дюкомъ поборотися,
— Я отвѣдаю Дюковой-то храбрости. —
Тутъ-то видитъ Дюкъ да что бѣда пришла,
А бѣда пришла бѣда не маленька.
Соходилъ-то Дюкъ да со добра коня,
Онъ снимае шляпу съ буйной головы,
Да онъ бьётъ челомъ да до сырой земли.

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«Да едино солнышко на не́беси,
«Единъ бога́тырь на свято́й Руси,
«Единъ Илья́ да Илья Муромецъ!»
Ильи тѣ рѣчи прилюбились,
Да то бралъ онъ Дюка за бѣлы руки,
Да заводилъ онъ Дюка во бѣлой шатёръ,
Говорилъ онъ Дюку таково слово:
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Какъ будешь ты Дюкъ теперь во Кіеви,
— На тебя какъ буде вѣдь незгодушка,
— Незгодушка безвеременьицо,
— Тебя некому молодца повыручить,
— Дакъ стрѣляй-ко ты стрѣлочки кале́ныи,
— Ко стрѣламъ ты ерлы́чки припечатывай.
— У меня летае вѣдь сизо́й орёлъ,
— Сизо́й орёлъ да по чисту полю,
— Приноситъ онъ стрѣлочки въ бѣлой шатёръ.
— А тутъ я наѣду изъ чиста поля,
— А тутъ тебя мо́лодца повыручу. —
Садился Дюкъ да на добра коня,
Уѣхалъ Дюкъ да въ столенъ Кіевъ градъ.
Пріѣхалъ Дюкъ во столенъ Кіевъ градъ,
А ѣде прешпехтами торговыма,
А всѣ тутъ купци да и дивуются:
«Вѣкъ-то этого молодца не видано».
Ины говорятъ такъ вѣдь и видано.
И нашъ Чурилушко щапливѣе,
Нашъ Чурило щогольливѣе.
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Да а й вы купци да вы торговыи!
— А и гдѣ вашъ солнышко Владимиръ князь? —
Говоря купци да всѣ торговыи:
«Да нашъ-отъ солнышко Владимиръ князь,

«А ушолъ Владимиръ во Божью церковь,
«Ко собору пресвятыи Богородицы».
Сходилъ-то Дюкъ да со добра коня,
Пошолъ-то Дюкъ да во Божью церковь.
Поставилъ коня своего добраго,
Не привязана да не прикована.
Приступили голи тутъ кабацкіе,
Да ладя съ коня они попону снять,
А доброй конь голямъ не дается,
Со голями конь да отдирается,
Не давае конь съ себя попоны снять.
Заходилъ-то Дюкъ да во Божью церковь,
Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по учёному.
Бьётъ челомъ до на вси стороны,
Владимиру князю-то въ особинку:
— Здравствуй солнышко Владимиръ князь! —
Говорилъ Владимиръ таково слово:
«Ты здравствуй удалый добрый молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца да чьеи матери?»
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Изъ Волынца я города изъ Галича,
— Я изъ той Волынь-земли богатыя,
— Изъ той Корелы изъ проклятыя,
— Молодой боярской Дюкъ Степановичъ.
Отстояли Христовскую обѣденку,
Пошли какъ они да изъ Божьей церквы,
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Владимиръ ты князь да столенъ-Кіевской!
— А слава велика есть на Кіевъ градъ,
— На тебя-де солнышка Владимиръ князь.
— Какъ у васъ вѣдь всё да не по нашему.
— Какъ у насъ во городи во Галичѣ,

— У моей государыни у матушки,
— У собора пресвятые Богородицы,
— Мощены мосточки всё калиновы,
— А вбиты гвоздочки шоломчатые,
— Розстиланы сукна багрецовые.
— А у васъ во городи во Кіеви,
— У собора пресвятые Богородицы,
— Мощены мостишка все сосновые,
— Худые мостишка креневатые[1]),
— Креневаты мостишка виловатые,
— А вбиты гвоздишка деревяные. —
А и то ли князю за бѣдно́ стало.
Да идутъ по пришпехту по торговому,
А и добрый конь идётъ да на широкій дворъ.
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Ты мой маленькой бурушко косматенкой!
— Помрёшь ты добрый конь да здѣся съ голоду,
— Какъ вѣдь брошено овсишка тебѣ зяблого.
— Во своёмъ ты городѣ во Галичѣ,
— У моей государыни у матушки,
— Не хотѣлъ ѣсть пшена да бѣлоярова. —
А и то ли князю за бѣдно стало.
Заходилъ тутъ Дюкъ да во высокъ терёмъ,
Садился Дюкъ да за дубовый столъ.
Понесли какъ по чары пива пьяного,
Чару въ руку взялъ да онъ и въ ротъ не взялъ.
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Владимиръ ты князь да столенъ-Кіевской!
— А слава велика есть на Кіевъ градъ,
— На тебя-де солнышко Владимиръ князь,
— Какъ у васъ вѣдь всё да не по нашему.
— А у насъ во городѣ во Галичѣ,

1) Крень — косое дерево.

— У моей государыни у матушки,
— Да то копаны по́гребы глубокіе,
— На цѣпяхъ-то бочки туды спусканы,
— Проведены трубы подземельные.
— Какъ повѣютъ вѣтры по чисту полю
— Во тѣ ли трубы подземельные,
— Во тѣ ли погребы глубокіе,
— На цѣпяхъ-то бочки зашатаются,
— Въ бочкахъ пиво-то да сколыбается,
— Оттого пива́ не затыхаются.
— Да чарку пьёшь, а другой хочется,
— По третьей-то такъ вѣдь душа горитъ.
— У васъ во городи во Кіеви,
— Да копаны погребы глубокіе,
— А спущены бочки ты да на́ землю,
— Вы пива пьете́ да вѣдь всё затхлые,
— Не могу я пива-то вѣдь въ ротъ-отъ взять.—
Да и то ли князю за бѣдно́ стало.
Понесли колачиковъ крупичатыхъ,
Колачъ въ руку взялъ, да онъ и въ ротъ не взялъ.
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Владиміръ ты князь да столенъ-Кіевской!
— А слава велика есть на Кіевъ градъ,
— На тебя-де солнышко Владиміръ князь,
— Какъ у васъ вѣдь всё да не по нашему.
— Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
— У моей государыни у матушки,
— Да то печки были всё муравленки,
— А поды́-ты были всё серебряны,
— Да помяла были всё шелковые,
— Колачики да всё крупичаты.
— Колачикъ съѣшь, другаго хочется,
— По третьёмъ-то дакъ вѣдь душа горитъ.
— А у васъ во городи во Кіеви,

— А то печки были всё кирпичные,
— Поды-ты были вѣдь все гни́ляны,
— Помяла были всё сосновые,
— Колачики да вѣдь крупичаты,
— А колачики да пахнутъ на́ фою,
— Не могу колачика я въ ротъ-отъ взять. —
Да и то ли князю за бѣдно стало.
Изъ-за того стола изъ-за дубоваго,
Выставалъ Чурилушко сынъ Пленковичъ.
Говорилъ Чурило таково слово:
«Владимиръ ты князь да столенъ-Кіевской!
«Къ намъ не Дюкъ Степановичъ наѣхалъ-то,
«Налетѣла ворона погуменная.
«Да онъ у крестьянина да въ козакахъ живё,
«Да онъ у крестьянина коня угналъ,
«А и онъ у крестьянина животы накралъ,
«А тѣмъ животомъ онъ похваляется».
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Да а й ты Чурило сухоногоё,
— Сухоного Чурило грабоногоё!
— Я своимъ имѣньицемъ-богачествомъ
— Да и вашъ-отъ весь я столенъ Кіевъ-градъ
— Я продамъ имѣньемъ да и выкуплю. —
Говорилъ Чурило таково слово:
«Владимиръ ты князь да столенъ-Кіевской!
«Посадимъ-ко мы Дюка во глубокъ погрёбъ.
«А пошлёмъ-ко Олёшу мы Поповича,
«Ко Дюку имѣньица описывать».
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Владимиръ ты князь да столенъ-Кіевской!
— Не посылай-ко Олёшеньки Поповича,
— А Олёшино дѣло вѣдь поповское,
— Поповско дѣло не отважноё.
— Не описать имѣнья буде въ три годы,

— Во тѣхъ межахъ ему числа не дать.
— Пошли-тко Добрынюшку Микитича.
— Добрынино дѣло вѣдь купецкое,
— Купецко дѣло всё отважноё,
— Опишё имѣнье онъ и въ три часа. —
Посылали Добрынюшку Микитича.
Садился Добрыня на добра коня,
Поѣхалъ Добрыня въ сла́вной Галичъ градъ.
Пріѣхалъ Добрыня въ славной Галичъ градъ,
Находилъ терема-ты самолучшіе.
Сходилъ Добрыня со добра коня,
Заходилъ Добрыня во высокъ терёмъ,
Онъ крестъ кладётъ да по писаному,
Поклонъ ведётъ да по учёному,
А бьётъ челомъ да на вси стороны.
Тутъ сидитъ жена да старо-матерна,
Не много шолку вѣдь, вся въ золоти,
Говорилъ Добрыня таково слово:
«Да ты здравствуй Дюкова ты матушка!»
Говоритъ жена да старо-матерна:
— А язъ-то Дюку вѣдь не матушка,
— А язъ-то Дюкова колачница. —
Да и то ли Добрыни за бѣдно стало.
Выходилъ Добрыня на широкой дворъ,
Садился Добрыня на добра коня,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Роздернулъ шатеръ бѣлополотняной,
И спалъ онъ дологъ день до вечера,
А темную ночь да й до бѣла́ свѣту.
Поутру вставае онъ ранёшенько,
Садился Добрыня на добра коня,
Пріѣзжалъ Добрыня въ славной Галичъ градъ,
Забирается да дальше прежняго.
Тутъ сидитъ жена да старо-матерна,

Не много шолку, вѣдь вся въ золотѣ.
Говорилъ Добрыня таково слово:
«Да ты здравствуй Дюкова ты матушка!»
Говоритъ жена да старо-матерна:
— Да ты здравствуй удалый добрый молодецъ!
— А язъ-то Дюку вѣдь не матушка,
— Да язъ-то Дюкова божатушка[1]). —
Говорилъ Добрыня таково слово:
«Да и а й ты Дюкова божатушка!
«Скажи мнѣ про Дюкову-ту матушку».
Говоритъ жена да старо-матерна:
— Да и а й ты удалой доброй молодецъ![2])
— Да ты въ утри стань-ко ты ранёшенько,
— А и стань въ церквы нищею каликою.
— Какъ перва́я толпа пройдё метельщиковъ,
— Друга́ толпа пройдё лопатниковъ,
— Третья толпа пройдё подстельщиковъ,
— Розстилаютъ сукна багрецовые,
— Идутъ какъ тутова три женщина,
— Несутъ подзонтикъ-отъ подсолнечной,
— Умѣй-ко ты тутъ съ ней поздороваться. —
Выходилъ Добрыня на широкой дворъ,
Садился Добрыня на добра коня,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто полё,
Роздернулъ шатёръ бѣлополотняной,
Да спалъ онъ дологъ день до вечера,
А те́мную ночь да до бѣла свѣту.
Поутру ставае онъ ранёшенько,
Садился Добрыня на добра коня,
Пріѣзжалъ Добрыня въ славной Галичъ градъ,
Становился въ церквы нищею каликою.
Перва́ толпа прошла метельщиковъ,

1) Крестная мать. 2) Въ рукописи А. Ѳ. Г—а опискою: «молодой».

Друга толпа прошла лопатниковъ,
Третья толпа прошла подстельщиковъ,
Розстилаютъ сукна багрецовые,
Идутъ какъ тутова три женщины,
Несутъ подзонтикъ-отъ подсолнечный.
Заходилъ Добрынюшка на супротивочку,
Говорилъ Добрыня таково слово:
«Да ты здравствуй Дюкова ты матушка!
«Послалъ вамъ Дюкъ по челомъ-би́тьицу,
«И всѣмъ по поклону вамъ поставити».
Говорила Дюкова-та матушка:
— Да ты здравствуй удалой доброй молодецъ!
— Ты коей земли, да ты коей орды,
— Коего отца да чьеи матери? —
Говорилъ Добрыня таково слово:
«Я изъ славнаго города изъ Кіева,
«Молодой Добрынюшка Микитьевицъ».
Отстояли соборную обѣденку,
Пошли какъ онѣ да изъ Божьей церквы,
Говорилъ Добрыня таково слово:
«Да ты а й ты Дюкова ты матушка!
«Послалъ-то Дюкъ да сынъ Степановичъ
«Своего имѣньица описывать».
Дакъ-то тутъ-то Дюкова-та матушка
Завела во клѣтку во сапожную,
Не могъ Добрыня сапоговъ-то онъ пере́читать,
Не то что пере́читать, глазами-то пере́глядѣть,
А и всё сапоги да не держамые.
Завела во клѣтку во сѣдельнюю,
Не могъ Добрыня сѣделъ-то пере́читать,
Не то что пере́читать, глазами-то пере́глядѣть,
Да всё этѣ сѣдла не держамые,
А кажно сѣдло стои́тъ пятьсотъ рублей.
Завела въ конюшню во стоялую,

Не могъ Добрыня жеребцовъ-то онъ перéчитать,
Не то что перéчитать, глазами-то перéглядѣть,
Не какóму жеребцу дакъ онъ цѣны не знатъ.
Завела во погребъ сорока сажонъ.
Не могъ-то бочекъ онъ перéчитать,
Не то что перéчитать, глазами-то перéглядѣть,
Да полные бочки красна золота,
А все это злато не держамое.
Дакъ-то тутъ Добрыня пороздумался,
Списалъ онъ грамоту посольнюю:
«Владимиръ ты князь да столенъ-Кіевской!
«Пошли-тко бумаги сюды три воза,
«А пошли сюды да тридцать писчиковъ,
«Не описать имѣнья буде въ три́ года,
«Во тѣхъ межахъ буде числá не дать».
Выпущали Дюка тутъ изъ погреба,
Да и тутъ Дюкъ съ Чюриломъ приросхвастались,
Ударили да о великъ закладъ,
О великъ закладъ, да о пятьсотъ рублей, —
Щапить-басить да имъ пó три года,
На кажный день да платья смѣнные.
Поручились по Чурилушки всѣмъ Кіевомъ,
Никто-то по Дюки не ручается.
А и то ли Дюку за бѣднó стало.
Выходилъ-то Дюкъ да на царевъ кабакъ,
А и бралъ онъ три бочки зелена вина,
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— А и ай вы голи вы кабацкіе!
— Да и пейте вино да вы безденежно,
— Ручайтесь по Дюкѣ по Степановѣ. —
Дакъ-то тутъ-то голи поручилисе.
И óни стали щапить-басить по три года.
Прощапили пробасили они три́ года,
Пошли къ остатніи Христосскіи заутрены,

Снаряжаютъ Чурплушку всѣмъ Кіевомъ.
Обувалъ сапожки онъ зеленъ сафьянъ,
Да носъ-отъ шиломъ и пята востра,
Съ носу къ пяты хоть яицо кати.
И надѣвалъ кафтанъ онъ съ прозументами,
А да пуговки были́ вольячныи,
А литъ-то волья́гъ да красна золота,
По тому ли яблоку по любскому,
А петельки да изъ семи шелковъ,
Накла́далъ шляпу съ полимажами.
Пошолъ Чурило во Божью церковь,
Всѣ Чурилу поклоняются.
Одинъ-то Дюкъ да снаряжается,
Обувалъ онъ лапти изъ семи шелковъ;
Таки были лапти востроносые,
Что вѣдь носъ-отъ шиломъ и пята востра,
Съ носу́ къ пяты хоть яицо кати;
Во тѣ во носы во лапотніе,
Вплётано по камешку по яфанту,
По яфанту по самоцвѣтному,
Пекутъ лучи да солнопечные,
На ради красы-басы да молодецкіе,
А ради поѣздки богатырскіе,
Чтобы днёмъ и ночью видно ѣхати.
Надѣлъ Дюкъ шубу соболиную,
Подъ до́рогимъ подъ зеленымъ подъ зна́метомъ.
А пуговки были вольячные,
А литъ-то вольягъ да красна золота,
Петельки да изъ семи шелковъ,
Да въ пуговкахъ были левы́-звѣри,
А петелькахъ были люты́ змѣи.
Накладывалъ онъ шляпу семигрянчату (sic),
Пошолъ-то Дюкъ да во Божью церковь.
Зарыкали у Дюка тутъ левы́-звѣри,

Засвистали у Дюка тутъ люты́-змѣи,
Да всѣ тутъ въ Кіеви заслушались,
А всѣ тутъ-то Дюку поклонилися.
«Спасибо ты Дюкъ да сынъ Степановичъ!
«Перещапилъ Чурилушка ты Пленкова».
Отстояли Христосскую заутрену,
Пошли какъ онѣ да изъ Божьей церквы,
Да отобралъ Дюкъ съ Чурила тутъ великъ закладъ,
Великъ закладъ да вѣдь пятьсотъ рублей.
— Да а й ты Чурило сухоногоё!
— Сухоного Чурило грабоногоё!
— Баси ты Чурило передъ бабами,
— Передъ бабами да передъ дѣвками,
— А й съ нами съ молодцами ты и въ копъ нейди. —
Говорилъ Чурило таково слово:
«Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
«Ударимъ съ тобой мы о великъ закладъ,
«О великъ закладъ да о пятьсотъ рублей —
«Скакать-то намъ да на добрыхъ коняхъ,
«Черезъ ту ли скакать черезъ Пучай рѣку.
«А Пучай рѣка да ровно три версты».
Поручились по Чурилушки всѣмъ Кіевомъ,
А никто-то по Дюкѣ не ручается.
Да голямъ-то болѣ не повѣрили,
А и то ли Дюку за бѣдно стало.
Выходилъ-то Дюкъ да на широкой дворъ,
Стрѣлялъ онъ стрѣлочки каленые,
Ко стрѣламъ ерлычки припечатывалъ.
Изъ того ли поля-то изъ чистаго,
Наѣ́зжалъ старые казакъ да Илья Муромецъ.
Поручился по Дюкѣ по Степановѣ.
Выбиралъ Чурилушко добра коня,
А добра коня да улетуника,
По чисту полю да сталъ розганивать,

А розганивалъ да онъ розъѣзживалъ.
Приправилъ Чурилушка черезъ Пучай рѣку,
Скочилъ Чурило за Пучай рѣку.
Назадъ Чурило сталъ отскакивать,
Упалъ Чурило о полу рѣки.
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ,
Садился Дюкъ да на добра коня,
Не розганивалъ да не розъѣзживалъ,
Приправилъ Дюкъ черезъ Пучай рѣку,
Перескочилъ-то Дюкъ черезъ Пучай рѣку.
Назадъ-то Дюкъ да сталъ отскакивать,
Хватилъ Чурила за желты кудри,
А сшибъ Чурила на крутъ бе́режокъ.
Да й бралъ съ Чурила онъ великъ закладъ,
Великъ закладъ да онъ пятьсотъ рублей,
И сталъ подъ жопу-ту попинывать.
— Да а й ты Чурило сухоногоё,
— Сухоного Чурило грабоногое!
— Баси ты Чурило передъ бабами,
— Передъ бабами да передъ дѣвками,
— А съ нами съ молодцами ты и въ конъ не йди. —
Говорилъ Владимиръ таково слово:
«Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
«Гости-тко, пожалуй во высокъ теремъ,
«А хлѣба соли ты покушати,
«А бѣлаго лебедя порушати».
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Владимиръ ты князь да столенъ-Кіевской!
— Какъ вѣдь съ у́тра солнышко не о́пекло,
— Подъ вечеръ со́лнышко не огрѣё.
— На пріѣздѣ молодца ты не учостовалъ,
— А топерь на поѣздѣ не учостовать.
— А будь-ко свинья да ты безшорстная. —
Скоренько садился на добра коня,

А видѣли Дюка на коня гдѣ сѣлъ,
Не видѣли Дюковой поѣздочки.
А съ той поры да съ того времени,
А стали Дюка старпной сказать,
Отнынь сказать да его до вѣку.

Запис. тамъ же 10 августа.

231.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

А й изъ-подъ той бѣло́й березки кудреватыя,
Изъ-подъ чуднаго креста Леванидова,
Туда шло девять туровъ, девять молодыихъ,
Да на встрѣчу-то турамъ да родна матушка,
Гнѣ́дая туриха златорогая.
Говорила-то турамъ да родна матушка:
«Ужъ вы гдѣ туры́ были, гдѣ гнѣдые гу́ляли?»
Говорятъ туто туры да родной матушки:
— Были мы туры да во чисто́мъ во полѝ.
— Намъ случилосе бѣжать мимо столенъ Кіевъ градъ,
— Ужъ мы видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно:
— Какъ по той ли по стѣны по городовые,
— А ходила душа красная дѣвица,
— На рукахъ носи́тъ Божью книгу евангельё,
— Она кое-то читала съ двое плакала. —
Говорила-то турамъ да родна матушка:
«Вы глупые туры да неразумные!
«Не красная дѣвица тутъ плакала.
«Туто плакала сама мать Богородица,
«Тужила-то о вѣрѣ христіанскіе».
Подъ ту ли-то подъ стѣну городовую
Нагоняетъ тутъ Батыга силы смѣты нѣтъ,
Будто чорнаго-то лѣсу дремучаго,

Столько у Батыги силы нагнато.
А богатырей-то дома не случилосе.
А Самсонъ и Лука на святы́хъ на гора̀хъ,
А Илья-то вѣдь былъ Муромецъ въ иной земли,
А Добрыня-то Микитичъ въ зеленыхъ лужкахъ,
А Олёша-то Поповичъ на желтыхъ пескахъ.
Изъ тово ли-то изъ ка́бака царе́ваго,
Выходила туто голь-та кабацкая,
Право на́ имя Василей сынъ Васильевичъ.
Выходилъ онъ на крылечко перёное,
Овалился о перила о точёные,
Здрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистоё.
А натягалъ ли Василей свой тугой лукъ,
А накладалъ ли Василей калену стрѣлу,
Да стрѣлялъ онъ по Батыгинымъ бѣлымъ шатрамъ,
А розбилъ онъ у Батыги три бѣла шатра,
А убилъ онъ у Батыги три головушки,
Три головушки убилъ самолучшіе.
Убилъ сына-то Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Торокашку Скурла́тьевича,
Убилъ умнаго дьячка, убилъ разумнаго.
Скоро у Батыги не замѣшкалось,
Посылаетъ тутъ Батыга скораго́ гонца:
— Подай-ко мнѣ Владимиръ виноватаго,
— На что ты мою силу бьёшь во́ровски? —
Не знае тутъ Владимиръ виноватаго,
Говоря туто солдаты буфетные:
«Владимиръ ты нашъ князь столенъ-Кіевской!
«Знаемъ, государь, мы виноватаго.
«Изъ того ли-то изъ кабака царёваго,
«Выходила туто голь та кабацкая,
«Право на́ имя Василей сынъ Васильевичъ.
«Выходилъ онъ на крылечко перёное,
«Овалился о перила о точеные,

«Здрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
«Натягалъ ли Василій свой тугой лукъ,
«Накладалъ ли Василій калену стрѣлу,
«Стрѣлялъ туто Василей во чисто поле».
Говорилъ-то Владимиръ таково слово:
— А й же вы солдаты буфетные!
— Приведите-тко Василья ко мнѣ на лицо. —
Приводили-то Василья ко Владимиру на дворъ,
Говорилъ-то Владимиръ таково слово:
— А й же ты голь ты кабацкая!
— Не ты ли билъ силу Батыгину?
— Поѣзжай-ко ко Батыги со отвѣтомъ самъ. —
Говорилъ-то Василій таково слово:
«Владимиръ ты нашъ князь столенъ-Кіевской!
«Дай-ко мнѣ-ка чару зелена вина,
«Другую-ту дай пива пьянаго,
«Третью дай чару мёду сладкаго».
Подавали ему чару зелена вина,
Другую подавали пива пьянаго,
Третью чару зелена вина,
Сливаетъ онъ питьё да всё въ одно мѣсто,
Становилося питья да полтора ведра.
Беретъ онъ чару единой рукой,
Выпивае питье на единый духъ,
Да облатился Василей обкольчужился,
Садился Василей на добра коня,
Пріѣзжаетъ ко Батыгинымъ бѣлымъ шатрамъ,
Сходилъ туто Василей со добра коня,
Да идётъ онъ ко Батыгѣ низко кланяется:
«А й же ты Батыга сынъ Васильевичъ!
«Прости меня, Батыга, въ первой винѣ.
«Дай-ко мнѣ-ка силы сорокъ тысячей,
«Я пойду-де воевать столенъ Кіевъ градъ.
«Знаю я ворота незаложены,

«Незаложены ворота въ слѣтну[1]) сторону».
Давае тутъ Батыга силы тысячей.
Да пошолъ Василей въ столенъ Кіевъ градъ,
Заводилъ онъ тутъ за стѣну городовую,
Вынимаетъ тутъ Василей свой вострой мечъ,
Да и взялъ тутъ Васильюшко помахивать,
А куды-де онъ махнетъ — дакъ туды улица,
А куды онъ отмахнетъ — дакъ переулки знать,
Да прибилъ онъ эту силу сорокъ тысячей.
Обворачивалъ Василей тутъ добра коня,
Пріѣзжаетъ ко Батыгинымъ бѣлымъ шатрамъ,
Остальнюю-ту онъ силу по шатрамъ добивалъ.
У Батыги были кони тутъ добрые,
А садился Батыга на добрыхъ коней,
Да уѣхалъ ли Батыга во свою землю.
Да и тутъ-то Батыга царь закаялся!
— А не дай Богъ бывать на святой на Руси! —
Да чудные кресты въ Еросо́лимѣ,
А славные богатыри во Кіеви.
Съ той поры да съ того времени
Стали Василья стариной сказать,
Отнынь сказать да ево до́ вѣку.

Запис. тамъ же 14 августа.

XLV.

КАЛИТИНА.

Ирина Денисовна Калитина, крестьянка 49 лѣтъ, съ Суетина-острова, что̀ на Свиномъ-озерѣ, близъ Кенозера. Ея отецъ Денисъ Нечаевъ, умершій лѣтъ 40 тому назадъ, зналъ очень много былинъ, и по ея словамъ былъ учителемъ Петра Воинова (ко-

1) Южная.

торый, впрочемъ, приписывалъ происхожденіе своихъ былинъ другому источнику, см. выше). Кромѣ печатаемыхъ здѣсь, Калитина пѣла про молодость Чурилы, про Дюка и про Добрыню и Алешу варіанты, весьма сходные съ тѣми, которые записаны со словъ Воинова, но менѣе подробные.

232.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ЦАРЕГРАДѢ.

Ото славнаго батюшка отъ Царяграда
Пролегала путь дорожка широкая.
И долиною по дорожкѣ вѣкъ не бывано,
И шириною та дорожка тридцати саженъ.
Да по той по дорожки по широкіе,
Да идётъ-де калика перехожая.
И онъ-де волосомъ бѣлъ, бородой сѣдатъ,
Да и гуня-де на нёмъ сорочинская,
Да и шляпа-де на нёмъ земли греческой,
Да клюкою-де калика подпирается,
Подъ каликою земля подгибается.
Да приходитъ тотъ калика въ стольней Кіевъ градъ,
Да заходитъ-де старикъ во царевъ кабакъ:
«Да и здравствуйте вы чумаки цѣловальники!
«Да всѣ-то вы головы да ларечные,
«Да всѣ-то вы голи да кабацкіе».
Да по кабаку калика похаживатъ,
И съ ноги на ногу старикъ переступыватъ,
И всѣ дубовые половки подгибаются,
Да переводины подъ старымъ шатаются,
Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
«Да и ой же чумаки вы цѣловальники!
«Да повѣрьте мнѣ вина вы на пятьсотъ рублей.

«Буде мало розопьюсь дакъ на тысячу».
Да сказали чумаки цѣловальники:
— Да и не́ во что калика тебѣ вѣрити. —
Да и тутъ-де калика перехожая,
Да снимае онъ съ во́рота свой чуденъ крестъ,
Дорогаго-де червонаго золота.
И толщиною тотъ крестъ былъ во три пятки,
Да вѣсу-то тя́нулъ полъ-сема пуда,
Да не смѣли за крестъ онѣ принятисе.
Да и тутъ чумаки догодалисе,
Да сбирали голи по денежки,
И того мало не хватило по копеечкѣ,
Да и брали-де вина полтора ведра,
Приносили-де калики перехожіе.
Да примае-де калика единой рукой,
Выпивае-де старикъ на единый духъ,
Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
«Да и ой же вы голи да кабацкіе!
«Не напоили старика лишь роззадорили.
«Выходите на площадку торговую,
«Напою я всѣхъ до пья́на зеленымъ виномъ».
Да и самъ вонъ калика изъ ка́бака,
Да приходитъ онъ ко погребу-то княженецкому,
Ёнъ-де двери и колоды вонъ да выпинывалъ,
Да руками ёнъ замочечки отщалкивалъ,
Да спускался во погребы глубокіе.
Да онъ бочку берётъ вина подъ пазуху,
Да другую сороковку подъ дру́гую,
Да и третью ту бочку да ногой катитъ,
Да и выкатилъ три бочки зелена вина
Да на ту ли площадку на торговую,
Да скрычалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:
«Да и ой же чумаки вы цѣловальники!
«Подьте пейте до пьяна зелена́ вина».

Да и тутъ чумаки упивалися,
Да и эта же калика упивалася,
Енъ пошолъ спать на́ печку кабацкую.
Да и эти чумаки цѣловальники,
Да пошли они ко князю порозжалились,
И порозжалились ко князю поросплакались:
— Ужъ ты свѣтъ государь нашъ Владимиръ князь!
— Да у насъ-де во городи да во Кіеви,
— Да во тѣхъ ли во ца́ревыхъ во ка́бачкахъ,
— Приходила-де калика перехожая:
— Онъ волосомъ бѣлъ, бородой сѣдатъ,
— Да и гуня-де на немъ сорочинская,
— Шляпа та на нёмъ земли греческой.
— И запросилъ-то онъ вина да на пятьсотъ рублей,
— И буде мало розопьюсь дакъ на тысячу.
— И мы сказали чумаки цѣловальники,
— Да что не́ во что калика тебѣ вѣрити.
— Ёнъ снимае-де съ во́рота свой чуденъ крестъ,
— Дорогаго-де червоннаго золота,
— Да вѣсу-то тя́нулъ полъ-сема пуда,
— И мы не смѣли за крёстъ ему и принятиси,
— Да и туто чумаки догодалисе,
— Да сбирали голи по денежкѣ,
— И того мало не хватило по копеечкѣ,
— Да и брали-де вина полтора ведра,
— Приносили-де калики перехожіе.
— Да примае-де калика единой рукой,
— Выпивае-де старикъ на единой духъ,
— Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
— «Да и ой же вы голи да кабацкіе!
— «Не напоили старика лишь роззадорили.
— «Выходите на площадку торговую,
— «Напою я всѣхъ до пья́на зеленымъ виномъ».
— Да и самъ вонъ калика изъ ка́бака,

— Да приходитъ онъ ко погребу-то княженецкому,
— Ёнъ-де двери и колоды вонъ да выпинывалъ,
— Да спускался во погребы глубокіе.
— Да онъ бочку берётъ вина подъ пазуху,
— Да другую сороковку подъ дру́гую,
— Да и третью ту бочку да ногой катитъ,
— Да и выкатилъ три бочки зелена вина
— Да на ту ли площадку на торговую,
— Да скрычалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:
— «Да и ой же чумаки вы цѣловальники!
— «Подьте пейте до пьяна зелена́ вина». —
— «Да и эти чумаки упивалисе
— «Да и эта же калика упивалася,
— «Да пошолъ спать на печку кабацкую» —.
И говоритъ-де Владимиръ таково слово:
— Да и ой же чумаки вы цѣловальники!
— Да ведите-ко калику ко мнѣ на дворъ,
— И погляжу-ко я ево лица-возрасту. —
Да и тутъ чумаки цѣловальники,
Да и начали будить ево изъ крѣпко́го сну,
Да и соннаго будить ещё хмѣльняго.
Да ставае-де Илья славный Муромецъ,
Ёнъ хватилъ воронечну[1]) дубовую,
Да прибилъ чумаковъ до единого,
Да и самъ вонъ калика изъ ка́бака,
Да идё мимо полату бѣлокаменну,
Да скрычалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:
«Да и свѣтъ государь нашъ Владимиръ князь!
«Да ищи-ко за три бочки зелена́ вина,
«Да ищи ты на Ильи славномъ Муромци,
«Ёнъ на славу[2]) приходилъ въ стольній Кіевъ градъ».
Да пошолъ-де Илья ко Царю-граду,

1) Полка въ избѣ. 2) Нарочно.

И встрѣтилъ сильняго могучаго да Иванищо:
«Здравствуй сильнёё могучо Иванищо!
«Да и всё ль у васъ въ Цари-гради по старому?»
И говори́тъ туто сильнёё Иванищо:
— Ужъ ты свѣтъ государь Илья Муромецъ!
— Да у насъ въ Царѣ́-градѣ не по старому,
— Не по старому не по прежнему,
— Овладѣло-де поганоё Издолищо.
— Да въ церквахъ образа всѣ исприколоты,
— И золотая-де казна запечатано,
— Да и царь Костянтинъ Боголюбовичъ
— Да и со своей княгиною во стольникахъ.
— Да и сяде-де поганый хлѣба-соли кушати,
— Да по цѣлой ковригѣ ёнъ въ ротъ суё,
— Да по цѣлому быку ёнъ у выти ѣстъ,
— Да по цѣлому котлу ёнъ-де пива пьётъ.
— Да и жилъ я въ Царѣ-градѣ три́ года,
— Да не смѣлъ я въ супоръ слова молвити. —
И говоритъ-де Илья таково слово:
«Да ужъ ты сильнёё могучёё Иванищо!
«Да и силы у тебя право здвоё есть,
«Да и смѣлости удачи въ половинку нѣтъ».
Да пошолъ-де Илья ко Царю-граду,
Да идё мимо полаты бѣлокаменны,
Да закричалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:
«Ужъ ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
«Да создай-ко калики мило́стину,
«Да милостину подай золоту гривну».
И отъ того ли отъ крыку богатырского,
Бѣлокаменны полаты пошаталисе,
Да напитки на столахъ проливалисе.
И говоритъ-де поганый таково слово:
— Ужъ ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
— Да й что у тебя за уродъ пришолъ?

— Да зови-ко ты въ полату бѣлокаменну,
— Погляжу-то я его лиця-возрасту.—
Да и царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
Онъ-де скоро выходилъ на широкій дворъ:
«Ужъ ты, батюшко, калика перехожая!
«Овладѣло-де поганоё Издолищо.
«Да въ церквахъ образа всѣ исприколоты
«И золотая-де казна запечатана,
«У меня нѣтъ-те подать нынь милóстины.
«Да изволь итти въ полату бѣлокаменну,
«Напою я накормлю хлѣбомъ солію».
Да и тутъ-де калика перехожая,
Да заходитъ онъ въ полату бѣлокаменну,
Своему-де ёнъ образу молится,
Онъ кланяется поклоняется,
Да на всѣ на четыре на сторонушки,
Да поганому Издолищу челóмъ не бьё.
Да тутъ-де поганоё Издолищо,
Да садился за столы хлѣба соли кушати,
Да по цѣлой ковригѣ ёнъ въ ротъ суё,
Да по цѣлому быку ёнъ у выти ѣстъ,
Да по цѣлому котлу ёнъ-де пи́ва пьётъ,
Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
— Да и ой же ты калика перехожая!
— Ужъ ты знашь ли Илью славнаго Муромца.
— Да по многу ли Илья у васъ да у выти ѣстъ?
И говоритъ-де Илья таково слово:
«Ужъ я знаю Илью славнаго Муромца.
«Да и нашъ-отъ Илья славной Муромецъ,
«А и колачикъ онъ съѣстъ а и много два,
«Да не такъ какъ ты, кобыла обжорищо!
«Какъ у моего-то государя у батюшка,
«Эка была-де корова обжорищо,
«Да дробины-то наѣлась ей и треснуло».

Да и тутъ-де поганому Издолищу
Да и рѣчи ты его не прилюбилися,
Да и кинулъ онъ ножищо кинжалищо,
Да Илья отъ ножа приувёрнулся,
Да и ножикъ-отъ палъ въ ободверину.
Да и тутъ-де Илья славной Муромецъ,
Да снимае-де шляпу съ буйной головы,
Да ударилъ поганаго Издолища,
Да отшибъ у поганаго голову,
И проломилъ двѣ стѣны бѣлокаменныхъ,
Да и самъ говорилъ онъ таково слово:
«Ужъ ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
«Обери-ко ты поганоё тулово,
«Да живи-ко ты въ Царе́-градѣ по старому,
«Да моли-тко ты Бога за Илью за Муромецъ,
«Онъ на славу приходилъ въ славный Царь-отъ градъ».

Запис. на Кенозерѣ
15 августа.

233.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Выѣзжало два сильніе два могучіе два богатыри:
Илья Муромецъ, да Добрынюшка Микитинъ сынъ,
Они ѣхали да во чисто полё,
Да роздёрнули въ чисто́мъ поли тонкой бѣло́й шатеръ,
Да и стали-то въ шатрѣ да опочи́къ держать.
Да на тотъ на тонко́й да на бѣло́й шатёръ,
Налетѣла тутъ вранъ-отъ птица вѣщая.
Да и вранъ-отъ надъ шатромъ да вѣдь прокыркиватъ,
Да ставае Илья да славной Муромецъ,
Онъ-де будитъ Добрынюшку Микитича:
«И ты ставай-ко Добрынюшка Микитинъ сынъ,
«У насъ что надъ шатромъ-то сучинилосе,

«Не проѣхала ли поляница та удалая,
«Не подходитъ ли по́дъ ко́ней у насъ лютой звѣрь».
Да ставае Добрынюшка Микитинъ сынъ.
Выходилъ-де Добрыня изъ бѣла шатру,
Поглядѣлъ по дорожкѣ прямоѣзжіе,
Да и ѣде поляница та удалая,
Да подходитъ подъ коней у ихъ лютой звѣрь,
И забиралъ онъ коней ко бѣлу шатру,
И подавалъ пшена онъ бѣлояраго,
И говоритъ Илья да таково слово:
«Да и ой же Добрынюшка Микитинъ сынъ!
«Поѣзжай-ко въ сугонъ ты за богатыремъ.
«И буде русьской бога́тырь дакъ побратайся,
«А невѣрной богатырь дакъ бою́ проси».
И говоритъ-де Добрыня таково слово:
— Я не смѣю въ су́гонъ ѣхать за богатырёмъ.
— У богатыря у коня изъ рота-то вѣдь пламё машё,
— А изъ ноздрей у коня-то искры сыплютсе,
— А изъ ушей у коня-то кудрявъ дымъ стаётъ,
— У правой ноги борзой ли кобель проскакиватъ,
— Съ пле́ча на́ плече ясенъ соколъ переле́тыватъ.
— Да и ѣде богатырь-отъ самъ тѣшится,
— Да кинае палку вверхъ подъ облаки. —
Да говоритъ Илья да таково слово:
«Да и ой же Добрынюшка Микитинъ сынъ!
«Да поѣзжай-ко къ женѣ да къ своей матери.
«Да ты экой въ товарищи мнѣ больше́ не на́добно».
Ёнъ-де скоро уздалъ-сѣдлалъ своя́ добра́ коня,
Да уздае-сѣдлае крѣпко на́ крѣпко,
Не ради красы-басы молодецкіе,
Ради крѣпости да богатырскіе,
И поѣзжае въ сугонъ да за богатырёмъ.
Ѣде вѣдь дологъ день ѣде до вечера,
Да и тёмну ночку до бѣла свѣту,

Да не можетъ догнать богатыря во чистомъ поли.
И на другой день Илья да попущается,
И ѣде дологъ день ѣде до вечера,
Да и тёмну ночку до бѣла свѣту,
Да не можетъ догнать богатыря во чистомъ полѣ.
Да на третій день же попущается,
Да догналъ богатыря въ чистомъ поли,
И закричалъ Илья-та по звѣриному,
И засвисталъ Илья-та по змѣиному.
И у богатыря конь-де на колѣнка палъ,
Да и бьётъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ:
— Ужъ ты волчья сыть конь травяной мѣшокъ!
— Да пугаешься крыку ты вороньяго. —
Да и тутъ Илья закричалъ онъ по звѣриному,
Засвисталъ-де Илья та по змѣиному,
И у богатыря конь-де на колѣнка палъ,
Да и бьётъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ:
— Ужъ ты волчья сыть конь травяной мѣшокъ:
— Да пугаешься крыку ты вороньяго. —
Налетѣла ворона изъ чиста поля,
Налетѣла ворона порозграялась,
Такъ тутъ-де Илья да славной Муромецъ.
И того зля закричалъ онъ по звѣриному,
И засвисталъ Илья-де по змѣиному.
И у богатыря конь-де на всѣ ноги палъ.
Да и видитъ богатырь неминучую,
Обворачиваё своя̀ добра коня.
И съѣзжалось два сильніе два могучи два богатыря,
Будто двѣ сильніе горы̀ вмѣсто́ скатилосе:
Да и палицамѝ они ударились,
Да и палки у ихъ-то поломалисе,
Да и другъ-то друга-то не ранили.
Да и тутъ же добры молодцы порозъѣхались,
Да и копьями они ударились,

Да и копья въ кольцахъ-то погибалисе,
Да и другъ-то друга-то не ранили.
Да и тутъ же добры молодцы поразъѣхались,
Да и саблями они ударились,
Да и сабли у ихъ же приломалисе,
Да и другъ-то друга-то не ранили.
Да схватились онѣ на рукопашечку,
Да ушибъ-де богатырь-отъ невѣрные,
Да ушибъ-де Илью-то о сыру́ землю,
Да и сѣлъ на его-то на бѣлы́ груди,
Да и ладитъ пороть онъ груди бѣлые,
Да и вынять сердце-то со печенью.
И говоритъ-де Илья да таково слово:
«Да и ой же удалой доброй молодецъ!
«Ты скажись какой земли, да ты какой орды,
«Да чьего отца, да ты чьей матери?»
И говоритъ-де богатырь таково слово:
— Да и чортъ тебѣ старому псу надобно,
— Да и старому да пущай мертвому. —
И поглядѣлъ-то Илья да на праву руку,
Какъ Ильи на бою-то смерть не писана.
Да стрепестался Илья да подъ богатырёмъ,
Да ушибъ-то богатыря во чисто́ полё,
Да и взялъ-то богатыря впереди себя,
Да и сталъ у богатыря выспрашивать:
«Ты какой земли, да ты какой орды,
«Да чьего отца, да ты чьей матери?
И говоритъ богатырь таково слово:
— Я есть сиверной страны да золотой орды,
— Да есть дѣвицы Сиверьянична. —
И говоритъ Илья да таково слово:
«А й когда ты дѣвицы Сиверьянична,
«Да поѣзжай-ко ты да въ свою сторону,
«Да скажи Сиверьяничны низкой поклонъ».

Да и тутъ богатырь-отъ невѣрные,
Да поѣхалъ богатырь въ свою сторону,
Да встрѣчае родитель ёго матушка:
— Да что дитя ты моё милоё,
— Да и что моё милоё съ лица ты спалъ. —
И говорилъ богатырь таково слово:
«Ужъ ты свѣтъ государынь моя матушка!
«Я наѣхалъ богатыря въ чисто́мъ поли.
«И перво я ево побилъ, а посли о́нъ меня,
«Да и сталъ у меня-то ёнъ выспрашивать,
«Я сказался дѣвицы Сиверьяничны,
«Ёнъ наказалъ тебѣ та вѣдь низко́й поклонъ.
И говоритъ дѣвица таково слово:
— Да наказалъ какъ вѣдь низкой поклонъ,
— Дакъ тутъ тебѣ дитя тебѣ родной отецъ.
— И когда ѣздила я въ полѣ поляницею,
— И тогды онъ меня побилъ, да со́ мной грѣхъ творилъ,
— Да съ того я тебя дитятко спородила. —
И розгорѣлось ёго сердце богатырское
И обворачиваё своя добра коня:
«Я поѣду убью-то вѣдь старо́го пса».
Ёнъ близко ли ѣхалъ вѣдь далёко ли,
Да наѣхалъ шатёръ да во чистомъ поли,
Да скрычалъ богатырь зычнымъ голосомъ.
И выходилъ-де Илья да изъ бѣла́ шатру,
И ухватилъ-де ево же за желты́ кудри,
И шиба́е вверхъ да ёнъ подъ облаки,
Да назадь-то е́го не подфатыватъ.
Да одно было чадушко на сёмъ свѣти спорожено,
Да и то отъ своихъ рукъ смерть-та придана.

Запис. тамъ же 15 августа.

234.

ОТЪѢЗДЪ ДОБРЫНИ.

Да не куревка въ чистомъ поли закурилась[1]),
Да выбѣгало туто стадышко звѣриное,
Да какъ звѣриное-то стадышко сѣрыхъ волковъ.
И впéреди бѣжитъ-то собачка лютой скимеръ звѣрь,
Да глаза-ты у собачки какъ огонь горятъ,
Еще уши у собаки какъ востры копья,
Еще шерстка на собачки да буланая,
Да ко ушамъ ли éго шёрстка приклоняется.
И побѣжалъ тотъ воръ собака ко Нѣпрỳ рѣки,
И закричалъ-де воръ собачка по звѣрúному,
Да засвисталъ-де воръ собака по змѣúному.
И подъ нимъ бéрёжки-то собачкой подломилися,
И какъ Смородина-то рѣка съ пескомъ смутилосе,
И это синеё-то море сколубалосе,
Еще мелкая-та ли рыбица на дно ушла,
Еще бѣлая-та ли рыбица наверхъ всплыла.
Какъ во стольнёмъ ли было въ городи во Кіеви,
Да середи того ли двора-ста княженецкаго,
Да какъ то ли не бѣлая берёзка къ земли клоняется,
Да не шелковая ли травка устилается,
Да еще кланяется-то[2]) сынъ своей матушки,
Да онъ-де проситъ благословленьица великаго:
«Да ужъ ты свѣтъ государынь моя матушка!
«Да мнѣ-ка дай-ко благословленьицо великое,
«Да мнѣ-ка ли ѣхати во дáлече въ чисто поле,
«Да поискать мнѣ своего братца названаго,
«Да какъ старого казака-то Ильи Муромца».
Да какъ возговоритъ-то Добрыни родная матушка:

---

1) Каждый стихъ поется два раза, при второмъ запѣвѣ частица «да» въ началѣ замѣняется словомъ «и». 2) -то — приписано надъ строкою. *Ред.*

— Да еще ой же ты дитя моё милоё!
— Да на кого ты оставляешь свою матушку,
— Да на кого ты покинаешь молоду жену,
— Да какъ прекрасную ли Катерину да Микуличну? —
Да какъ возговоритъ-то Добрыня родной матушки:
«Да ужо свѣтъ ты государынь моя матушка!
«Да оставляю тебя матушка да я на Господа,
«Да какъ на тѣхъ ли чудотворцевъ града Кіева.
«Да какъ давно у мня Катеринѣ сказано,
«Да за недѣлюшку Микуличной повѣдано».
Да возговоритъ-то Добрыни родна матушка:
— Да тебя-то Богъ проститъ Христосъ помилуётъ! —
Да какъ садился Добрыня на добра коня,
Да одна куревка въ чистóмъ поли закурилась.

Запис. тамъ же 16 августа.

235.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

Да на стули на бархати,
На златомъ на ременчатомъ,
Сидѣлъ туто царь Возвягъ,
Да Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
Да онъ суды разсуживалъ,
Да дѣла приговаривалъ,
Да князей бояръ жаловалъ,
Да селами, помѣстьями,
Города съ пригородками.
Да Ѳому дарилъ Токмою,
Да Ерёму Новы́мъ городомъ.
Да любимаго зятюшка,
Да Щелкана Дудентьевича

И на дворѣ не случилосе.
Да уѣхалъ Щелканушко
Во землю жидовскую,
Ради дани и выходу,
Ради чортова пра́вежу.
Онъ-де съ поля бралъ по́ колосу,
Съ о́городу по курици,
Съ мужика по пяти́ рублей,
У кого тутъ пяти рублей нѣту,
У того онъ жену́ беретъ,
У кого какъ жены-то нѣтъ,
Такъ того самого беретъ.
У Щелкана не вы́робишься,
Со двора вонъ не вы́рядишься.
Да пріѣхалъ Щелканушко
Изъ земли изъ жидовскіе
Да къ царю на широкій дворъ.
Говоритъ же Щелканушко:
«Да ой же ты царь Возвякъ,
«Да Возвягъ сынъ Таврольевичъ!
«Ты князей бояръ жаловалъ,
«Да селами помѣстьями,
«Города съ пригородками,
«Да Ѳому дарилъ Токмою,
«Да Ерёму Новы́мъ городомъ,
«Да любимаго зятюшка,
«Да Щелкана Дудентьевича
«Подари Тверью городомъ,
«Токо Тверью славною,
«Токо Тверью богатою,
«Двума братцами ро́дныма,
«Да князьями бла́говѣрныма,
«Да Борисомъ Борисовичемъ,
«Да и Митріёмъ Борисовичемъ».

— Да ой же Щелканушко,
— Да Щелканъ сынъ Дудентьевичъ!
— Заколи чада милаго,
— Токо сына любимаго,
— Нацѣди токо ча́шу руды,
— Токо чашу серебряную,
— Да и выпей ту чашу руды,
— Стоючись передъ Звягой царемъ,
— Передъ Звягой Таврольевичемъ.
— Подарю Тверiю городомъ,
— Токо Тверiю славною,
— Токо Тверью богатою,
— Двума братцами родныма,
— Да князьями благовѣрныма:
— Борисомъ Борисовичемъ,
— Да и Митрiёмъ Борисовичемъ. —
Да туто Щелканушко
Закололъ чада милаго,
Токо сына любимаго,
Нацѣдилъ-де онъ чашу руды,
Токо чашу серебряную,
Да и выпилъ ту чашу руды
Стоючись передъ Звягой царёмъ,
Передъ Звягой Таврольевичемъ.
Да и тутъ царь Возвягъ
Подарилъ Тверiю городомъ,
Токо Тверiю славною,
Токо Тверью богатою,
Двума братцамы родныма,
Да князьямъ благовѣрныма:
Да Борисомъ Борисовичемъ,
Да и Митрiёмъ Борисовичемъ.
Поѣхалъ Щелканушко
Да во Тверь-ту городъ-отъ,

Да заѣхалъ Щелканушко
Ко родной сестры проститися,
Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
«Да и здравствуй ты ро́дна сестра̀,
«Да и Марья Дудентьевна!»
— Да и здравствуй-ко ро́дной братъ!
— Ужъ ты по́ роду ро́дной братъ,
— По прозванью окаянной братъ.
— Да чтобы тебѣ бра́телку
— Да туда-то уѣхати,
— Да назадъ не пріѣхати.
— Да остыть бы те брателко
— Да на востромъ копьѣ,
— На булатнемъ на ножичкѣ. —
Дунай Дунай болѣ впередъ не знай.

Запис. тамъ же 15 августа.

236.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Да на что на насъ Господь Богъ прогнѣвался,
Да сослалъ намъ Господь Богъ прелестника,
И вора Гришку ростригу Отрепьева.
И не успѣлъ онъ воръ собака на царство сѣсть,
И похотѣлъ воръ собака женитися,
И не у насъ въ Москвы на святой Руси,
Да во той во земли въ проклято́й Литвы.
Да у Юрья у пана орды польскіе,
Да берётъ онъ Маришку дочь Юрьевну.
Его свадьба была не въ указной день,
Да на вёшный праздникъ Миколинъ день,
Да бояра ты пошли ко заутрены.

Да Гришка съ Маришкой во ба́ину пошо̀лъ.
Да бояра ты идутъ отъ заутрены,
Да и Гришка съ Маришкой изъ ба́ины идё.
Да на Гришки-то шуба чернаго соболя,
На Маришки салопъ краснаго золота.
Говоритъ-де вдова благочесливая:
«Ужъ вы глупые бояра неразумные!
«Да убитъ нашъ царевичъ во Углицкомъ,
«Его мощи лежа въ каменной Москвы,
«Да въ томъ ли во соборѣ Архангельскомъ».
Да и тутъ-де бояра догодалися,
Да и скоро до Григорья добиралися.
Да и эта Маришка дочь Юрьевна
Обвернулась изъ окошка сорокою.
Да этотъ Гриша Отрепьевъ-отъ
Выпадалъ изъ окошка о се́реду,
О се́реду кирпичную убился и до́ смерти.
Дунай Дунай болѣ впередъ не знай.

Запис. тамъ же 16 августа.

237.

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА.

Ой да пишё пишё-то пишё король шведскіе[1]),
Да государыни пишё самой:
«Ой да милосердная наша государыни!
«Ну да замиримся-ко мы съ тобой.
«Ой да ты отдай-ко мои города-ты,
«Которые прежде ты намъ побрала̀.
«Ой отдай Ригу ту Ригу | О́тдай о́тдай Ревель,

---

1) Каждые два стиха составляютъ одинъ куплетъ, который повторяется два раза.

«Отдай Нарву-ту крѣпкой городокъ.
«Аль да роспиши ты намъ ли полатушки
«Въ каменной Москвы постоять,
«Ой да нашой конницы нашимъ драгунамъ,
«Въ пирской въ сла́вной-то стоять улицы,
«Ой да нашимъ графамъ, графамъ офицерамъ,
«Ино да по купеческимъ стоять по́ домамъ.
«Ой да самому-то ко́ролю шведскому,
«Ему въ славномъ городѣ стоять въ Кремлѣ,
«Ему въ Шелементьёвомъ стоять во́ дому».
Ой да милосердная наша государынька
Убояласе она того̀,
Ой да ею скорые рѣзвые ноженки
Подломилисе стоючись,
Ой да бѣлотѣльные царскіе ручении | Опустились онѣ о бока.
Ой да какъ по правую царскую рученку
Стоитъ Румянцевъ-отъ енералъ,
Ой да какъ по лѣвую царскую рученку
Стоитъ Потемкинъ-отъ енералъ.
Ой да какъ возговоритъ ли-то промолвитъ
Ну да нашъ Румянцёвъ-отъ енералъ:
— Ой да милосердная наша государыни!
— Да не убойся-ко ничего.
— Ой да не бывать вору ему собаки,
— Ну да въ каменной во славно́й Москвы.
— Ой да не стоять-то вору собаки,
— Ну да по купеческимъ славнымъ домамъ.
— Ой да ужъ мы встрѣтимъ коро́ля шведскаго
— Середи моря во губы́. —
Ой да въ славной въ ревельской было во губы,
Сто́итъ тридцать-то караблей,
Ой да сто́итъ тридцать у насъ три кораблика,
Всё стопушечные.
Ой да мы столики ему поставимъ,

Черные охъ мы карабли.
Ой да мы скатертки ему постелемъ,
Тонкіе бѣлые паруса.
Ой да ужъ мы кушанья ему составимъ,
Черные охъ мы пушечки,
Ой да ужъ мы черны пушечки поставимъ,
Чугунные охъ мы ядрышка.
Ой да мы силушку прибьёмъ прирубимъ,
Короля-то мы въ полонъ возьмёмъ.

Запис. тамъ же 16 августа.

238.

НЕБЫЛИЦА.

Старина сказать да стародавная,
Стародавная да небывалая,
Хорошо сказать, да лучше слушати.
Да побѣдна головушка бурлацкая,
Да сокопилась гривна передъ злыднямъ,
Да на кабакъ сойдё да на вино пропьё,
Да на остатній грошъ да табаку возьмё,
Да табаку возьмё да свеселá запьё,
Да свесела запьё да свеселёхонька.
Да Дунай Дунай болѣ вперёдъ не знай.
Да не курица на ступы соягниласе,
Коровá на лыжахъ покатиласе,
Да свинья въ елѝ-то вѣдь гнѣздо свила,
Да гнѣздо свилà да дѣтей вывела,
Малыхъ дѣточекъ да поросяточекъ.
Поросяточка всё по сучкáмъ вися,
По сучкамъ вися и полетѣть хотя.
По поднéбесью братцы медвѣдь летитъ,

Да медвѣдь летитъ да онъ хвостомъ вертитъ.
И по чисту полю у насъ карабъ бѣжитъ,
На синёмъ мори у насъ овинъ горитъ,
Да овинъ горитъ и то со рѣпою.
Розодрался хлопотъ[1]) хлопотишечко,
Розодралась сношка со свекровкою,
Да рогатками ёна мутовками,
На остаткахъ поварёнками[2]).

Запис. тамъ же, 16 августа.

XLVI.

ТРЯПИЦЫНЪ.

Михайло Ивановъ Тряпицынъ, крестьянинъ дер. Усть-поча у Кенозера, 58 лѣтъ, небольшого роста, лысый, съ русою бородою. Поетъ былины, которыя заимствовалъ отъ дѣда и отца; въ молодости зналъ больше; такъ, теперь онъ не могъ припомнить былинъ про Святогора и про Илью Муромца, которыя пѣвалъ въ прежнее время. Михайло Ивановъ упоминалъ, что и съ его словъ были записываемы «старины» для г. Рыбникова тѣмъ же фельдшеромъ, который записывалъ ихъ у Сивцева. Оказывается, что былины, помѣщенныя въ сборникѣ г. Рыбникова подъ именемъ Михайлы Богданова, должны принадлежать этому пѣвцу. Имя Богданова вкралось тутъ, вѣроятно, по ошибкѣ.

239.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Отъ того отъ города отъ Галичи,
Да ко городу было ко Кіеву
Идё калика перехожая.

---

1) Жорновъ мельничный. 2) Ложки кухонныя.

Балахонишко одѣто веретномъ тряхнуть,
Татавурищомъ[1]) онъ подпоясался,
Лапотци на ножкахъ е́во липовы,
Бородушка у старого сѣдёхонько,
Головушка у стара на убѣлъ бѣла.
Да идётъ старикъ по городу по Кіеву,
Захотѣлось зайти стару на царевъ кабакъ,
Да выпить стару зелена вина.
Идётъ-то старой потихохонько,
Да ступаетъ старой полегошенько,
Онъ молитву творитъ и воисусову,
Ёнъ крестъ кладетъ по писаному,
Клонится на всѣ четыре на стороны:
«Да здравствуйте чумаки вы чёловальники,
«И здравствуйте бурмисты ларечные!
«А й вы чумаки чёловальники!
«И налейте вина мнѣ полтора ведра,
«Да опохмѣльте калику перехожаго.
«Розопьюсь я старой, выпью на двѣ тысящи».
Говорятъ чумаки че́ловальники:
— Тебѣ не́ во что старому повѣрити.
— Да головушка у стараго сѣдёшенько,
— Да бородушка у стара на убѣлъ бѣла,
— На головушки у стараго зеленъ колпакъ,
— Да сорочишка одежда исприношена. —
Да снимае съ во́рота старой чуденъ крестъ,
Въ долину кре́стъ онъ и двѣ четверти,
Поперёкъ-то крестъ и въ цѣлу четвереть,
Въ толщину-ту крестъ былъ онъ и двухъ верховъ.
Онъ стараго червоннаго золота.
Не берутъ чумаки ли цѣловальники,
Не берутъ у него кре́ста чуднаго.

1) Обрывокъ.

И тѣ ли бѣдны голи кабацкіе,
Да тѣ ли мужики деревенскіе,
Склали мужики оны по денежки,
Да побольше тово по копѣечки,
И купили вина полтора ведра.
Да примае старой одной рукой,
И выпилъ старой на единъ на духъ.
Говорилъ имъ старой таково слово:
«Вамъ спасибо голи кабацкіе,
«Да спасибо мужики деревенскіе!
«Напоили стара меня дó пьяна,
«Не напоили только стара роззадорили.
«И теперь у насъ дѣло поздноё,
«Приходите по утру ко мнѣ ранёшенько,
«И напою я виномъ всѣхъ васъ дó пьяна».
Да зашолъ старикъ на печку кирпичную,
И спитъ тамъ старой просыпается.
Да ставае по утру онъ ранёшенько,
До восходу тёпла краснаго солнышка,
Да спрашивать ключовъ сталъ ларечниковъ.
Ёнъ и пришолъ ко погребамъ ко винныимъ,
Да отворяетъ старой двери дубовые,
Беретъ бочку сороковку подъ пазуху,
Да другу́ сороковку подъ другую,
Ёнъ и третью сороковку ногой катитъ,
Да выкатывалъ старой на зеленой лугъ,
Но на ту ли площадь торговую,
Да скрычалъ да старой громкимъ голосомъ:
«Эй же вы голи кабацкіе,
«Да вы мужики деревенскіе!
«Ступайте вы ко стару на почестной пиръ,
«Напою виномъ я всѣхъ васъ дó пьяна».
А тѣ ли чумаки ли чёловальники,
Собралось ихъ человѣкъ до восьмидесяти,

Отбивать ли у стара зелена вина.
Ничего не могли у стара сдѣлати,
Да пошли просить ко князю Владимиру,
Да на этого калику перехожаго.
— Ты Владимиръ князь столенъ-Кіевской!
— Да у насъ-то было во вчерашной день
— Невѣдома калика появиласе:
— Борода у калики сѣдёхонька,
— Голова у калики на убѣлъ бѣла,
— Сорочинская одежда вся истаскана,
— Лапотци на ножкахъ ёво липовы.
— Да зашёлъ въ подвалы къ намъ во винные
— Бочку сороковку бралъ подъ пазуху,
— И другу сороковку бралъ подъ дру́гую,
— Да третью сороковку ногой катилъ.
— Да выкатывалъ старой на зеленой лугъ,
— На ту ли площадь торговую,
— Да собралъ мужиковъ деревенскіе,
— И собралъ голей онъ и кабацкіе,
— И роспоилъ вино да и безденежно.
— И гдѣ мы эту сум̅у сударь будемъ взыскивать? —
Говорилъ князь имъ таково слово:
«А й же чумаки вы чѣловальники!
«Посмотрю я калики перехожего,
«Да за это я вамъ росчитаюсе».
И роспоилъ старъ зелено вино,
Говорилъ старой таково слово:
— А й вы голи кабацкіе,
— Да вы мужики деревенскіе!
— Вы ступайте теперь по своимъ мѣстамъ,
— По своимъ мѣстамъ по своимъ домамъ,
— По своимъ домамъ къ молодымъ женамъ,
— Къ своимъ женамъ къ малымъ дѣточкамъ.
— Я пойду теперь старой на царевъ кабакъ,

— Да пойду вѣдь я на печку кирпичную,
— И буду я старой просыпатисе. —
Да по тому ли по утру по ранному
Приходя отъ князя слуги вѣрные,
Говорятъ енѣ таково слово:
«А й ты калика перехожая!
«Ты ступай-ко ко князю ко Владимиру».
Говорилъ имъ старой таково слово:
— А й же вы братцы товарищи!
— Напрасно меня стара безпокоите,
— Не да́ете мнѣ старому проспатисе. —
Сошелъ старикъ со печки кирпичные,
Да пошолъ старикъ по городу по Кіеву,
Мимо этіе палаты княженецкіе.
И кричитъ старой громкимъ голосомъ:
— А й ты Владимиръ князь столенъ-Кіевской!
— Получай-ко сумму за зелено вино
— Ты съ донского казака ли съ Ильи Муромца.
— Я пойду теперь старикъ во чисто полё,
— И на ту пойду дорогу на Латынскую,
— И на ту пойду заставу богатырскую,
— Да подъ тотъ пойду старой подъ сы́рой дубъ. —

Запис. на Кенозерѣ
11 августа.

240.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старый по чисту́ полю,
Ото младости ѣздилъ до старости,
И наѣхалъ старой во чисто́мъ поли
На тѣ на три дороги широкіе.
Лежитъ на дороги горючъ камень,

Да на томъ камѣню подписъ̄ подписана:
Въ дорожку ѣхати богату быть,
Въ другую-ту ѣхати женату быть,
Да во третью-ту ѣхати убиту быть.
Стоитъ-то старой, самъ дивуется:
«Да колько по святой Руси ни ѣзживалъ,
«Таковoго чуда вѣкъ не видывалъ.
«Да на что-то старому мнѣ-ка богачество,
«Своево у меня злата серебра,
«Своево у меня скату-жемчугу.
«На что мнѣ-ка старому женитисе,—
«Да старая взять мнѣ замѣны нѣтъ,
«Да молоденька взять мнѣ чужа корысть.
«Я поѣду старой гдѣ убиту быть,
«Да убиту-то быть больнё ранену,
«На бою на драки смертъ̄ не писана».
Да хорошъ былъ у стараго доброй конь,
Былъ маленькой бурушко косматенькой.
Грива у бурушка трéхъ локтей,
А фостъ-отъ у бурушка трехъ сажонъ.
Ёнъ рики, озёра перескакивалъ,
Мхи-ты болота впромежъ ногъ пустилъ,
Енъ широки роздолья перерыскивалъ,
Да отъ смерти меня старова й упашивалъ.
Да ѣдётъ старикъ путемъ-дорогою,
Тутъ стоитъ сорокъ тысячей розбойниковъ,
Да стоятъ и денные подорожники.
Стали ёни ко старому приступывать,
Хочутъ оны старого убить сказнить,
Да хочутъ éго старого съ коня стащить.
Говорилъ имъ старой таково слово:
«А й же вы воры разбойники,
«А й же денные подорожники!
«Да бить-то меня ста́рого вамъ нé по что,

«И бить меня старого не́ за что.
«На кони у мня узда е во пятьсотъ рублёвъ,
«И оттого узда у ме́ня дорога,
«Драгоцѣнные каменья въ ею вплетены,
«Не для ради красы-басы молодецкіе,
«Для ради славы богатырскіе,
«Да для ради проѣзду полуноцнаго.
«И на кони е сѣдло въ цѣлу тысящу,
«На се́бѣ ко́жанъ е во девять тысящей,
«Свою доброму ко́ню да я цѣны не знай».
Да стали е́ни къ старому приступывать,
И хочутъ е́ни старого убить-сказнить,
Да хочутъ ени старого съ коня стащить.
И видитъ-то старой неминучую,
Да беретъ старой свой-отъ вострой мечъ,
Да въ другу́ руку копьё да бурзомецкое.
И началъ старои поскакивать,
Да копьёмъ, мечёмъ ёнъ помахивать.
И куда-де проѣдетъ — туды улица,
И куда-де отъѣдетъ — переулокъ знать,
Да прибилъ сорокъ тысячей разбойниковъ,
Да прибилъ всѣхъ денныхъ подорожниковъ.
И ворочается старой изъ дороженки,
И та ли дорога очищена,
Эта ли подписка захѣрена,
Да старымъ-то казакомъ И́льей Муромцемъ.
«Я поѣду старой гдѣ женату быть».
Да ѣдетъ старой по чисту полю,
И стоитъ въ чистомъ поли бѣлой шатёръ,
И пріѣзжае старой ко бѣлу шатру.
Привязалъ коня къ золоту кольцу.
Выходила прекрасна королевична,
Брала стара за бѣлы руки,
Уводила въ палаты бѣлокаменны.

Ставила столы ёна́ дубовые,
Наносила всѣи ѣствы сахарніе,
Напоила накормила стара до́ пьяна.
Говоритъ прекрасна королевична:
— Старой казакъ Илья муромецъ!
— Мы пойдемъ съ тобой во ложни во те́плые,
— Да на тѣ ли на кровати слоновыхъ костей,
— И на тѣ ли на перины на мягкіе. —
Говоритъ королевна таково слово:
— А й же донской казакъ Илья Муромецъ!
— Ты ложись-ко ко стѣны кирпичные. —
Говорилъ ей Илья таково слово:
«А й же ты прекрасна королевична!
«Намъ ли у стѣнки спать не хочется,
«Въ насъ ли въ старикахъ мочь не держится,
«Да мы старики часто вонъ ходимъ».
Да взялъ прекрасну королевичну,
Ёнъ бросилъ на кроватку на тисовую,
Повернуласи кроватка тисовая,
Да й упала королевна во глубокъ погрёбъ.
Да молодцо́въ у нёй туды наловлено.
Тутъ донскіе казакъ Илья Муромецъ,
Да розломалъ онъ двери ты желѣзные,
Да у этого погреба глубокого,
Да выпущае молодцовъ на святую Русь,
Ворочается старой изъ дороженки,
Да та ли дорожка очищена,
И та ли подписка захѣрена
Да старымъ-то казакомъ Ильей Муромцемъ.
Да поѣхалъ онъ старой гдѣ богату быть,
Да ѣдетъ старой по чисту полю,
Стоитъ въ чистомъ поли царевъ кабакъ,
Да сбираются въ кабакъ воры́ разбойники,
Сбираются въ кабакъ и голи пьяные.

Да розбилъ Илья это́тъ царе́въ кабакъ,
Да розгонялъ онъ всѣхъ голей кабацкіихъ.
Ворочается ста́рой изъ дороженки,
Да и та ли дорожка очищена,
Эта ли подписка захѣрена
Да старымъ-то казакомъ Ильей Муромцемъ.

Запис. тамъ же 11 августа.

241.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

А й Добрынушки мать ему наказывала,
А й государыни Добрыни наговаривала:
«А й да поѣдешь ты Добрыня во чисто́ полё гуля̀ть,
«А й да пріѣдешь ты Добрыня ко синю́ ко морю̀,
«А й ко синю ко морю Добрыня къ морю че́рному,
«И поѣдешь Добрыня о синё морё,
«И палить будешь стрѣлять гусей, лебедей,
«Да малые пернастые утицы,
«А тѣмъ будёшь Добрынюшка питатисе.
«И пріѣдешь Добрыня ко Пуча́ю ко рѣкѝ,
«А й розгорится твоё сердце богатырскоѐ,
«Да захочется, Добрыня, покупа́тися тебѣ̀,
«Заплови-тко, Добрынюшка, за пе́рвую струю̀,
«Заплови-ко, Добрыня, за другу́ю за струю̀,
«Да не плавай-ко, Добрыня, за тре́тью за струю̀.
«А й налетитъ тутъ змѣя, змѣя лютая,
«А й она лютая змѣя, змѣя пещерская,
«Да возьмётъ тебя на хоботы на че́рные,
«А й унесё ли тебя на горы змѣиные,
«А й да сядетъ ли къ тебѣ на бѣ́лые груди,
«Да роспоретъ ли тебѣ да груди бѣлые,

«А й она вынетъ ли сердце со печенью».
А ещё мать Добрынюшки наказывала,
И государыни Добрыни наговаривала:
«А й да поѣдешь ты Добрынюшка по Кіеву гулять,
«Да не ѣзди-ко Добрыня на царевъ кабакъ,
«Да не пей-ко ты Добрыня зелена вина,
«И не ѣзди во улицы Маринкины,
«Во тѣ ли переулочки къ Игнатьёвны.
«Эта ли вѣдь дѣвушка Мариночка
«Отравила девяти она богатырей,
«А й отравитъ тебя Добрыню десятого».
А й Добрыня матушки не слушаётъ,
Да садился Добрыня на до́брово на коня̀,
Да поѣхалъ онъ Добрыня во чисто́ ли во полё,
И пріѣхалъ онъ Добрыня ко синю́ ко морю,
И ко синю морю Добрыня ко морю че́рному.
Стрѣлялъ онъ палилъ гусей, лебедей
И малые пернастые утицы,
А й ѣдетъ тѣмъ ли Добрынюшка питается,
Да пріѣхалъ ли Добрыня ко Пуча́ю ко рѣкѝ,
И розгорѣлось е́го сердце богатырское,
И захотѣлосе Добрыни покупа́тисе ему̀.
Скидыва́ётъ онъ съ себя платьё цвѣтноё,
Да заплылъ Добрыня за пе́рвую струю̀,
И ой заплылъ Добрынюшка за дру́гую струю̀,
И обзадорило Добрыню плыть за тре́тью за струю̀.
И налетѣла тутъ змѣя, змѣя лютая,
И взяла его на хоботы на черные,
И унесла ли его на горы́ змѣиные,
И да садиласе къ Добрыни на бѣлы груди,
Да хочё ли роспороти груди бѣлые,
Да вынять е́во сердце со печенью.
Да говоритъ ли Добрыня таково слово:
— А й ты лютая змѣя пещерская!

— А й не пори-ко змѣя моихъ бѣлыхъ грудей,
— А не вымай-ко ты сердца со печенью,
— А не придавай-ко мнѣ смерти скорые.
— Да ли ты змѣя пусть мнѣ сестра родная,
— И мы пойдемъ съ тобою во чисто́е во полё,
— Да палитъ будёмъ стрѣляти гусей, лебедей,
— Да малые пернастые утицы,
— И съ тѣмъ, змѣя, съ тобой будёмъ питатисе.—
И взяла змѣя на хоботы на черные,
И унёсла-де вѣдь Добрыню во чисто́ полё,
И во чисто́ полё Добрыню ко добру́ коню.
И надѣваетъ онъ Добрыня платье цвѣтноѐ,
И да садился Добрыня на до́брова на конѝ,
И да берётъ ли онъ саблю ли во́струю,
И во другу́ руку копьё бурзомецкоё,
И заздынулъ онъ саблю вострую,
Да отрубилъ ёнъ змѣи да буйну го́лову.
А й да поѣхалъ онъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
И да заѣхалъ онъ Добрыня на царевъ кабакъ,
И да напился Добрыня вина до́ пьяна.
Да поѣхалъ ли ёнъ Добрыня по Кіеву гулять,
Енъ заѣхалъ вѣдь во улицы Маринкины,
И во тѣ ли переулочки къ Игнатьевны,
И ко той ли ко дѣвушки къ Игнатьевны.
А й у той Маринки у Игнатьевны,
По окошечку два голуба поха́живаётъ.
Да натя́гаетъ Добрыня ту́гой лукъ,
Наклада́етъ онъ стрѣлочку каленую,
Да стрѣляетъ онъ во голубей во сизые.
Не попалъ ли ёнъ во голубей во сизые,
Да ёнъ розбилъ вѣдь околенку стекольчату,
Да рамочку ту вышибъ позолочену,
Да убилъ ли у Маринки друга милого,
Друга милого убилъ у ней Тугарина,

Да Тугарина убилъ ево Зміе́вича.
Ёму жалко стало стрѣлочки кале́ные,
Посылаетъ ли Олёшеньку Поповича:
— Ты крестовой братъ Алешенька Поповичъ сынъ!
— И сходи-ко ты за стрѣлочкой во высо́къ терёмъ.
— Еще стрѣлочки у мня е наточёная,
— И точёна стрѣлка золочёная.
— Стрѣлка точена́ вѣдь бы͡ла на двѣнадцать грянъ,
— Сажена была-то перьями орли́нскима,
— Дарена-то была княземъ Владимиромъ. —
И сходилъ ли Олёша во высокъ терёмъ,
Да такой ли Добрынюшки отвѣтъ держалъ:
«Говорила ему дѣвушка Мариночка:
«Да которыма руками стрѣлка стрѣлена,
«Да тѣма́ руками пусть-де стрѣлка поднята».
Самъ пошолъ Добрыня во высокъ терёмъ,
Подъ Добрынею ступени подгибаются,
Половицы подъ нимъ да шатаются.
Да берётъ ёнъ стрѣлочку каленую,
Да выхо́дитъ ли Добрыня на широкой дворъ,
Да та ли дѣвушка Мариночка,
И брала ли она ножики булатніе,
Да подрѣзала слѣды его горячіе,
И обвернула вѣдь Добрыню чернымъ соболёмъ.

(Дальше не знаетъ).

Запис. тамъ же 11 августа.

242.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Не бѣленкой кречетокъ выпорхивалъ,
Не ясёнъ соколичокъ вылетывалъ,
Выѣзжалъ удалъ дороднiй добрый молодецъ,

По прозванію Чурилушко сынъ Плёнковичъ.
Но не скатняя жемчужинка катается,
Да Чурило по Кіеву катается.
Выѣзжае противу́ дому Бермятова,
Заигралъ онъ во доску гусельнюю.
Да перву́ доску играе про Кіевъ градъ,
А й дру́гу до́ску и́грае про свою поѣздочку,
А й третью доску игра́е про Бермятовъ домъ.
Да услыхала Катерина дочь Микулична,
Зазывала Чурилу на широкой дворъ:
«Заѣзжай Чурило на широ́кой дворъ,
«У меня Бермята-то дома не случилосе,
«Да ушолъ ли Бермята во Божью́ церкву,
«Да ёнъ ушолъ къ обѣдни благовѣщенской.
«Заходи ко мнѣ въ полаты бѣлокаменны,
«Да станемъ Чурило мы во шахматы играть».
Да перву доску играли Чурило Кати матъ даё,
Да другу́ доску играли Чурило Кати матъ даё.
Да тово ли Катя не пытаючи,
Ёна крѣпче за Чурила принимается,
И уводила во ложни во те́плые.
Да служанка по терему похаживатъ,
Таковы слова да выговариватъ:
— А й Катерина дочь Микулична!
— А не за хороши порядки принимаешься,
— И Катя глупого ума ты набираешься.
— Я пойду схожу къ Бермяту во Божью церкву,
— И на тебя Катерина накучу́ й намучу̀. —
Ёна спитъ-то Катя не пробудится,
Да пошла ли служанка во Божью церкву,
А стоитъ-та Бермятъ да Богу молится,
И говорила е́му дѣвушка служаночка:
— А ай же Бермятъ сынъ Михайловичъ!
— А й у тебя въ дому да заневѣ́жа е.

— Ёнъ спитъ съ Катериной забавляется,
— Надъ твоимъ, Бермятъ, надъ домомъ надсмѣхается. —
Да стоитъ-то Бермятъ онъ Богу молится,
И Богу молится Бермятъ да не отвéрнется.
И во вторы́й разъ служаночка говóрила:
— А ай же Бермятъ сынъ Михайловичъ!
— А й у тебя въ дому да запевѣ́жа е.
— Ёнъ спитъ съ Катериной забавляется,
— Надъ твоимъ, Бермятъ, надъ домомъ надсмѣхается. —
Да говорилъ ей Бермятъ таково слово:
«А ай же ты дѣвушка служаночка!
«Да ты правду гóворишь, тебя за мýжъ возьму,
«Да ты ложно гóворишь, да я головý срублю».
И достоялъ онъ обѣдню благовѣщенску,
Ёнъ пришолъ въ свою полату бѣлокаменну,
Это заперты ворота тѣ широкiе.
Да первóй разъ Бермятъ и постучается,
Да спитъ Катерина не пробудится.
И во вторóй разъ Бермятъ и постучается,
Да изъ тéрема околицы вонъ посыпались,
Да крѣпко Катерина испугаласе.
И отворяла Катерина двери нá пяту,
Да въ одной становочки[1]) безъ пояса,
Да въ калужскихъ чулочикахъ безъ чéботовъ.
И говорилъ ей Бермятъ таково слово:
«А ай Катерина дочь Микулична:
«Да что же сегодня не снаря́дна ходи́шь?»
— Да сегодня у насъ да дѣло празднично,
— Да честнó Господне Благовѣ́щеньё. —
«А й ты врёшь Катерина всё омanываш!
«На дворѣ-то стоитъ ли Чуриловъ конь,
«Да шинель-сертукъ виситъ Чурилово».

1) Рубашки.

Говоритъ Катерина дочь Микулична:
— У меня въ гостяхъ есть вѣдь ро́дной братъ,
— Да съ Чуриломъ у ихъ ко́нями помѣняно,
— И сертуками шинелями побратано. —
«А й ты врёшь, Катерина, все оманывашь!»
И онъ зашолъ-де во ложни во теплые,
Да спитъ тутъ Чурилушко сынъ Пленковичъ.
Да не утреня зоря да знаменуется,
Да вострая сабелька промахнула,
Но не скатняя жемчужинка скатиласе,
Да Чурилова голова съ плечъ свалиласе.
Да не черная тафта да розстилается,
Да Чурилова кровь проливается.
И отверня Катеринѣ голову срубилъ.
Да берётъ да дѣвочку служаночку,
Да берётъ Бермятъ да за себя́ замужъ.

Запис. тамъ же 11 августа.

243.

ДЮКЪ.

Кого нѣтъ сильняе да могучѣе,
Старика Ильи, да Ильи́ Муромца.
Кого нѣтъ славнѣе да богатѣе,
Молодца-то Дюка да Степанова:
Дворъ у Дюка на семи верстахъ,
Да кругомъ двора да всё булатній тынъ,
Столбики были точеные,
Да точёные да золочёные.
Да на кажномъ столбичку́ по маковки,
Маковки ты были мѣдные,
Дорого́ю мѣди всё казарскіе,

Да пекутъ лучи да солнопечные,
По тому по городу по Галицѣ,
Да по той Волынъ-земли богатые.
Да ещё у Дюка у Степанова
Ворота были вольячные,
Подворотенки были хрустальніе,
Надворотенки да дорогъ рыбей зубъ.
Да еще у Дюка у Степанова
Надъ воротами да надъ широкима,
Да стоя у Дюка чудны о́бразы,
Да горя свѣчи неугасимые.
Да еще у Дюка у Степанова
Да стоятъ три церквы три соборные:
Да на кажной церквы по три маковки,
Маковки ты были мѣдные,
Дорогою мѣди всё казарскіе,
Да пекутъ лучи да солнопечные,
По тому по городу по Галицѣ,
Да по той Волынъ-земли богатые.
Да во перву церкву соборную,
Туда ходитъ Дюкова-та матушка.
Да во другу церкву соборную,
Туда ходитъ Дюкъ Степановичъ.
А во третью церкву соборную,
Туда ходитъ дружина-та Дюкова.
Да еще у Дюка у Степанова
Середи двора его широкаво,
Да стоятъ три терема высокіе,
Да высокіе да златоверхіе.
Да во первомъ тереми высокіемъ,
Да живётъ тутъ Дюкова-та матушка.
А во другомъ тереми высокіемъ,
Да живетъ тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ.
Да во третьемъ тереми высокіемъ,

Да живетъ дружина тутъ вѣдь Дюкова.
Да еще у Дюка у Степанова
Середи двора того широкаго
Да стояли погребы глубокіе.
Да во эти погребы глубокіе
Бочки спущены да на тетивочкахъ.
Да во эти погребы глубокіе
Да прове́дены да трубы мѣдные,
Трубы мѣдные да изъ чиста поля.
Да повіютъ вѣтры со чиста поля
Да во эти трубы да во мѣдные,
Да во эти погребы глубокіе,
Въ погребахъ тамъ бочки зашатаются,
Оттого ли пиво да не затыхается.

(Дальше не знаетъ).

Запис. тамъ же 11 августа.

244.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда возсіяло красно солнышко,
На наше ясно на́ небо,
Тогда нацарился грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Ёнъ царей казнилъ по-царскіе [1]),
Царя Симіона съ мѣста снялъ,
Отнялъ клюху ли его царскую
И снялъ порфиру королевскую.
На ту на пору, на то время
Хорошъ появился почестной пиръ,

---

1) По-царски.

На многіе на князей на бояровъ,
На русскіе могучихъ богáтырей.
Всѣ на пиру ли пьяны веселы,
Да никто на пиру ничимъ не хвастае.
Да то грозный царь Иванъ Васильевичъ
Да ходитъ по гридни столовые,
Таковы слова ёнъ выговариватъ:
«Да вывелъ измѣну изó Пскова,
«Я вывелъ измѣну изъ Скóпсково,
«И вывелъ измѣну изъ Нова-города,
«Изъ матушки вывелъ каменной Москвы».
Ставатъ изъ-за бóльшаго стола большóй-отъ сынъ,
Большóй сынъ Иванъ Ивановичъ:
— Батюшко грозный царь сударь милосливъ!
— Дай одно слово мнѣ-ка молвити,
— За одно слово не повѣсити.
— Только есть у насъ измѣнщикъ за однѣмъ столомъ:
— На князя сказать напрасной грѣхъ,
— На барина сказать напрасна смерть,
— На братца сказать братца тошно жаль,
— На себя сказать пожальчѣе всѣхъ.
— Братецъ-отъ Ѳёдоръ Ивановичъ
— Да по матушкѣ ѣздилъ каменной Москвѣ,
— Свои-ты подписи подписывалъ,
— Твои подписи похѣривалъ,
— Прибилъ указы ко всѣмъ столбамъ. —
На ту пору на то времечко,
Будто сине море вскулыбалосе,
Богатырско сердцо розгорѣлосе.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Да ходитъ по гридни столовые,
Таковое слово ёнъ выговариватъ:
«Да есть ли во пиру ли таки мáстеръ,
«Казнить бы вѣшать роды царскіе,

«Царски роды государскіе?»
Вставатъ изъ-за меньшаго стола Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ,
Говорилъ Малюта таково слово:
— Ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Дай указъ да за своей рукой,
— Да за дóрогой печатью государевой,
— Казнить буду вѣшать роды царскіе,
— Царски роды государскіе. —
Даватъ указъ и за своей рукой
И за дóрогой печатью государевой,
Да казнить-то вѣшать роды царскіе.
По тому по утру по ранному,
И до выхода тёпла краснаго солнышка,
Берётъ воръ Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ,
Да того ли Өёдора Ивановича
За рученьки бралъ за бѣлые,
И за кудéрышка бралъ его за желтые.
Повёлъ во полё во чистое,
Къ тому ли болоту къ Кулúкову,
На ту на казень на смертную.
И бы́ла у Өёдора матушка,
Обувала башмаки на босу ногу,
Шла къ братцу къ Никиты Романовичу.
«Братецъ Никита Романовичъ!
«А спишь и незгоды не вѣдаёшь.
«Надо мной несчастьё состоялосе,
«Не стало сына одинакаго,
«Твоего ли крестника любимаго.
«Увёлъ Малюта во чистó полё,
«Къ тому болоту Кулúкову,
«На ту на казень на смертную,
«Да хочётъ отрубить буйну голову».
Не много Никита розговаривалъ,

А скочилъ Никпта скоро-на́-скоро,
Обувалъ сапоги на босу́ ногу,
Одѣвалъ ёнъ шубу соболиную,
Накла́далъ шляпу пуховую,
Берётъ узду свою мѣдную,
Да идё на конюшню стоялую,
Берё жеребца да не ѣзжалаго,
Не ѣзжалаго да не сѣдла́ного,
Несѣдла́наго только́ узда́ного.
Только видѣли Никиту саждаючи,
Не видали Никиты поѣзжаючи,
Только столбъ стоитъ во чистомъ поли.
У вора Малюты-та Шкурлаткина
Лѣва ножка откинута,
Права рука заздынута.
А й скричалъ Никита громкимъ голосомъ:
— А й же Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ!
— Не твоя воръ ѣства не тебѣ воръ ѣсть,
— А съѣси́ собака кусъ подавишься,
— Теперь тебѣ вору живу не быть. —
У вора Малюты-та Шкурлаткина,
Лѣвая нога́ его оглезнула,
Права́я рука его одрогнула,
Выпадала у Малюты сабля вострая.
Пріѣхалъ Никита Романовичъ,
Да берётъ своего крестника любимаго,
Да посадилъ ево ли на добра коня,
Да повёзъ ево ли въ каменну Москву.
Стоитъ Малюта пороздумалсе:
«Да какъ я молодецъ теперь къ царю пойду».
Взялъ кобеля ли мелединскаго,
Отрубилъ кобелю ёнъ буйну голову
И вынялъ сердцо со печенью,
Подносилъ на подносы на серебряны.

Идётъ къ грозному царю Ивану Васильевичу,
Говорилъ царь таково слово:
— А й Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ!
— Да что же отъ сердца пе́сей духъ пахнё? —
Говорилъ Малюта таково слово:
«Онъ закону-то былъ не нашево,
«Порядку былъ не хорошаго,
«Оттово ли отъ сердца песей духъ пахнё».
Да прошло тово времени цѣлой годъ,
Да на ту ли заутрину христовскую,
Приказалъ грозной царь Иванъ Васильевичъ
Обрядиться всѣмъ въ платье опа́льнеё,
Поминать-то Ѳедора Ивановича.
Да тотъ Никита Романовичъ
Одѣвае платье ёнъ цвѣтноё,
Со каменьёмъ да драгоцѣнныимъ,
И пришолъ во церкву соборную
Да бьетъ челомъ поклоняется:
— Здравствуй Грозной царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своима́ ли дѣтями одинакима:
— И со тѣмъ ли Иваномъ Ивановицомъ,
— И со тѣмъ ли Ѳе́доромъ Ивановицомъ! —
Говорилъ царь таково слово:
«Да ты старая собака сѣдатой пёсъ!
«До вочью́ ты мною насмѣхаешься
«По ворахъ и по розбойникахъ.
«Много потучиковъ[1]) и попецельщиковъ
«По моёмъ по сыни по Ѳедори,
«Не потучики не были, ни попечальщики».
Отстоялъ заутрину христовскую,
Да привёлъ къ обѣдени христовскіё,
Показалъ ли сына одинакова,

1) Потутчиковъ? заступниковъ.

Да того ли Ѳёдора Ивановича.
Говорилъ царь таково слово:
«Да кто скраде своруе голову убьётъ,
«Да ступайте въ Микитину вотчину».

Запис. тамъ же 11 августа.

XLVII.

КОСТИНЪ.

Александръ Давыдовъ Костинъ изъ дер. Кузминска на Почезерѣ (близъ Кенозера), крестьянинъ-земледѣлецъ, 35 лѣтъ отъ роду. Оставшись въ дѣтствѣ сиротою, онъ ходилъ по міру и тутъ, по его словамъ, еще будучи маленькимъ мальчикомъ, затвердилъ нѣсколько былинъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь, онъ пѣлъ про Добрыню совершенно сходно съ Воиновымъ и про смерть Чурилы одинаково съ Сивцевымъ.

245.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

По той по дорожки по Латынскіе,
Идётъ тутъ калика перехожая,
Перехожая калика бродимая,
По прозванію славнó Ивáнище.
Какъ на встрѣчу ему Илья Муромецъ,
Говорилъ ему Илья таково слово:
«Ужъ ты здравствуй-ко, славно Иванище!
«Благополучно ли есть во славномъ во Кіеви,
«Да здорово ли живётъ нашъ Владимиръ князь?»
Говоритъ ему славно Иванищо:

— Ужъ ты сильніи богатырь Илья Муромецъ!
— Какъ на нашъ-отъ на батюшко Кіевъ градъ
— Наѣзжаетъ нечисто Едолище,
— По прозванію Батыга Батыговичъ.
— Онъ князей бояръ всѣхъ повырубилъ,
— Самого Владимира въ полонъ побралъ. —
Говорилъ ему Илья, Илья Муромецъ:
«А й же ты славно Иванище!
«У тя силы есть вдвоёмъ противъ меня,
«Только смѣтки-то нѣтъ противъ меня».
Сходилъ Илья со добра коня,
Одѣваетъ онъ платье скоморошноё,
Наложаетъ онъ шляпу сорочинскую,
Да и пошелъ по дорожкѣ въ славный Кіевъ градъ.
И заходитъ Илья на царевъ кабакъ,
Говорилъ Илья таково слово:
«А й же вы чумаки цѣловальники,
«А й же вы голи кабацкіе!
«Вы сбирайте-ко голи по денежки,
«Да и мало тово по копеечкѣ,
«Наливайте вина полтора ведра,
«Опохмѣльте калику перехожую,
«Перехожую калику бродимую».
И тутъ склали ему голи по денежки,
Да и мало тово по копеечкѣ,
Наливали вина полтора ведра,
Выпиваетъ калика черезъ край до дна.
Какъ пошолъ Илья въ погре́бъ глубокіе,
Да и перву бралъ бочку подъ пазуху.
А другу́ю бралъ бочку подъ дру́гую,
А третью-то бочку ногой катитъ.
«Вы сбирайтесь чумаки цѣловальники,
«Вы сбирайтесь всѣ голи кабацкіе!
«Ужъ вы пейте вино всѣ безденежно,

«А молите вы Бога за Илью Муромца».
А самъ пошолъ въ славный Кіевъ градъ,
А заходитъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
Да во тѣ ли чертоги государевы.
Какъ во той ли полаты бѣлокаменной,
За тѣмъ за столомъ бѣлодубовымъ,
Да на той на скамейки изъ рыбья́ зуба,
Да сидитъ тутъ погано Едолище,
По прозванью Батыга Батыговичъ.
Какъ говоритъ Батыга таково слово:
— Ты скажи мнѣ, калика перехожая,
— Перехожая калика бродимая!
— У васъ есть сильній бога́тырь Илья Муромецъ.
— Онъ много ли хлѣба соли кушаётъ,
— А и много ли пьётъ зелена вина? —
Какъ говорилъ ему Илья, Илья Муромецъ:
«Ужъ онъ хлѣба-то ѣстъ по три колачика,
«А напиточокъ пьётъ по три рюмочки».
Какъ говорилъ ему Батыга Батыговичъ:
— Это нѣтъ богатыря Ильи Муромца.
— Какъ я хлѣба-то ѣмъ вѣдь по три́ печи,
— А напитокъ-то пью по три́ ведра. —
Говорилъ ему Илья, Илья Муромецъ:
«У моего-то родителя батюшка,
«У его есть-то корова обжираная.
«Она сѣна-то ѣла по три́ воза,
«А напитокъ-то пила по три́ щану,
«Ей съ этихъ напитокъ всю прирвало,
«А тебя розорветъ погано Одолищё».
Какъ хватаетъ погано Едо́лище
Со стола вѣдь ножичокъ булатніе,
Да кидаетъ въ Илью, Илью Муромца,
И какъ ульнюлъ у Илья ножикъ въ червоной крестъ.
Какъ снимаетъ Илья шляпу сорочинскую,

Какъ махнулъ онъ въ Батыгу Батыгова,
Тутъ-то гдѣ его глава, гдѣ-ка тулово,
И возвелъ онъ тутъ князя на высо́къ престолъ.

Запис. на Кенозерѣ
13 августа.

246.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Изъ Волынца города Галича,
На ту на дорожку латынскую,
На ту на заставу богатырскую
Выѣзжало три сильнихъ могучихъ богатыря:
Первой богатырь Илья Муромецъ,
А второй Добрыня Микитьевичъ,
А третей Микита Романовичъ,
Простояли на заставы три мѣсяца.
Какъ во то ли во время трехмѣ́сячно,
Проѣзжаетъ тутъ сильній могучій бога́тыре,
По прозванью-то славно Аполонище.
Какъ воспроговорилъ Илья таково слово:
«Поѣзжай-ко ты Добрыня во чисто́ полё,
«И ты наѣдешь въ поли на бога́тыря,
«И ты сруби ему буйну голову».
Какъ осѣдлалъ Добрыня добра коня,
Какъ поѣхалъ Добрыня за богатыремъ,
И наѣхалъ въ полѣ на богатыря.
Какъ бога́тырь реви́тъ будто лютый звѣрь,
Подъ Добрынею конь пошарашился,
На конѣ-то Добрыня устрашился.
Повернулъ коня ко заставушки,
И пріѣхалъ Добрыня къ Ильи Муромцу,
И самъ говорилъ таково слово:
— Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!

— Какъ наѣхалъ я въ поли на богатыря,
— А бога́тырь реви́тъ будто лютый звѣрь,
— Подо мною конь пошарашился,
— На конѣ-то я поустрашился. —
И говорилъ Илья таково слово:
«Поѣзжай-ко ты Микита Романовичъ!
«Поѣзжай-ко ты Микита во чисто полё,
«И ты наѣдешь въ поли на богатыря,
«И ты сруби ему буйну голову».
Осѣдлалъ Микита ворона коня,
Поѣзжаетъ Микита за бога́тырёмъ,
Наѣхалъ онъ въ полѣ на бога́тыря,
Какъ богатырь реви́тъ будто лютой звѣрь,
Подъ Микитою конь пошарашился,
На конѣ-то Микита устрашился,
Повернулъ коня ко заставушки,
Ко той ко заставы къ Ильи Муромцу,
И говорилъ Микита таково слово:
— Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!
— Какъ наѣхалъ я въ поли на богатыря,
— А бога́тырь реви́тъ будто лютый звѣрь,
— Подо мною конь пошарашился,
— На конѣ-то я поустрашился. —
И воспроговоритъ Илья таково слово:
«Ужъ ты старость, ты старость богатырское,
«Видно некому мнѣ замѣнитися,
«Надь покинуть мнѣ старость великую».
И пошелъ на конюшню стоялую,
И беретъ жеребца неѣзжалово,
Неѣзжалово да и неуздана.
Какъ сѣдлаётъ Илья ворона коня,
Только видѣли людюшки сядучи,
А не видѣли людюшки поѣздучи,
Только копо́тка въ поли какъ столбъ стоитъ.

И наѣхалъ онъ въ поли на богатыря,
А богатырь ре́витъ будто лютой звѣрь,
И ужъ онъ бьетъ коня по туцнымъ бедрамъ:
«Ужъ ты конь ли мой конь травяной мѣшокъ,
«Развѣ конь въ полѣ не бы́ивалъ,
«Вороньяво крыку́ не слыхивалъ?
«Не ворона ли въ полѣ розлеталасе,
«Не пусто ли перо порозгра́ялось.
«Я хвачу воро́ну въ карманъ брошу,
«Не бывать вороны на бѣломъ свѣту».
Они ударились палицей въ палицу,
У обѣхъ у нихъ палицы поломалисе,
Не одинъ одново не поранили.
Ударились копіемъ въ копіе,
У обѣхъ у ихъ копья поломалисе,
Не одинъ одново не поранили.
Кокъ сошлись на ручную побоботисе,
Какъ ушибъ ево Илья, Илья Муромецъ.
Онъ ставае колѣнами на бѣлу грудь,
Ужъ онъ самъ говорилъ таково слово:
«Ужъ ты чьей земли, ужъ ты чьей орды,
«Ты чьего отца коей матери?»
Говорилъ ему удалой доброй молодецъ:
— Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!
— Кабы я у тя былъ на бѣлой груди,
— Я не спрашивалъ ни имени, ни вотчины,
— Не какой пути дорожки проѣзжіе.
— Вынималъ бы я ножичекъ булатніе,
— Я поролъ бы твои груди бѣлые,
— Вынималъ бы я сердце со печенью. —
Какъ второй разъ спросилъ Илья, Илья Муромецъ:
«Ты скажи-тко удалой добрый молодецъ!
«Ужъ ты чьей земли, ужъ ты чьей орды,
«Чьево отца, коей матери?»

Говорилъ ему удалой доброй молодецъ:
— Ужъ ты дядюшка Илья Муромецъ!
— Какъ по прозванію я славно Аполонище,
— А мать моя дѣвка Сиверья́ночка. —
Какъ берётъ Илья за ручки за бѣлые,
Поднимаетъ Илья отъ сырой земли,
Цѣловалъ во уста во сахарніе.
«Видно ты мнѣ сильній могучій богатыре,
«Видно ты мнѣ молодецъ ро́дной сынъ».
Какъ садилисе о́ны на добрыхъ коней,
И поѣхали онѣ ко заставушки,
И наказалъ Илья Аполонищу:
«Ты свези своей матери низко́й поклонъ».

Запис. тамъ же 13 августа.

247.

БРАТЬЯ ДОРОДОВИЧИ.

Поѣхалъ Михайло Дородовичъ,
Поѣхалъ гулять во чисто́ полё,
И выѣхалъ на гору высокую,
Розвертывалъ трубку подзорнюю,
Глядѣлъ-смотрѣлъ во чисто поле.
Увидѣлъ онъ тамъ три знаменья:
Первое знамя бѣлымъ-бѣло,
Друго́е знамя краснымъ-красно,
Да и тре́тьё-то знамя чернымъ-черно.
Какъ поѣхалъ Михайло Дородовичъ
Ко тѣмъ-то ко трёмъ онъ ко знамечкамъ,
Началъ ево бурушко поскакивать,
Исподь копытъ-то онъ долы вымётывать
По цѣлой овчины борановой.

Пріѣхалъ ко тѣмъ ко тремъ ко зна́менямъ.
И первое знамя стоитъ бѣлъ шатёръ,
А другое знамя на шатри маковка,
А третье-то знамя стоитъ во́ронъ конь.
И сходилъ Михайло со добра коня,
И надовалъ коню пшена бѣлоярова,
А и самъ онъ зашолъ во бѣлой шатеръ.
Во бѣломъ шатри удалой доброй молодецъ,
Ужъ онъ многима ранами раненой.
И какъ спросилъ онъ удала добра молодца:
«И ты удалой дороднiй добрый молодецъ!
«Ужъ ты гдѣ-ка битъ, гдѣ-ка раненой?»
Какъ сказалъ ему удалой доброй молодецъ:
— Ужъ былъ я во лугахъ во кургановыхъ,
— Ино я бился съ погаными татарами,
— И наконецъ мнѣ-ка измѣна состояласе,
— И у туга лука тетивка порываласе,
— Булатняя палица поломаласе,
— Копьё въ черено поросшаталосе,
— И востра сабля пополамъ переломиласе.
— Тутъ обступили поганые татарове,
— Тутъ меня били да ранили. —
Какъ выходитъ Михайло изъ бѣла шатра,
Садился Михайло на добра коня,
Розвёртывалъ трубку подзорнюю,
Онъ смотрѣлъ во луга во кургановы.
Уже сколько стоитъ лѣсу темнаго,
Да и столько поганыхъ татаровей,
Да и сколько въ чистомъ поли кувыль травы,
А тово болѣ поганыихъ татаровей.
И тутъ-то молодца страхъ-отъ взялъ.
«Какъ куда мнѣ-ка ѣхать, куда коня мнѣ гнать.
«Какъ ѣхать мнѣ въ луга, такъ убиту быть,
«А домой мнѣ-ка ѣхать, нечимъ хвастати».

И какъ поѣхалъ онъ въ луга во кургановы,
И ужъ онъ лукомъ перебилъ силы смѣты нѣтъ,
Копьемъ перекололъ силы смѣты нѣтъ,
Да и палицей прибилъ силы смѣты нѣтъ,
Да и саблéй перéрубилъ силы смѣты нѣтъ,
И наконецъ тово измѣна состояласе,
И у туга лука тетивка порваласе,
Булатняя палица поломаласе,
Копье въ черéню росшаталосе,
Востра сабелька пополамъ переломиласе.
И обступили поганые татарове,
Да и хочутъ добра молодца съ коня стащить.
Ино ево была головушка удалая,
Да и вся была натура молодецкая.
Какъ скочилъ Михайло съ добра коня,
А хваталъ онъ поганаго татарина,
За его ли за поганые за ноги,
Началъ онъ татариномъ помахивать,
Куда махнётъ — туды улица,
Назадь отмáхнё — переулочекъ.
И то оружьё по плечу пришло,
Прибилъ онъ татаръ до единаго,
И ужъ онъ самъ сказалъ таково слово:
«И ты родись-ко головушка удалая,
«А худа голова бы лучше нé была».
Садился Михайло на добра коня,
Поѣхалъ Михайло ко бѣлу шатру,
И какъ пріѣхалъ Михайло ко бѣлу шатру,
Надавалъ коню пшена бѣлоярова.
И заходитъ Михайло во бѣлъ шатеръ,
И спросилъ Михайло добра молодца:
«Ты удалой дородній доброй молодецъ!
«Ты котóраго отца, которой матери?
«Я твому бы отцу вѣдь поклонъ отвёзъ».

И какъ сказалъ ему удалой доброй молодецъ:
— Какъ по имени зовутъ меня Өедоромъ,
— А по отечеству Өедоръ Дородовичъ,
— А больше я съ тобой говорить не могу. —
И какъ тово часу молодцу смерть пришла.
А сказалъ тутъ Михайло Дородовичъ:
«Да и видно ты родимой мнѣ брателко,
«Да и старшой-отъ Өедоръ Дородовичъ».
Да и предалъ онъ его тѣло сырой земли,
А своимъ онъ родителямъ поклонъ отвёзъ.

Запис. тамъ же 13 августа.

248.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

Уже за моремъ было за ѣиніемъ,
Тамъ жила была молода вдова,
Молода вдова благочестивая.
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
Во десятыхъ дочь одинакая,
Ею отдали замужъ за́ море,
За́мужъ за́ море за море́нина,
Ею за вора за разбойника.
Она жила за моремъ девять годовъ,
На десятой годъ и стосковаласе.
Она стала звать моренинушка:
«Ты пойдемъ, море́нинушко, за море,
«По́йдемъ за море къ родной маменькѣ,
«Къ родной маменьки, къ ро́днымъ братьицамъ».
Они пошли съ море́ниномъ за́ море,
Какъ на встрѣчу имъ девя́ть разбойниковъ.
Они море́нина въ море врѣзали,

А моряночку во полонъ взяли,
Во полонъ взяли и прибезчестили.
Они шли разбойники день до вечера,
Да и тутъ разбойники нодью[1]) сдѣлали,
Да и всѣ разбойники спать легли.
Какъ одинъ разбойникъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ, не лежитъ и думу думаё,
Думу думаё, рѣчь проговорилъ:
— Ты скажи, моряночка, повѣдай мнѣ,
— Ужъ ты чьей земли, ты чьей орды,
— Ты чьево отца, которой матери? —
Начала моряночка высказывать:
«Уже за моремъ было за синіемъ,
«Тамъ жила была молода вдова,
«Молода вдова благочестивая.
«Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
«Во десятыхъ дочь одинакая,
«Меня отдали замужъ за море».
Какъ скричитъ разбойникъ громкимъ голосомъ:
— Вы вставайте, братья, пробужа́йтесе.
— Не моренина мы въ море врѣзали,
— Не моряночку во полонъ взяли,
— Въ море врѣзали́ зятя́ любимаго,
— Во полонъ взяли сестру родимую,
— Прибезчестили единокровную. —
Какъ ставали разбойники пробужалисе,
Какъ давали заповѣдь крѣпкую,
Начали вязать оны шелко́въ неводъ,
Не́ могли достать зятя любимаго.
И возвратилисе оны въ родимой домъ,
Онѣ въ родимой домъ и къ родной матери.

Запис. тамъ же, 13 августа.

---

1) Мѣсто въ лѣсу съ огонькомъ для ночевки.

XLVIII.

КУКШИНОВЪ.

Николай Ивановъ Кукшиновъ, крестьянинъ-земледѣлецъ изъ дер. Кипозерской у того же Почезера, о которомъ упомянуто выше. Ему лѣтъ за 50. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, зналъ, но плохо, про Грознаго царя Ивана Васильевича и про Настасью королевичну литовскую.

249.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Изъ Волынца города изъ Галица,
Изъ Волынъ-земли невѣрные,
Изъ той Корелы изъ упрямые
Лежала дорожка широкая.
Въ ширину дорожка сорока саженъ,
Въ долину по дорожкѣ не бывано.
По той по дорожки широкіе
Идётъ калика перехожая.
Платье на немъ веретно́мъ тряхнуть.
Идётъ калика шатается,
Своею клюхой подпирается,
Подъ каликой земля подгибается.
На той на дорожки широкіе,
Стоитъ тутъ застава великая,
Стоитъ сорокъ воровъ сорокъ разбойниковъ,
Сорокъ ночныхъ подорожниковъ,
Берутъ калику за бѣлы руки,
Говоритъ калика таково слово:
«Вы ай же воры разбойники,

«Вы ай же ночны подорожники!
«Чего вамъ у стара захотѣлосе,
«Денегъ у мня теперь не было,
«Только есть одинъ крестъ полтора пуда,
«Изъ самаво червонаво золота».
Обступили воры разбойники:
— Намъ неча со старымъ разговаривать!
— Примайтесь ребята за старова. —
У калики сила богатырская,
Ухватка была молодецкая.
Ухватилъ онъ разбойника за́ ноги,
Началъ разбойникомъ помахивать,
Разбойникъ онъ гнётся — не ломится,
На жильяхъ проклятой не сорвется,
Куда махнетъ — туда улица,
Куда отмахнетъ — переулочокъ.
Прибилъ сорокъ воровъ всѣхъ разбойниковъ
И всѣхъ онъ ночныхъ подорожниковъ,
И самъ онъ калика впередъ пошёлъ,
Приходитъ ко погребамъ питейнымъ.
Ходятъ тутъ голи кабацкіе,
На́гольни горькіе пьяницы.
Онъ го́ворилъ таково слово:
«Вы ай же го́ли кабацкіе,
«Вы на́гольни горькіе пьяницы!
«Вы скиньте, голи, по денежкѣ,
«Еще прибавьте по копеечкѣ,
«Купите вина полтора ведра,
«Опохмѣльте калику перехожую,
«Заутра́ напою васъ безденежно».
Скинули голи по денежки,
Еще прибавляли по копеечкѣ,
Купили вина полтора ведра,
Подавали калики перехожіе.

Берётъ калика единой рукой,
Выпиваетъ калика на единый духъ.
«Спасибо голи кабацкіе!
«Не напоили старика, лишь роззадорили.
«Приходите къ питейнымъ пóгребамъ,
«Напою я васъ, голи, безденежно».
Приходили голи ко пóгребамъ,
Ждали калику перехожую.
Идетъ калика ко погребамъ,
Онъ двери колоды выпинывалъ,
Заходитъ во пóгреба питейные,
Онъ бочку берётъ онъ подъ пазуху,
Другýю берётъ онъ подъ дрýгую.
Краны печати взялъ оторвалъ:
«Пейте голи сколько надобно,
«Споминайте калику — Илью Муромца».

Запис. на Кенозерѣ 14 августа.

250.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И АЛЕША ДОРОДОВИЧЪ.

На той на дорожки Латынскіе,
На той на заставы богатырскіе,
Стоитъ тутъ заставушка великая,
Три сильнихъ могучихъ три богатыря:
Во первыхъ богатырь Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Второй же Микита Романовичъ,
Подъ Микитой Олёша Поповичёвъ,
Нельзя ни пройти, ни проѣхати,
Ни конному да и не пѣшему.
Какая невѣжа проѣхала,

Невѣрная сила прокатиласе,
Не спросилъ онъ ни имени, ни вотчины.
Илья говорилъ таково слово:
«Кому изъ насъ ѣхать за богатырёмъ?
«Послать намъ Алёшу Поповича.
«Поповскіе роды задумчивы:
«Хошь самъ онъ падетъ, хошь богатыря́ убьетъ,
«Не спроситъ ни имени, ни вотчины.
«Послать намъ Микиту Романова».
Въ дорожку Микитушка справляется.
Онъ день-отъ ѣхалъ до темно́й ночи,
И темну ночь ѣхалъ до бѣлово дни.
Другой день ѣхалъ до темно́й ночи,
И другую ночь ѣхалъ до бѣлово дни.
Наѣхалъ онъ въ поли на бога́тыря.
Богатырь крычитъ аки лютый звѣрь,
Онъ бьётъ коня по тучнымъ бедрамъ,
А самъ говоритъ таково слово:
— Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
— Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
— Ты развѣ конь во́ поли не бы́вилъ,
— Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
— Не ворона ли въ полѣ розлеталасе,
— Не пустое ли перо порозграялось?
— Налетитъ ворона, я въ карма́нъ брошу.
— Не бывать изъ кармана вѣкъ и по́ вѣку,
— Не видать воронѣ свѣту бѣлаво. —
Подъ Микитою конь пошарашился,
И онъ на конѣ пріустрашился.
Конь палъ на колѣна лошадиные,
Воротилъ Никита добра коня,
Поѣхалъ назадъ ко заставушки.
Встрѣчае родитель ево дяденька,
И дяденька Илья Муромецъ.

«Ты ахъ же Микитушка Романовичъ!
«Здорово ли ѣздилъ за богатыремъ,
«Срубилъ ли ему буйну голову,
«Спросилъ ли про имя про вотчину?»
— А й же дядюшка Илья Муромецъ!
— Я день-отъ ѣхалъ до темной ночи,
— Темной ночи ѣхалъ до бѣлово дни.
— Другой день ѣхалъ до темной ночи,
— Другую ночь ѣхалъ до бѣлово дни,
— Наѣхалъ я въ поли на богатыря.
— Богатырь крычитъ аки лютый звѣрь,
— Онъ бьётъ коня по тучнымъ ребрамъ,
— А самъ говоритъ таково слово:
— Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
— Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
— Ты развѣ конь во́ поли не бы́ивалъ,
— Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
— Налетитъ ворона, я въ карма́нъ брошу.
— Не бывать изъ кармана вѣкъ и по́ вѣку,
— Не видать воронѣ свѣту бѣлаво.
— Подо мною конь пошарашился,
— А я на коня пріустрашился.
— Конь палъ на колѣна лошадиные,
— Воротилъ я Никитушка добра коня,
— Поѣхалъ назадъ ко заставушки. —
Илья Муромецъ призадумался,
И самъ онъ себѣ разговаривалъ:
«Вѣрно некѣмъ у стара замѣнитися.
«Росшатать развѣ старость богатырская,
«Ѣхать мнѣ въ поле за богатыремъ?»
Онъ день-отъ ѣхалъ до темной ночи,
Темну ночь ѣхалъ до бѣлово дни,
Другой день ѣхалъ до темной ночи,
Другую ночь ѣхалъ до бѣлово дни,

И третій день ѣхалъ до темнóй ночи,
И третью ночь ѣхалъ до бѣлово дни.
Наѣхалъ онъ въ поли на богáтыря.
Богатырь крычитъ аки лютый звѣрь,
Онъ бьётъ коня по тучнымъ бедрамъ,
А самъ говоритъ таково слово:
— Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
— Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
— Ты развѣ конь вó поли не бы́ивалъ.
— Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
— Не ворона ли въ полѣ розлеталасе,
— Не пустое ли перо порозграялось?
— Налетитъ ворона, я въ кармáнъ брошу.
— Не бывать изъ кармана вѣкъ и пó вѣку,
— Не видать воронѣ свѣту бѣлаво. —
Подъ Ильею конь не шарашился,
Илья на кони не устрашился
И сталъ наѣзжать на богáтыря.
Ударились молодцы во палици,
И палици у нихъ приломалисе,
Ни который ни коéго не ранили.
Ударились молодцы во копія,
И копья у нихъ приломалися,
Ни который ни кóего не ранили.
Ударились молодцы во сабельки,
И сабли у нихъ приломалисе,
Ни который ни кóего не ранили.
Сошли оны́ поборотися.
Въ пошибкахъ пошибъ Илья Муромецъ,
И сталъ ему на бѣлы груди.
Самъ говорилъ таково слово:
«Скажи же удалъ дородній молодецъ!
«Ты чьей земли скажи чьей орды,
«Чьевò отца да чьево матери,

«Чьево урожденія великаго?»
Онъ говорилъ таково слово:
— Ты старой чортъ Илья Муромецъ!
— Кабы я былъ на твоихъ грудяхъ,
— Не спрошалъ бы ни имени ни вотчины.
— Вымалъ бы ножищо-кинжалищо,
— Поролъ бы твои груди бѣлые,
— Вымалъ бы я сердце со печенью. —
«Ты скажи удалый дороднiй молодецъ!
«Скажи чьей орды, скажи чьей земли,
«Чьево отца да чье́во матери,
«Чьево урожденія великаго?»
Онъ говорилъ таково слово:
— Ахъ ты старой чортъ Илья Муромецъ!
— Кабы я былъ на твоихъ грудяхъ,
— Не спрошалъ бы ни имени ни вотчины.
— Вымалъ бы ножищо-кинжалищо,
— Поролъ бы твои груди бѣлые,
— Вымалъ бы я сердце со печенью. —
«Не гордись на́ меня, чадо милоё,
«Скажи чьей орды, ска́жи чьей земли,
«Чьево отца да чье́во матери,
«Чьево урожденія великаго?»
— Я той орды, да я и той земли,
— Тово отца да тово́ матери,
— Тово урожденія великаго,
— Зовутъ меня Алёша Доро́довичъ. —
Ильи Муромцу рѣчи прилюбилися,
Сходилъ какъ онъ со бѣлой груди,
Да поднялъ ево за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарніе,
Назвались они братьями крестовыми.

Запис. тамъ же 14 августа.

251.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

Во славномъ батюшки во Кіеви гради,
У ласкова князя у Владимира,
Было столованіе почестенъ пиръ,
На многіе князи а на бояра,
На сильни могучіи богатыри,
На всѣ поляницы на удалые.
Дологъ день идё ко вечеру,
Красное солнышко ко западу,
Почестные пиръ идё навесели.
Всѣ на пиру пьяны веселы,
Всѣ на пиру напивалисе,
Всѣ на честномъ наѣдалисе.
Князь-де Владимиръ свѣтелъ радошенъ,
Выходитъ на крылечко перёноё,
Опирается въ перилицо точёное,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ чисто́е во полё.
Изда́лека дале́ка изъ чиста поля
Идутъ мужики граждана,
Граждана мужики посадскіе,
Посадскіе рыболовщички.
Кланяются князю поклоняются,
Бьютъ-де челомъ жалобу творятъ:
«Солнышко-де нашо красное,
«Солнышко Владимиръ стольне-Кіевской!
«Пьёшь-де ѣсй спотѣшаешься,
«Надъ нами побѣдушки не вѣдаёшь.
«Надъ нами побѣда состояласе,
«На нашихъ любимыхъ на займищахъ
«У насъ-то ли было на Сароги на рѣкѝ,
«Невѣдомые люди появилисе.

«Платье на нихъ дорогой скурлатъ,
«Источниками[1]) подпоясалисѐ,
«Шапки на нихъ черны му́рманки,
«Черны мурманки золоты́ вершки.
«Сапожки у нихъ-де зеленъ сафьянъ,
«До́рога сафьяну заморскаго,
«Хо́роша шитья новоторскаго.
«Носъ-отъ шиломъ — пята востра,
«Около носу яицо́ покатѝ,
«Подъ пяту солове́й пролетѝ.
«Наши невода розде́ргивали,
«Свои невода заме́тывали,
«Рыбу сорогу повыловили.
«Намъ, государь, лову не было,
«Вамъ, государь, подносу нѣтъ,
«Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
«Скажутся-называются —
«Всё это дружина Чурилова».
Онъ и говорилъ таково слово:
— Не знаю я Чуриловой вотчины,
— Не знаю я Чуриловой поселицы,
— Не знаю я, Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
Та толпа мимо дворъ прошла,
Новая изъ поля появляется.
Идутъ мужики граждана,
Граждана мужики посадскіе,
Посадскіе звѣрёловщички.
Кланяются князю поклоняются,
Бьютъ-де челомъ жалобу творятъ:
«Солнышко-де нашо красное,
«Солнышко Владимиръ стольне-Кіевской!
«Пьёшь-де ѣсѝ спотѣшаешься,

1) Не знаетъ.

«Надъ нами побѣдушки не вѣдаёшь.
«Надъ нами побѣда состояласе,
«На нашихъ любимыхъ на займищахъ
«У насъ-то ли было во темны́хъ во лѣсахъ,
«Невѣдомые люди появилисе.
«Наши они петельки задéргивали,
«Свои они петельки заметывали,
«Кунку да лиску повыловили,
«Чёрнаго соболя повыдавили,
«Сѣраго заморскаго заяца.
«Намъ, государь, лову не было,
«Вамъ, государь, подносу нѣтъ,
«Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
«Скажутся-называются —
«Всё это дружина всё Чурилово».
Онъ и говорилъ таково слово:
— Не знаю я Чуриловой вотчины,
— Не знаю я Чуриловой поселицы,
— Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
Та толпа мимо дворъ прошла,
Новая изъ поля появляется.
Идутъ мужики граждана,
Граждана мужики посадскіе,
Посадскіе огороднички,
Кланяются князю поклоняются,
Бьютъ-де челомъ жалобу творятъ:
«Солнышко-де нашо красное,
«Солнышко Владимиръ стольне-Кіевской!
«Пьёшь-де ѣси потѣшаешься,
«Надъ нами побѣдушки не вѣдаёшь.
«Надъ нами побѣда состояласе,
«На нашихъ любимыхъ на заводяхъ,
«На нашихъ любимыхъ на займищахъ
«Невѣдомые люди появилисе.

«Наши за́води[1]) раздергивали,
«Свои они огороды заметывали,
«Травку-муравку повытоптали,
«Красныхъ дѣвицъ къ сорому привели,
«Молодыхъ молодушокъ прибезчестили,
«Старыхъ старухъ обизвичили.
«Скажутся-называются —
«Всё это дружина Чурилова».
Онъ и говорилъ таково слово:
— Не знаю я Чуриловой вотчины,
— Не знаю я Чуриловой поселицы,
— Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
За тѣмъ за столомъ бѣлодубовымъ,
На той на скамейкѣ слоновыхъ костей
Сидѣлъ тутъ удалой добрый молодецъ,
По имени Иванъ да Ивановичъ.
Онъ самъ говорилъ таково слово:
«Знаю я Чурилову вотчину,
«Знаю я Чурилову поселицу,
«Знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ.
«У Чурила дворъ на Сароги на рѣки,
«Супротивъ креста Леванидова,
«У святыхъ мощей у Борисовыхъ.
«У Чурила дворъ на семи верстахъ,
«Около двора есть булатній тынъ,
«На каждой тыниночкѣ по маковкѣ,
«И маковки были золочёные.
«Посередь двора стоитъ три терема,
«Све́дены были по небесному:
«На́ неби солнцо и въ тереми солнцо,
«На неби мѣсяцъ и въ тереми мѣсяцъ,
«На неби звѣзды и въ тереми звѣзды.

---

1) «Заводы, т. е. огороды», — такъ объясняетъ.

«По́ небу звѣздочка покатится,
«По терему звѣздочки посыплются.
«Въ которомъ же терему Чурило живё,
«Трои были сѣни косѣрчатые,
«Трои были сѣни стекольчатые,
«Трои были сѣни рѣшатчатые,
«Полъ и середа изъ чиста серебра,
«Потоло́ка были соболиные,
«За́вѣсы были миткалиновые».
Справляется Владимиръ стольне-Кіевской,
Со многими князьями со боярами,
Со всѣма̀ купцами со торговыма.
Поѣзжаетъ Чуриловой посе́лицы смотрѣ̀ть,
Пріѣзжаетъ Владимиръ ко Чурилову двору,
Самъ говорилъ таково слово:
— Какъ сказано да такъ и сдѣлано. —
Изъ этого терема высокаго,
Выходитъ старъ-младыи[1]) мате́ръ человѣкъ,
Кланяется князю поклоняется,
Берё его за ручки за бѣлые,
Проводитъ во те́рема высокіе.
Садилъ за столы бѣлодубовы,
Кормилъ де поилъ хлѣбомъ солію.
Князь-де Владимиръ воспотѣшился,
Сѣлъ подъ одошко косѣрчатое,
Зрѣлъ-смотрѣлъ во чисто́е во полѐ.
Изъ да́лека дале́ка изъ чиста поля
Ѣдетъ молодцовъ сотъ до двухъ,
Всѣ молодцы одноличные.
Платье на нихъ дорогой скурлатъ,
Источниками подпоясалисѐ,
Шапки на нихъ черны му́рманки,

1) «Такъ слыхано».

Черны мурманки золоты́ вершки.
Са́пожки у нихъ-де зеленъ сафьянъ,
До́рога сафьяну заморскаго,
Хо́роша шитья новоторскаго.
Носъ-отъ шиломъ — пята востра,
Около носу яицо́ покатѝ,
Подъ пяту солове́й пролетѝ.
Кони подъ нима были латынскіе,
Узды повода сорочинскіе,
Сѣделышка были чиста золота.
Кони бѣжа какъ соколы летя.
Та толпа къ нимъ на дворъ пришла,
Новая изъ поля появляется:
Ѣдетъ молодцовъ сотъ до трёхъ,
Всѣ молодцы одноличные.
Платье на нихъ дорогой скурлатъ.
Источниками подпоясалисѐ,
Шапки на нихъ черны му́рманки,
Черны мурманки золоты́ вершки.
Са́пожки у нихъ-де зеленъ сафьянъ,
До́рога сафьяну заморскаго.
Хо́роша шитья новоторскаго.
Носъ-отъ шиломъ — пята востра,
Около носу яицо́ покатѝ,
Подъ пяту солове́й пролетѝ.
Кони подъ нима́ были латынскіе,
Узды повода сорочинскіе,
Сѣделышка бы́ли чиста золота.
Кони бѣжа какъ соколы летя.
Та толпа къ нимъ на дворъ пришла,
Новая изъ поля появляется:
Ѣдетъ молодцовъ до четы́рехъ сотъ,
Всѣ молодцы одноличные.
Въ той толпѣ превеликіе,

Ѣдетъ Чурило сынъ Плёнковичъ.
Ѣдетъ Чурило на трёхъ лошадя̀хъ,
Съ лошади на ло́шадь переска́киваё,
Изъ руки́ въ руку копье́ переме́тываё.
Князь-де Владиміръ испужается:
— Какая-то невѣжа появляется,
— Не проситъ ли въ поле поединщика? —

(Дальше не знаетъ).

Запис. тамъ же 14 августа.

XLIX.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Филиппъ Васильевичъ Патрикѣевъ, изъ дер. Дородницкой на Почезерѣ, крестьянинъ-земледѣлецъ, 40 лѣтъ отъ роду. Знаетъ только двѣ былины, которымъ научился отъ своей матери, въ настоящее время дряхлой 70-лѣтней старухи.

252.

МИХАЙЛО ДОРОДОВИЧЪ.

По за Кіевомъ не ясёнъ соколъ въ перелётъ летитъ,
По той пути дорожкѣ широкіе,
Туды ѣдё Михайло Дородовичъ,
На своёмъ-то на бурушкѣ косматенькомъ.
У бурушка шерсть была трёхъ пядей,
И грива у бурушка трёхъ локотъ,
И фостъ у косматаго трёхъ сажонъ.
И билъ онъ коня по конинному,
И билъ онъ коня по тучнымъ бокамъ,

И по тучнымъ-то бокамъ по востры́мъ ребрамъ.
И пошёлъ этотъ бурушко косматенькой,
И во всю пору-мѣть лошадиную,
И ископыть мечё конинную,
И по-повыше лѣсу онъ жароваго,
И по-пониже онъ облака ходячаго.
И рѣки озёра перескакивалъ,
И топучи мѣста промежъ ногъ пустилъ,
И выѣзжаё Михайло Дородовичь
На ту ли на гору Сорочиньскую,
И здрѣлъ-смотрѣлъ въ трубку подзорную,
И увидѣлъ Михайло три знамечка:
И перво-то знамё бѣлымъ-бѣло,
Да другое было знамё черны́мъ-черно,
И третьё-то знамё красны́мъ-красно.
И поѣхалъ Михайло Дородовичъ
И къ тѣмъ ко трёмъ-то онъ знамечкамъ,
И пріѣхалъ Михайло Дородовичъ
И ко этымъ трёмъ онъ ко знамечкамъ.
И бѣлымъ-бѣло знамечко — бѣлъ шатёръ,
И чернымъ-черно́ знамечко — добрый конь,
И краснымъ-красно знамечко — добрый мо́лодецъ,
И лежитъ онъ бо́льнё пора́нёной.
И спрашиватъ Михайло Дородовичъ:
«И ты труднéй-то больнéй добрый молодецъ!
«Ужъ какъ гдѣ ты былъ бо́льнё пораненой?»
— Ужъ какъ былъ во лугахъ во кургановыхъ,
— Бился-дрался съ поганыма татарами,
— И тутъ меня больнё поранили.
— И росчитывалъ раны кровавые:
— И коя была рана отъ туга лука,
— И друга была рана отъ востра копья,
— И третья была отъ палици булатніи. —
И не синеё морё сколыбалосе,

У Михайлы ли сердце розгорѣлосе,
И поѣхалъ Михайло Дородовичъ
И на ту ли на площадь широкую,
И на тѣ на луга на кургановы,
И на то ли болото куликово,
И на ту ли на плашку на липову,
И на ту ли на казень на смертную.
И началъ Михайло помахивать,
У туга лука тетивка срываласе,
И востро копьё потупилосе.
И фатилъ онъ татарина за ноги,
И началъ татариномъ помахивать.
И впередъ онъ махнё — улица́ стоитъ,
И татаринъ-отъ гнется не ломится,
И на жилкахъ татаринъ подавается.
И всѣхъ онъ татариновъ повырубилъ,
Не оставилъ единого на сѣмена.

Запис. на Кенозерѣ 15 августа.

253.

РЕВНИВЫЙ МУЖЪ.

И женился князь во двѣнадцать лѣтъ,
Онъ ли бралъ княгину девяти годовъ,
Онъ ли жилъ съ княгиной ровно три годы,
На четвёртой годъ онъ гулять пошолъ.
Онъ гулялъ, гулялъ да ровно три́ годы,
На четвёртой годъ онъ домой пошолъ.
И идё онъ по полю по чистому,
Встрѣтилось ёму двѣ старицы,
И двѣ старицы двѣ чёрноризицы,
И спрашиватъ князь у тѣхъ старицей:
«Вы давно ли давно ли съ моего двора,

«Съ моего двора съ княженецкаго?»
— Мы топерь, топерь да топерёшенько,
— Съ твоего двора съ княженецкаго. —
«А здорово ли стоитъ мой высокъ терёмъ,
«И здорово ли живутъ добры конюшки,
«И здорово ли живутъ чайны чашечки,
«И здорово ли пьяны питьица,
«И здорово ли живутъ и цвѣтны платьицо,
«И здорово ли живётъ молода жена?»
На отвѣтъ-то дёржа и ты старицы:
— Твой высокъ терёмъ покося́ стоитъ.
— Добры кони да всѣ заѣзжены,
— И чайны чашечки да всѣ исприбиты,
— И пьяны питьица да всѣ исприпиты,
— Цвѣтны платьица да всѣ изношены,
— Молода жена во терему́ сидитъ,
— Во терему сидитъ колубе́нь качатъ. —
И не синёё-то море всколыбалосе,
У князя сердце розгорѣлосе.
И приходитъ князь къ своему двору,
Къ своему двору да княженецкому,
Топне ворота правой ноженкой,
Улетѣли тѣ ворота середи двора,
Середи двора да княженецкого.
Вышла княгина на круто крыльцо,
Въ о́дной тоненкой рубашкѣ безъ ни́тничка [1]),
Въ однихъ бѣленкихъ чулочкахъ безъ чеботовъ
Вынималъ тутъ князь востру сабельку,
А срубилъ у княгины буйну голову.
А во теремъ-отъ заходитъ колубе́ня нѣтъ,
Колубеня нѣтъ, всё пяла́ [2]) лежа.
Сколько шито было вдвое сплакано,

1) Сарафана. 2) Для вышиванья.

Все князья́ домоичёкъ дожи́дало.
Ужъ какъ тутъ ли князь да закручинился,
И сходилъ во конюшенку стоялую,
Добры кони не ѣзжены,
Лучше стараго да лучше прежняго,
Чайны чашечки да не прибитые,
Пьяны питьица да не припитые,
Цвѣтны платьица да не изношены.
И не синё море всколыбалосе,
А у князя сердце розгорѣлосе,
И заставалъ онъ князь и во чистомъ поли
Этыхъ старицей да чёрноризицей.
Вынимаетъ князь и востру сабельку,
Онъ срубилъ у старицъ буйну голову.

Запис. тамъ же 15 августа.

L.

ЛЯДКОВЪ.

Иванъ Михайловичъ Кропачевъ, болѣе извѣстный по прозвищу **Лядковъ**, крестьянинъ деревни Мамонова на Кенозерѣ, грамотный, 65 лѣтъ, высокій, сгорбленный старикъ съ сильною просѣдью. Заимствовалъ былины отъ своего отца, крестьянина-торговца, который зналъ очень много «старинъ» и превосходно ихъ пѣлъ; но отъ кого и гдѣ отецъ имъ научился, этого Лядковъ не знаетъ, потому что помнитъ отца только старикомъ. Когда онъ родился, отцу было 50 лѣтъ, умеръ же онъ въ глубокой старости лѣтъ 25 тому назадъ. Сынъ позабылъ многое изъ того, что̀ онъ прежде зналъ отъ отца, особенно съ тѣхъ поръ какъ научился грамотѣ отъ тетки-монастырки (это было лѣтъ 15 тому назадъ) и предался чтенію церковныхъ книгъ. Онъ прочелъ всю Библію, Четью-Минею, Прологъ, Златую Цѣпь, Маргаритъ и др.

Въ продолженіе 9-ти лѣтъ (въ концѣ 50-тыхъ и въ 60-тыхъ годахъ) Лядковъ былъ цѣловальникомъ и въ это время ему случилось бывать въ Каргополѣ, гдѣ онъ однажды встрѣтился съ г. Рыбниковымъ, который записа́лъ съ его словъ одну былину. Онъ означенъ въ его сборникѣ подъ именемъ «кенозерскаго цѣловальника». Развязавшись съ должностью цѣловальника, Лядковъ занялся опять крестьянствомъ, но, разоренный недавно пожаромъ, живетъ очень бѣдно. Былины поетъ не совсѣмъ пріятнымъ, хриплымъ голосомъ, но весьма складно.

254.

ВОЛЬГА И ЩЕЛКАНЪ.

Ди-ди-ди Волга рѣка̀,
Да широка-де мать рѣка̀,
Да подъ Казанъ̄ подошла,
Да пошире-то тово
Была подъ Вастракань.
Много Волга рѣка въ себя побра́ла̀,
Да поболѣ того ручьевъ вѣдь пожрала̀,
Негдѣ Добрынюшки прогуливатьсѧ̀,
Негдѣ Микитинцу проѣ́зживаться.
Да во славномъ во Тве́ри во городѣ,
Да на томъ ли то было на стули на зо́лотомъ,
Да й на томъ ли было реме́нчатомъ,
Да сидѣлъ туто царь-отъ Везвякъ сынъ Везвяковичъ.
Онъ сидѣлъ суды вѣдь разсуживаё,
Да слова онъ выговариваё,
Да князей-де бояръ онъ жалуё,
Онъ чинами ихъ, вотчинами.
Да ли Сеньшу на устьё послалъ,
А Щелкана-то Дудентьевича

Да тово-де пожаловалъ Тверíю-то городомъ,
Да ли Тверью-то славною,
Да ли Тве́рью богатою.
Да Щелканъ-отъ Дудентьевъ сынъ,
Да онъ съ улици бралъ-де по ку́рици,
Со двора онъ бралъ по коню.
У кого коня-то вѣдь нѣтъ,
У того онъ жену возьмё.
У кого-де жены-то вѣдь нѣтъ,
А тово-де самово возьмё.
Да у Щелканушка не вы́служишься,
Изъ двора-то вонъ не вырѣжешься.
Да тотъ ли то Щелканушко Дудентьёвъ сынъ,
Да царь-отъ Везвякъ сынъ Везвяковичъ,
Да они слыша нарожденье богатырское
Сильняго могучаго богатыря,
Да Вольву̀ сына Щесла́вьевича.
Да по той ли по Волги по рѣки,
Взяли-де рыбоньку бѣлуженку повы́ловили,
Окуня сарожку повы̀добыли,
Рябчика косачика повыстрѣляли,
Да лисицу куницу повыдавили.
Да тутъ Вольвушенька раждается,
Да Щелканушко кончается,
Да кончается Щелканова вотчина,
Да только ли Щелканушко живъ-то бывалъ.

Запис. на Кенозерѣ 12 августа.

255.

МИКУЛА СЕЛЯНОВИЧЪ И ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Да во славномъ городи Кіеви,
Да у младаго князя Владимира,
Былъ любимые племникъ Иванъ сынъ Годиновичъ.
Онъ ѣздилъ по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
Онъ сбиралъ дани пошлины,
Онъ со всѣхъ съ царей со всѣхъ королей,
Привозилъ-де во славный Кіевъ градъ,
Своему дядюшкѣ князю Владимиру.
Онъ-де набралъ много злата и серебра,
Да и набралъ много скатняго жемчуга,
Да и больше того онъ набралъ мѣди аравитскіе.
Котора была мѣдь аравитская,
Никогда она ни бусѣла[1]) и не ржавѣла,
Была дороже злата и серебра,
Дороже скатняго жемчуга.
Да за ту-де ево службу вѣрную,
Ево дядюшка князь Владимиръ стольне-Кіевской
Пожаловалъ Иванушку удѣломъ три города,
Которые были городы, сударь, славные.
Тамъ въ ихъ жили люди упрямые,
Да никому-де они не были покорные,
Некому не давали ни дани, ни пошлины,
Да и некрутской съ себя-де повинности.
Да Иванушку пожаловалъ князь Владимиръ эти городы.
Да поѣхалъ Иванъ сынъ Годиновичъ, [2])
Славной-отъ городъ былъ Курсовецъ,
А другой-отъ городъ Орѣховецъ,
А третьей городокъ былъ Орѣшечокъ.

---

1) Чернѣла. 2) Въ рукописи между строкъ (т. е. между 25 и 26 стихами) вписано въ двухъ строкахъ: «Изъ славнаго» | и «Въ эти». | *Ред.*

Набралъ съ собой онъ дружины хоробрые
Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Супротивъ себя голосомъ и волосомъ,
И рѣчью, походкой, пословицей,
И всей онъ поступочкой да молодецкою,
И выѣзжалъ-де Иванъ во чисто полё изъ Кіева.
Ѣхалъ онъ бѣлый день до вечера,
Услыхалъ что сошка въ поли поскрыпыватъ,
Ратные въ поли посвистыватъ.
Пристигала его на пути вѣдь темна ночь.
Спалъ онъ со своей дружиной хороброю
Всю темну ночь до бѣла́ свѣту.
Таже на другіе бѣ́лой день,
Слышитъ что сошка въ поли поскрыпыватъ,
Да и ратные въ поли посвистыватъ.
Наѣзжае онъ во чистомъ поли,
Что пашетъ ратные,
Сыры́е дубья выа́рыватъ,
А пни-де коренья валитъ въ борозду.
Поровнялся супротивъ ево Иванъ сынъ Годиновичъ,
Закричалъ громкимъ голосомъ:
«Тебѣ Богъ помочь, ратные!
«Что же ты пашешь на кобы́лици,
«Можно бы тебѣ было и коня за́вести».
Отвѣтъ ему дёржитъ ратные:
— Да моя-та кобы́лица
— Да буде лучше твоево коня.
Говоритъ ему Иванъ сынъ Годиновичъ:
«Почему же твоя кобылица лучше моево коня?»
— Потому она лучше твоево коня,
— Ей у мня дано прозванье «Унеси-голова».
— Когда я былъ во городи Курсовци,
— Купилъ я два куля соли Курсовской,
— Да оны были кулья вѣсу два девяносто пудъ.

— Да хоша злы были мужичоночка Курсовци,
— Да и зляе тово-де Орѣховци,
— Хотяли у меня мужичоночка соль отнять,
— Соль отнять и самого убить,
— Я бралъ куль подъ пазуху,
— Другой подъ другую,
— Садился я на свою на кобы́лицу,
— Только видѣли они меня-де саждаючи,
— Да не могли-то меня увидать поѣзжаючи. —
Тогда говорилъ-де Иванъ Годиновичъ
Къ ратному да таково слово:
«А й же ты, ратные, какъ тебя зовутъ по имени?»
Въ отвѣтъ ратной слова держалъ:
— А й же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
— Когда я пашу во чистомъ поли,
— Тогда называютъ меня люди ратнымъ.
— А когда приде весна-та красная,
— Будутъ мужички-де ко мнѣ ходить,
— Да ко мнѣ ходить да у мня и хлѣбъ купить,
— Да тогды меня зовутъ величаютъ по имени,
— Да Микула да сынъ я Селяновичъ.
— А я тебя-де спрошу, Иванъ Годиновичъ,
— Ты куда идешь-ѣдешь, куда путь держишь? —
Говоритъ-де Иванъ сынъ Годиновичъ:
«Я иду ѣду во славные городъ во Курсовецъ,
«Да й во славные городъ Орѣховецъ,
«Да й во малый городокъ-де Орѣшечокъ.
«Мнѣ пожаловалъ дядюшко Владимиръ князь,
«Покорить-то и съ нихъ дани побрать».
Говоритъ-де Микула Селяновичъ:
— А й же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
— Да тѣ много меня мужики вѣдь прогнѣвали,
— Я желаю тебѣ ѣхать на́ помочь.
— Да вели-тко ты Иванъ сынъ Годиновичъ

— Своей-то дружины хоробрые,
— Да обрать мою соху ратную съ борозды,
— Да обрать соху въ край снести,
— Чтобы не украли ей воры разбойники. —
Приказалъ-то Иванъ-отъ Годиновичъ,
Да своей-то дружины хоробрые,
Да обрать соху ратного,
Да соху въ край снести.
Да ихъ тридцать-то удалыхъ добрыхъ мо́лодцовъ,
Пришли обирать соху ратного,
Да не могли сохи они съ мѣста двигнути,
Да не то что имъ соха въ край нести.
Говорилъ-то Микула Селяновичъ:
— А й же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
— Да не почто везёшь дружину хоробрую. —
Подходилъ онъ къ своей сохѣ ратные,
Какъ поднялъ соху на руки,
Да онъ бросилъ-де сошку подъ облаки,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты прощай моя сошка ратная,
— Да болѣ мнѣ-ка вѣкъ на тебѣ и не пахивать. —
Какъ пріѣхали Иванъ сынъ Годиновичъ,
Да й Микула сынъ Селяновичъ,
Да во тотъ ли славной-отъ городъ во Курсовецъ,
Да й во славныя городъ Орѣховецъ,
Да й во тотъ городокъ во Орѣшечокъ,
Какъ собрались мужики къ имъ станичами,
Да учинили мужики съ нима великій бой.
Какъ начали онѣ-де поѣзживать,
Да й Микула съ Иваномъ поскакивать,
И мужичковъ стали шалыгами пощалкивать.
Хоша злы мужичоночка Курсовци,
А злѣе тово-де Орѣховци,
Да видя они что дѣлать буде нечево,

Тутъ мужики покорилисе,
Да й Микулы съ Иваномъ поклонилисе.
Съ той поры стали они да́нь платить,
Ко князю Владимиру во Кіевъ градъ.
И тѣмъ-то у ихъ дѣло кончилось.

Запис. тамъ же 12 августа.

256.

ЖЕНИДЬБА ИВАНА ГОДИНОВИЧА.

Во славномъ во Кіеви было во городи,
Былъ сильніе славные богатырь
Иванъ сынъ Годеновичъ.
Ѣздилъ онъ по всѣмъ землямъ,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
И во многіе земли невѣрные,
Сучинялъ-де онъ войска великіе,
Онъ царей устрашалъ и богатыре́й убивалъ,
Множество городовъ въ полонъ побралъ,
Роспространялъ онъ землю Россійскую.
Былъ онъ во той земли да во Индіи богатые,
Увидалъ у гостя Митрія торговаго,
У купця у Индійскаго,
Его дочерь прекрасну красавицу,
Молодую Настасью Митріевну.
Какъ очи-ты у ей были какъ яснаго сокола,
А брови-ты у ей были какъ чернаго соболя заморскаго.
Рѣчь-та у ей была бѣлой лебеди кыку́чіе,
А походочка у ей была птици павиные.
Захотѣлъ онъ-де на Настасьѣ Митрѣевной свататься,
Приходилъ-де онъ въ полату къ купцу гостю Митрію торговому,

Онъ-де пришолъ безъ докладу и бéзспрося,
То-де купцю Митрію не показалосе.
Онъ бьё Иванъ челомъ гостю Митрію торговому
О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ:
«А й же ты гость Митрій торговые!
«Есть у тебя вѣдь прекрасная дочь красавица,
«Красавица Настасья Митрѣевна,
«Ты пожалуй отдай за меня замужъ».
Говорилъ гость Митрій торговые неразумную рѣчь:
— А й же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
— Да у насъ изъ Индíи богатые,
— Да за тебя-де во Кіевъ градъ,
— У мня на двори и собачка не выросла. —
Да й немного Иванъ спрашивалъ,
Да й не горазно купцёмъ розговаривалъ,
Онъ бралъ-де Настасью Митрѣевну за бѣлы руки,
Повёлъ-де онъ во чисто полё.
Говорилъ ему гость Митрій торговые:
— А й же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
— У меня вѣдь есть дочка просватана,
— За тово за царя за Кощуя Трипетова. —
Выѣзжаетъ Иванъ во чисто полё
Со прекрасной Настасьей Митрѣевной,
Онъ силу армію да впереди послалъ
Ко славному Кіеву городу,
Самъ-де лёгъ опочинуть во бѣломъ шатри,
Да онъ хотѣлъ ли съ прекрасной дѣвицей забавиться.
Да въ ту пору не стукъ стучитъ, не пыль пылитъ | Во чистомъ поли,
Ѣде поганый Кощуй сынъ Трипетовой.
Увидалъ-де Ивана съ Настасьей въ бѣломъ шатри,
Закричалъ-де онъ громкимъ голосомъ:
«Стой же Иванъ сынъ Годиновичъ!
«Да ты не всѣмъ повладѣлъ-де Настасьей Митрѣевной,

«Какъ она вѣдь есть моя Богомъ сужена,
«За меня у отца вѣдь просватана.
«Поѣдемъ-ко мы нынь во чисто́ полё,
«Сядемъ мы съ тобой на добры́хъ коней,
«А мы сдѣламъ надъ Настасьей великой бой.
«Да которому достанется прекрасна красавица
«Настасья Митреевна,
«Тому-де она буде молодой женой».
Выѣзжали они во чисто поле на добрыхъ коняхъ,
Другъ на друга разъѣхались,
Копьями ударились,
У ихъ копья въ кольца согнулисе.
Они саблями ударились,
У ихъ сабли поломилисе,
Сами отъ удару на землю валилисе.
Имѣли на земли они рукопашной бой,
Ушибъ-де Иванъ Кощуя о сыру землю,
Сѣлъ-де Кощую на бѣлу грудь,
Самъ говорилъ таково слово:
— А й ты прекрасна красавица
— Настасья Митрѣевно!
— Подай ты мнѣ вострой булатній ножичокъ,
— Я роспорю Кощую груди бѣлые,
— И выну ёму сердцо ретивоё. —
Кощуй подъ низомъ лежитъ,
Говоритъ Кощуй да не съ упадкою:
«А й же ты Настасья Митрѣевна!
«Ты подумай нынь своимъ разумомъ:
«Какъ за Иваномъ жить, дакъ те служанкой слыть,
«А за мною быть, дакъ те царицей слыть.
«Будутъ земли покорятисе,
«Добры люди поклонятисе.
«А бери-ко ты Ивана за желты кудри,
«Тащи-ко ты Ивана съ моей груди бѣлые».

Тутъ Настасьюшка раздумалась,
Брала-де Ивана за желты кудри,
Тащила-де она съ груди Кощуевой.
Выставалъ-де Кощуй со сырой земли,
Онъ беретъ тетивки шелковыи,
Связалъ-де Ивану ручки бѣлые,
Да завязалъ онъ крѣпко ножки рѣзвые.
Положилъ онъ Ивана подъ сы́рой дубъ,
Онъ поставилъ противо ножищо-кинжалищо,
Говорилъ-де онъ таковы слова:
«Вотъ тебѣ Иванъ сынъ Годиновичъ
«Тебѣ буде тутъ скора смерть,
«А я пойду съ Настасьей Митрѣевной въ бѣлой шатеръ,
«Я пойду позабавлюсе».
Да зашолъ-де Кощуй во бѣлой шатеръ
Со прекрасной красавицей,
Со Настасьей Митрѣевной.
Лежитъ-де Иванушко Годиновичъ,
Да подъ тѣмъ ли подъ дубомъ подъ сырымъ,
Да отъ желанья Иванъ Богу молится,
Чтобы Ивану отъ смерти избавиться.
Налетѣли на шатеръ на Кощуевъ вѣдь
Да два сизыхъ два голубя,
А не два голубя налетѣло два ангела,
Поразили Кощуя смертью скорою,
Только Кощуй вѣдь Трипетовъ и живъ бывалъ.
Оставаласе Настасья единéшенька,
Выходила она изъ бѣла шатра,
Приходила къ Ивану Годиновичу,
Брала она отъ сырой земли въ руки острой ножъ.
Сама говорила Ивану таково слово:
— А й же ты молодый Иванъ сынъ Годиновичъ!
— Ты возьмешь ли нынь меня Настасью за себя замужъ?
— Если ты взять обѣщаешься,

— То я розрѣжу тетивки шелковые
— На твоихъ на бѣлыхъ рукахъ,
— А нѣтъ дакъ предамъ те смерти скорые. —
Да Иванъ на земли лежитъ,
Говоритъ Иванъ да не съ упадкою:
«А й же ты Настасья Митрѣевна!
«Я возьму тебя за себя замужъ,
«Только я тебѣ дамъ три грозы превеликіе:
«Перву грозу — отрублю ручки бѣлые,
«Другу́ю грозу — отсѣку ноги рѣзвые,
«А третью грозу — отсѣку твою буйную голову,
«Да и вырѣжу все твое доброё».
Таковыхъ угрозъ Настасья испугаласе,
Опустила ножъ изъ бѣлыихъ рукъ,
Палъ-де къ Ивану по тетивкамъ шелковыимъ,
Онъ розрѣзалъ у Ивапа на рукахъ тетивки шелковые.
Тутъ-то Иванъ сынъ Годиновичъ отъ земли возсталъ,
Бралъ-де онъ Настасью Митрѣевну за бѣлы руки,
Отсѣкъ онъ ей ручки бѣлые,
Самъ говорилъ таково слово:
«Эты мнѣ ручки не надобно,
«Обнимали поганаго Кощуя Трипетова».
Отрубилъ ножки рѣзвые,
Самъ говорилъ таково слово:
«Да этые ножки мнѣ не надобно,
«Оплетали Кощуя Трипетова».
Да отрѣзалъ ей уста тѣ сахарніе,
Самъ говорилъ таково слово:
«Этые уста мнѣ не надобно,
«Цѣловали Кощуя Трипетова».
Да ископалъ-то у Настасьи очи ясные,
Да отсѣкъ-де у ей буйну голову,
А только-то Иванушко и женатъ бывалъ.

[Запис. тамъ же 12 августа].

257.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Во славномъ во Кіеви городи,
Былъ сильніе славные богатырь Илья Муромецъ.
Онъ ѣздилъ да́лече дале́че во чистомъ поли,
Онъ ѣздилъ много времени.
Цвѣтно платье ево истаскалосе,
Золота казна у ево издержаласе.
Пріѣзжаё во Кіевъ градъ,
Захотѣлъ онъ съ пути-дорожки опохмѣлиться,
Приходитъ онъ во царевъ кабакъ,
Говоритъ чумакамъ чѣловальникамъ:
«А й вы братцы чумаки чѣловальники!
«Я ѣздилъ долго въ чистомъ поли,
«Цвѣтно платье у мня истаскалосе,
«Золотая казна у мня издержаласе,
«Я желаю теперь съ пути опохмѣлиться,
«Со своими людьми познакомиться.
«Вы позвольте мнѣ три бочки сороковые
«Зелена вина безденежно».
Говорятъ чумаки чѣловальники:
— А й ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Да не дадимъ мы безъ денегъ зелена вина. —
Да не много-то Илья у ихъ спрашивалъ,
Да не много съ нима разговаривалъ.
Приходилъ онъ ко подвалу кабачному,
Онъ пиналъ правой ногой во двери подвальніи,
Бралъ онъ бочку сороковую подъ пазуху,
Да другу́ю бралъ подъ другу́ю,
Третью бочку онъ ногой катилъ.
Выходилъ Илья да на зеленый лугъ,
Закрыкалъ онъ во всю голову человичію,

Во всю силу свою богатырскую,
Онъ зычнымъ громкимъ голосомъ:
«А й вы братцы мои пьяницп,
«Да вы голи кабацкіе,
«Кабацкіе голи мужички деревенскіе!
«Вы пожалуйте ко мнѣ на зеленый лугъ,
«Да вы пейте у мня зелена вина до́ пьяна,
«Да вы молите Бога за стараго».
Да собиралисе пьяницп голи кабацкіе,
Мужики деревенскіе на зеленый лугъ,
Они пили вино да и безденежно.
Да чумаки чѣловальники
Не могли у Ильи отнять зелена вина.
Да Илья-то Муромецъ скидалъ съ себя шубу соболиную,
Обливалъ эту шубу зеленымъ виномъ,
Самъ волочилъ по лу́жечку зеленому,
Онъ ко шубы приговаривалъ:
«Уливайся, моя шуба, зеленымъ виномъ.
«Судитъ ли мнѣ Богъ волочить собаку царя Галина
«Да по этому лужечку зеленому,
«А ёму отъ моихъ бѣлыхъ рукъ плакати».
Услыхали эти рѣчи чумаки чѣловальники,
Приходили ко князю Владимиру,
Они били челомъ низко кланялись.
— Да ужъ ты нашъ свѣтъ государь-де Владимиръ князь!
— Да мы не знаемъ у насъ вчера какое чудо сотворилосе,
— Да не знаемъ кто пришолъ:
— А чертъ ли пришолъ, али водяной пришолъ
— Къ намъ на царевъ кабакъ.
— Онъ просилъ зелена вина безденежно
— Три бочки сороковые,
— А мы безденежно ёму вино не́ дали.
— Да онъ не много у насъ спрашивалъ,
— Да не горазно съ нами разговаривалъ,

—Шолъ ко подвалу кабачному,
—Онъ пиналъ-де во двери подвальніе правóй ногой,
—Бралъ онъ бочку сороковую подъ пазуху,
—А другую бралъ бочку подъ другую,
—Да третьюю бочку ногой катилъ.
—Да й выходилъ онъ сударь на зеленый лугъ,
—Закричалъ-де онъ громкимъ голосомъ,
—Во всю голову человическу,
—Во всю силу свою богатырскую:
—А й вы братцы мои вы товарищи,
—Пьяници голи кабацкіе,
—Мужички деревенскіе:
—Вы пожалуйте ко мнѣ на зеленой лугъ,
—Да вы пейте у мня зелена вина безденежно.
—Приходили тутъ пьяници голи кабацкіе,
—На зеленой лугъ,
—Роспоилъ онъ вино имъ безденежно,
—Да ски́налъ съ себя шубу соболиную,
—Да уливалъ эту шубу зеленымъ виномъ,
—Да й волочилъ по лужечку зеленому,
—Да онъ ко шубы приговаривалъ:
—Да уливайся, мой шуба, зеленымъ виномъ,
—Да судитъ ли мнѣ Богъ волочить собаку князя Владимера
—Да по этому лугу зеленому.
—Да намъ нечѣмъ сударь Владимиръ князь,
—Нечѣмъ буде за вино разсчетъ держать.—
Воскричалъ князь Владимиръ стольне-Кіевской
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Посадить его въ погребъ глубокіе,
«Въ глубокъ погребъ да сорока саженъ.
«Не дать ему не пить не ѣсть да ровно сорокъ дней,
«Да пусть онъ помрётъ собака и съ голоду».
Какъ узнала про это честная вдовица княгиня Апраксія,
Что посаженъ Илья Муромецъ да во глубокъ погрёбъ,

Она сдѣлала подкопъ ту тайную,
Да во тотъ ли погребъ глубокіе,
Кормила поила Илью ровно сорокъ дней.
Да прошолъ туто слухъ по всѣмъ землямъ по всѣмъ ордамъ,
Да прознали то всѣ короли иностранные,
Что не стало во Кіеви во городи
Славнаго богатыря Ильи Муромца.
Изъ той земли изъ Корельскіе
Подходилъ тутъ подъ Кіевъ градъ
Собака Галинъ царь,
Со своей силой арміей.
Да й не много не мало было силы нагонено,
Да колько было въ лиси лѣсу стоячаго,
Да й на лѣсочку-то прутья вѣсучаго,
А на прутьяхъ листочку зеленаго.
Онъ пишё во Кіевъ градъ ко князю Владиміру,
Да ли пишё къ ему со угрозами:
— А й ты князь Владимиръ стольній-Кіевской!
— Ты пожалуй-отдай добромъ мнѣ Кіевъ градъ,
— Безъ бою-то драки великіе.
— А если добромъ не дашь Кіева,
— То я возьму его силою,
— Я князей бояръ твоихъ всѣхъ повырублю,
— Да и княгины боярыней живыхъ въ полонъ возьму,
— А тебя князя Владимира
— Предамъ смерти скорые. —
Тѣхъ-то угрозъ Владимиръ князь испугается,
Объ Ильи Муромци схватается.
«Какъ бы былъ у мня живъ несудимый богатырь Илья Муромецъ,
«Да я не слышалъ бы я этой угрозы великіе».
Да приходитъ честная вдовица княгиня Апраксія
Ко князю Владимиру.
Она бьетъ челомъ да й поклоняется:

— Да ужъ ты свѣтъ государь нашъ Владимиръ князь!
— Да ты прости меня я виновата есть:
— Да живъ-то Илья да вѣдь Муромецъ,
— Онъ сидитъ во тёмномъ во погреби.
— Я сдѣлала подкопь тутъ тайную
— Да во тотъ ли во погребъ глубокіе,
— Я поила кормила его сорокъ дней. —
Да говоритъ ей Владимиръ князь:
«А й же ты честна́я вдова княгина Апраксія!
«Если правду говоришь до люби буду жаловать,
«А если нѣтъ жива, буду казнить твою голову».
Приходилъ князь во погребъ глубокіе,
Тотъ погребъ сорока саженъ.
Онъ приходитъ къ Ильи поклоняется,
Говорилъ-то Владимиръ Ильи таковы слова:
«Ты прости, сударь Ильюшенка, во пе́рвой вины,
«Этому дѣлу были виновны чѣловальники».
Да приходитъ во погребъ честная вдова княгина Апраксія,
Да приходитъ Ильи поклоняется:
— А й же ты сильній богатырь Илья Муромецъ!
— Послужи ты за вѣру христіанскую,
— Да и за землю россійскую,
— Да за славный за Кіевъ градъ,
— За вдовъ за сиротъ за бѣ́дныхъ людей,
— За меня молодую княгину Апраксію,
— Да за князя за стольнего Владимира. —
Говоритъ тутъ Илья-де вѣдь Муромецъ:
«А й же ты честная княгиня вдовица Апраксія!
«Я иду служить за вѣру христіанскую,
«И за землю россійскую,
«Да и за стольніе Кіевъ градъ,
«За вдовъ, за сиротъ, за бѣ́дныхъ людей.
«И за тебя молодую княгину вдовицу Апраксію.
«А для собаки-то князя Владимира,

«Да не вышелъ бы я вонъ изъ погреба».
Выходилъ-то Илья изъ погреба глубокаго,
Онъ сѣдлалъ-уздалъ своево коня добраго,
Онъ садился на добра коня,
Бралъ онъ въ руки шалыгу желѣзную,
Да желѣзну шалыгу дорожную,
Да котора была вѣсу ровно сто пудовъ.
Да поѣхалъ онъ во чисто́ полё,
Гдѣ стояла сила собаки царя Галина.
Только видѣли молодца на коня вѣдь саждаючи,
Да не увидѣли куда его поѣдучи.
Онъ какъ взялъ этой шалыгой помахивать,
Да и по татарамъ пощалкивать,
Дакъ куда ли махнё — улица́ падё,
А назадь отмахнё — переулици,
Да иснрибилъ онъ всѣхъ до единаго.
Пріѣзжалъ ко шатру-де онъ царскому,
Да онъ берётъ-де въ полонъ самого царя Галина,
Предалъ его смерти скорые.
Да тѣмъ рѣшилосе царство татарскоё,
Покорилась земля-де Корельская.
Да стольнёму князю Владимиру,
Да стали тата́ровя
Съ той по́ры дань платить,
И тѣмъ это дѣло прикончилось.

Запис. тамъ же 13 августа.

258.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Изъ-подъ бѣлые березки кудревастенькіе,
Изъ-подъ чуднаго креста Деванделидова
Шли туто четыре гнѣды́е туры,

Гнѣдые туры олени златорогіе.
Они шли-де бѣжали мимо Кіевъ градъ,
Они видѣли надъ Кіевомъ городомъ
Чудо ли чудноё, диво ли дивное:
Да на той ли стѣны городовыи,
Да стоитъ-то дѣвица душа красная,
Держитъ она въ бѣлыхъ-де рукахъ
Да святую книгу-де евангелье,
Колько читатъ, вдвоё плакала.
Да на стрѣчу турамъ йде турица златорогая:
«Да вы здравствуйте туры-де олени златорогіе!
«Да вы шли-де мимо Кіевъ мимо градъ:
«Что ли надъ Кіевомъ видѣли,
«Али что ли надъ городомъ слышали?»
— Да мы видѣли надъ Кіевомъ городомъ,
— Да ли чудо-то видѣли чудноё,
— Да ли диво-то видѣли дивноё.
— Да на той ли стѣны-де ограды городовые,
— Да стояла дѣвица душа красная,
— Да держала-де въ рукахъ Божью́ книгу,
— Али Божію книгу святое евангелье.
— Сколько читала, вдвое плакала. —
Возговоритъ турица златорогая:
«А вы глупые туры олени златорогіе!
«Да не дѣвица тутъ стояла душа красная,
«Да стѣна та-де ограда городовая.
«Она плакала о вдовахъ о сиротахъ о бѣдныхъ о головахъ».
Да на ту ли пору вре́мечко,
Да ко нашему городу Кіеву
Подходилъ-то вѣдь царь Батыга Батыговичъ,
Онъ привёлъ много силы-де арміи:
Колько было-де въ лиси лѣсу стоячево,
На лѣсочку-то прутья вѣсучево,
Да на прутьицахъ листьица зеле́ненькаго, —

Только у Батыги было силы нагонено.
Да во славномъ во Кіеви во городи
Сильныхъ славныхъ тѣхъ богатырей не лучплосе.
Самсонъ Святогоръ за сини́мъ за морёмъ,
Славные Илья-то вѣдь Муромецъ
Тотъ да́лече, дале́че во чисто́мъ во полѝ,
А Добрыня со Олёшкой у Макарья на желты́хъ на пескàхъ.
Только во Кіеви осталосе во городи
Одна-та вѣдь голь-та кабацкая,
Молодые Василей Игнатьёвъ сынъ.
Да въ младые лѣта онъ во двѣнадцать лѣтъ,
Да онъ пропилъ житьё-бытьё отеческо богачество,
Онъ ходилъ темной ноченкой,
Да за стѣну онъ ходилъ городовую.
Не путёмъ онъ ходилъ не дорогою,
Прямо онъ скакалъ черезъ башни наугольніи,
Выходилъ онъ во чисто́ во полё,
Приходилъ онъ ко Баты́гину шатрỳ.
Онъ убилъ у Батыги у царя у Батыговича,
Онъ убилъ у Батыгушки три́ головы̀,
Да которые головушки ни лучшенькіе:
Первую головушку — мила́ сынка,
А другу́ю-ту головушку — любимаго зятушка,
Да любимаго-то зятя Торокана Кара́никова,
А третью-ту головушку — большо́го дьяка,
Да большо́го-то дьяка ево здумщика.
Пишё-де Батыга ко князю ко Владимиру,
Али пишё Батыга со угрозами:
— А ты солнышко Владимиръ-де князь стольне-Кіевскіе!
— Кто-де теперь у тебя виноватой есть,
— Кто у мня убилъ-де три́ головы,
— Да которые головушки ни лучшенькіе:
— Первую головушку — мила́ сынка,
— А другу́ю-ту головушку — любимаго зятушка,

— Да любимаго-то зятя Торокана Кара́никова,
— А третью-ту головушку — большо́го дьяка,
— А большово-то дьяка моя здумщика,
— Нонь пришли ко мнѣ, сударь, виноватаго. —
Солнышко Владимиръ-отъ князь стольне-Кіевскіе
Собиралъ-де почестный пиръ
На многіе князя онъ на бояры,
Да й на сильни на могучи на богатыри,
Да на всѣ ли поляницы на удалые.
Говорилъ-де Владимиръ на пиру таково-де слово:
«А вы ли мо́и князи есть бояры,
«И всѣ вы мо́и сильни могучи богатыри,
«Всѣ тѣ поляничи удалые!
«Да ли кто ли изъ васъ винова́тъ сударь есть?
«Кто ли ночесь-де ходилъ тёмной ноченкой,
«Черезъ стѣну онъ ходилъ-де городовую,
«Не путёмъ онъ ходилъ не дорогою,
«Онъ-де прямо скакалъ черезъ башню науго́льнюю?
«Кто ли убилъ у Батыги царя у Батыговича
«Три головы которые головушки нп лучшенькіе:
«Первую головушку — мила́ сынка,
«А другу́ю-ту головушку — любимаго зятушка,
«Да любимаго-то зятя Торокана Кара́никова,
«А третью-ту головушку — большо́го дьяка,
«Да большо́го-то дьяка ево здумщика.
«Нынь ступай-ко ко Батыги со отвѣтами».
Да большой-отъ столъ тулился за середняго,
А середней столъ тулился за меньшаго,
А меньшово стола́-де князю отвѣту нѣтъ.
Да со той ли скамеечки дубовенькіе,
И за того ли стола изъ-за меньшаво,
Выставае каравульніе сторожъ вѣдь,
Онъ приходитъ ко князю ко Владимиру:
— А й ты солнышко Владимиръ князь стольне-Кіевскіе!

— Да я знаю ли кто у насъ виноватъ сударь есть.
— Есть у насъ во Кіеви во городи голь-та кабацкая
— Молодые Василей Игнатьёвъ сынъ:
— Да въ младые онъ лѣта во двѣнадцать лѣтъ,
— Онъ пропилъ всё отеческо житьё-бытье богачество,
— Онъ ходилъ-де тёмной ноченкой,
— Черезъ стѣну-ту ходилъ онъ городовую,
— Да не путёмъ онъ ходилъ не дорогою,
— Онъ-де прямо скакалъ черезъ башню наугольнюю.
— Онъ убилъ у Батыгушки три́ головы̀. —
Солнышко Владимиръ князь стольне-Кіевскіе
Доставае онъ Василья на почестенъ пиръ.
Приходитъ Василей на почестный пиръ,
Да онъ крестъ-отъ кладё по писаному,
А поклоны-ты ведё по учёному,
Да онъ князю-то Владиміру поклоняется въ особину:
«А й ты солнышко Владиміръ-де князь!
«Да не достоенъ я притти къ тебѣ на почестенъ пиръ».
Да возговоритъ Владиміръ-де князь:
— А й же ты Василей сынъ Игнатьевичъ!
— Да почто ты убилъ у Батыгушки три головы,
— Да которые головушки ни лучшенькіе?
— Нынь ступай-ко ко Батыгѣ со отвѣтами. —
Да отвѣтъ держитъ Василей Игнатьевъ сынъ:
«А й ты солнышко Владиміръ-де князь стольне-кіевскіе!
«Не могу я нынь итти ко Батыги со отвѣтамъ,
«Какъ болитъ у мня съ похмѣлья буйна́ голова,
«Да дрожа у мня съ похмѣлья всѣ жилья подколѣнныя.
«Да налей-ко ты мнѣ чарочку похмѣльную,
«Да опохмѣль-ко мою буйну голову
«Похмѣльною чарочкой зеле́наго вина,
«Этого вина полтора-де ведра,
«А другу налей пива-то пьянаго,
«А третью ты налей меду сладкого».

Наливалъ Владимиръ князь-де чару похмѣльную,
И сливалъ онъ питьё въ еди́ное мѣсто,
То вѣдь этого питья было полпята́ ведра.
Да принималъ то Василей чарочку еди́ною руко̀й,
Выпивалъ-то Василей на еди́ныя духъ,
Говорилъ-то Василей таково слово:
«Да топеречу Васильюшко поправился,
«Да спасибо тѣ царь Батыга Батыговичъ,
«Что пріѣхалъ ко нашему Кіеву городу,
«Да привёзъ ко мнѣ-ка чарочку похмѣльную.
«Не видать бы мнѣ-ка чарочки похмѣльные
«Да отъ ласкова князя Владимира».
Нонь пошолъ-де Василей во чисто́ во полё,
Да во чи́стое поле ко Батыгину шатру.
У собаки у царя у Батыги у Батыговича,
Нѣту на воротахъ-де Спасова образа,
Помолиться-то Васильюшку некому.
Онъ приходитъ ко Батыги во бѣ́лые шатѐръ,
Онъ приходитъ къ Батыги поклоняется.
Говоритъ-де вѣдь царь Батыга Батыговичъ:
— А й ты голь же кабачная,
— Молодые Василей Игнатьевъ сынъ!
— Да ты ли то топерь виноватый есть,
— Ты ли ночесь приходилъ ко мнѣ во бѣ́лой шатѐръ,
— Ты почто у мня убилъ-де вѣдь три головы
— Да которые головушки ни лучшенькіе:
— Первую головушку — мила́ сынка,
— Другу́ю ту головушку — любимаго зятушка,
— Да любимаго-то зятя Торокана Кара́никова,
— Третью ту головушку большо́го дьяка,
— Да большо́го-то дьяка моя здумщика. —
Возговоритъ Василей таково́е слово:
«Да помилуй-де царь Батыга Батыговичъ!
«Да моё-то вѣдь дѣло поднево́льноё,

«Да моё-то вѣдь дѣло подноча́льноё.
«Да ты прости, сударь, во пе́рвой вины,
«Да пожалуй мнѣ силы-де арміи три́ста тыся́чь,
«Я пойду-де подъ стольніе Кіевъ градъ,
«Да я скоро-де градъ въ полонъ безъ труда возьму.
«Да я знаю гдѣ-ка тонкая стѣна городо́вая,
«Да я знаю гдѣ-ка полы ворота ты не зало́женыѐ».
Да сдавался Батыга на Васильевы слова,
Давалъ-де Васильюшку силы три́ста тыся́чь,
Да выходилъ-то Василей во чисто́ во полѐ,
Да выводилъ-де онъ силушку Батыгина,
Да бралъ онъ-де татарина за ноги,
Да какъ началъ онъ татариномъ помахивати,
Куды-де махнё — улица́-де падё,
Отмахнё-де — переулочки,
Да исприбилъ онъ татаръ всѣхъ до еди́наго.
Да пошолъ онъ ко Баты́гину шатру̀,
Ко Батыги ко царю ко Баты́говичу,
Увидалъ-то Батыга Василья едине́шенька,
Да садился Батыга на добраго коня,
Да поѣзжалъ онъ въ свою-де вѣдь сторону.
Проговорилъ Батыга таково-де слово:
— Да унеси-тко Господь буйну голову,
— Да отъ стольнёго города отъ Кіева,
— Да отъ молода Василья отъ Игнатьевича.
— Да не дай болѣ Богъ бывать подъ Кіевомъ,
— Да не дѣтямъ моимъ, де не внучатамъ,
— Да не роду моему де не племени. —
Только-то Батыгушка подъ Кіевомъ бывалъ.

Запис. тамъ же 11 августа.

259.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Молодый Василей Буславьевичъ,
Да во млады лѣта былъ восемнадцать лѣтъ,
Заводилъ онъ почестенъ пиръ —
Изобрать себѣ дружина хоробрая.
Много на пиръ народу къ Василью съѣзжалосе.
Выходилъ то Василей преже пиру на широкой дворъ,
Говорилъ-то Василей таково слово:
«Кто хочё къ Василью на пиру вѣдь быть?»
Бралъ-то Василей въ руки черлёный вязъ,
Ударялъ народъ по рѣзвымъ ногамъ:
Кто отъ удару ево выстоитъ,
Тотъ ему буде дружина хоробрая.
Перебилъ онъ народу многи тысячи,
Только нашлося дружина хоробрая.
Ѳома толстородливой,
Да Костя Бѣлозе́рянинъ,
Ванюша Новгоро́жанинъ.
Да пошли со двора мужики отъ Василья Буславьева,
Все идутъ со двора-де ругаючи,
Все Василья проклинаючи.
— Да упито было у вора Василья не уѣдено,
— Да и въ красни́ въ хорошѣ́ не ухожено,
— Только на вѣкъ безвѣчья züлизено. —
Услыхалъ-де солнышко Владимиръ князь да стольне-Кіевской,
Созывалъ онъ Василья къ себѣ на почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру напивалисе,
Да многіе люди на пиру поросхвастались:
Умной-отъ фастатъ отцемъ матерью,
А богатой-отъ фастатъ золотой казной,

А глупой-отъ фастатъ молодой женой.
А Василей-отъ Буславьевичъ,
Съ молодого ума разума,
Воспроговорилъ-то онъ словечушко глупое:
«А й ты князь Владимиръ стольне-Кіевской!
«Я могу итти биться-драться со всѣмъ Новы́мъ-градомъ,
«Со своею дружиной хороброю,
«Опричe двухъ манастырей Юрьева и Антоньева».
Ударились онѣ о великъ закладъ:
Если Василей побьётъ съ князя два ста тысячъ,
Если побьютъ мужики Новгорожана,
То Василью голова срубить.
Бой чинить на мосту на калиновомъ,
Да на славной на рѣчкѣ на Волхови.
Тутъ на пиру принапилисе,
Тутъ на пиру принаѣлисе,
Розошолся у князя почестенъ пиръ.
Приходилъ онъ Василей въ свои полаты бѣлокаменны,
Ложился онъ во спальню во тёплую,
Спалъ онъ съ хмѣлю тёмну ночь до бѣла́ свѣту,
Да не́ могъ пробудиться, прошло много бѣла дня.
Во ту пору биласе ево дружина хоробрая
На мосту на калиновомъ,
На той ли на рѣчкѣ на Волхови.
Малая дѣвушка чернавочка,
Васильёва вѣрна служаночка,
Мыла она бѣльё на рѣчкѣ на Волхови,
Выходила она съ коромысломъ дубовымъ,
На тотъ на калиновъ мостъ,
Убила она новгорожанъ до трёхъ вѣдь сотъ.
Приходила къ Василью во спальню во теплую,
Говорила она таково слово:
— А й же ты молодый Василій Буславьевичъ!
— А й же ты пьешь ѣси да проклажаешься,

— Али сладко спишь забавляешься,
— А надъ собой ничего-де не знаешь не вѣдаёшь.
— У твоей-то у дружины хоробрые,
— На мосту на калиновомъ,
— Да на той ли на рѣчкѣ на Волхови,
— На бою ихъ головки проломаны,
— Да уже платками кушаками были завязаны. —
Пробужался Василій Буславьевичъ изъ велика сну,
Бралъ на двори онъ ось ту телёжную,
А телёжную ось ту дорожную,
Выходилъ-то Василій Буславьевичъ на калиновъ мостъ,
На ту ли на рѣчку на Волхово,
Говорилъ таковы слова:
«А й же вы моя дружина хоробрая!
«Поразстроньтесь, пораздвиньтесь на стороны,
«Чтобы мнѣ васъ не убить вмѣсто съ Новы-горожаны».
Какъ зачалъ Васильюшко осью помахивать,
Исприбилъ Новгорóжанъ онъ до единаго.
Былъ у Новгорóжанъ староста Ѳóма Родивоновичъ,
Шолъ въ манастырь-де онъ Юрьевской.
Упросилъ онъ-де старца сильня богатыря,
Посулилъ-де онъ старцу много золотой казны,
Чтобы онъ побѣдилъ-де Василья Буславьева, —
А этотъ старецъ былъ Василью крестный батюшко.
Да пошолъ-де старецъ на калиновъ мостъ,
Да на ту ли на рѣчку на Волхово,
Къ своему сыну крестному
Молодому Василью Буславьеву.
Онъ клалъ на свою голову колоколъ манастырскіи,
Который колоколъ былъ вѣсу ровно три тысячи.
Онъ идётъ-де колокольнимъ язы́комъ подпирается.
Тутъ калиновъ мостъ да подгибается.
Какъ поровнялся съ сыномъ крестнымъ,
Съ молодымъ-де Васильёмъ Буславьевымъ,

Говорилъ-де Василей таковы слова:
«А й ты собака мой крестные батюшко!
«Какъ безъ тебя было у насъ съ княземъ дѣло дѣлано,
«Да й безъ тебя были записи написаны.
«Да не дождался ты яичка отъ крестника о Христовѣ дни,
«Дакъ вотъ тебѣ нынь яичко о Петровѣ дни».
Какъ ударилъ его осью телѣ̈жною въ голову,
Роскололь колоколъ манастырскіи,
Который былъ вѣсу пудовъ три тысящи,
И проломилъ онъ у старца ево буйну голову.
Тѣмъ тутъ бой на мосту прекращается.
Получае Василей Буславьевичъ со князя Владимира
По залогу золоту казну до двухъ сотъ тысячъ.
Какъ Василей Буславьевичъ,
Со своей-то дружиной хороброю,
Получили они со князя залогъ золоту казну,
Пировали онѣ угощалисе
Ровно семь-де дёнъ.
Да отъ той-де великой отъ радости,
Послѣ этого пиру великаго,
Вышли на гору высокую,
Не могли никакъ у себя силы извѣдати.
Увидали на горѣ лежитъ сѣрые горючіе камешокъ,
Въ долину камéнь да сорокá саженъ,
Въ ширину камень да двадцати саженъ,
Въ толщину камень да десяти саженъ.
Брали они въ руки копья долгомѣрныя,
Скакали они поперекъ сѣра горючаго камешко.
Да захотѣлось скакать вдоль сѣра угрюмаго (sic) камешка.
Да мало того Василью показалосе,
Говорилъ-то своей дружинѣ хоробрые:
«А й же вы моя дружина хоробрая!
«Вы скачите вдоль камешка напередъ лицомъ,
«А я буду скакать назадь лицомъ».

Какъ скочилъ-де Василей назадь лицомъ,
Вдоль сѣра горючаго камешка,
Какъ перенёсъ ножку правую,
А задѣлъ ножкой лѣвою,
Да упалъ-де Василій о сыру землю,
Только-де Васильюшко тутъ живъ бывалъ,
Получилъ тутъ Васильюшко скору смерть.
Оставалась дружина хоробрая:
Ѳома толстородливой,
Костя Бѣлозе́рянинъ,
Да Ванюша Новгоро́жанинъ.
Да тому молодцу такова слава,
А тѣмъ дѣло всё ихъ кончилось.

Запис. тамъ же 12 августа.

260.

АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА.

Славные старые король Бахметъ Турецкіе,
Воевалъ онъ на землю Россійскую,
Добывалъ онъ старые Казань городъ подлѣсные.
Онъ-де стоялъ подъ городомъ
Со своей силой-арміей,
Много поры этой было времени,
Да й розорилъ Казань городъ подлѣсные,
Розорилъ Казань-де городъ на-пусто.
Онъ въ Казани князей бояръ всѣхъ вырубилъ,
Да и княгинь боярыней
Тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ.
Полонилъ онъ народу многи тысячи,
Онъ повёлъ-де въ свою землю Турецкую,
Становилъ на дороги три заставы великіе:

Первую заставу великую —
Напускалъ рѣки, озёра глубокіе;
Другую заставу великую —
Чистые поля широкіе,
Становилъ воровъ разбойниковъ;
А третьюю заставу темны́ лѣсы —
Нáпустилъ звѣ́рьёвъ лютыихъ.
Только въ Казани во городи
Оставалась одна молодая жонка Авдотья Рязаночка.
Она пошла въ землю Турецкую
Да ко славному королю ко Бахмету Турецкому,
Да она пошла полону просить.
Шла-де она не путёмъ, не дорогою,
Да глубоки ты рѣки, озёра широкіе
Тѣ она пловóмъ плыла,
А мелкіе ты рѣки, озёра широкіе,
Да тѣ ли она бродкомъ брела.
Да прошла ли она заставу великую,
А чистые поля тѣ широкіе,
Воровъ разбойниковъ тѣхъ о полдёнъ прошла,
Какъ о полдёнъ воры лютые,
Тѣ опочивъ держа.
Да прошла-де вторую заставу великую
Да темны ты лѣса дремучіе,
Лютыхъ звѣрей тѣхъ о полночь прошла,
Да во полнóчь звѣри лютые
Тѣ опочивъ держа.
Приходила во землю Турецкую
Къ славному королю Бахмету Турецкому,
Да въ его ли палаты королевскіе.
Она крестъ-отъ кладетъ по писаному,
А поклоны-ты ведё по учёному,
Да она бьё королю-де челомъ низко кланялась.
«Да ты осударь король-де Бахметъ Турецкіи!

«Розорилъ ту нашу стару Казань городъ подлѣсную,
«Да ты князей нашихъ бояръ всѣхъ повырубилъ,
«Ты княгинь наши́хъ боярыней тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ,
«Ты бралъ полону народу многи тысячи,
«Ты завёлъ въ свою землю Турецкую,
«Я молодая жонка Авдотья Рязаночка,
«Я осталасе въ Казани единешенька.
«Я пришла сударь къ тебѣ сама да изволила,
«Невозможно ли будетъ отпустить мнѣ народу сколько́ нибудь плѣннаго,
«Хошь бы своево-то роду племени?»
Говоритъ король Бахметъ Турецкіе:
— Молодая ты жонка Авдотья Рязаночка!
— Какъ я розорилъ вашу стару Казань подлѣсную,
— Да я князей бояръ я всѣхъ повырубилъ,
— Я княгинь боярыней да тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ,
— Да я бралъ по́лону народу многи тысячи,
— Я завёлъ въ свою землю́ Турецкую,
— Становилъ на дорогу три заставы великіе:
— Первую заставу великую —
— Рѣки, озёра глубокіе.
— Вторую заставу великую —
— Чистые поля широкіе,
— Становилъ лютыхъ воровъ разбойниковъ.
— Да третью заставу великую —
— Темны лѣса ты дремучіе,
— Напустилъ я лютыхъ звѣрей.
— Да скажи ты мнѣ жонка Авдотья Рязаночка!
— Какъ ты эти заставы прошла и проѣхала? —
Отвѣтъ держитъ жонка Авдотья Рязаночка:
«А й ты славныи король Бахметъ Турецкіе!
«Я эты заставы великіе

«Прошла не путёмъ, не дорогою.
«Какъ я рѣки озёра глубокіе
«Тѣ я пловомъ плыла,
«А чистые поля тѣ широкіе,
«Воровъ-то разбойниковъ,
«Тѣхъ-то я о полде́нъ прошла,
«О полденъ воры разбойники
«Они опочивъ держа.
«Темные лѣса тѣ лютыхъ звѣрей,
«Тѣхъ-де я въ полночь прошла,
«О полночь звѣри лютые,
«Тѣ опочивъ держа».
Да тѣ ли рѣчи королю прилюбилисе,
Говоритъ славныи король Бахметъ Турецкіе:
— А й же ты молодая жёнка Авдотья Рязаночка!
— Да умѣла съ королемъ ричь го́ворить,
— Да умѣй попросить у короля полону-де головушки,
— Да которой головушки болѣ вѣкъ не нажи́ть будё. —
Да говоритъ молодая жёнка Авдотья Рязаночка:
«А й ты славныи король Бахметъ Турецкіе!
«Я замужъ выйду да мужа на́живу,
«Да у мня буде свёкоръ стану звать батюшко,
«Да ли буде свекрова стану звать матушкой.
«А вѣдь буду у ихъ снохою слыть,
«Да поживу съ мужомъ да я сынка рожу,
«Да воспою вскормлю у мня и сынъ будё,
«Да стане ме́ня звати матушкой.
«Да я сынка женю да и сноху возьму,
«Да буду ли я и свекровой слыть.
«Да еще же я поживу съ мужомъ,
«Да и себѣ дочь рожу.
«Да воспою вскормлю у мня и дочь будё,
«Да стане меня звати матушкой.
«Да дочку я замужъ отдамъ,

«Да й у ме́ня и зеть будё,
«И буду я те́щой слыть.
«А не нажить-то мнѣ той буде головушки,
«Да милаго-то братца любимаго.
«И не видать-то мнѣ братца буде вѣкъ и по вѣку».
Да тѣ ли рѣчи королю прилюбилисе,
Говорилъ-де онъ жонкѣ таково слово:
— А й же ты молодая жонка Авдотья Рязаночка!
— Ты умѣла просить у короля полону ли головушки,
— Да которой-то не нажить и вѣкъ будё.
— Когда я розорялъ вашу стару Казань городъ подлѣсные,
— Я князей бояръ-де всѣхъ повырубилъ.
— А княгинь боярыней я тѣхъ живы́хъ въ полонъ побралъ,
— Бралъ полону народу многи тысячи,
— Да убили у мня милаго братца любимаго,
— И славнаго пашу турецкаго,
— Да й не нажить мнѣ братца буде вѣкъ и по вѣку
— Да ты молодая жонка Авдотья Рязаночка,
— Ты бери-тко народъ свой полоне́ные,
— Да уведи ихъ въ Казань до единаго.
— Да за твои ты слова за учливые,
— Да ты беря себѣ золотой казны.
— Да въ моей-то земли во Турецкіе,
— Да ли только бери тебѣ, сколько надобно. —
Туто же́нка Авдотья Рязаночка
Брала себѣ народъ полоненые,
Да и взяла она золотой казны,
Да изъ той земли изъ Турецкіе,
Да колько ей-то было надобно.
Да привела-де народъ полоненые,
Да во ту ли Казань во опустѣлую,
Да она построила Казань городъ на́ ново.
Да съ той поры Казань стала славная,

Да съ той поры стала Казань-де богатая,
Да тутъ ли въ Казани Авдотьино имя возвеличилось,
Да и тѣмъ дѣло кончилось.

Запис. тамъ же 13 августа.

261.

КАСТРЮКЪ.

На горахъ было да Воробьёвыихъ,
На мѣстахъ было да на знакомыихъ,
Становилисе да пораздернули
Шатры да бѣлъ-поло́тняны,
Да той ли цариці для Крыльскіе,
Для той ли управы Татарскіе,
Для Марьи Демрюковной,
Дочери королевскіе.
Туто былъ Кастрюкъ-Демрюкъ
Молодой черкашенинъ.
Кострюкъ семдесятъ по́боицовъ пробилъ,
Триста бо́рцей по́боролъ,
Да и девятьсотъ городовъ вы́боролъ.
Похвалялся онъ вы́бороть
Матушку каменну Москву,
Проситъ онъ себѣ съ Москвы
Кострюкъ онъ поединщика:
Съ кѣмъ бы было побоpотися,
Да ёму́ попытатисе,
Да ли другъ друга извѣдати
Своего плеча богатырскаго.
Да у Грознаго царя,
У Ивана Васильевича,
И не было въ Москвы поединщика,

Не кому съ Кострюкомъ поборотисе,
Съ молодымъ попытатисе,
Другъ друга извѣдати,
Своего плеча богатырскаго.
Собиралъ царь почестенъ пиръ
Онъ на многи на князи на бояры,
На сильніе думные русски богатыри,
Да й на всѣ поляничи удалые.
На пиру государь слово го́ворилъ:
«А й вы всѣ мои князи есть и бояра,
«Да всѣ сильни могучи богатыри!
«Кто бы изъ васъ могъ съ Кострюкомъ побо435ротисе,
«Съ молодымъ попытатисе,
«Другъ друга извѣдати
«Своей силы богатырскіе».
Да большо́й столъ тулился за середняго,
А середней столъ за ме́ньшаво,
Отъ меньша́го стола-де отвѣту нѣтъ.
Говоритъ на пиру тутъ честная вдова-де Апраксія:
— Ты государь императоръ-царь!
— Есть у меня два сына любимые:
— Большо́й сынъ Ванюшка,
— Меньшо́й сынъ Потанюшка.
— Ты достань, сударь, ихъ на почестенъ пиръ,
— Онѣ могутъ съ Кострюкомъ побоpотисе
— Съ молодымъ попытатисе,
— Другъ друга извѣдати
— Своей силы богатырскіе. —
Посылае царь государь
Призвать сыновьёвъ на почестенъ пиръ,
Приходили онѣ на почестенъ пиръ,
Говорилъ государь императоръ царь:
«Да вы дити честной вдовы-де Апраксіи!
«Да можете ли вы съ Кострюкомъ побоpотисе,

«А съ молодымъ попытатисе?»
Ванюшка не хвалится,
А Потанюшка онъ похваляется.
А Потанюшка былъ ростомъ маленькой,
Собой былъ ху́денькой,
Самъ былъ хроменькой горба́тенькой.
— Я сударь могу съ Кострюкомъ поборотисе
— Да я могу съ молодымъ попытатисе. —
Да Кострюкъ и за столомъ сидитъ,
Онъ ѣстъ-то Кострюкъ по звѣриному,
А пьё Кострюкъ по лошадиному,
Самъ во хмѣлю похваляется,
На Потанюшку ругается:
«Да мнѣ съ тобой съ дуракомъ бороться не съ кѣмъ вѣдь».
Потанюшка на мѣсто отвѣтъ держитъ:
— А й же ты Кострюкъ-Демрюкъ,
— Молодой Кострюкъ черкашенинъ!
— Да у насъ на Россіи прежде всякаго дѣла не хвастаютъ;
— Когда дѣло сдѣлаютъ
— Тогда и пофастаютъ.
— Да пожалуй, Кострюкъ, мы пойдемъ на широкой дворъ. —
Какъ пошолъ Кострюкъ на широкой дворъ,
Онъ пиналъ право́й ногой за скамейку дубовую,
Гдѣ сидѣли тата́ровья поганые.
Тутъ татаровя на земь повалилисе,
Много ихъ отъ разу убилосе.
Выходили онѣ на широкой дворъ,
Потанюшка хроменькой маленькой
На ножку припа́даё,
Изъ-подъ ручки выгля́даё.
Онъ бьё Кострюка право́й рукой во бѣлу́ю грудь,
А лѣвой ногой пинае его по́дъ гузно.
Отъ его Кострюкъ упалъ на сыру землю,
Содралъ съ его Потанюшка платьицо цвѣтное,

Оказалось его тѣло женскоё.
Тутъ узнали всѣ люди увѣдали,
Что ходила дѣвчонка мущиною.
Говорила царица та Крыльская,
Та ли управа Татарская:
«А й же ты Потанюшка хроменькой!
«Да на что Кострюкомъ надрыгаешься?
«Лучше бы было кабы ты по рукамъ локти въ жопѣ бпралъ,
«А ясные очи копалъ,
«Неже нагу Кострюка по Москвы пускалъ».
На то-де царици Потаня отвѣтъ держитъ:
— Да на то вѣдь дѣло было у мня дѣлано,
— Дѣло дѣлано, и съ царемъ записи были пописаны,
— Чтобы знали всѣ люди и вѣдали,
— Какъ ходила дивчонка мущиной. —
Да Дунай-Дунай да Лядковъ болѣ пѣть не знай!

Запис. тамъ же 12 августа.

262.

МОЛОДЕЦЪ И РѢКА СМОРОДИНА.

А Богъ молодца-то не милуё,
И государь его царь не жалуё,
И нѣтъ ни чести ему похвальбы молодецкіе,
Да друзья братья товарищи
Тѣ на совѣтъ не съѣзжаются,
Да женилъ молодца родной батюшко,
Да на чужой-то дальней сторонушки.
Да бралъ-де онъ ему молоду жену,
Да бралъ за женой приданаго
Три, три чернёныихъ кóробля:
Да первóй-отъ гружонъ черёнъ корабь

Былъ златомъ и серебромъ,
А другой-отъ гружонъ черёнъ корабь
Все скатніимъ жемчугомъ.
А третей отъ гружонъ черёнъ корабь
Все женинымъ приданыимъ.
Тутъ молодцу-де жена не въ любовь пришла,
Не въ любовь-де пришла ему не по разуму.
Бралъ молодецъ себѣ онъ коня добраго,
Да бралъ себѣ онъ сѣдёлко черкальскоё,
Да бралъ себѣ уздицю точмяную,
Да бралъ себѣ въ руки плетку шелковую,
Самъ говорилъ таково слово:
«Лучше мнѣ доброй конь злата и се́ребра.
«Лучше мнѣ сѣдёлко уздица точмяная,
«Лучше все́во женина приданаго.
«Да лучше мнѣ-ка плетка шелковая,
«Да лучше-то мнѣ буде молодой жены».
Шолъ да сковалъ себѣ два товарища два надѣйные,
Два ножа онъ сковалъ два булатніе.
Онъ садился вѣдь на добра коня,
Самъ поѣзжалъ на чужую на дальню на сторону.
Да ли ѣхалъ онъ путёмъ ли дорожкою,
Гдѣ-ка было на пути на дороги широкіе
Текла быстрая рѣчка Смородинка.
Было на этой рѣки на Смородинки
Три, три мосточка калиновы:
Да на первомъ-то рѣка берё на́ мости
Да сѣдёлко съ коня окованоё,
Да на другомъ бе́рё на́ мости
Добра коня наступчива,
А на третьемъ бе́ре на́ мости
Самово добра молодца.
Онъ взмолился-де рѣчки Смородинки:
«А й ты матушка черная рѣчка Смородинка!

«Есть ли черезъ тебя, рѣка, переходы ты узкіе,
«А переброды ты мелкіе?»
Да отвѣтъ держитъ рѣка ему Смородина:
— А й ты удалый дороднiй добрый молодецъ!
— Есть черезъ меня рѣчку Смородинку,
— Есть переходы ты узкіе,
— Да и переброды есть мелкіе.
— А есть три мосточка калиновы:
— Я на первомъ беру на мости
— Съ коня сѣдёлко кова́ное,
— А на дру́гомъ беру на́ мости
— Добра коня наступчива,
— Я на третьемъ беру на мости
— Самово добра молодца.
— А ты поѣзжай-ко дороднiй добрый молодецъ,
— Я тебя и такъ топерь пропущу. —
Какъ переѣхалъ молодецъ черезъ рѣчку Смородинку,
Да тѣ ли мосточки калиновы,
Да возговоритъ молодецъ неразумну рѣчь:
«Да мнѣ сказали добру молодцу,
«Что топерь на пути на дороги широкіе,
«Да текётъ черная рѣчка грозна Смородинко».
Да онъ сталъ надъ рѣкой надсмѣхатисе,
Да онъ сталъ надъ рѣкой надрыгатисе:
«Да топерь ли вѣдь рѣчка Смородина,
«Будто текётъ болотня вода-та со ржа́вчинкой».
Да забылъ-то доброй молодецъ,
За рѣкой за Смородинкой,
Онъ забылъ два товарища два надѣйные,
Два ножичка забылъ два булатніе,
За той рѣкой за Смородинкой.
Онъ поѣхалъ черезъ рѣчку Смородинку,
Да по тѣмъ по мосточкамъ калиновымъ.
Да на первомъ брала на мости

Съ коня-де сѣдёлко кова́ное,
А на дру́гомъ брала на мости
Добра коня наступчива,
А на третьемъ бра́ла на́ мости
Самово добра молодца.
Возмолится удалый дороднiй добрый молодецъ
Онъ-де быстрои рѣчки Смородинки:
«А й ты матушка быстрая рѣчка Смородинка!
«И не губи и не топи добра мо́лодца».
Говоритъ-де рѣка молодцу,
Говоритъ-де рѣка человѣческимъ голосомъ:
— Да не я тебя топлю гублю,
— А топитъ губитъ похвальба молодца молодецкая. —
Только вѣдь молодецъ и живъ бывалъ,
Да тому хоробру́ такова слава́,
И оставалась у его нелюба́ жена.

Запис. тамъ же 12 августа.

263.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Ѣздилъ молодецъ изъ земли въ землю,
Гулялъ удалой изъ орды въ орду,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву-де ко Прусскому.
Да тово молодца-де король во люби держалъ,
Да тутъ молодецъ съ королёмъ за однѣмъ столомъ сидѣлъ,
Да вѣдь пилъ онъ ѣлъ съ одной ложечки,
Съ одново-де стоканца да водочку кушали.
Тово было времени прошло три года,
Да слюбился молодецъ съ королевскою дочерью,
Да ничево-то про это король не вѣ́даё.

Да донесли королю висти нехорошіе:
«А й ты король земли Прусскіе!
«Да ты котора молодца во люби́ держишь,
«Да ты съ которымъ молодцомъ сидишь за однимъ столомъ,
«Да ты пьёшь ѣси́ да съ одно́й ложечки,
«А съ одново стаканца винца кушаешь,
«Тотъ живё молодецъ съ твоей дочерью,
«Онъ творитъ любовь вѣдь третей годъ».
Эти королю были рѣчи не понравились,
Приказалъ вести молодца во чисто́ полё,
Да на то ли болото Куликово,
Да на то ли на мѣсто на лобноё,
Да на ту вѣдь на плаху на липову,
Да отрубить молодцу буйну голову.
Повели молодца палачи во чисто полё,
Мимо тѣ вѣдь ведутъ палаты королевскіе.
Тутъ возмолился молодецъ палачамъ немилосливымъ:
— А й вы братцы палачи немилосливы!
— Не водите молодца вы по задворкамъ,
— Да мимо ту ли палату королевскую.
— Да вы ведите меня молодца по подо́конью,
— Да мимо эту спальню ту тёплую,
— Гдѣ-ка мы спали съ дѣвицей королевичной.—
Повели молодца по подо́конью,
Да мимо тѣ ли палаты королевскіе,
Да мимо эту спальнюю теплую,
Гдѣ-ка спалъ молодецъ съ дѣвицей королевичной.
Да онъ запѣлъ пѣсню новую,
Да онъ новую пѣсню хорошую:
— Да хорошо у мня молодца было пожито,
— Да хорошо было цвѣтноё платье изношено,
— Да приупито было у молодца приуѣдено,
— Да и въ красни́ въ хороши́ приухожено,
— Да и въ зелено́мъ-то саду приугу́ляно,

— Да подъ яблоныо на кроваточкѣ было пріу́спано,
— Да и у королевскою дочери
— На бѣлой груди было у дѣвици улёжано. —
Какъ услыхала дѣвица королевична,
Что повели молодца палачи во чисто полё,
Да во то ли болото Куликово,
Да на ту вѣдь на плаху на липову,
Да хотя отрубить ему буйную голову, —
Сама отворяла красно окошко косѣвчато,
Брала въ рукп булатніе вострые ножичокъ,
Ставила она тупымъ концёмъ да во окошечко,
А вострымъ себѣ да въ бѣлу грудь,
Говорила она таково слово:
«Да куда полетѣлъ младъ ясёнъ соколъ,
«Да туда полетай-ко лебёдушка бѣлая,
«Да ты преже лети ясна сокола».
Тутъ-то она сама себя и зарѣзала,
Да отрубили палачи молодцу буйну голову,
Да донесли королю-де Прусскому,
Да дошли ему вѣдь вѣсти нехорошіе,
Что ево-то любимая дочь сама себя зарѣзала,
Да еще преже дородня добра молодца.
Тутъ говоритъ-де король таково слово:
— Кабы зналъ я это вѣдалъ вѣдь,
— Что моя любима дочь вѣдь зарѣжется,
— Да я бы не приказалъ вести молодца во чисто́ полё,
— Да на то на болото Куликово,
— Да на ту ли на плаху на липову,
— Да не рубить бы ему буйну голову.
— Пусть бы лучше жилъ молодецъ съ моей дочерью,
— Да пусть бы жилъ-де вѣкъ да и по́ вѣку.
— Топерь я весь потерялъ бѣлый свѣтъ изъ ясны́хъ очей,
— Я лишился мило́й доче́ри любимые. —

Запис. тамъ же, 12 августа.

264.

ПТИЦЫ.

Отчего-то зима наставала?
Наставала зима отъ морозовъ.
Послѣ той зимы — теплое лѣто.
Изъ-за тихаго дунайскаго синяго моря,
Вылетала младая дунайская птица,
Малая птица пѣвица,
Садилась на синё Русское море,
Начала птица вѣдь пи̂ти,
Голоса́ на Русь подавати.
Да слетались къ ей руськія птицы,
Да садились птицы ко птицы рядами,
Да въ одну ли онѣ сторону головами.
Начали птицы вѣдь пи̂ти,
Стали онѣ воспѣвати,
Младую птицу пѣвицу пытати:
«Да скажите намъ младая птица пѣвица,
«Да кто у васъ на́ мори на́большо большой,
«А кто на дунайскомъ всѣхъ выше?»
Да возговоритъ млада дунайская птица:
— Да у насъ было на мори на́большо болей,
— Да у насъ на дунайскомъ всѣхъ выше,
— Бѣлые клепчикъ-то бѣлые царь,
— Бѣлая птица клепица та вѣдь есть бѣлая царица.
— Гусь-отъ вѣдь на мори тотъ губернаторъ,
— А рябчикъ тотъ на мори стряпчій,
— А журавь-отъ на мори-то перевощикъ:
— Ноженки тоненьки тоне́ньки,
— Штаники сине́ньки узе́ньки.
— Онъ ходитъ да бродитъ,
— Да всякую птицу перевозитъ,

— А цвѣтного платья не мочитъ.
— А ку́ропать на́ мори бобыль безпомѣстной,
— И́зъ куста въ кустъ вылетаетъ,
— Самъ себѣ покою не знаётъ.
— Хлюстикъ тотъ на́ мори плюстикъ[1]),
— Дроздикъ тотъ на́ мори гвоздикъ
— Сивъ тотъ на́ мори птица безсчастна,
— А сивъ роботать не умѣё,
— Казаковъ нанимать онъ не смыслитъ.
— Галка-та на́ мори палка,
— Богатая на́ мори птица ворона:
— Она зиму ту живё по дорогамъ,
— А лѣто живё по суслонамъ,
— Осень живё по омётамъ,
— Всё она крестьянъ розоряё,
— Оттого она сыта пребываё,
— Тѣмъ свою голову питаё.
— Детель тотъ на́ мори плотникъ церковный:
— Церквы онъ Божіи строитъ,
— Тѣмъ свою голову кормитъ.
— А курица на мори птица несчастна:
— Всякъ у ей въ жопы копаё,
— Одно яица добываё,
— А всё тёща зятю запасаё. —

Запис. тамъ же 12 августа.

LI.

ТРЕТЬЯКОВЪ.

Игнатій Григорьевичъ Третьяковъ, крестьянинъ дер. Рослековой на Кенозерѣ, 58 лѣтъ, грамотный. Отецъ его зналъ очень много былинъ, которыя онъ отъ него и перенялъ, но теперь за-

1) Не знаетъ.

былъ большую часть. Третьяковъ, хотя и поетъ былины, но сомнѣвается въ правдивости событій, которыя въ нихъ описываются. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, онъ знаетъ, но только словами, въ видѣ сказки, «исторію» про первыя поѣздки Ильи Муромца и про Михайлу Потыка.

265.

СВЯТОГОРЪ.

По той дорогѣ по Латынскіе,
Стоитъ семь заставъ да богатырскіехъ.
Перва́ застава — Илья Муромецъ,
Друга́ заставушка — Добрынюшка Микитьевичъ,
Третья застава — Алёша Поповичъ младъ.
Подъ Алёшей стоялъ туто Полѣшанинъ,
Полѣшанинъ да Долгопо́лянинъ.
Было два братца родимые,
Лука, Моисей — дѣти боярскіе.
Тѣ ли роды ты боярскіе
Охвочи они были долго спать,
Они проспали житьё-бытьё богачество.
Проѣхалъ богатырь-отъ во чисто́ полё,
У коня слѣды по цѣло́й овчинѣ по борановы.
Поутру ставали-то ранёшенько:
«Кому у насъ ѣхать за бога́тыремъ съ уго́ною?
«Послать Лука, Мосія — боярски́хъ дѣтей,
«Онѣ ли роды ты боярскіе,
«Онѣ проспали житьё-богачество.
«Послать Добрынюшку Микитича».
Сѣдлалъ Добрыня своего́ коня,
Уздалъ Добрыня своего́ коня,

Садился Добрыня на добра коня,
Поѣхалъ за богáтыремъ съ угоною,
Засталъ богáтыря-то во чистомъ поли,
Не доѣдучи до Кіева-то двадцать вёрстъ.
Сидитъ богаты́рь-отъ на добрóмъ кони,
Онъ мечетъ палку ту подъ облаки,
Дó земли не допускаючи,
На бѣ́лы руки подхватаючи.
Не смѣлъ Добрыня дати напуска,
Назадъ Добрыня ворочается,
Не путёмъ онъ ѣхалъ не дорогою,
Пріѣхалъ Добрыня къ Ильи Муромцу:
— Я засталъ богатыря-то во чистомъ поли,
— Не доѣдучи до Кіева-то двадцать вёрстъ.
— Сидитъ богáтырь-отъ на добрóмъ кони,
— Ме́четъ палку ту подъ облаки,
— Дó земли не допускаючи,
— На бѣ́лы руки подхватаючи,
— Не смѣлъ-то я да дати напуска. —
Говоритъ Илья да таково слово:
«Хоша й много рати удалóго нѣтъ,
«Нѣтъ на Илью да нѣтъ на Муромца».
Сѣдлалъ Илья да своевó коня,
Уздалъ Илья да своевó коня,
Садился Илья да на добрá коня,
Поѣхалъ за богáтырёмъ съ угоною,
Засталъ богáтыря-то во чистóмъ поли,
Не доѣдучи до Кіева пятнадцать вёрстъ.
Сидитъ богáтырь-отъ на добрóмъ кони,
Онъ мечетъ палку ту подъ облаки,
Дó земли не допускаючи,
На бѣ́лы руки подхватаючи.
Закричалъ Илья да громкимъ голосомъ.
У богатыря конь-отъ на колѣни палъ,

Выскочилъ съ подъ стре́мена багро́въ жижлецъ[1]).
Поди жижлецъ да на свою́ волю,
Лови жижлецъ да осетра́ рыбу,
Споминай меня ста́раго хозяйнища,
Видно мнѣ уже живу́ не быть.
Полети́ соколъ да на свою волю,
Лови лисицу да и за́яца,
Споминай меня стараго хозяйнища.
Съѣхались онѣ ударились,
Другъ-то друга вѣдь не ранили,
Оба изъ сѣделъ вонъ выпа́дали.
Помогъ-то Богъ да Ильи Муромцу,
Сбился Илья да на бѣлы́ груди,
Вынималъ ножищо онъ кинжалищо,
Хочетъ пороть да груди бѣлые.
И сталъ Илья да е́во спрашивать:
«Ты ко́ей земли, да ты ко́ей орды,
«Какъ тебя да именёмъ зовутъ?»
— Я есть-то вѣдь изъ Золото́й орды,
— Петръ царевичъ Золотни́чанинъ,
— Тебѣ, Илья, да вѣдь я кре́стный сынъ.
— Тебѣ полно, Илья, ѣздить по чисту полю,
— Побивать, Илья, тебѣ богатырей,
— Пора, Илья, тебѣ душа спасти. —
Ильи тѣ рѣчи прилюбилися,
Спустилъ богатыря онъ на свою́ волю,
Самъ поѣхалъ Илья да по чисту полю,
Засталъ бога́тыря онъ во чистомъ поли,
И думалъ: «богатырь-отъ невѣрные».
Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердцо,
Наганивалъ коня онъ со чиста́ поля,
Со чиста́ поля онъ во перво́й наконъ,

1) «Такъ поется, неизвѣстно что̀».

Ударилъ бога́тыря онъ палкою,
И думалъ: «богатыря съ конёмъ убилъ».
Сидитъ бога́тырь на добромъ кони,
Назадъ богатырь не оглянется.
Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердцо,
Наганивалъ коня онъ со чиста́ поля,
Со чиста́ поля онъ во второ́й наконъ,
Ударилъ бога́тыря онъ палкою,
И думалъ: «богатыря съ конёмъ убилъ».
Сидитъ бога́тырь на добромъ кони,
Назадъ богатырь не оглянется.
Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердцо,
Наганивалъ коня онъ со чиста́ поля,
Со чиста́ поля онъ во третій наконъ
Ударилъ богатыря онъ палкою,
И думалъ: «богатыря съ конёмъ убилъ».
Сидитъ бога́тырь на добромъ кони,
Назадъ бога́тырь отоглянется:
— Я думалъ кусаютъ русскіе комарики,
— Ажно славной бога́тырь Илья Муромецъ. —
Взялъ Илью онъ и со конёмъ въ карманъ,
Возилъ-то онъ вѣдь трои́ сутки.
Святигоровъ конь провѣщился язы́комъ человѣческимъ:
«Ты славный богатырь Свя́тигоръ!
«Тяжело возить мнѣ двухъ богатырей,
«Третью лошадь богатырскую».
Онъ вынялъ Илью да изъ кормана вонъ,
Говоритъ Ильи онъ таково слово:
— Ты поѣдемъ, Илья, да на святы́ горы,
— Я буду тамъ да преставлятися.
— Пойдё отъ меня ужо великой потъ,
— Ты мое́во поту-то нако́нъ лизни,
— Нако́нъ лизни да ты другой лизни,
— Третьяво нако́ну, И́лья, не́ лижи,

— Не стане но́сить матушка сыра́ земля,
— Не станутъ во́зить кони богатырскіе. —
Пріѣхали онѣ да на святы́ горы,
Сталъ Свя́тигоръ-отъ преставлятися.
Пошолъ отъ нево ужо великой потъ,
Илья тово поту-то наконъ лизнулъ,
Наконъ лизнулъ да онъ друго́й лизнулъ,
Тре́тьяво нако́ну Илья не́ лизалъ.
Святигорово было преставленіе,
Ильи Муромца было погребеніе,
Надъ верхомъ воздвигъ-то онъ чуденъ крестъ.
А й дидай-дидай болѣ впередъ знай.

Запис. на Кенозерѣ
17 августа.

266.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Ѣздилъ старъ по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости.
Хорошъ былъ у стараго-ли добрый конь,
За рѣку перевозу онъ не прашивалъ,
Конь рѣки, озёра перескакивалъ,
Широкіе мхи кругомъ обскакивалъ.
Наѣхалъ ли старой во чисто̀мъ поли
Три пути дороги три широкіе.
На розста́няхъ лежитъ сѣрый камешокъ,
На камени подпись подписана:
«Въ дорогу ту ѣхать убиту быть,
«Въ другую ту ѣхать женату быть,
«Въ третью ту ѣхать богату быть».
Стоитъ тутъ старикъ да пороздумался,
Сѣдой головой своей пошатываетъ:

«На что мнѣ-ка старому богачество,
«У мня есть-то своей золотой казны,
«Своей золотой казны смѣты нѣтъ.
«На что мнѣ-ка старому женитися,
«Женитися мнѣ да не нажитися:
«Худая та взять, такъ замѣны нѣтъ,
«Хорошая взять, такъ чужа корысть.
«Я поѣду въ ту дорогу, гдѣ убиту быть,
«А убитому быть, такъ не вѣку и жаль,
«При смерти головушка шатается».
Ѣде старикъ да по чисту полю,
Заѣхалъ ли старой во темны лѣса,
Стоитъ тутъ станица станичниковъ,
По-русски назвать такъ разбойниковъ,
Не много не мало сорокъ тысячей.
И хочутъ-то стараго пограбити,
И хочутъ у стараго коня отнять,
Говоритъ-то старикъ да таково слово:
«Вы ой же станичники разбойники!
«И бить меня стараго некого,
«Пограбить у стараго нечего,
«Съ собой-то казны да не случилосе
«Съ собой-то казна одна пятьсотъ рублей,
«Шуба на себѣ да соболиная,
«Шуба-та стóитъ три тысящи,
«Сѣделко черкальское въ двѣ тысящи,
«Узда та течмяная въ пятьсотъ рублей.
«Межъ ушами камéньё драгоцѣнноё
«Не ради красы-басы великіё,
«Ради тёмные ночи осённые,
«Гдѣ ходитъ гуляе мой доброй конь,
«Видно за три-то вёрсты какъ мѣрные,
«Мѣрные вёрсты семисотные».
Говорятъ-то станичники разбойники:

— Ты много старикъ да разговариваёшь. —
И хочутъ-то стараго съ коня стащить.
Какъ снимае старикъ шело́мъ[1]) да со буйной главы,
Вѣсомъ то шело́мъ былъ двѣнадцать пудъ,
И сталъ шеломо́мъ онъ помахивать.
Куды онъ махнётъ — дакъ туды улицы,
Куда отмахнётъ — дакъ переулочки.
Прибилъ сорокъ тысячъ станичниковъ,
По-русски назвать дакъ разбойниковъ.
Назадъ-то старикъ ворочается
Ко сѣрому каменю латырю,
Старую подпись захѣривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
«Ложно была подпись подписана,
«Я съѣздилъ въ дорожку, уби́тъ не быва̀лъ».
«Поѣду въ ту дорогу гдѣ женату быть».
Ѣдетъ ли старой по чисту полю,
Стоятъ тутъ полаты бѣлокаменны.
Изъ тѣхъ изъ полатъ бѣлокаменныхъ,
Идетъ изъ полатъ сорокъ дѣвицей,
Прекрасна идетъ королевична,
Беретъ старика да за бѣлы руки,
Цѣлуе во уста да во сахарніе,
Зовётъ во полаты бѣлокаменные
Къ себѣ хлѣба соли она кушати.
Идётъ-то старикъ да усмѣхается:
«Сколько по святой Руси не бывано,
«Экого-ли чуда вѣкъ не видано.
«Ведётъ-то прекрасна королевична,
«Ведётъ старика да за бѣлы руки,
«Цѣлуе во уста да во сахарніе,
«Зовётъ въ полаты бѣлокаменные

1) Киверъ или шляпа, не знаетъ что̀.

«Къ себѣ хлѣба соли она кушати».
Привела она въ полаты бѣлокаменные,
Садила за столы да за дубовые,
Пили ѣли прохлаждалися.
Говоритъ-то прекрасна королевична:
— Вотъ тебѣ мѣсто старому туто спать,
— Ложись-ко ко стѣнки кирпичные. —
Говоритъ-то ли старый таково слово:
«Ты ой же прекрасна королевична!
«Мы ста́рики да по краямъ вѣкъ спимъ.
«Нашо-то дѣло вѣдь староё,
«Охвочи мы ночiю на дворъ ходить.
«Ложись-ко сама ко стѣнки ко кирпичные».
Взялъ онъ прекрасну королевичну,
Взялъ-то ее за бѣлы́ груди,
Кинулъ на кроватѣ на тисовую.
Тисо́вая кровать была подложная,
Тисовая кровать та обвернулася,
Упала прекрасна королевична,
Упала во погребы глубокiе,
Во глубокiе погребы сорока́ саженъ.
Говоритъ-то старикъ да таково слово:
«Вы слуги лакеи безызмѣнные,
«Покажите вы ходъ мнѣ во глубокъ погрёбъ».
Показали ему ходъ да во глубокъ погрёбъ,
Ключи старику были не надобно.
Замки ты руками розде́ргивалъ,
Онъ двери-то ногами вонъ выпинывалъ.
Идётъ тутъ изъ погреба соро́къ чарей,
Сорокъ то чарей идётъ чаревичей,
Сорокъ королей да королевичей,
Идётъ тутъ прекрасна королевична.
Говоритъ-то старикъ да таково слово:
«Подьте цари вы по своимъ царствамъ,

«А вы кóроли да по своимъ ордамъ.
«Молите вы Бога за старово,
«За старово Илью вы за Муромца».
И взялъ онъ прекрасну королевичну,
Посадилъ на ворота на широкіе,
Онъ всю разстрѣлялъ да изъ тугá лука,
Розсѣкъ роспласталъ да тѣло бѣлое,
И всё разметалъ онъ по чистý полю.
Назадъ-то старикъ да ворочается,
Ко сѣрому каменю латырю,
Старую подпись захѣривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
«Та ложно была подпись подписана.
«Я съѣздилъ въ дорожку и женáтъ не бывàлъ».
«Я поѣду въ ту дорогу, гдѣ богату быть».
Ѣдетъ стàрикъ по чисту полю,
Заѣхалъ ли старой во темны лѣса.
Стоитъ туто погрёбъ золотой казны,
На погребѣ подпись подписана:
«Выкатить казна да Ильи Муромцу,
«Нанять хитро-мудрыихъ плотниковъ,
«Построить-то церкву соборную
«Святителю Николы Можайскому,
«Во славномъ во городи во Кіеви,
«И тутъ-то Ильѝ будетъ преставиться».
Какъ выкатилъ казну да Илья Муромецъ,
Нанялъ хитро-мудрыихъ плотниковъ,
Построилъ онъ церкву соборную
Святителю Николы Можайскому,
Во славномъ въ городи во Кіеви,
Самъ заѣхалъ во пещеры во глубокіе,
Тутъ-то Илья уже преставился.
Понынѣ теперь мощи нетлѣнные.

Запис. тамъ же 17 августа.

267.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

По три годы Добрынюшка-то стольничалъ,
По три годы Добрынюшка да чашничалъ,
По три годы Добрыня у воротъ стоялъ.
Тово стольничалъ-чашничалъ онъ девять лѣтъ,
На десятые Добрынюшка гулять пошолъ,
Гулять пошолъ по городу по Кіеву.
А Добрынюшки-ли матушка наказываетъ,
Государыни Добрыни нагова́риваетъ:
«Ты пойдешь гулять по городу по Кіеву,
«Не ходи-тко ты, Добрыня, на царевъ кабакъ,
«Не пей-ко ты до пьяна зелена вина.
«Не ходи-ко ты во улицы Игнатьевски,
«Во тѣ ли переулки во Маринкины,
«Та ли блядь Маринкинка да потравница,
«Потравила она Маринка девя́ти-ли молодцо̀въ,
«Девяти-ли молодцовъ да будто я́сныхъ соколо̀въ,
«Потравитъ тебя Добрынюшку въ десятые».
А Добрынюшка-то матушки не слушался,
Заходитъ-ли Добрыня на царевъ кабакъ,
Напивается до пьяна зелена́ вина.
Самъ пошолъ гулять по городу по Кіеву,
А заходитъ ли во улицы въ Игнатьевски,
А во тѣ ли переулки во Маринкины.
У той у́ бляди Маринки у Игнатьевной
Хорошо-ли терема были роскрашены,
У ней теремъ-отъ со те́ремомъ свивается,
Однѣмъ-то жемчугомъ пересыпается.
На теремахъ сидѣли два сизыихъ два голубя.
Носокъ-то по носку они цѣлуются,
Прави́льныма крылами обнимаются.

Розгорѣлось у Добрыни ретиво́ сердцо,
Натя́гаетъ Добрынюшка свой тугой лукъ,
Накла́даетъ Добрыня калену стрѣлу,
Стрѣляетъ ли Добрыня во сизы́хъ голубей.
По грѣхамъ ли надъ Добрыней состоялосе,
Ево правая-то ноженка поглёзнула,
Ево лѣвая-та рученка подрогнула,
А не могъ згодить Добрыня во сизы́хъ голубей,
Едва згодилъ къ Маринкѣ во красно́ окно.
Онъ вышибъ прици́лину[1]) серебряную,
Розбилъ-то околенку стекольчатую,
Убилъ-то у Маринки друга милаво,
Милово Тугарина Змѣёвича.
Стоитъ-то ли Добрыня пороздумалсе:
«Въ теремъ-отъ итти такъ голова́ пропадётъ,
«А въ теремъ-отъ нейти такъ стрѣла́ пропадётъ».
Зашолъ-то ли Добрыня во высокъ терёмъ,
Крестъ-отъ онъ кладётъ по-писаному,
А поклонъ-отъ онъ ведётъ по-ученому.
Сѣлъ онъ во большо́й уголъ на лавицу,
А Маринка та сидитъ да блядь за за́вѣсою.
Просидѣли они лѣтній день до вечера,
Онѣ другъ-то съ другомъ слова не промолвили.
Взялъ-то ли Добрыня калену стрѣлу,
Пошолъ-то ли Добрыня изъ высо́ка терема̀.
Ставала-ли Маринка изъ-за за́вѣсы,
А берётъ-то ли Маринка булатній ножъ,
Она рѣзала слѣдочки Добрынюшкины,
Сама крѣпкой приговоръ да пригова́ривала:
— Какъ я рѣжу эти слѣдики Добрынюшкины,
— Такъ-бы рѣзало Добрыни ретиво сердце,
— По мнѣ-ли по Маринкѣ по Игнатьевной. —

1) У окна поперечина.

Она скоро затопляла печь кирпичную,
Какъ метала эти слѣдики Добрынюшкины,
Сама крѣпкой приговоръ да приговаривала:
— Какъ горятъ-то эти слѣдики Добрынюшкины,
— Такъ горѣло бы Добрыни ретиво сердцё
— По мнѣ-ли по Маринкѣ по Игнатьевны.
— Не могъ-то бы Добрынюшка ни жи́ть, ни быть,
— Ни дни бы не дневать, ни часу́ бы часова̀ть. —
Какъ вышелъ-ли Добрыня на широкой дворъ,
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердцё
По той-ли по Маринкѣ по Игнатьевной.
Назадъ-то ли Добрыня ворочается,
Этая Маринка Игнатьевно
Обвернула-то Добрынюшку гнѣды́мъ туромъ,
Послала-то ко морю ко Турецкому:
— Поди-ко ты, Добрынюшка, ко морю ко Турецкому,
— Гдѣ ходятъ тамъ гуляютъ девять туровъ,
— Поди-ко ты Добрынюшка деся́тыимъ туромъ. —
Какъ провѣдала Добрынюшкина матушка,
Сама-то ли старуха подымаласе,
Пришла она къ Маринки ко Игнатьевной,
Сѣла-то на печку на кирпичную,
Сама-ли говорила таково слово:
«Хочешь ли Маринка блядь потравницо
«Обверну я тя собакой подоконною,
«Ты будешь-ли ходить да по подо́конью».
Этая Маринка Игнатьевно
Видитъ-ли она да неминучую.
Обвернуласе Маринка сѣрой ла́сточкою̀,
Полетѣла-то ко морю ко Турецкому,
Сѣла ли Добрыни на могучи́ плеча,
Говорила-ли она да таково слово:
— Возьмешь ли ты, Добрыня, за себя́ меня за му̀жъ,
— Отверну я тя, Добрыня, добрымъ мо́лодцемъ. —

— Возьму я тя Маринка за себя́ за мужъ. —
Повернула-то ево да добрымъ мо́лодцомъ.
Взялъ-то онъ Маринку Игнатьевну,
Посадилъ онъ на ворота на широкіе,
Всю онъ розстрѣлялъ изъ туга́ лука,
Розсѣкъ онъ роспласталъ тѣло бѣлое,
Всё-ли розметалъ по чисту полю.

Запис. тамъ же 17 августа.

268.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Выпала порошица снѣ́гъ молодо̀й.
По той по пороши по бѣлу́ снѣжку̀
Да не бѣлый горностай слѣды промётываѐтъ,
Ходитъ-ли гуляетъ уда́лой молодѐцъ,
На имя Чурилушко сынъ Плёнковѝчъ.
Ронитъ онъ гвоздочики серѐбряныѐ,
Скобочки да позоло́ченыѐ,
И вслѣдъ ходятъ ребятушка ма́ленькіѐ,
Обираютъ тѣ гвоздочики серѐбряныѐ,
Тѣмъ они ребята свою го́лову кормя̀тъ.
Приходитъ-ли Чурило ко Бермя́тову дворӱ,
И по́шолъ ли Бермята ко зау́трены̀.
Кто-ли отъ бѣды да откупается̀,
Иной то на́ бѣду да накупается̀.
Старые Бермята Васи́льевѝчъ
Онъ на бѣду ту вѣдь самъ идѐтъ.
Посылаетъ ли Чурила во высо́къ терёмъ:
«Ты поди-тко-ли Чурило во высо́къ терёмъ».
Заходитъ-ли Чурило во высо́къ терёмъ,
Стоитъ-то Катерина Богу мо́лится,

Назадь Катерина оглянулася,
Тёпла вода да по пятамъ потекла.
Говоритъ-то Катерина таково слово:
— Сядемъ-ко Чурило мы во шахматы играть.
— Ты ли поиграшь такъ тебѣ сто рублей,
— Я ли поиграю тебя такъ прощу. —
Поигралъ онъ Катерину во первой наконъ,
Взялъ казны онъ съ ней сто рублей,
Поигралъ онъ Катерину во второй наконъ,
Взялъ казны онъ съ ней двѣсти рублей,
Поигралъ онъ Катерину во третей наконъ,
Взялъ казны онъ съ ней триста рублей.
Говоритъ-то Катерина таково слово:
— Ты премладые Чурилушко сынъ Плёнковичъ!
— Хошь во шахматы играть, хошь на тебя смотрѣть.
— У меня по тебѣ сердце розгорѣлосе.
— Пойдемъ-ко Чурило въ ложню тёплую.
— И станемъ-ко Чурило опочикъ[1]) держать. —
Черная дѣвка служанка ея,
Она говорила таково слово:
«Не ходите вы во ложню во тёплую.
«Я пойду къ Бермяту накучу и намучу,
«Накучу и намучу я нажалюсе».
Катерина-то тово да не пытаючи,
А во тёплую-то ложню убираетсе,
А черная-то дѣвка изъ терема пошла.
Пришла-то она да ко заутрины,
Говорила-ли она да таково слово:
«Ты старые Бермята Васильевичъ!
«Стоишь ты Бермята Богу молишься,
«И не знаешь Бермята ты не вѣдаешь.

---

1) Такъ нѣсколько разъ встрѣчается это слово и далѣе, безъ сомнѣнія въ значеніи обычнаго «опочивъ» (Ср. Олон. Слов. Г. И. Куликовскаго, 72). *Ред.*

«Право у тебя да сударь го́сть гости́тъ,
«Не́званой-отъ гость да не прика́зываной».
Говоритъ-то Бермята Васильевичъ:
— Черная дѣвка служа́нка моя!
— Правду донесёшь я за му́жъ тебя возьму,
— А неправду донесешь, я тебѣ го́лову срублю. —
«Поди-ты Бермята скоро-на́-скоро».
Скоро золото кольцо забря́кало,
Маковки всѣ пошатилися,
Идётъ Катерина да Микулична,
Въ одной она рубашки бе́зъ пояса.
Говоритъ-то Бермята Васильевичъ:
— Что же Катерина не въ снаря́дѣ ты идёшь?
— У насъ-то севодня дѣло пра́здничное. —
Говоритъ-то Катерина таково слово:
«У меня-то ли севодня голова болитъ,
«Болитъ моя буйная головушка,
«Ще́митъ мое сердце ретивоё,
«Дрожатъ мои жилья подколѣнные,
«Не могла я хорошо да снарядитися».
Зашолъ-то ли Бермята во высокъ терёмъ,
Вися туто кафтаны платьё цвѣтноё.
Говоритъ-то ли Бермята таково слово:
— Эты я кафтаны на Чури́лы-то видалъ. —
Говоритъ-то Катерина Микулична:
«У мо́ево у братца родимово,
«Съ Чуриломъ было платьями помѣ́няно,
«Платьями, да добрыма́ коньми».
Зашолъ-то ли Бермята въ ложню тёплую,
Спитъ туто Чурило опочикъ держитъ.
Взялъ-то ли Бермята саблю острую,
Отрубилъ-то ли Чурилу буйну голову.
Будто скатняя жемчужина скатиласе,
Скатилася Чурилова головушка,

Не грущатая камка да разстилаласе,
Чурилова кровь проливаласѐ.
Отрубилъ онъ Катерины буйну голову.
Двѣ ли головы да вдругъ погинуло,
Наканунѣ честнаго Благовѣщенья.
Дожили до свѣтлаго Христова дня,
Чёрную дѣвку за му́жъ онъ взялъ,
Сталъ онъ жить быть вѣкъ коротати.

Запис. тамъ же 17 августа.

269.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

Во Таврѣ было городи,
На стули на золоти,
На отласи на бархати,
Сидитъ Возвякъ, Возвякъ царь,
Возякъ Тавролъевичъ.
Онъ суды ты разсуживалъ,
Дѣла приговаривалъ,
Кня́зей бояръ жаловалъ,
Онъ Ѳомку-ту Тотмою,
Ерёму Новы́мъ-городомъ;
Любимаго зятелка,
Щелкана Дудентьевича,
На́ дому не случилосе,
Онъ уѣхалъ въ землю Жидовскую,
Во Жидовскую землю Литовскую,
Не для дани да выхода
Ради чо́ртова пра́вежу.
Чортъ-отъ съ улицы
Бралъ по курицы,

Со́ избы бралъ онъ по пѣ́туху,
Со́ бѣла двора онъ по добру́ коню,
У ково коня пѣтъ дакъ и жену́ возьмётъ,
У ково жены нѣтъ, самово въ поло́нъ возьмётъ.
Гдѣ ли Щелканъ побывалъ,
Какъ будто Щелканъ головне́й покатилъ.
Пріѣхалъ Щелканушко Дудентьевичъ
Къ царю Возвяку Таврольевичу:
«Чѣмъ тебя Щелкана буде жаловать?
«Се́ла тебѣ ли же съ присёлками,
«Ли городами тебя съ пригородками,
«Ли деревни тебѣ да со крестьянами?»
— Пожалуй меня государь царь Таврольевичъ
— Тверью-то городомъ,
— Тверью богатою,
— Двумя братьями ро́дными:
— Борисомъ Борисовичемъ,
— Митріемъ Бори́совичемъ. —

(Дальше не помнитъ).

Запис. тамъ же 17 августа.

LII.

ГУРЬБИНЪ.

Иванъ Александровичъ Гурьбинъ, изъ Кривцова, 60 лѣтъ, крестьянинъ, въ прежніе годы занимавшійся преимущественно издѣліемъ гребней, отчасти земледѣліемъ. Былины перенялъ частію отъ своего отца, частью отъ постороннихъ стариковъ. Кромѣ здѣсь помѣщаемыхъ, пѣлъ обыкновенную былину про Добрыню и Алешу; про Дюка Степановича и Михайлу По́тыка Гурьбинъ пѣть былины не умѣетъ, но знаетъ содержаніе ихъ, которое разсказываетъ словами, въ видѣ сказокъ.

270.

СВЯТОГОРЪ.

Ѣздилъ-то Илья да по чисту полю,
Да наѣхалъ Илья на поляницу тутъ.
И да ѣдутъ съ поляницей по чисту полю,
Да ударилъ е́во палицей по буйной главы,
Да ударилъ ёнъ тутъ во другі́е разъ,
Да ударилъ ёнъ вѣдь тутъ да въ третій разъ,
И розгорѣлось у ёво сердцо богатырско,
У тово ли у Самсона Святигора у бога́тыря̀.
Далъ-то-ко Илью да за бѣлы руки,
И положилъ-то-ко Илью да во корманъ къ себѣ,
И далъ -то-ко Илью да во кормани у себя.
Еще сталъ туто вѣдь конь да попинатисе.
«Еще что ты туто, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
«Еще что ты туто вѣдь да запинаешься,
«Еще развѣ ты незгоду мнѣ-ка вѣдаёшь?»
И да провѣщился вѣдь конь язы́комъ человѣческимъ:
— Еще гдѣ мнѣ-ка возить да двухъ бога́тырей съ конёмъ. —
И вынималъ туто Самсонъ Илью да изъ кармана тутъ,
Да поѣхали съ Ильей да по Святымъ горамъ,
Еще сталъ Самсонъ-Святигоръ тутъ выспрашивать:
«Да велика ли въ тебѣ да еще сила есть?»
— А й во мнѣ вѣдь еще сила небольшая есть,
— Еще только побиваю я вѣдь хра́бростью своѐй. —
«И да славные Илья да вѣдь ты Муромецъ!
«Да вѣдь во мнѣ-то сила да такая есть,
«Кабы въ земною-то обши́рности былъ стѐлбъ,
«Да какъ былъ бы-то въ небе́сной вышины,
«Да кабы было въ столби́ въ этомъ кольцо,
«Поворотилъ бы я всю землю подвселенную».
И поѣхали-то ту̇тъ они да по Святымъ горамъ,

И наѣхали на тѣхъ они на Святыхъ горахъ,
Да лежитъ туто вѣдь двѣ сумы переметные,
И говоритъ туто Самсонъ да таково слово:
«Ужъ ты славные Илья да ты Муромецъ!
«Сходи-ко ты Илья да со добра коня,
«И каки туто́ лежатъ двѣ сумы переметные,
«Поздымай-то ты сумы переметные».
Сходилъ-то-ко Илья да со добра коня.
И онъ примается за ты сумы за переметные,
Еще тѣ ли сумы съ мѣста не здымаются.
Сходилъ-де вѣдь Самсонъ да со добра коня,
Еще самъ-то за сумы да принимается,
Еще тѣ ли-де сумы да съ мѣста не здымаются,
А всѣ жилы и суставы у Самсона роспущаются,
И по колѣну-то въ землю Самсонъ убирается.
(Тутъ Илья его и похоронилъ).

Запис. на Кенозерѣ 15 августа.

271.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Ѣздилъ-де старъ по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ онъ до старости.
И хорошій у его былъ добрый конь,
И за конёмъ-то онъ вѣдь перевозу вѣкъ не прашивалъ,
И всѣ рѣки ты озёра конь вѣдь перескакивалъ,
Мелкіе источйны про́межъ ногъ пустилъ.
Да наѣхалъ-то-де старый на чистомъ поли
Да на тѣ ли на розстани на Черниговски.
И лежитъ-то на розстанехъ вѣдь Латы́нь камень,
И на камешки-то подпись написана:
«Во дороженьку ту ѣхать, гдѣ вѣдь старому богату быть,

«Да во другую-ту ѣхать гдѣ женату быть,
«Да во третью-ту дороженьку вѣдь ѣхать гдѣ убиту быть».
Да сидитъ-то-ко вѣдь старый на добромъ кони,
Да сидитъ-то-ко вѣдь старый пороздумался:
«Да на что-то мнѣ вѣдь старому богачество?
«Еще нѣтъ у мня любо́ю-то семьи да молодой жены,
«И нѣту малыехъ у мня да нѣту дѣтонёкъ,
«Еще некому тощить да золотой казны.
«А на что-то мнѣ да старому женитися?
«Еще старая мнѣ взять дакъ не нажитися,
«И отъ старою-то мнѣ да вѣдь замѣны нѣтъ,
«И да молода́я взять то вѣдь чужа корысть.
«Да поѣду въ ту дорожку гдѣ убиту быть».
Да отъѣхалъ-де вѣдь старый за три поприща,
Да по-руськи-то сказать да за три верстоньки.
Вышло сорокъ-то воровъ да розбойниковъ,
Вышло сорокъ-то станичныхъ подорожниковъ,
Туто хочутъ старого-де вѣдь пограбити.
Еще что тута у стараго пограбити:
И тачмяная да есть на бурушкѣ въ пятьсотъ рублёвъ,
И черканское сѣдёлко во двѣ тысячи,
И на бурушкѣ попона есть семи шелковъ,
И въ три строки́ ли-то попона была точено.
Еще первая строка да злата серебра,
А другая-та строка да чиста золота,
Да третья-та строка мѣди́ казарочки,
Еще тою ли-де мѣ́ди журавицкіе,
Да на всѣхъ-то уголкахъ да камешки самоцвѣтные,
И во гривушку тутъ вплетанъ-де скачёнъ жемчугъ,
Не для ради красы-басы,
А для ноченки-то было ради темные,
Чтобы видно старому-то ѣхать вѣдь путемъ дороженкой.
«А коню-то у меня да еще смѣты нѣтъ,
«А мнѣ-то старику да на бою смерть не писана»

Говорятъ туто́-де воры разбойники:
—«Ужъ ты старой-де вѣдь чортъ сѣдатый волкъ!
— Еще много съ нами сталъ да разговаривать.
— Сходи-тко-де вѣдь старый со добра коня,
— И тогда вѣдь будемъ мы съ тобой да бой держать»—
Сходилъ-то-де вѣдь старый со добра коня,
Снялъ то-де вѣдь старъ шеломъ да съ буйной головы,
И да началъ-де шеломомъ онъ помахивать.
Со права-то-де плеча-то махнетъ—улочка,
И назадь-то отмахнётъ и переулочокъ.
Розгорѣлось ево сердце богатырскоё,
Ухватилъ-то вѣдь татарина онъ за ноги,
Началъ онъ татариномъ помахивалъ,
Да прибилъ онъ приплѣнилъ всѣхъ татаръ до единово.
Да назадь-то старенькой воро́тился,
И онъ старую-то подпись вонъ выхѣривалъ,
Еще новую-ту подпись онъ подписывалъ:
«И та очищена дороженка старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ.
«И поѣду во дорожку гдѣ женату быть».
И отъѣхалъ то-де старый за три поприща,
Да по русьски-то сказать да за три ве́рстоньки,
Тутъ стоятъ-де терема вѣдь златоверхіе.
Выбѣгала-де прекрасна королевична,
Брала-де вѣдь стара за бѣлы руки,
Да вела-то въ терема вѣдь златоверхіе,
Да вѣдь ставила столы она дубовые,
Стлала скатерёточки вѣдь браные шелковые,
И носила ена ѣствы вѣдь сахарніе,
И напиточки носила вѣдь медовые,
Да поила вѣдь кормила низко кланяласи,
И ложила на кроватку слоновыхъ костей.
Говорилъ тутъ старый таково слово:
«Ты хорошая прекрасна королевична!

«Ты сама-де вѣдь ложись ко стѣночки,
«А я-то-де старикъ и на краю посплю».
Не ложится тутъ хорошая прекрасна королевична.
Бралъ тутъ старые казакъ да Илья Муромецъ
И хорошую прекрасну королевичну,
Бралъ токо вѣдь ей да за бѣлы руки,
И за ей-то вѣдь за перстни за злачёные,
И бро́силъ-то на кроватку слоновыхъ костей.
А у ей-то вѣдь кроваточка подложная,
Увалиласе во погребъ сороку саженъ.
Выходилъ-то старые казакъ да Илья Муромецъ,
Выходилъ онъ съ теремовъ вѣдь златоверхіехъ,
И перстами-то замки онъ сдергивалъ,
Да ногами-то вѣдь двери вонъ вышибывалъ.
Вышло сорокъ-то царей да вѣдь царевичёвъ,
Вышло сорокъ королей да королевичёвъ,
И вышло сорокъ сильніехъ могучіехъ богатырей.
И говорилъ тутъ старые казакъ да Илья Муромецъ:
«Еще глупы вы цари да всѣ царевичи,
«И да глупы короли да королевичи!
«Вы сдаваетесь на прелесть-ту на женскую».
И говорилъ тутъ старые казакъ да Илья Муромецъ:
«Вы поѣзжайте-тко да по своимъ мѣстамъ,
«По своимъ мѣстамъ вы ко своимъ женамъ,
«И ко малыемъ ко глупыемъ ко дѣтонькамъ».
И туто всѣ они да съединилися,
И да стару казаку да Ильи Муромцу
И да всѣ-то вѣдь онѣ да поклонилися.
Туто взялъ вѣдь онъ розстрѣлялъ прекрасну королевичну [1]),
Пресѣкъ, припласталъ, куски разметалъ по чисту полю,
И назадъ-то-ко старенькой воро́тился,

1) Далѣе въ двухъ строкахъ, послѣ стиха 107-го, было написано: «Да взялъ то» и «И куск», но зачеркнуто; на поляхъ А. Ѳ. Г—омъ отмѣчено: «Самъ сознается, что это мѣсто нескладно». *(Ред.)*.

И онъ старую-ту подпись вонъ выхѣривалъ,
Да вѣдь новую-ту подпись тутъ подписывалъ:
«И стали туто старому женату быть,
«Туто старенькой женатъ не бывалъ».
И поѣхалъ въ ту дорожку гдѣ богату быть.
И отъѣхалъ старой за три поприща,
Да по русски-то сказать за три вéрстоньки,
И тутъ стоятъ-то погреба да золотой казны.
Тутъ онъ взялъ эту казну и сталъ строить монастыри.

Запис. тамъ же 15 августа.

272.

ДУНАЙ.

А во стольнёмъ-то городи во Кіеви,
Да у ласкова князя у Владимира,
И хорошой-то заведенъ былъ почестной пиръ,
На всѣ сильніе могучи на богатыри,
И на всѣ ли поляницы на удалые.
И долгъ-то вѣдь день идётъ ко вечеру,
И да всѣ ли во пиру да пьяны веселы,
Самъ государь да роспотѣшился.
Еще красное солнышко Владимиръ князь,
И онъ по гринди по столовые похаживатъ,
И онъ умильнихъ-де словъ выговариватъ:
«Еще всѣ у насъ во Кіеви поженены,
«А дѣвицы-ты вдовицы за мужъ выданы,
«Еще я-то-де Владимиръ не женатъ хожу.
«Еще кто бы мнѣ-ка зналъ да супротивницу,
«Чтобы люба-то да мнѣ была княгиною,
«Еще вамъ нарекать да госудáрынею».
Тутъ большой-отъ ворогъ-де хоронится за средняго,
А серéдней-отъ ворогъ хоронится за меньшаго,

А й отъ меньшаго отъ во́рога й отвѣта нѣту.
Изъ-за тово ли-де́ вѣдь столика окольняго,
Ставатъ тихіе Дунай сынъ Ивановичъ:
— Благословь-ко ты словцо промолвити. —
«Говори-тко ты тихо́й Дунай Ивановичъ!»
— И я жилъ-то я во земли во Польскіе.
— А й у короля у Жимана у Польскаго.
— И жилъ я во служеньицѣ двѣнадцать лѣтъ,
— И есть у нево три доче́ри любимые:
— Еще перва Настасья королевична,
— Еще та тебѣ не буде вѣдь царицею,
— Ѣздитъ въ чистомъ-то во полѣ поляницею.
— Есть вторая-то вѣдь Марья королевская,
— И та просватана въ землю въ Жидовскую
— И за царя-то за Кощея за Трипетова,
— И тутъ пописаны-то записи крѣпкія.
— И третья-то есть Апракси королевична,
— Еще та тебѣ люба княгиною,
— И намъ нарекати госуда́рынею̀,
— Есть намъ кому покоритисе,
— И по низкому намъ поклонитисе. —
«И тихіе Дунай сынъ Ивановичъ!
«И силы ты бери сорокъ тысячей,
«Золотой ты казны сколько надобно,
«И поѣдь-ко ты ко ко́ролю посватайся.
«И добромъ отдаётъ, такъ ты добромъ возьми,
«А добромъ не даётъ, такъ ты забоёмъ возьми,
«И силою грозой княженецкою,
«И великой могутой богатырскою».
— И красное солнышко Владимиръ князь!
— О сватовствѣ-то съ войскомъ-то не ѣздятъ вѣдь.
— Дай-ко думщичка мнѣ да вѣдь совѣтничка,
— А дай мо́лодца Добрынюшку Микитьевича,
— А ево-то-де родительство хорошее,

— Да умѣе-то Добрыня съ людьми рѝчь говорѝть. —
Да не долго тутъ у солнышка замѣшкалосе,
И дáвалъ думщичка ему да вѣдь совѣтничка,
А еще молодца Добрыню-то Микитича.
И да сѣдлали да уздали вѣдь добрыхъ коней,
Не для ради красы-басы молодецкіё,
Для ради могуты вѣдь богатырскіё.
И да видѣли вѣдь мóлодцевъ сѣдучи,
И да не видѣли удалыехъ поѣдучи.
И да наскокъ-отъ берутъ да по цѣлóй версты,
Да ископыть тутъ мечутъ по цѣлой копны.
И пріѣхали во землю во Польскую,
И ко Жѝману ко кóролю Литовскому.
И оставлялъ вѣдь онъ товарища въ чистóмъ поли,
И поѣхалъ-де ко Жѝману на широкій дворъ,
А идётъ-де во полаты безобъявочно,
И крёстъ-отъ онъ кладётъ да по-писáному,
И молитву-ту творитъ изустъ по-книжному,
И поклонъ-отъ онъ ведётъ да по-ученому,
Еще съ праваго колѣна до сырой земли,
И Жиману-де кóролю въ особину.
«Поди тихіе Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Аль въ придверники идёшь-ли въ приворотники,
«Аль въ любимые идёшь ко мнѣ во конюхи».
— И не въ придверники иду не въ приворотники,
— И не въ любимые иду да я во конюхи,
— Я пришолъ къ тебѣ вѣдь кóроль польскіе
— Посвататься-то да на хорошей Апракси королевичны,
— И за солнышка Владимира зá князя. —
И росшумѣлися со кóролемъ о бóльшую,
И выходилъ-то-ко тихóй Дунай Ивановичъ
И на то ли на крылечко на перёное,
И махнулъ онъ туто шелковымъ платкомъ.
— И казни-тко ты татаръ да и улановей,

— И всѣхъ туто́ идолищёвъ поганыехъ. —
Да изъ чистого-то поля вѣдь бѣгцы̀ бѣжатъ,
А изъ чистого-то поля вѣдь гонцы̀ гонятъ.
И не велика-то птичка летатъ во чисто́мъ поли,
Еще всю-де нашу силу о полу̀ била,
И для одной-то намъ вѣдь дѣвки не погинути.
Говоритъ туто да ко́роль Жи́манъ Польскіе:
«Уйми-тко ты вѣдь думщичка совѣтничка,
«Уйми молодца Добрыню Микитича.
«Отдаёмъ-ко мы честнымъ пиркомъ да за свадебку».

Запис. тамъ же 15 августа.

LIII.

МЕНШИКОВЪ.

Петръ Яковлевичъ Меншиковъ, крестьянинъ 52 лѣтъ съ Тамбасезера, на юго-западъ отъ Кенозера. Онъ считался въ прежнее время хорошимъ пѣвцомъ былинъ, которыхъ, по его словамъ, зналъ въ молодости весьма много, выучившись имъ частью отъ своего отца, частью ходя по чужимъ людямъ на заработки; но теперь уже позабылъ большую часть того, что̀ зналъ: «крестьянство» убило въ немъ память, потому что у него большая семья, 9 человѣкъ дѣтей и хлѣба не всегда хватаетъ на ея прокормленіе.

273.

СВЯТОГОРЪ.

Ѣздилъ-то старъ да по чисту полю,
Въѣхалъ старъ да на Святы́е горы̀,
Да наѣхалъ старъ да на богатыря.
А богатырь ѣдетъ на кони́, да дре́млетъ онъ.
«Что это за чудо есть,

«Сильніе могучіе богатыре
«Могъ-ба выспаться да во бѣломъ шатри?»
Да розъѣхался Илья Муромецъ,
Да ударилъ бога́тыря крѣпко-на-крѣнко.
Бога́тырь ѣде всё впередъ.
«Ахъ да что я за сильніи богатыре,
«Отъ моей руки никакой богатырь не могъ на кони́ усидѣть,
«Дай-ко розъѣдусь во вторы́е разъ».
Какъ розъѣхался Илья Муромецъ,
Да ударилъ крѣпко-на-крѣпко,
Богатырь ѣде всё впередъ.
«Что это за чудо есть,
«Видно я ударилъ ху́до ево̀».
Какъ розъѣхался Илья да онъ вѣдь въ третій разъ,
Какъ ударилъ богатыря крѣпко на крѣпко,
Да ударилъ ево плотно-на́-плотно,
Ту́тъ-то бога́тырь пробудился ото сна.
Хватилъ-то Илью да своей пра́вою руко̀й,
Положилъ-то Илью да къ себѣ въ корманъ,
Возилъ-то Илью да двои суточки,
Да на третьи сутки конь и сталъ потыкатися,
У коня-то стали ножки подгибаться.
Какъ ударилъ Святогоръ да своево добраго коня:
— Что ты, конь, потыкаешься? —
— Говорилъ-то конь таково слово:
«Какъ мнѣ-ка-ва да не поткнутися?
«Вожу я третьи суточки
«Двухъ сильніехъ могучіехъ богатырей,
«Третьёго вожу коня да богатырскаго».
Тутъ Святогоръ вынималъ Илью да изъ кармана вонъ,
Но раздёрнули шатёръ бѣлополотняной,
Стали съ Ильей да опочикъ держать.
А побратались они крестами съ Ильей Муромцемъ,
Назвались они крестовыма братьями.

Но ѣздили гуляли по Святымъ горамъ,
Съѣзжали-то они да со Святыхъ вѣдь горъ
На тѣ-ли на площади широкіе,
На тѣ-ли лужка они зелёные.
Какъ увидѣли-то они чудо чудноё,
Чудо чудноё да диво дивноё,
Какъ состроенъ стоитъ да вѣдь бѣлой гробъ.
Говорилъ-то Илья да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовый ты мой брателко,
— Для ково-жъ этотъ гробъ состроенъ есть? —
Сходили они да съ ко́ней добрыихъ,
Ложился-то Илья да во сей-отъ гробъ,
А Святогоръ-отъ говорилъ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
«Не для тебя сей гробъ состроенъ есть,
«Дай-ко я вѣдь лягу да во сей-отъ гробъ».
Дакъ лёгъ Святогоръ во сей гробъ спать,
Говорилъ Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко,
«Да закрой-ко меня дощечками дубовыми».
Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко,
«Хорошо здѣсь во гробѣ жить.
«Ну-тко крестовой мой ты брателко,
«Отокрой-то дощечки дубовые».
Какъ Илья Муромецъ сталъ открывать дощечки дубовые,
Да не можетъ оторвать ни како́й доски.
— Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
— Не могу я открыть ни какой доски. —
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
«Да Илья вѣдь Муромецъ!
«Бей-ко своей боевою-то палицею».
Илья то началъ палицей бить:
Куды ударитъ — туды обручи желѣзные.

Говорилъ-то Илья да таково слово:
— «Да ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
— Куды ударю — туды обручи желѣзные» —
Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
«Видно мнѣ-ка туто Богъ и смерть судилъ».
Тутъ Святогоръ и помирать онъ сталъ,
Да пошла изъ его да пѣна вонъ.
Говорилъ Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
«Да лижи ты возьми вѣдь пѣну мою,
«Дакъ ты будешь ѣздить по Святымъ горамъ,
«А не будешь ты бояться богатырей,
«Ни какого сильняго могучаго богатыря».

Запис. на Кенозерѣ 14 августа.

274.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Ѣздилъ-то старой во чистомъ поли,
Въ тѣхъ-ли во долинушкахъ широкіехъ.
Пріѣзжаетъ старъ ко лѣсамъ да дремучіемъ,
Выѣзжаетъ старый на дороженку широкую,
А прямою дороженькой ѣхать надъ трои суточки,
А окольною дорожкой ѣхать надъ три мѣсяца,
А на этой дорожки есть заставушка великая.
«Да поѣду я прямой дороженкой».
Ѣхалъ онъ день ко вечеру,
Наѣхалъ на сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ,
На сорокъ ночныхъ да подорожниковъ.
Начали онѣ да ево спрашивать:
— Ты давай-ко старой намъ имѣньицо. —
«Пограбить-то у мня у стараво нечево,

«Но убити-то меня стараво не за что.
«Уздица на кони да во сто рублей,
«А сѣдёлко на кони да во пятьсятъ рублей,
«А попонка на кони да въ цѣлу тысячу,
«А самому-то я коню цѣны не знай».
— Но давайте-тко, ребята, принимайтесь-ко за стараго. —
Но какъ у стараго сердцо розгорѣлосе,
Да и началъ плёточкой помахивать,
Началъ плёточкой посвистывать.
Куды онъ махнётъ — до туды улушка,
А назадь онъ отмахнётъ — да переулочокъ.
Да прибилъ онъ всѣхъ-то сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ.
Да убилъ-то онъ сорокъ ночныхъ-то подорожниковъ.
Да садился старой на добра коня,
Да поѣзжаетъ старой ко Соловьиному ко гнѣздышко
Не доѣхалъ до гнѣзда да за три поприща,
Услыхалъ Соловéй-отъ разбойникъ-отъ:
«А какая невѣжа проѣхала
«Мимо мою заставу ту великую?»
Засвисталъ Соловеюшко въ полъ-свиста,
Конь подъ Ильей да на колѣнци палъ.
Бьётъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,
Говорилъ Илья да таково слово:
— Что же ты конь и потыкаешься,
— Не слыхалъ ты Соловьинаго посвисту? —
Пріѣзжае къ Соловьи́ному гнѣздышку,
У Со́ловья гнѣздо на двѣнадцати дубахъ.
Началъ Со́ловей посвистывать,
Илья на конѣ сидитъ не ворохнется,
А кудёрышка на немъ да не стряхнутся.
А натя́гае старый свой тугой лукъ,
Да накладае старый калену стрѣлу,
А спущалъ въ Соловья́ вора разбойника,

Вышибъ у Соловья́ да правый глазичокъ,
А отшибъ у Соловья́ да право ухо прочь,
Увалился Солове́й да со гнѣзда долой.
Сходилъ Илья да со добра коня,
Привязалъ Илья Соловья вора разбойника,
Привязалъ Соловья да ко стремянышку,
А садился Илья да на добра коня,
Да спущался во долинушки широкіе.
Изъ да́леча дале́ча изъ чиста поля
Да не солнце тамъ выкаталосе,
Выѣзжаетъ старые казакъ Илья Муромецъ.
Выходила Соловьиная дочка вонъ,
Да смотрѣла въ подзорную трубочку.
Говорила она да таково слово:
«А й мужья наши любезные!
«Батюшко ѣдетъ изъ чиста поля,
«Да какого-то бога́тыря везётъ у стремянышка».
Средняя дочи вышла на улушку,
Глядѣла въ подзорнюю трубочку.
— А й мужья наши́ любезная!
— Да сѣдлайте-тко добрыхъ коней.
— Какой-то богатырь ѣдетъ везе̄тъ нашего батюшка,
— Ѣдьте-тко да отбивайте нашево батюшка. —
Меньшая дочи вышла на улушку,
Глядѣла въ подзорнюю трубочку.
«Мужья наши любезные!
«Садитесь на добрыхъ коней,
«Ѣдьте-тко да вы встрѣчайте-тко,
«Просите-тко сильняго могучаго бога́тыря
«Къ себѣ е́во въ гость».
А больша-то дочи говорила таково слово:
— Я пойду сяду на ворота [1]),

1) Самъ сознается, что не складно.

— Здыну я подворотенку желѣзную,
— Какъ онъ и въѣдетъ подъ ворота,
— Тутъ спущу я подворотенку желѣзную,
— Убью сильняго могучаго богатыря. —
Не доѣхалъ Илья да до дворá да къ нимъ,
Увидѣлъ невѣжу на воротахъ сѣжучись.
Но ударилъ коня по тучнымъ ребрамъ,
Да пустился Илья во Кіевъ градъ.
Пріѣзжаетъ-то Илеюшка во Кіевъ градъ,
Да заѣзжалъ Илья да на широкой дворъ,
Становилъ коня да середи двора,
Ко тому ли столбичку къ точёному,
Да къ тому ли-то къ крылечку къ золочёному,
Заходилъ Илья въ полаты бѣлокаменны.
«Ужъ ты здравствуй-ко батюшко Владимиръ князь!»
— Ужъ ты здравствуй Илья да Илья Муромецъ!
— Гдѣ ты ѣздилъ, гдѣ гулялъ? —
«Ѣздилъ-гулялъ во долинушкахъ широкіехъ,
«Ѣздилъ-гулялъ я во чистомъ полѣ,
«Привёзъ къ тебѣ Соловья вора разбойника.
«Слы́халъ ли ты Соловьинаго посвисту?»
— А й же ты Илья да Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать Соловью́ вору разбойнику
— Во весь-отъ свистъ. —
Говорилъ Илья князю Владимиру:
«А й же ты батюшко Владимиръ князь!
«Прикажу я засвистать да въ полной свистъ,
«Да разсыплются твои полаты бѣлокаменны.
«А прикажу я засвистать въ четвереть свиста».
Выходятъ со княгиной на балхончикъ смотрѣть,
А приказалъ Илья одѣть имъ шубы-то енотовые,
А завязать-обвить свои буйныя головушки.
Говорилъ Илья да таково слово:
«Ты послушай Солове́й воръ разбойникъ-отъ!

«Засвищи-тко въ четвереть свиста».
Соловей воръ разбойникъ-отъ осмѣлился,
Засвисталъ Соловей въ полъ свисту.
Задрожали полаты бѣлока́менные,
Посыпались стёкла хрустальніе.
Тутъ у Илеюшки сердце розгорѣлосе
На Соловья́ вора разбойника.
Да приходитъ Илья да къ Соловью́ вору,
Вынимаетъ Илья да саблю вострую,
Отрубилъ у Соловья вора разбойника,
Отрубилъ буйну голову.

Запис. тамъ же 14 августа.

275.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во славномъ-то во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владимира
Да заведенъ былъ почестной пиръ
Да на многіе ты князей бояровъ,
Да на сильніехъ могучіехъ богатырей,
Да на всѣ-ты поляницы на удалые.
Честной-отъ пиръ идетъ по веселу,
Катится красно солнышко ко вечеру.
Всѣ на пиру понапивалисе,
Всѣ на почестномъ наѣдалисе,
Всѣ на пиру поросхвасталисѐ:
Умной хвастатъ отцемъ матерью,
Безумной отъ хвастатъ молодой женой,
А иной-отъ хвастатъ коньми добрыма,
А иной-отъ хвастатъ золотой казной,
Золотою-то казной несчотною.

А сидитъ Иванушко Годѣновичъ,
Не веселъ сидитъ онъ и нерадошенъ.
Приходитъ къ нему дядюшка Владимиръ князь,
Владимиръ князь стольнё-Кіевской:
«Что же ты любезной мой племянничекъ
«Не веселъ сидишь нерадошенъ?
«Развѣ тебѣ чарочка винца да не рядомъ дошла,
«Ли безумница тобою осмѣяласе,
«Ли злые-ты собаки облаяли,
«Ли черны́е вороны тебя ограяли?»
— А й же ты любезный мой ты дядюшка!
— Мнѣ-ка чарочка винца рядомъ дошла,
— И безумница то мной не осмѣяласе,
— И злые-то собаки меня не облаяли,
— И черные вороны меня да не ограяли.
— А всѣ-ты на пиру у тебя да испоженены,
— А одинъ я молодецъ холостой сижу,
— И холостой сижу да и жени́ться хочу̀.
— Дай-ко ты мнѣ силы сколько надобно,
— Золотой казны да сколько я возьму,
— Да поѣду я ко Митрею гостю торговому свататься
— На прекрасной Настасьѣ дочкѣ Ми́трьевной.
— Онъ добромъ отдастъ — дакъ я добромъ возьму,
— А добромъ онъ не отдастъ — дакъ забоёмъ возьму,
— Своей силой могуто́й да богатырскою. —
«А й любезной мой племянничокъ!
«Да бери-тко силушки да сколько тебѣ надобно,
«Казна тебѣ не затворёная».
Да беретъ-то Иванъ да сынъ Годѣновичъ
А и силы сколько надобно,
А й золотой казны да сколько самъ возьмётъ,
Да въ походъ-отъ отправилъ свою силушку,
Впереди себя да за два мѣсяца.
Но онъ засталъ-то силу въ единой день,

Но объѣхалъ всеё силу во чистомъ поли,
Да пріѣзжаетъ къ Митрію́ гостю торговому,
Не спрашивалъ онъ у дверей придверничковъ,
Да у воротъ да приворотничковъ,
Да прямо приправилъ своего бурушко
Прямо черезъ стѣну городовую.
Становилъ коня да середи двора
Ко тому ли столбичку точеному,
Да ко тому колечку золоченому,
Да приходитъ прямо къ Митрею гостю торговому,
Прямо-то въ полаты бѣлокаменны.
Крестъ-то отъ кладетъ и по писаному,
Да молитву творитъ да воисусову,
Кланяется да покланяется
Да на всѣ ли на четыре и на стороны,
Митрею гостю въ особинку.
— Здравствуй-ко ты Митрей гость торговые!
— Я пріѣхалъ къ тебѣ вѣдь свататься,
— Да на прекрасные Настасьи дочки Митрьевной.
— Ты добромъ отдашь — дакъ я добромъ возьму,
— А добромъ ты не отдашь — дакъ забоёмъ возьму,
— Своей силой могутой да богатырскою. —
А й заходитъ Иванушко Годѣновичъ,
Да заходитъ онъ во спаленку во теплую,
Да отде́рнулъ онъ вѣдь за́вѣсу шелковую,
Да берётъ онъ Настасью за бѣлы руки,
Да цѣлуетъ онъ Настасію въ уста сахарніе,
Да говорилъ-то Иванъ да таково слово:
— Да прощай-ко, Митрей, гость торговые. —
Да выходилъ Иванъ-то на широкой дворъ,
То садились-то съ Настасьей на добра коня,
Да отправились съ Настасьей во чисто полё.
Да засталъ онъ силушку въ чистомъ поли,
И говорилъ-то онъ да таково слово:

— Отправляйтесь вы да вѣдь во Кіевъ градъ.—
Онъ поѣхалъ Иванушко Годѣновичъ во Кіевъ градъ.
Не доѣзжая Иванъ до Кіева,
Раздернулъ Иванъ шатеръ бѣлополотняной,
Сталъ-то Иванъ да опочикъ держать,
Да съ прекрасные Настасьей дочкой Митрьевной.
Въ тое само времечко,
Да наѣхалъ Кощей-отъ безсмертные,
Биться-рубиться съ Иванъ Годѣновичемъ.
Выходитъ тутъ Иванъ да изъ бѣла шатра,
А садился Иванъ да на добра коня,
Да съѣхались съ Кощеемъ да безсмертныемъ,
Да вышибъ Иванъ Кощея да изъ сѣдла,
Да садился Иванъ Кощею на бѣлы груди.
Вострой сабельки при себѣ да не случилосе,
А кинжалища у его не пригодилосе
Распороть-то у Кощея груди бѣлые.
— Эй да ты прекрасная Настасья дочка Митрьевна!
— Да подай-ко мнѣ-ка-ва саблю вострую
— Роспороть-то у Кощея груди бѣлые,
— А и вынять-то сердечушко со печенью.—
Говорилъ-то Кощей да таково слово:
«А й же ты Настасья дочка Митрьевна!
«Пособи-тко мнѣ Ивана приобдюжати.
«Да за мной-то жить дакъ царицей слыть,
«А за Иваномъ-то жить дакъ портомойницей слыть».
Настасья пороздумалась,
Да и взяла-то Ивана за желты кудри,
Да стащила-то съ Кощея со безсмертнаго.
Да и двое одного да приобдюжали,
Да связали у Ивана ручки бѣлые,
Да сковали у Ивана ножки рѣзвые,
Да привязали-то Ивана ко сыру дубу.
Да пошолъ-то Кощей опочикъ держать

Съ прекрасные Настасьей дочкой Митрьевной.
Но налетѣло-то два голуба съ голубушкой,
Сѣли они да на сырой дубъ,
Да голубъ-отъ съ голубушкой воркуется,
А носочикъ къ носочику цѣлуются,
А прави́льнима крыльями обнимаются.
А выходитъ-то Кощей да изъ бѣла шатра,
Да натягаё Кощей да свой вѣдь тугой лукъ.
Да накла́даё Кощей да калену стрѣлу,
Да спущалъ-то Кощей въ двухъ сизыхъ голубей,
Да не попалъ-то онъ въ двухъ сизыхъ голубковъ.
Высоко-то стрѣла да поднималасе,
Да назадь-то стрѣла да ворочаласе,
Росколола у Кощея буйну голову,
Роспорола у Кощея груди бѣлые.
Выходила-то Настасья изъ бѣла шатра,
Говорила-то Настасья таково слово:
— А й же ты Иванъ да сынъ Годиновичъ!
— Возьмешь ли, Иванъ, меня да за себя за мужъ,
— Да отвяжу я тебя да отъ сыра дуба. —
«А и взяти возьму да за себя за мужъ,
«Только дамъ тебѣ я три грозы великіе:
«Первую грозу да бѣлы ручки о́тсѣку,
«А втору́ю-то грозу дамъ тебѣ
«Сахарніе уста прочь о́трублю,
«А третью то грозу дамъ тебѣ,
«Да рѣзвы ножки о́трублю».
Тутъ-то сердце-то женско испугалосе,
Бѣлы рученки у ней да задрожалисе,
Востра сабелька изъ ручекъ повалиласе,
Да на тѣ ли-то тетивочки шелковые,
Тутъ-то Иванушко на воли сталъ.
Да беретъ-то Иванъ саблю вострую,
Отрубилъ-то у Настасьи ручки бѣлые,

Отрубилъ-то у Настасьи уста сахарніе,
Отрубилъ у Настасьи ножки рѣзвые.
Говорилъ-то Иванъ да таково слово:
«Только Иванъ да женатъ бывалъ,
«Только Иванушко съ женой сыпалъ».
Да не всякому женитьба издавается;
Издалась-то женитьба Олешу Поповичу,
Да Ивану Годѣновичу.

Запис. тамъ же 14 августа.

276.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Въ славномъ-то во городи во Вáстракани
Очудился-проявился тамъ дѣтинушка незнáмый человѣкъ,
Да незнамой, незнакомый чей, невѣдомый откуль.
Баско-щепетко по городу погуливатъ,
Черной бархатній кафтанчикъ на распáшечку таскалъ,
Перстирску опояску нóсилъ въ прáвые руки,
Зелены сафьянны сапожки нóсилъ на шелковы́хъ чулкахъ,
Черну шляпу со полями носилъ на жéлтыхъ на кудряхъ.
Онъ вѣдь штафамъ офицерамъ не кланяется,
Востроканьскому губернатору челомъ не бьётъ,
А челомъ-то ему не бьётъ да подъ судъ нейдётъ.
А й увидѣлъ губернаторъ изъ окóшка молодцà,
Воскричалъ-то губернаторъ громкимъ гóлосомъ свои́мъ,
Громкимъ голосомъ своимъ на своихъ вѣрныхъ слугъ:
«Ужъ вы слуги мои слуги слуги вѣ́рные мои̂,
«Слуги вѣрные мои да банбандéры урванцѝ!
«Ужъ вы подьте-приведите удалóго молодцà,
«Удалого молодцà да къ губернáтору на двòръ».
Приводили молодцà да къ губернатору на дворъ,

Становили молодца противъ паратняго крыльца.
Выходилъ-то губернаторъ на пара́тнеё крыльцо,
И говорилъ-то губернаторъ таково слово:
«Ты скажись-ко, скажись, дѣтинушка, незна́мый человѣкъ,
«Да незнамый, незнакомый, невѣдомый откуль!
«Да ты какой орды, какой земли,
«Да какого отца, да чьею матери?
«Али со Дону казакъ, али казачій сынъ?»
Отвѣчалъ-то молодецъ не съ упадкою:
— Я не со́ Дону казакъ да не казачій сынъ.
— Я изъ-за Матушки Москвы да я со Камы со рѣки,
— Со Камы со рѣки да Сеньки Разина сынъ.
— Завтра батюшко пріѣдетъ, дакъ ты умѣй-ко гостя встрѣтити.
— Хорошо ты гостя встрѣтишь — кунью шубу подаритъ,
— Ужъ ты худо гостя встрѣтишь — во тюрьму́ тя посадитъ,
— А й мало-то тово — такъ и на висѣлицу. —
Ахъ по утру во полдёнъ да красно солнышко пекётъ,
Ахъ по Камы по рѣки да лёкка ло́дочка бѣжитъ,
И всѣмъ-то лодка изукрашена,
Да молодцами вѣдь эта лодка изусажена.
Въ этой лодочкѣ гребцовъ да сидитъ со́рокъ молодцовъ,
Посреди-то этой лодки Сенька Ра́зинъ сидитъ.
Какъ гренули прихватили прямо къ губернатору на дворъ,
Не успѣлъ-то губернаторъ Сеньки встрѣтити,
Ахъ посадилъ-то Сенька Разинъ губерна́тора въ тюрьму,
Мало-то тово ево на висѣлицу.

Запис. тамъ же 14 августа.

LIV.

Г-жа ГЕОРГІЕВСКАЯ.

Авдотья Васильевна Георгіевская, супруга кенозерскаго іерея о. Никиты и дочь прежняго іерея о. Василья Кенозерскаго. Родилась и всю жизнь провела на Кенозерскомъ погостѣ; ей лѣтъ подъ 40. Выучилась былинамъ отъ крестьянина «швеца» изъ Масельги Лекшмозерской (Лекшмозеро лежитъ къ югу отъ Кенозера въ Каргопольскомъ уѣздѣ), который по зимамъ живалъ для портняжныхъ работъ въ домѣ ея отца. По словамъ г-жи Георгіевской, причина, подавшая ей поводъ усвоить себѣ былины, состояла въ томъ, что ея отецъ, отличавшійся особенною суровостью характера, запрещалъ своимъ дочерямъ пѣть хороводныя и другія веселыя пѣсни, которыя онъ называлъ грѣховными, и заставлялъ ихъ пѣть божественные стихи. Вмѣстѣ съ такими стихами она отъ скуки выучилась и былинамъ, которыхъ знала въ молодости гораздо больше, чѣмъ теперь.

277.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Было на пиру двѣ почестныхъ вдовы:
Перваго была Садоваго жена,
А друга́ была вдова да Огоро́дникова.
Наливала вдова да Огородникова,
Еще чарочку да зелена вина,
Подносила вдовы да Садоваго жены:
«Ужъ ты пей-ко, вдова да Садоваго жена!
«Какъ буду я тебѣ да сло́во говори́ть,
«А слово говорить да буду свататься.
«У меня-то есть Ѳадеюшко Игнатьевичъ,

«У тебя-то есть да лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да одина́кая дочь».
Уразила вдова да Садоваго жена
Она чарочку да о сыру землю:
— Ты не хвастай-ко вороной погумённою,
— Пусть-ко ворона полетае по загу́меньямъ. —
И отправилась вдова Огородникова,
И встрѣчаетъ ей Өадеюшко Игнатьевичъ.
«Что же ты, родитель моя маменька, не ве́село идёшь?
«Развѣ мѣстечко да не по вотчины,
«Али чарочка тебѣ да не рядомъ дошла,
«Али пьяница тебя да обезчестила?
— А й же ты дитятко да моё ми́лое!
— Мнѣ-ка мистечко было по вотчинѣ,
— И мнѣ-ка чарочка да вѣдь рядомъ дошла,
— Пьяница меня не обезчестила.
— А что же ты родился нехоро́шъ непригожъ:
— Красотою бы родился въ Олёшеньку Поповича,
— А походочкой бы родился въ Чурила Плёнковича,
— А поѣздочкой да въ Илью Муромца,
— А богачествомъ да въ Дюка Степановича. —
«А й ты родитель моя матушка!
«Ты ложись-ко на кроваточку тисовую,
«А на ту ли на перинку на пуховую,
«Пусть-ко дикой-отъ хмѣль да выкуряется
«Какъ наѣдетъ-то къ тебѣ да лебедь бѣлая».
Какъ садился Өадей да на добра коня,
Да берётъ-то Өадей полу́ратовьё.
Пріѣхалъ Өадей ко той ли ко вдовы да ко Садоваго жены,
Какъ задѣлъ-то Өадей да полуратовьёмъ,
Сини новые да пошаталисе,
А крылечушко да приломалисе.
Выходила тутъ да лебедь бѣлая:
— А й же ты ворона погумённая!

— Летала бы ворона по загу́менью.
— У меня-то есть да де́вять братовъ,
— Какъ стоятъ они да во чисто́мъ во полѝ,
— А тебя-то вороны дожидаются. —
Какъ поѣхалъ Ѳадейко во чисто́ полё,
А задѣлъ-то Ѳадей да полуратовьёмъ.
Какъ убилъ-то Ѳадеюшко пяти́ братовъ,
А остатніе братья помирилися,
Да Ѳадеюшку́ въ ноги поклонились:
«Ты бери́-тко съ насъ да золотой казны».
Ужъ какъ вта́кнулъ Ѳадей да полуратовьё:
— Насыпайте-тко мнѣ да полуратовьё. —
Они пять-то саженъ да насыпали,
А три-то сажени не дохва́тило,
И пошли они къ Чурилушку займовать.
Говорилъ имъ Чурило таково слово:
«Не давайте Ѳадею золотой казны,
«А отдайте за Ѳадея сестру родную».
Говорили они Ѳадею таково слово:
— Не бери-тко съ насъ да золотой казны,
— А возьми-тко за себя да лебедь бѣлую. —
И на т̄о Ѳадей да соглашается,
Заѣзжаетъ къ вдовы да Садоваго жены,
Онъ берётъ себѣ да лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да одинакую дочь.
Онъ привозитъ ко родители ко матушки:
«Ужъ ты матушка да моя родная!
«И вотъ тебѣ привёзъ я лебедь бѣлую,
«Лебедь бѣлую да одина́кую дочь».

Запис. на Кенозерскомъ погостѣ
16 августа.

278.

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЪ.

Гулялъ молодецъ загуливалъ,
Загулялъ онъ къ королю въ Литву.
Полонилъ̄ его король и сталъ выспрашивать:
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Какого отца да ты коей матери?»
— Ужъ какъ есть да со тиха́ Дону,
— Со тихого Дону есть донской казакъ,
— Да Данило сынъ Игнатьевичъ. —
Полюбилъ король да добра молодца,
За однѣмъ столомъ да хлѣба кушалъ,
Съ одной чарочки пили сладкой водочки.
А жилъ молодецъ да то тринадцать лѣтъ,
Еще сталъ молодецъ да онъ сталъ погуливать,
По царевымъ ко́бачкамъ да онъ похаживать,
А королевскимъ жи́тьемъ онъ похвастывать:
— Какъ жилъ въ королевствѣ тринадцать лѣт̄ъ,
— Со той прекрасной королевичной двѣнадцать лѣтъ.
Какъ стали къ ко́ролю вюсти донашивать,
Говорилъ король да таково слово:
«Палачи палачи да немилосливы!
«Отыщите Данилушку Игнатьева,
«Отведите къ болотичку Куликову,
«А й на ту ли на плашечку на липову,
«Отсѣките Данилу буйну голову».
Отыскали палачи ево Данилушку,
Вели-то ево да ко болотечку,
Говорилъ-то Данило таково слово:
— Проведите меня по короле́вству,
— Позвольте-ко спѣть да пѣсню новую,
— Пѣсню новую да вѣдь побѣдную. —

Какъ вели палачи по королевству,
Запѣвалъ-то Данило пѣсню новую,
Пѣсню новую да вѣдь побѣдную:
— Какъ во этомъ-то садичкѣ погуляно,
— Да со той со прекрасной королевичной,
— И попито-то было да й поѣдено. —
Услыхала прекрасна королевична,
Не разбирала она частыхъ мелкихъ да лѣсенокъ,
Выпадала съ окошечка косѣрчату,
И бѣжала ко родителю ко батюшку.
«Ужъ ты батюшко мой родненькій!
«Не сѣки-тко Данилы буйной головы».
Говорилъ отецъ да таково слово:
— Ты бѣжи-тко къ болотечку Куликову.
— Если можешь застать жива да добра молодца,
— Не казните ему да буйной головы. —
Еще брала она два ножечка булатніе,
Отправлялась къ болотечку Куликову,
И не застала жива да добра молодца.
Ена втакну́ла ножечки въ сыру землю,
А ко ножечкамъ сама да выговариватъ:
«Гдѣ тутъ палъ да палъ ясёнъ соколъ,
«Тутъ пади-тко пади да лебедь бѣлая».
Она пала на ножечки, скололасе.

Запис. тамъ же 16 августа.

279.

ДУНАЙ.

Изъ Волынца-то города изъ Да́леча,
Изъ Волынъ-земли было богатые
Не ясёнъ ли соколичекъ выпархиватъ,
Какъ не Дюкъ ли на бурушкѣ выѣзживатъ,

Онъ на сивушкѣ да онъ на бурушкѣ,
Онъ на маленькомъ да на косматенькомъ.
Еще шерсть-та у бу́рка ровно трёхъ пятей,
Ужъ какъ грива у бурка ровно трёхъ локотъ,
Ужъ какъ хвостъ у бурка ровно трёхъ саженъ,
Изъ кольца да въ кольца да завивается,
Изъ замочка въ замочекъ замыкается.
Поѣзжаетъ-то Дюкъ да во чисто полё,
А Дюку матушка да вѣдь наказыватъ:
Государыни Дюку выговариватъ:
«Ужъ ты Дюкъ, ты Дюкъ, да Дюкъ Стёпановичъ!
«Ты не ѣзди, Дюкъ, да во чисто полё,
«Ты не бей-ко уда́лыхъ добрыхъ молодцевъ,
«Ты поѣзди-ко, Дюкъ, да ко синю́ морю,
«А на тѣ ли-то тихіе на заводи.
«Ужъ ты бей-ко пали̇ да гусей лебеди,
«Сѣру малую заморскую да утушку».
Дюкъ-отъ матушки да онъ послу́шаётъ,
Онъ сѣдлаётъ уздаётъ добра коня,
Онъ и уздицю кладётъ тесмяную,
Да сѣдёлко кладётъ да Дюкъ черкальское,
А подпруги кладётъ да Дюкъ шелковыс,
Еще славнаго шолку Шемахинскаго.
Какъ поѣхалъ-то Дюкъ да ко синю морю,
Да на тѣ ли-то тихіе на заводи,
Еще нѣтъ-то ни гуся да ни лебеди,
Нѣтъ ни сѣрыя заморскія да утушки.
Онъ палилъ-то стрѣлялъ да въ бѣла заюшка,
Онъ повыстрѣлилъ да ровно тридцать стрѣлъ,
Еще тридцать-то стрѣлъ, ровно три стрѣлочки.
— Тридцати-то стрѣламъ да цѣну вѣдаю,
— Ужъ я трёмъ-то стрѣламъ цѣны не вѣдаю,
— Еще чѣмъ-то стрѣлки были дороги,
— Чистымъ се́ребромъ стрѣлки изнаве́дены.

— Какъ не тѣмъ-то стрѣлки были дороги,
— Какъ изъ камешка были драгоцѣннаго,
— А и не тѣмъ-то стрѣлки были дороги,
— Развѣ тѣмъ эты стрѣлки были дороги,
— Какъ изъ перышка были изъ орлинаго,
— Еще славнаго орла да изъ чиста поля. —
— Поѣзжаетъ-то Дюкъ да во чисто́ полё,
Ко тому ли ко бѣлому ко шатрику.
На шатричкѣ подписочка подписана:
Кто во этой-отъ шатёръ зайдётъ тому убиту быть.
Богатырскоё сердце не удро́гнуё,
Богатырская кровь да розгорѣласе,
И пришолъ это Дюкъ да во бѣлой шатёръ,
Онъ и крестъ-отъ кладётъ да по писа́ному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по учёному,
Онъ бьётъ-то челомъ да поклоняется.
А сидитъ тутъ старо́й да хлѣба кушаётъ,
И говорилъ-то старо́й да таково слово:
«А й же ты удалъ доброй молодецъ!
«Ты на что идёшь да во бѣлой шатёръ,
«Какъ на шатричкѣ-то написано?»
— Я зашёлъ къ тебѣ, старой, роспроситисе. —
«Ты куда ѣдешь, куда путь держишь,
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Каковаго отца да ты и матери,
«Еще какъ тебя зовутъ на имя на отечество?»
— Какъ есть я изъ Волынца города изъ Да́леча,
— Изъ Волынъ-то земли да изъ богатые,
— Ужъ я Дюкъ-то Дюкъ да Дюкъ Степановичъ. —
«А й же ты молодой Дюкъ Степановичъ!
«Мы поѣдемъ съ тобою да силой пробовать.
«А розъѣдемся мы да по чисту́ полю».
Говорилъ это Дюкъ да таково слово:
— Ты скажись-тко, да ты повѣдайся,

— Ты коей земли, ты коей орды,
— Какого отца да ты и матери,
— Еще какъ тебя зовутъ на имя на отечество? —
«Ужъ какъ есть-то есть да со тиха́ Дону,
«Со тихого-то Дону есть донской казакъ,
«А донской-отъ казакъ да Илья Муромецъ».
Говорилъ это Дюкъ да таково слово:
— Какъ одно-то на́ небѣ да красно солнышко,
— А одинъ-то на́ Руси да Илья Муромецъ.
— Я не ѣду съ тобой да во чисто́ полё. —
Еще это-то слово показалосе,
За однимъ-то столомъ да хлѣба кушали,
Изъ одной-то чарочки пили сладку водочку.

Запис. тамъ же 16 августа.

280.

ПТИЦЫ.

Ди-ди-ди-ди отчего же зима становилось?
Становиласе зима да отъ морозовъ,
Отъ зимы становилась весна́ красна,
Отъ весны становилось лѣто тёпло,
А отъ лѣта становилась богатая осень.
Изъ-за синяго дунайскаго моря
Налетала малая птица пѣвица.
Садиласе птица пѣвица
Во зеленой да во садочекъ,
Ко тому ли ко бѣлому шатрочку.
Налетали малыя птицы стадами,
Садилисе птички рядами,
И въ одну сторону да головами,
И начали птицу пытати:

«А й же ты малая птица пѣвица!
«И кто у насъ за мо́ремъ бо́льшой,
«Кто за Дунайскіемъ меньшой?»
— На морѣ колпикъ-отъ царикъ,
— Бѣлая колпица царица.
— На морѣ гуси бояра,
— А лебедушки были княгины.
— На мори рябчикъ стряпчой,
— На́ мори жера́въ перевощикъ.
— Ножки бѣленьки тоненьки,
— Штаники синеньки узеньки,
— По́ морю ходитъ и бродитъ,
— Штаничковъ не омочитъ,
— Кажную птицу перевозитъ,
— Тѣмъ свою голову кормитъ.
— На мори дятелъ-отъ плотникъ,
— Кажное де́рево пытаётъ,
— Съ тово ради сытъ пребываётъ.
— А ластушки были дѣвицы,
— Утушки молодицы,
— Чаюшки водоплавки,
— Гагары были рыболовки,
— Много-то рыбы наловили;
— Рыба на горы не бывала,
— Крестьяны рыбы не ѣдали,
— Всё она крестьянъ розоряётъ,
— Съ того ради сыта пребываётъ.
— А синочка она худая,
— Часто милая она хвораётъ,
— Долго она не умираётъ.
— Роботы робота̀ть не умѣётъ,
— Казаковъ нанимать она не смыслитъ.
— А ворона богатая птица:
— Въ лѣтнюю пору по суслонамъ,

— А въ зимную пору по омётамъ,
— Всё она крестьянъ розоряётъ,
— Съ тово ради сыта пребываетъ.
— А воробьи были царскіе холопы,
— Кольё-жердьё подбираютъ
— И загороды подпираютъ,
— Всё они крестьянъ розоряютъ,
— Съ тово ради сыты пребываютъ.
— А голубь-отъ на мори попикъ,
— А голубушки попадьюшки,
— А сорока кабацкая жонка,
— Съ ножки на ножку ступаётъ,
— Черные чёботы топтаётъ,
— Высоко чёботы топтаétъ,
— Удалыхъ молодцовъ прельщаётъ.
— Пѣтушки козачки были донскіе,
— Имѣютъ по хозяйки и по двѣ,
— По цѣлому да по десятку,
— И не такъ какъ на Руси крестьянинъ,
— Одну-то онъ женку имѣетъ,
— И той нарядить не умѣетъ,
— А бить-то ей бѣдной не смѣётъ.
— Курица побѣдная птица,
— По улицѣ ходитъ и бродитъ.
— Кто вѣдь ей изымаётъ,
— Всякъ яйца у ей пытаётъ.

Запис. тамъ же 16 августа.

LV.

МАТРЕНА МЕНЬШИКОВА.

Матрена Григорьевна Меньшикова, крестьянка лѣтъ около 40, подруга г-жи Георгіевской, съ которою росли вмѣстѣ; уроженка дер. Якимовой на Кенозерѣ, нынѣ замужемъ въ сосѣдней деревнѣ Горкѣ. Выучилась пѣть былины отъ своего отца. Ея отецъ, также какъ и сынъ, грамотные; сама она грамотѣ не знаетъ. Она поетъ, такимъ же складомъ какъ былины, «старину» про Іову и Мару (въ переводѣ Щербины), вовсе не дѣлая различія между этою пѣснью и настоящими былинами. Меньшикова знаетъ, кромѣ печатаемыхъ здѣсь, былины про Добрыню и Маринку, про молодость Чурилы и Молодца и королевну. Про Садка купца богатаго она разсказываетъ словами, изрѣдка переходя къ стихотворному складу, варіантъ, одинаковый по содержанію съ напечатаннымъ выше подъ № 70.

281.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Ото стольняго города Кіева
Ко славному городу Чернигову
Пролегала дорога-путь широкая.
Въ ширину-та дорожка двадцати саженъ,
А въ долину-та дороженка не бывана,
А боемъ та дороженка не выбита.
И по той дорожкѣ прямоѣзжія
Идетъ тутъ калика перехожая.
Ёнъ волосомъ бѣ́лъ а бородой сѣдатъ,
А гуня на калики сорочинская,

А трунь на калики трипетова[1]),
И шляпа у калики шестьдесятъ пудовъ,
И костыль у калики девяти сажонъ,
И клюхой идё калика подпирается,
И подъ имъ мать земля вся колубается.
И заходитъ калика на царевъ кабакъ,
А по ка́баку калика-та похаживалъ,
Съ ноги на́ ногу калика переступыватъ,
Всѣ дубовые половки подгибалися.
Говоритъ чумакамъ онъ цѣловальникамъ:
«Отпустите вина мнѣ полтора ведра».
Говорятъ чумаки-де цѣловальники:
— Какъ не во что старому тѣ вѣрити.
— Муниця[2]) на тебѣ вѣдь веретно́мъ тряхнуть. —
«А берите въ закладъ у мня чудепъ-крестъ,
«Золотаго крестъ червоннаго золота,
«А вѣсу́-то крестъ тя́не полъ-сема́ пуда».
Не смѣютъ за крёстъ оны принятися,
Не смѣютъ ему дати зелена вина.
Какъ онъ вышелъ на площадь на торговую,
И скрыкнулъ-де калика зычнымъ голосомъ:
«Собирайтесь-ко всѣ голи до единого,
«А купите вина мнѣ полтора ведра,
«А опохмѣльте калику перехожаго».
Собиралися голи до единаго.
Какъ собрали калики да по денежки,
И мало того по копѣечкѣ,
И купили калики полтора ведра.
И принялъ калика единой рукой,
И выпилъ калика на единой вздохъ,
И у́же самъ говоритъ ёнъ таково слово:

1) «Объясняетъ, что это значитъ, что тряпка едва держится». — Это было приписано на полѣ А. Ѳ. Г—омъ и зачеркнуто имъ же. *Ред.*

2) «Рипсишка», платье худое.

«Не напоили старика лишь роззадорили».
Казъ шолъ ёнъ ко погребу княженецкому,
Ёнъ вѣдь замочки руками-то отщалкивалъ,
А двери колоды вонъ выпинывалъ.
И заходитъ во погребы княженецкіе,
И берё бочку сороковку подъ пазуху,
Дру́гу сороковку бралъ подъ другую,
А третью-ту бочку ёнъ ногой катилъ.
И выходилъ на площадь на торговую,
И скрыкнулъ де самъ онъ зычнымъ голосомъ:
«Собирайтесь вы голи до единаго!
«Пейте-тко голи зелено вино,
«Зеленого вина вы пейте до пьяна».
Собиралися голи на площадь торговую,
Пили-де голи зелено вино,
Зелено вино да пили до пьяна.
Туто всѣ голи напивалисе,
Напивались голи упивалисе.

Запис. на Кенозерѣ дер. (Немятова),
16 августа.

282.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Какъ во стольнемъ городи во Кіеви
И у ласкова князя у Владимира
Хо́рошъ заведенъ да былъ почестной пиръ,
На многіе князи пиръ на бояра,
На всѣ сильни могучіе бога́тыри,
На всѣ поляницы на удалые.
И было-де на томъ на поче́стномъ пиру
Славна богата Часо́венна вдова,
Другая вдова-де была Збудова.

Такъ эта вѣдь Збудова вдова,
Ёна наливала чару зелена вина,
Подносила ту чару славные богатые Часовенной вдовы:
«Выпей-тко ты славная богатая Часовенна вдова».
— И я же вѣдь теперь не у тебя въ гостяхъ. —
«А есть у меня премладый Фотеюшко Збудовича,
«А у тебя есть единка та Часовенна.
«И отдай-ко ты Чединку за Фотéя замýжъ».
И она хлопъ по подносу и стоканъ ýлетѣлъ,
И такъ-де вдову вѣдь обезчестила,
И одва вдовица и пиръ кончала,
И не весела вдова прiѣзжала домой.
И встрѣчае Фотей да родну матушку:
— Ты свѣтъ государынь моя матушка!
— Развѣ мѣсто те было не по вотчины,
— Развѣ винная чара да не рядомъ дошла,
— Развѣ пьяница тобою осмѣяласе,
— И безумница да слово молвила. —
«Ты премладыи Фотеюшко сынъ Збудовичъ!
«И мѣсто-то мнѣ было по вотчины,
«И винная чара мнѣ рядомъ дошла,
«И пьяница-та мной не осмѣяласе,
«И вдова-та мня и прибезчестила.
«Я за тебя Фотеюшко посваталась,
«И у славные богатые Часовенной вдовы.
«Ена хлопъ по подносу и стаканъ улетѣлъ».
Говорилъ Фотéй да родной матушки:
— Свѣтъ государынь мóя матушка!
— Я насмѣшку эту óтсмѣюсь. —
Говоритъ слугú онъ свóей вѣрные:
— А й слуга ты моя вѣрная!
— Поди на конюшню на стоялую,
— Выбирай-ко ты двухъ добрыхъ лошадей,
— И сѣдлай-уздай да скоро-на-скоро,

— Скоро-на-скоро и крѣпко-на-крѣпко,
— И не ради красы-басы молодецкіе,
— Ради крѣпости да богатырскіе. —
И шолъ слуга на конюшню на стоялую,
Енъ сѣдлалъ-уздалъ да двухъ добрыхъ лошадей,
И не ради красы-басы молодецкіе,
Ради крѣпости да богатырскіе.
И поѣхалъ со слугой онъ въ стольній Кіевъ градъ.
И заѣхали ко вдовы да во широкій садъ,
Приломали притоптали всё притра́вили.
И вдовы-то дома не случилосе,
И одна Чадинка пригодиласе.
Выходила на балхончикъ на точеные,
Сама говорила таково слово:
«И что за невѣжа появиласе,
«И надъ нашимъ домомъ насмѣхается!»
У Фотея-то ратовьё шести сажёнъ,
Ёнъ-де хлопнулъ по балхончику точеному,
И балхончикъ точеный весь разсыпался.
И пріѣзжала вдова-де на широкой дворъ,
Говоритъ Фотей да таково слово:
— Вотъ тѣ славная богата Часовенна вдова,
— И обсыпь-ко это ратовьё ты золотомъ,
— И не увезу Чади́нки за себя́ замужъ. —
Самъ уѣхалъ Фотей да во чисто полё,
И роздёрнулъ Фотей да тонкой бѣлъ шатёръ,
И сказалъ слуги онъ сво́ей вѣрные:
— Какъ появится силушка изъ Кіева,
— Ты буди-ко меня да скоро-на-скоро. —
Эта славна богата Часовенна вдова,
Она начала сбирать да злато серебро
И обсыпа́ть это ратовьё шести сажёнъ.
И пять она саженъ вѣдь насыпала,
И шестой сажени вѣдь нечѣмъ насыпать.

И выѣхала она вѣдь въ стольней Кіевъ градъ,
И сама говорила таково слово:
«А й мужики вы всѣ мнѣ должные!
«Ваши головы всѣ запоручены.
«А поѣдьте, мужики, вы во чисто полё,
«Убейте Фотеюшка въ чистомъ поли,
«Я всѣхъ мужиковъ васъ во долгахъ прощу».
Она справила срядила семи сы́новьёвъ,
И появиласе силушка изъ Кіева.
Да будитъ слуга Фотеюшка Збудовича:
— А вставай Фотеюшко Збудовичъ!
— Появиласе силушка изъ Кіева. —
И вставае Фотеюшко Збудовичъ,
И наразъ зашибъ онъ всѣхъ семи́ сыновьёвъ.
«И васъ, мужики, не трону́ я не единого,
«Ваше дѣло поневольнёё».
И пріѣхалъ Фоте́й ко вдовици на широкой дворъ,
И скрыкнулъ-де Фотей да зычнымъ голосомъ:
«Неси, вдова, записи закладніе,
«По которымъ золота казна роздо́вана».
И несла-де вдо́ва записи закладніе,
По которымъ золота казна роздована.
Роздалъ Фотеюшко эти записи,
И всѣ мужики поѣхали да кланялись.
— Какъ спасибо Фотеюшко Збудовичъ! —
И взялъ ту Чадинку Часовенну,
И увелъ ту Чадиночку замужъ за себя.
Привозилъ Фотей ей къ родной матушки:
«Свѣтъ государынь моя матушка!
«Эту насмѣшку ты ей отсмѣйся,
«И втрое ты вдвое да и впятеро,
«Хоть въ портомойницы клади, хоть въ бѣломойницы».

Запис. тамъ же 16 августа.

283.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

А на стулѣ на бархатѣ,
На златомъ на ременьчатомъ
Сидѣлъ тутъ царь Возвягъ,
Возвягъ сынъ Таврольевичъ.
Енъ-де суды разсуживалъ,
Всѣ дѣла приговаривалъ
И князьевъ бояръ жаловалъ
Селами, помѣстьями,
Городамъ съ пригородками.
И Хому дарилъ Токмою,
И Ерёму Новымъ-городомъ.
И Щелканушка дома не случилосе,
И уѣхалъ Щелканушко
Ёнъ во землю жидовскую,
Ёнъ для чёртова пра́вежу
Ради дани и выходу.
Ёнъ-де съ поля по ко́лосу бралъ,
Съ улици по курици,
Съ мужика по пяти́ рублей.
У кого-де пяти́ рублей нѣтъ,
У того онъ жену́ берётъ.
У кого какъ жены́-то нѣтъ,
И того самого́ берётъ.
Какъ у Щелкана не вы́робишься,
Со двора вонъ не вы́рядишься.
Какъ пріѣхалъ Щелканушко
Изъ земли изъ жидовскіе
Ко царю на широкой дворъ:
«Токо токо ты царь Возвягъ,
«Царь Возвягъ сынъ Таврольевичъ!
«И ты су́ды розсуживалъ,

«Всѣ дѣла приговаривалъ,
«Всѣхъ князьёвъ бояръ жаловалъ
«И селами помѣстьями,
«Городамъ съ пригородками.
«И Хому дарилъ Токмою
«И Ерёму Новымъ-городомъ.
«Подари-тко Щелканушка,
«Ты любимаго зятюшка,
«Ме́ня Тверію городомъ,
«Ме́ня Тверію славною,
«Меня Тверью богатою.
«Двума братцами родными
«И князьёмъ благовѣрными,
«И Борисомъ Борисовичомъ,
«И Митріёмъ Борисовичомъ».
Говоритъ ёму царь Возвягъ:
—Ты любимые зятюшко,
—Щелканъ сынъ Дудентьевичъ!
—Заколи́-ко чада милаго,
—Своего сына любимаго,
—Ты Гордѣя Щелкановича.
—Нацѣди́-ко ты чашу руды,
—Токо чашу серебряпую;
—Выпей ту чашу руды
—Стоючи́сь передъ Звягой царёмъ,
—Передъ Звягой Таврольевичемъ.—
Токо взявши Щелканушко,
Закололь чада милаго
Своёго сына́ любимаго
И Гордѣя Щелкановича.
Нацѣдилъ же ёнъ чашу руды
Токо чашу сере́бряную.
Выпилъ ту чашу руды,
Стоючи́сь передъ Звягой царёмъ,

Передъ Звягой Тавроліевичемъ.
Подарилъ ёго царь Возвягъ
Ёго Тверію городомъ,
Ёго Тверію славною,
Ёго Тверью богатою,
Двума братцами ро́дными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичомъ
И Митріёмъ Борисовичемъ.
И поѣхалъ Щелканушко,
И заѣхалъ Щелканушко
Ко родной сестры проститися,
Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
«Ты прощай моя ро́дна сестра̀
«Токо Марья Дудентьевна».
— Ты прощай же мой ро́дной братъ,
— Ужо по́ роду ро́дной братъ,
— По прозванью окаянной братъ.
— И кабы́ ти уѣхати,
— И назадь не пріѣхати.
— Ка́бы ти самому на ножи́ остыть
— И на сабли на вострые. —
И уѣхалъ Щелканушко
Еще самъ голово́й вёршилъ.

Запис. тамъ же 16 августа.

LVI.

ЛОСКУТОВА.

Марья Семеновна Лоскутова, крестьянка вдова дер. Горка, лѣтъ 60-ти отъ роду. Былинамъ научилась отъ своего отца, который, по ея словамъ, пѣлъ очень много и между прочимъ

зналъ большую былину про Михайлу Потыка, ею теперь забытую. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, она пѣла отрывокъ изъ былины про молодость Чурилы и про братьевъ-разбойниковъ и сестру.

284.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Былъ у вдовы единый сынъ,
Былъ Василій сынъ Буслаевичъ.
Ходилъ Василій на великій пиръ,
Всѣ на пиру да напивалисе,
Всѣ на пиру да наѣдалисе,
Всѣ ná пиру да приросхвастались.
Васильюшко да тѣмъ похвастыватъ,
Кабы биться-рубиться со Новымъ градомъ,
Со тѣмъ-ли новгородскимъ новымъ старостой.
Сдѣлали залоги ты великіе,
Пописали записи за бóлѣ того,
Что заутрá Василью стать да на великій бой,
Биться-рубиться со Новымъ градомъ.
Пошолъ Василій съ пиру вѣдь не веселъ ёнъ не радошенъ,
Буйну голову да понизилъ онъ Васильюшко.
Встрѣчае его родна матушка:
«Что ты, Васильюшко, съ пиру́ идёшь,
«Да не веселъ вѣдь не рáдошёнъ?
«Мѣсто тебѣ было не по разуму?
«Ли рюмка тебѣ не рядомъ пришла,
«Али пьяница да осмѣяласе?»
Говоритъ Васильюшко да родной матушки:
— Мнѣ мѣсто было да по разуму,
— Мнѣ рюмочка да вѣдь рядóмъ пришла,
— Мною пьяница не осмѣяласе.

— Сдѣлали мы записи великіе
— Со тѣмъ ли новгородскимъ новымъ старостой,
— Что заутру мнѣ стать Василью на великій бой. —
Говоритъ же ёму родна матушка:
«Не за дѣло, Васенька, примаешься,
«Ужо гдѣ-те биться со Новымъ градомъ,
«Со тѣмъ ли новгородскимъ новымъ старостой».
Ёна брала мису злата серебра,
Другую брала скатня жемчугу,
Пошла ёна да къ новгородскому да новому старосты:
«Ты новгородскіе да новой староста!
«Ты возьми-тко мису злата серебра,
«А другу́ бери да скатня жемчугу,
«Оставь моево да сына роднаго».
Говоритъ же новгородскій новый староста:
— Мнѣ не надо миса злата серебра,
— Не надо мнѣ другая скатня жемчуга,
— Надо мнѣ Васильева головушка. —
Приходила ёво родна матушка,
Брала Василья за бѣлы руки,
Поводила Василья во чисто́ полё,
Посадила Василья во глубокъ погрёбъ,
Рѣшоточкой задёрнула желѣзною,
Чтобы не выйти Васѣ да не выѣхать.
Какъ дѣвочка её служаночка,
Со дубовыемъ да со ведёрышкомъ,
Пришла къ Василью во ту погребу,
Говорила Василью таково слово:
«Ты Василій сынъ Буславьевичъ!
«Ты сидишь да вѣдь во погребѣ.
«Какъ идё да шумъ да громъ да во Ново́мъ гради,
«Какъ твои ты дружинушки хоробрые,
«Какъ тебя Василья дожидаются,
«Еще гдѣ у насъ да славной воинъ есть,

«Славный воинъ-отъ Василій сынъ Буславьевичъ?
Говоритъ же дѣвочки служаночки:
«Ты отдерни-ко рѣшоточку желѣзную,
«Выпусти Васильюшка на бѣлый свѣтъ».
Какъ отдернула рѣшоточку желѣзную,
Выходилъ Васильюшко на бѣлый свѣтъ,
Ухватилъ Васильюшко черлёный вязъ,
Пошолъ Василій по Нову́ граду.
Еще сталъ Васильюшко помахивать,
Какъ куды махнётъ — такъ туто улица,
Назадь отмахнетъ — переулочекъ.
Ёнъ прибилъ всю силу богатырскую,
Не оставилъ силы онъ на сѣмена.
Какъ прослышала да ёго родна матушка,
Выходила она на крылечко на перёное,
Кричала она да зычнымъ голосомъ:
— Ахъ ты Василій мой да сынъ Буславьевичъ!
— Сокроти-тко свою силу богатырскую. —
Ёнъ идётъ ко мосту то ко Во́лховскому,
Идё старичищо-то Угрюмищо,
На головы несе колоколъ да стопудовые,
У колокола языкъ двадцати пудовъ.
Говоритъ старичищо-то Угрюмищо:
«Молодоё ку́ро, не попа́дай мнѣ,
«Молодоё ку́ро, не попорхивай».
Какъ хватилъ Василій онъ черлёной вязъ.
Тесну́лъ Василій по буйной главы,
Слетѣлъ колоколъ да стопудовые.
Ухватилъ языкъ-отъ колокольніе,
Зашибъ старичища съ одного́ разу.
Не старичища ёнъ убилъ да крёстна батюшка.
Какъ прослышала ево да родна матушка,
Выходила она на крылечко на перёное,
Какъ крика́ла ему да сыну родному:

— Ахъ ты чадо, чадо моё милоё!
— Ты зачѣмъ убилъ да крёстна батюшка,
— Тебѣ самому да вѣдь така же смерть придё. —
Пошолъ да вѣдь Василій во дороженку,
Какъ стоитъ же камень превеличáющей,
Какъ на камешкý подпись да вѣдь подписана:
«Еще кто этотъ камень вѣдь перескочитъ,
«Такъ вѣдь богато будетъ жить».
Василій разъ скочилъ, такъ ёнъ не дóскочилъ,
А другой скочилъ, такъ тутъ и смерть пришла.

Запис. на Кенозерѣ 17 августа.

285.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Было у вдовы тридцать-трú дочери,
Да всѣ ёны во грамотѣ повы́учены̀.
Всѣ ёны пошли по Божьимъ церквамъ,
Всѣ ёны сказали: «Боже мой,
«Боже мой да помилуй насъ!»
А одна бѣдна́ Софіюшка промóлвиласѐ:
— Князь молодой ты Васильюшко,
— Ты, Васильюшко, подви́нься сюдà. —
Бралъ онъ Софію за бѣлы руки,
Поводилъ онъ Софію во Божью церкву,
Накладали имъ да золоты вѣнци.
Какъ провѣдала Васильюшкова матушка,
Да садиласе она на ворона коня,
Поѣзжала во Китáй-городà.
А на гривенку взяла зелéного винà,
А на другую взяла лютá зелья,
Да Василью наливала люта зелья,

А Софіи наливала зелёнаго вина.
«А Василій испивай, ты Софіи не давай».
А Василій испивалъ, онъ Софіи подавалъ,
А къ утру свѣту преставиласе.
А Васильюшку тéшутъ изъ кленóва деревà.
А Софіюшки тéшутъ изъ елýшки молодой.
А Васильюшка несутъ па буйны́хъ головахъ,
А Софіюшку несутъ на бѣлы́хъ на рукахъ.
А Васильюшка хоронятъ по правýю по рукỳ,
А Софіюшку хоронятъ по лѣвýю по руку.
На Софіи выростало кипари́сное древò,
На Васильѣ выростала золотá вербà.
А старой отъ идётъ такъ наплачется,
А посередъ вѣку идё надивуется,
А маленьки ребятка тѣ натѣшатся.

Запис. тамъ же 17 августа.

LVII.

ШУМАНОВЪ.

Ѳедоръ Григорьевичъ Шумановъ, крестьянинъ 68-ми лѣтъ изъ дер. Тамницкой-лахты на Кенозерѣ, по ремеслу каменотесъ, ослѣпшій лѣтъ пять тому назадъ. Знаетъ хорошо только одну былину, здѣсь печатаемую. Онъ ее перенялъ отъ старика Ивана Григорьева изъ дер. Ряпусовой, который былъ отличный мастеръ пѣть былины.

286.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

И жилъ-то Буславьюшко сто годовъ,
И жилъ-то Буславьюшко не старѣлся,
И теперь-то Буславьюшко преставился.

Оставалось у Буславья чадо милое,
И премладые Вася Буславьевичъ.
И сталъ-то ли Васенька конёмъ владать,
Конёмъ-то владать и копьемъ шурмовать.
И сталъ-то Вася по улки похаживать,
И нелёккія шутки пошучивать,
И нелёккія шутки непомѣрные:
Ково за руку хватитъ — ручку выдернё,
Ково подъ ногу пнё — ножку выпинывалъ,
Ково въ голову ударитъ и въ смерть убьётъ.
И тутъ ли новгородскіе староста,
И приноситъ великіе жалобы,
И къ той ли вдовы благочестивые,
И премлады Амельфы Тимоѳеевны.
«Ай же ты вдова благочестивая,
«И премлада Амельфа Тимоѳеевно!
«Уйми своево чада милово,
«И премладова Васю Буславьева,
«И много обидушку дѣлаё».
У тово-ли новгородскаго старосты
И хорошъ былъ заведенъ почестной пиръ
И на сильни могучи богатыри,
И на всѣ поляници удалые,
И да на всѣ на добрые молодцы.
И какъ всѣ на пиру напивалися,
И какъ всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру пьяны веселы,
И всѣ на пиру поросхвастались.
И которой-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
И которой-то хвастаетъ золотой казной,
И безумной похвасталъ молодой женой.
И сидитъ-то Василій Буславьевичъ
И ничѣмъ-то Василей не хвастаетъ.
И говоритъ-то новгородскій староста:

«И что ты Василей Буславьевичъ,
«И что ты ничѣмъ не похвастаешь?
— И чѣмъ мнѣ-ка братцы похвастати?
— Да нѣту у мня вѣдь добрыхъ коней,
— И нѣту у мня золотой казны,
— И нѣту у мня молодой жены;
— И похвастаю силой могучіе,
— Итти-то вѣдь биться-драться на весь Новый градъ
— И съ тѣмъ-ли новгородскіемъ старостой. —
И тутъ-то ли они записи записывали,
И къ записямъ бѣлы ручки прикладали,
И заутра-то итти да на Волховъ мостъ,
И биться-то драться со Новымъ градомъ,
И съ тѣмъ ли новгородскіемъ старостой.
И пріѣзжаетъ Василей къ своей матушки,
И премлады Амельфы Тимоѳеевны,
Онъ не весёлъ пріѣзжаетъ не радошёнъ.
Говорила ему родна матушка,
Премлада Амельфа Тимоѳеевна:
«И что ты ли Вася Буславьевичъ,
«Али что ты не веселъ не радошёнъ?
«Али мѣсто тебѣ было не по разуму,
«Али цара тебѣ не рядо́мъ дошла,
«Али безумьица тобой осмѣяласе».
— Ай ты же ро́дная матушка!
— И мѣсто-то было по разуму,
— И цара та мнѣ вѣдь рядомъ дошла,
— И безумьица мной не осмѣяласе.
— И какъ всѣ на пиру напивалисе
— И какъ всѣ на пиру наѣдалисе,
— И всѣ на пиру поросхвастались:
— Которой-то хвастатъ добрымъ конёмъ,
— А которой-то фастатъ золотой казной,
— И безумной пофасталъ молодой женой.

— Я похвасталъ-то силой могучіё
— Итти-то биться-драться на весь Новый градъ,
— И съ тѣмъ-ли новгородскіемъ старостой. —
И повела ево да и во чисто полё,
И садила ево во темнóй погрёбъ,
И темной-отъ погрёбъ сорока сажонъ,
И навалила плиту ровно сто пудовъ,
И наклала кису злата серебра,
И другую наклала скатня жемчуга,
И понесла-то великіе даровья
И тому ли новгородскому старосты.
«А й же новгорочкіе староста!
«И прими-ко великіе даровья,
«И отмѣни-ко моего чада милова,
«И премладаго Васю Буславьева,
«Отъ тово ли побоища кроваваго».
И говорилъ-то новгорочкіе староста:
— А й же ты вдова благочестивая,
— Премлада Амельфа Тимоѳеевна!
— Не дорого ни злато ни серебро,
— И не дорого ни скатніё жемчуго,
— Тольки дóрога похвальба молодецкая. —
И были дружины хорабрые,
И были слуги были вѣрные,
Слуги вѣрные и неизмѣнные,
И пошли оны да и на Волховъ мостъ,
И биться-то драться съ Новымъ-градомъ,
И съ тѣмъ-ли новгорочкіемъ старостой.
Оны билися ровно три вѣдь дня,
И эта-то дѣвка чернавушка,
И выходила на Дунай рѣку,
И увидала это побоищо кровавое.
И этѣ ево слуги вѣрные,
И стоятъ оны и по колѣнъ въ руды,

И буйны головки проломаны,
И платками головки повязаны.
И тутъ-то ли дѣвка Чернавушка,
И тутъ-то она слезно всплакала,
И приходила она да и во чисто полё,
И во чисто полё да и во темной погрёбъ,
И говорила она таково слово:
«А й же ты, Вася Буславьевичъ!
«И спишь ли ты Вася просыпаешься,
«И надъ собой ты незгодушки не вѣдаёшь.
«И твои-ты вѣдь слуги вѣрные,
«И стоятъ оны да по колѣнъ въ руды,
«И буйны головки проломаны,
«И платками головки повязаны».
И скидывала эту плиту ровно сто пудовъ,
И выпущала Василья на святую Русь.
И выходилъ-то ли Вася на святую Русь,
И не попало оружьицо звѣриноё,
И не попало копьё бурзомецкоё,
И ратовьё до девяти сажёнъ,
И попала оси́ща телѣжная.
И пошолъ-то ли Вася на Волховъ мостъ,
И на то ли кроваво побоище,
И началъ-то Вася помахивать.
А куды-то махнётъ — улица́ падё,
И повымахнётъ — дакъ переулочёкъ.
И прибилъ-то народу и смѣты нѣтъ
И тотъ ли новгорочкіе староста,
И наклалъ-то кису злата серебра,
И другую наклалъ скатня жемчуга,
И понёсъ-то великіе да́ровья,
И той ли вдовы благочестивые,
И премлады Амельфы Тимоѳеевной.
— А й же ты вдова благочестивая!

— И уйми своево чада милаго,
— И премладаго Васю Буславьева,
— И оставь хошь народу на симена. —
И говорила ему родна матушка,
И премлада Амельфа Тимоѳеевна:
«А й же ты Василей Буславьевичъ!
«И окроти своё сердцо богатырскоё,
«И оставь хошь народу на симена».

Запис. на Кенозерѣ 14 августа.

LVIII.

АНДРЕЙ ГУСЕВЪ.

Андрей Тимоѳеевичъ Гусевъ, изъ Заболотья на Кенозерѣ, худенькой, маленькаго росту старичокъ-крестьянинъ, 70 лѣтъ. Оставшись въ дѣтствѣ сиротой, выучился былинамъ отъ стороннихъ людей, у которыхъ жилъ въ работникахъ; потомъ завелъ себѣ крестьянское хозяйство, подъ старость впалъ почти въ нищету. Кромѣ былинъ, здѣсь печатаемыхъ, онъ зналъ, но довольно плохо, былины про Василья Игнатьевича и Батыгу и про братьевъ-разбойниковъ и сестру.

287.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старъ по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости,
Ото старости ѣздилъ до гробной доски.
Хорошъ былъ у старого доброй конь,
А батюшко бурушко косматенкой.

А фостъ-отъ у бурушка трёхъ сажонъ,
А грива у бурушка трёхъ локотъ,
А шерсть-та у бурушка трёхъ пядей.
А й рѣки озёра перескакивалъ,
А мхи-ты болота промежъ ногъ пустилъ.
Поѣхалъ путёмъ по дороженки,
На той на пути на дороженки,
На дорожки лежитъ сѣръ горючъ камень,
На камешки подпись подписана,
Написана подпись напечатано.
Отъ камешка три дороженки:
И во дороженку ѣхать — убиту быть,
Убитому быть, биту, грабдену.
И во другую ѣхать — женату быть,
А въ третью-ту ѣхать — богату быть.
И тутъ-де какъ старъ пороздумался,
А въ каку ѣхать дорожку широкую.
И во дорожку ту ѣхать — богату быть?
А на что мнѣ-ка старо̆му богачество,
Своево живота класть какъ некуда?
Въ дорожку-ту ѣхать — женату быть?
На что мнѣ-ка старо̆му жёнитися,
И старой-то взять не захочется,
Молодая-та взять дакъ чужа корысть.
Я поѣду въ ту дорожку широкую,
И во которой дорожкѣ-то убиту быть,
А убитому быть, биту, граблену.
И поѣхалъ путёмъ по дороженки,
И по дороженки сорокъ тысячъ разбойниковъ,
И тутъ атаманъ со ата́манью,
И захватили у стараго добра коня.
«А сходи-тко ты, старъ, со добра коня,
«Давай-ко намъ злата да серебра,
«Давай-ко намъ скатняго жемчуга».

Говоритъ туто старъ не съ упадкою:
— И ой же станичны разбойники!
— У мня-то у стараго взять нечего.
— Уздица у мня во пятьсотъ рублёвъ,
— А сѣдёлышко-то въ цѣлу тысячу,
— А батюшку бурушку смѣты нѣтъ,
— Самому старику мнѣ-ка смерти нѣтъ,
— На бою мнѣ-ка смерть не написана. —
«Ой же ты старой матёрой человѣкъ!
«Почему у тя сѣдёлышко да до́рого?»
— Потому у мня сѣдёлышко до́рого,
— Орлено́ было перьемъ орлинымъ.
— А не тотъ ли орёлъ по горамъ леталъ,
— А тотъ ли орёлъ по морямъ леталъ,
— Да ушибся орёлъ о сыръ горючъ камень,
— Ломалъ ёнъ перья да орлиные.
— Ѣхали купцы́ зъ-за синя́ моря,
— Обирали эты перья орлиные,
— А врѣзаны каменья самоцвѣтные,
— Самоцвѣтны каменья драгоцѣнные.
— Не ради красы-басы молодецкіе,
— Не ради крѣпости богатырскіе,
— Ради тёмныя ночки да осенніе.
— Ходитъ батюшко бурушко въ чисто́мъ поли,
— Отъ батюшка бурушка лучи́ пекутъ. —
«А й ты же старъ матёръ человѣкъ!
«А много ты сталъ розговаривать».
Говоритъ же старъ не съ упадкою.
Хватилъ какъ разбойника за ноги,
Какъ взялъ онъ разбойникомъ помахивать,
Прибилъ ёнъ станичныхъ разбойниковъ,
Убилъ атама́на со ата́манью.
Пріѣхалъ ёнъ ко тому ли ко камешку,
Ту вѣдь онъ подпись сорѣзывалъ,

А другую-то подпись нарѣзывалъ,
А эта-то подпись была ложная:
А пусть-ко дорожка прямохожая,
Прямохожая дорожка прямоѣзжая,
Прочистилъ Илья старый Муромецъ.
— Я поѣду въ ту дорожку гдѣ женату быть. —
Ѣдетъ путёмъ по дороженки,
А стоятъ терема златоверхіе.
Заѣхалъ-то старъ на широкой дворъ,
Привязалъ-то коня онъ вѣдь добраго,
Ко тому-то столбу ко точёному,
Ко тому ли къ кольцу къ золочёному.
И выходила прекрасна королевична,
На ей было платье самоцвѣтноё,
Самоцвѣтноё платьё драгоцѣнноё,
На денежку мѣста рублёмъ не купить.
Берётъ же за ручки за бѣлые,
Цѣлуе во уста во сахарніе,
Заводитъ ево во высокъ терёмъ,
Становила столы́ ты дубовые,
А стлала-то скатерти браные,
Носила-то кушанья сахарніе,
Питья носила медвяные,
Сама говоритъ таково слово:
«Не упивайся-то, старъ, не уѣдайся-тко,
«Чередъ со дѣвицей забавлятисе».
Приводила къ кроватки тисовые,
Ко той ко перинкѣ пуховые.
«А ложись-ко старой ко стѣночкѣ,
«Я молода на краю просплю».
— Ой же ты дѣвица душа красная!
— Да нашё-то дѣло дорожноё,
— И нашё-то дѣло походноё.
— Ложись-ко дѣвица ко стѣночкѣ,

— А я вѣдь старъ на краю просплю. —
И хватилъ какъ вѣдь ёнъ по серёдочкѣ,
Уложилъ какъ ей да ко стѣночкѣ,
Кроваточка была у ней ложная,
Упала во погребъ глубокіе,
Глубокіе погребъ сорока сажонъ.
Въ тѣхъ погребахъ во глубокіехъ,
Наспускано народу у ней — смѣты нѣтъ:
Много царей, много царевичёвъ,
Много королей и королевичёвъ,
Много сильнихъ могучихъ богатырёвъ.
И ключёвъ ёнъ не роспрашивалъ,
Двери колоды ногами выпинывалъ,
И роспустилъ ёнъ народъ по своимъ землямъ,
По своимъ онъ землямъ, по своимъ ордамъ,
По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ.
Захватилъ онъ прекрасну королевичну,
Ухватилъ ю за ноженку,
Да роздёрнулъ прекрасну королевичну.
И воротился старикъ на дороженку,
И на тѣ розста́ни на широкіё,
Да съ каменя онъ попись ту сорѣзывалъ,
Да новую ту попись самъ нарѣзывалъ:
Да прочистилъ Илья да какъ дороженку.
«Да поѣду я въ дороженку,
«Гдѣ ка старому богату быть».
А ѣде старикъ путёмъ-дорогою,
Да наѣхалъ на дороги сѣръ горючъ камень,
Да на камешки, гдѣ попись подписана,
Насыпано злата серебра,
Отвалить старику да Ильи Муромцу,
Отобрать-де злато серебро,
Поставить три церкви три соборные:
Первая-та церковь Спасу́ пречистому,

А другая-та церковь Миколы Можанскому,
А третья-та церковь Егорью Храброму.
Отправился старикъ по розстани широкіе
И старую-ту пописъ да срѣзывалъ,
Да новую-ту пописъ старъ подрѣзывалъ:
Прочищены дорожки широкіе,
У старика да Ильи Муромца.

Запис. на Кенозерѣ, 16 августа.

288.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

По три годы Добрынюшка столарничалъ,
По три годы да пивоварничалъ,
И на четвёртой годъ Добрынюшка коня сѣдлалъ,
Коня сѣдлалъ, да со двора съѣзжалъ.
Добрынюшкѣ матушки наказыватъ,
А Микитичу да наговариватъ:
«А поѣдешь, Добрынюшка, по Кіеву гулять,
«Поѣдешь, Микитичъ, да по славному гулять,
«И не завёртывай-ко въ улицы мѣщаньскіе,
«А во тѣ переулочки Маринкины.
«И курва-блядь Мариночка Игнатьевна
«Отравила провела да девяти́ молодцовъ,
«Отравитъ тебя, Добрыня, во десятыихъ».
А Добрынюшка матушки не слушаё,
Поѣхалъ Добрынюшка по Кіеву гулять,
Заѣхалъ во улочки мѣщаньскіе,
А во тѣ переулочки Маринкины.
А курва-блядь Мариночка догадлива,
Сама отравчивая.
У курвы у Маринки у Игнатьевной

Сидитъ голубокъ да со голубушкой,
На ее на окошкѣ на косѣрчатомъ,
А рыльцо-то въ рыльцо оны цѣлуются,
Правильныма крылами обнимаются.
А натягивалъ Добрынюшка ёнъ тугой лукъ,
А накладыва́е стрѣлочку каленую,
И стрѣлилъ въ голубка да со голубушкой.
А не убилъ онъ голубе́юшка съ голубушкой,
А пролетѣла стрѣлка во высо́къ терёмъ,
Убила у Маринки друга милаго,
Друга милаго Тугарина Змiе́вича.
— А поди-тко, слуга да мо́я вѣрная,
— Маринкинымъ богамъ поди не кланяйся,
— Да дѣвкѣ Маринкѣ ты челомъ не бей,
— Стрѣлку возьми да самъ во́нъ поди. —
Пошолъ-то слуга да слуга вѣрная.
Говоритъ-то Мариночка Игнатьевна:
«Кто застрѣлилъ да пусть-ко самъ идётъ».
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердцё,
Маринкинымъ богамъ идё не молится,
И дѣвкѣ Мариночкѣ челомъ не бьё,
Стрѣлочку взялъ да самъ вонъ пошолъ.
А курва Мариночка догадлива,
Да брала ёна да свой-отъ вострой ножъ,
А срѣзыватъ слѣдочики Добрынины,
И мечё во пе́ченьку кирпичную,
Сама ко слѣдамъ да приговариватъ:
«А горятъ какъ слѣдочики Добрынины,
«Такъ розгорись-ко у Добрыни ретиво́ сердцё».
И розгорѣлось у Добрыни ретиво́ сердцё,
По дѣвки Маринки по Игнатьевной.
Маринкинымъ богамъ да и́детъ молится,
Дѣвкѣ Маринкѣ да чело́мъ-то бьётъ:
— Здравствуй, Мариночка Игнатьевно!

— Ты ли, дѣвица, на выдаваньи,
— А я молодецъ да неженáтъ, холостъ,
— Идешь ли, дѣвица, за меня замужъ? —
И говоритъ-то Мариночка Игнатьевна:
«Теперь ты, Добрыня, во моихъ рукахъ,
«Какъ захочу такъ и поворочу.
«Оберну тебя во чистó поле сѣры́мъ волкомъ,
«А нѣтъ дакъ во темны́ лѣса гнѣды́мъ туромъ».
И обвернула вѣдь въ темны́ лѣса гнѣды́мъ туромъ.
Прознала его да вѣдь провѣдала,
Родитель его тётушка.
— Ужъ ты курва Мариночка Игнатьевна!
— Теперь ты, Маринка, во моихъ рукахъ,
— Какъ захочу такъ и поворочу̀.
— Оберну́ тебя сорокой щекотливой,
— А нѣтъ дакъ кобылой водовозницей,
— Вози-тко ты воду на весь Кіевъ градъ. — [1]).

Запис. тамъ же 16 августа.

289.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Добрынюшки матушка наказывала,
А Микитичу да наговаривала:
«Поѣдешь, Добрынюшка, ко риченки,
«Поѣдешь, Микитичъ, да ко быстрые,
«И не задумай-ко, Добрыня, ты купатися,
«И не задумай ты, Микитичъ, да ныро́мъ ходить».
Добрынюшка матушки не слушаё,
Задумалъ Добрынюшка купатисе,

1) Гусевъ досказалъ словами, что Маринка испугавшись «отвернула» Добрыню по старому.

Задумалъ Микитичъ онъ ныро́мъ ходить.
А на бережку ны́рне, на дру́гомъ вы́нырне.
Налетѣла змѣя, да змѣя лютая,
А ладитъ Добрынюшку глотомъ сглотить.
И говоритъ-то Добрынюшка Микптичъ младъ:
— А нагого сглотить да будто мёртваго,
— Дай надѣть платьё богатырское.—
И надѣвае ёнъ пла́тьё богаты́рское,
Берётъ-то же ёнъ да саблю вострую,
Отсѣкъ у змѣи да ёнъ три хо́бота.
А на ту ли пору на то времечко,
Летитъ-то змѣя, да змѣя лютая,
Несё ёна да красну дѣвушку.
Сидитъ-то дѣвица да причитыватъ
И ко своей-то косы да желто-русые:
«И моя-та коса да желто-русая,
«Плетена̀ у родители у матушки,
«Во новомъ во высокомъ во терема.
«Росплета̀ть станутъ маленьки змiе́ныши,
«Да во тѣхъ во пещерахъ во глубокiехъ».
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
Поѣхалъ за змѣе́й да онъ за лютой,
Во тѣ во пещеры во глубокiе.
А эта змѣ́я, да змѣя лютая,
Да хоче его да вѣдь глото́мъ сглотить,
И убирается во пещеры во глубокiе.
А во тѣхъ во пещерахъ во глубокiехъ,
А наношено народу тамъ вѣдь сметы нѣтъ,
Смѣты нѣтъ да смѣ́тить не́мошно.
Сидятъ старички-ты — посѣдатѣли,
Сидятъ старушки-то — посѣдатѣли,
У грудей висятъ маленьки змiёнышки.
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
Розбилъ эты пещеры онъ глубокiе,

Прибилъ онъ вѣдь маленькихъ змiёнышковъ,
Роспустилъ онъ народъ-отъ по своимъ землямъ,
По своимъ землямъ, да по своимъ ордамъ,
По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ.

Запис. тамъ же 16 августа.

290.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ-то городи Кiеви,
У ласкова солнца Владимира,
Хорошъ заведенъ былъ почестной пиръ
На многи на князи, на бояры,
На сильни могучи богатыри,
На всѣ поляницы удалые.
А всѣ на пиру напивалисе,
И всѣ на почестномъ наѣдалисе,
А тутъ всѣ молодцы поросхвастались:
Иной-отъ хвастаетъ: «у мня домъ хорошъ»,
Иной-отъ хвастаетъ силой богатырскою,
Иной-отъ хвастатъ: «у мня платьевъ много»,
Иной-отъ хвастатъ отцемъ матерью,
Безумный-отъ хвастаетъ молодой женой.
Одинъ молодецъ онъ не пьётъ, не ѣстъ,
Не пьетъ онъ не ѣстъ да не кушаё,
Не кушаё да ёнъ не хвастаё.
А солнышко-то нашъ Владимиръ князь,
И ходитъ по полатамъ княженецкiемъ,
А самъ государь выговаривалъ.
Накидыватъ службу на бо́льшаго,
А бо́льшой тулялся за средняго,
Сре́дней тулялся за ме́ньшаго,

А отъ меньшой-то братьи отвѣту нѣтъ.
Накинули службу великую,
А великую службу непомѣрную,
А на молодца Добрыню Микитича:
Завтра ему ѣхать въ чисто полё,
Биться-рубиться съ богатыремъ,
Съ богатыремъ биться съ Ягой-бабой.
Наказывалъ Добрыня молодой женѣ:
«Послушай, моя молода жена!
«Жди-тко меня ровно три года,
«Другое-то жди меня три года,
«И жди меня третье три́ года.
«Пройдетъ того времечки девять лѣтъ,
«На десятый годъ домой не жди.
«Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
«Хоть за̀ князя поди, за боярина,
«И за сильня могуча богатыря,
«Не ходи ты за Олешу Поповича,
«Олеша Поповичъ — крестовой братъ,
«Крестовой братъ онъ да насмѣшникъ мой».
Поѣхалъ Добрыня во чисто̀ полё,
А биться-рубиться съ бога́тыремъ,
Съ бога́тыремъ биться съ Ягой-бабой.
Подъ краснымъ-то боромъ стоялъ три́ годы,
Подъ крутой-то горой стоялъ три́ годы,
Подъ ракитовымъ кустомъ стоялъ три́ годы,
Того времечки прошло девять лѣтъ.
Ой поѣхалъ Илья славный Муромецъ,
Ой искать онъ баженаго племянничка.
— Ой же Добрыня Никитичъ младъ!
— И пьёшь ты, ѣси, проклажаешься,
— Не знаешь незгоды, не вѣдаёшь:
— Твоя молода жена замужъ пошла
— А й за вора Алёшу Поповича.

— Поневолилъ ей солнышко Владиміръ князь.
— Севодни у нихъ рукобитьицо,
— А завтра у ихъ буде свадебко. —
«Ой же родитель мой дядюшка!
«Подломились у меня ножки рѣзвые,
«И трёпáли у меня ручки бѣлые,
«И не могу я убить-то богатыря.
«Пособи-тко убить мнѣ богатыря,
«А богатыря убить мнѣ Ягу-бабу».
— Не честь похвала молодецкая
— Биться двумъ богатырямъ съ Ягой-бабой,
— А бей бабу по титкамъ, пинай подъ гузно. —
И бьетъ бабу по титкамъ, пиналъ подъ гузно,
Да вѣдь тутъ же баба и умерла.
Розсѣкъ эту бабу на мелки куски,
Розметалъ эту бабу по чисту полю,
Поѣхалъ путёмъ по дороженки,
Ёнъ встрѣтилъ калику перехожую,
Перехожу калику переѣзжую:
«Ты ой же калика перехожая!
«А скидывай-ко, калика, платье чёрное,
«И надѣвай-ко ты платьё Добрынино.
«Добромъ не дасй — забоёмъ возьму».
И скидывáе калика платье калическо,
И поѣхалъ каликой перехожею.
Пріѣхалъ Добрыня Микитицъ младъ
Ко своей ко родители къ матушкѣ:
«И здравствуй Добрынина матушка,
«А й матушка Омельфа Тимоѳеевна!
«И дай-ко гусёлка яровчаты,
«И дай же шалыгу подорожную.
«Я поѣду къ Алёши на свадебку».
И говоритъ-то Добрынина матушка:
— И ой же калика перехожая!

— Пришолъ ты, калика, насмѣхаешься,
— Надо мной безсчастной надъ матерью.
— Потерялось у ме́ня солнце красное,
— А сегодня закатился младъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
— У Добрыни молода жена заму́жъ пошла. —
Несё ёна блюдо злата серебра,
А другоё несё скатня жемчуга,
И третьё мѣди жаровически.
Поминаетъ Добрыню Микитичу.
«И ой же Добрынина матушка!
«Како́е у Добрыни было знамечко?»
— Знамечко было на головушки. —
Ущупала ёна знамечко.
Роспекло тёплое красное солнышко,
Пріѣхалъ Добрыня Микитичъ младъ,
И несё она гусёлка яровчаты,
И несё она шалыгу подорожную.
Ёнъ поѣхалъ къ Олёши на свадебку,
Пріѣхалъ къ Олёшѣ на свадебку,
Ёнъ и́грище игралъ отъ Царяграда,
Другое игралъ отъ Еросолима,
Третьё играе отъ Кіева,
И похожденья выигрывалъ Добрынины.
Которы на пиру догадалисе,
А зъ-зара́нья съ пиру убиралисе.
И самъ говорилъ таково слово:
«Послушай, Алёша Поповичъ младъ!
«Прикажи налить чару зелена вина,
«Поднести-то твоей молодой жены».
Наливали ту чару зелена вина.
Съ руки онъ спустилъ свой злачёнъ перстень:
«И выпьешь до дна — увидашь добра,
«Не выпьешь до дна — не видать добра».
И выпила до дна й увидала добра,

А спущонъ съ руки-то злачонъ перстень.
Она говоритъ таково слово:
— Не тотъ мой мужъ, кой подлѣ́ меня сидитъ,
— Да тотъ мнѣ мужъ, супротивъ меня стоитъ. —
Хватилъ какъ шалыгу подорожную,
А взялъ какъ шалыгой помахивать,
Куды онъ махнётъ — туды улица,
Куды отмахнётъ — переулочка.
А въ бухканьѣ какъ не слышно о́хканья,
А въ охканьѣ какъ не слышно бухканья.
Хватилъ какъ Алёшу за желты кудри,
Ушибъ ёнъ Алёшу о сыру землю.
«Кабы ты вѣдь былъ не крестовой братъ,
«Я придалъ бы тобѣ скору смёртоньку».
И говоритъ-то Алёша Поповичъ младъ:
— И всѣ-то у насъ братцы женятся,
— А не всякому женидьба издавается. —
И только и Алёша и женатъ быватъ.

Запис. тамъ же 16 августа.

LIX.

ХАРЛАМЪ ГУСЕВЪ.

Харламъ Андреевичъ Гусевъ, сынъ предъидущаго сказителя. Ему лѣтъ 40. Былины заимствовалъ отъ отца. Кромѣ здѣсь помѣщаемыхъ, онъ зналъ еще былины про Добрыню и Маринку и смерть Чурилы.

291.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Былъ старъ матёръ человѣкъ Илья Муромецъ,
Былъ у стараго хорошъ добрый конь,
Рѣки, озёра перескакивалъ,
Грива-та была да трёхъ локотъ,
Да фостъ-отъ былъ да трёхъ сажёнъ,
Шерсть-то была да трёхъ прятей[1]).
Осѣдлалъ-то старой коня добраго,
Поѣхалъ во чисто полё,
Ко тому ли камешку горючему.
На камешки подпись подписана:
Во перву дорожку ѣхать — убиту быть,
Въ другýю-ту ѣхать — женату быть.
Тутъ-то старъ пораздумался:
«На что мнѣ старому женитися?
«Старой-то взять мнѣ не хочется,
«Молодая-то взять дакъ чужа корысть.
«Поѣду въ дорожку гдѣ убиту быть,
«А биту-то быть, биту, граблену».
Поѣхалъ въ дорожку гдѣ убиту быть.
Началъ бурушко поскакивать,
Началъ косматушко помахивать,
Онъ рѣки, озёра перескакивалъ,
А мхи ты болота промежъ ногъ пустилъ,
Наѣхалъ на заставу великую,
Сорокъ тысячъ разбойниковъ.
Атаманъ стоитъ со ата́манью,
Захватилъ у стара добра коня.
— Отдай-ко, старой, золоту казну. —

---

1) Масть (такъ объясн.).

Говоритъ-то старой не съ упадкою:
«А й же станичны разбойники!
«У мня у стара грабить нечего.
«Сѣдёлко у мня во пятьсотъ рублей,
«Уздица у мня во тысящу».
— Почему у тебя она дорога? —
«Врѣзываны каменья самоцвѣтные,
«Самоцвѣтны каменья драгоцѣнные,
«Не для красы-басы молодецкія,
«Для крѣпости богатырскіе,
«Чтобы видно въ осеннія ноченьки,
«Чтобы видно добра коня во чистомъ поли.
«Еще шуба у мня во пятьсотъ рублей,
«Шапка у мня да во тысящу».
— Почему у тебя она дорога? —
«Перена она перьемъ орлинымъ.
«Не того орла, кой леталъ по синимъ морямъ,
«А того ли орла, кой леталъ по круты́мъ горамъ,
«Ударился онъ горю́чь камень,
«Обломалъ онъ перья орлиныя.
«Ѣхали купцы Измайловски,
«Собирали перье орлиноё,
«Везли-то старому въ подарочкахъ.
«Коню моему цѣны вѣдь нѣтъ,
«А мнѣ старику вѣдь смерти нѣтъ».
Хватилъ онъ разбойника за ноги,
Началъ разбойникомъ помахивать,
Началъ онъ поворачивать.
Куда махнё — туда улушка,
Куда отмахнё — переулочёкъ,
Прибилъ онъ сорокъ тысячъ разбойниковъ,
Убилъ атама́на со ата́манью,
Самъ ли онъ выговаривалъ:
«Пусть эта дорожка прохожая,

«Прохожа и проѣзжая».
«Поѣду въ дорожку гдѣ женату быть».
Началъ бурушко поскакивать,
Онъ рѣки, озёра перескакивалъ,
Мхи-ты болота промежъ ногъ пустилъ.
Пріѣхалъ къ терему златоверхому,
Къ той ли стѣны да высокія,
Къ той ли башни треугольніе.
Скочилъ онъ черезъ стѣну высокую,
Черезъ ту ли башню треугольнюю.
Пріѣзжаетъ онъ на широкой дворъ,
Слѣзаетъ старъ со добра коня,
Привязывалъ старой добра коня
Къ тому ли столбу да точёному,
Къ тому ли кольцу золочёному.
Выбѣгала дѣвица душа красная,
Брала стара за бѣлы́ руки,
Цѣловала въ уста сахарніе,
Проводила во полаты бѣлокаменны,
Садились за столы за дубовыя,
За тѣ ли скатерти браныя.
Приносила вина полтора ведра,
Бралъ старой единой рукой,
Выпивалъ-отъ старой на единый духъ.
Возговоритъ дѣвица душа красная:
— А й же ты старъ матёръ человѣкъ!
— Полно пить, ѣсть, веселитися,
— Пора времечко со мной забавлятися.
— Ложись-ко ты, старой, на кроваточку,
— На кроваточку ко стѣночкѣ,
— Я молода на краю просплю. —
Говоритъ-то старъ таково слово:
«А й же дѣвица душа красная!
«Ты ложись-ко ко стѣночкѣ,

«А я старичокъ на краю просплю,
«Потому что часто вонъ хожу».
Не ложится дѣвица ко стѣночкѣ.
Хватилъ-то старой за бѣлы руки,
Бросилъ ей на кроваточку,
Кроваточка была ложная,
Кроватка у ней провалиласе,
Сама во погребъ увалиласе,
Погреба были сорока сажонъ.
Выходилъ-то старой на широкой дворъ,
Розломалъ онъ двери дубовыя.
Выходило изъ погреба глубокаго,
Сорокъ царей, сорокъ царевичёвъ,
Сорокъ королей, королевичёвъ,
Сорокъ сильнихъ могучихъ богатырей,
Простого народу и смѣты нѣтъ,
Стары старички — посѣдатѣли.
Возговоритъ старъ таково слово:
«А й же вы люди добрые!
«Росходитесь по своимъ землямъ, по своимъ ордамъ,
«По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ».

Запис. тамъ же 16 августа.

292.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ во городи Кіеви,
У ласкова солнца Владимира,
Былъ заведенъ хорошъ почёстной пиръ
На многихъ на князей и на бояровъ[1]),

---

1) Тогда же къ этому стиху былъ присоединенъ рукою А. Ѳ. Г—га варіантъ — какъ изрѣдка и ниже — : «...многи ...князи ...бояры». *Ред.*

На сильни могучи богатыри,
На всѣ поляницы удалые,
На всѣ ли татары улановы.
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру роспотѣшились,
Всѣ на пиру поросхвастались:
Умной-отъ хвастатъ отцемъ матерью,
Безумной-отъ хвастатъ молодой женой,
Иной-отъ хвастатъ: «у мня конь хорошъ»,
Иной-отъ хвастатъ: «у мня домъ хорошъ»,
Иной-отъ хвастатъ силой богатырскою.
Добрыня Микитичъ младъ
Не пьётъ онъ не ѣстъ да не кушаё,
Не кушае Добрыня не хвастаё.
Солнышко Владимиръ князь
По княженецкимъ полатамъ похаживалъ,
Руки въ карманахъ понашивалъ,
Самъ государь выговаривалъ:
«Кому-то, братцы, ѣхать съ утра во чисто́ поле
«Биться-рубиться съ богатыремъ,
«Съ богатыремъ биться съ поляницею,
«Съ поляницею биться со Ягой-бабой?»
Накинывали службу великую
На того ли Добрыню Микитича.
Пошолъ-то Добрыня ко матушки,
Не веселъ идё не радошенъ,
Спустилъ онъ очи ясны въ сыру́ землю,
Буйну голову въ плечи могучіе.
Встрѣчаетъ родитель ево матушка,
Та ли Омельфа Тимоѳеевна:
— А й же Добрыня Микитичъ младъ!
— Что ты не веселъ не радошёнъ,
— Спустилъ ты очи ясны въ сыру́ землю,

— Буйну голову въ плеча могучіе.
— Развѣ мѣсто было не по разуму,
— Развѣ чарка тебѣ не рядомъ дошла,
— Или дворянски собаки облаяли,
— Невѣжа тобой осмѣяласе?
«А й же родитель моя матушка!
«Мѣсто-то было по разуму!
«Чарка-та мнѣ-ка рядомъ дошла,
«Дворянски собаки не облаяли,
«Невѣжа-та мной не осмѣяласе.
«Солнышко Владимиръ князь
«Накинывалъ службу великую:
«Заутрá-то ѣхать въ чистó полё,
«Биться-рубиться съ богатырёмъ,
«Съ богатыремъ биться съ поляницею,
«Съ поляницею биться съ Ягой-бабой».
Наказывалъ Добрыня молодой женѣ:
«А й же моя молода жена,
«Катеринка Микулична!
«Жди-тко меня ровно три года,
«Другое-то жди меня трú года,
«Третье-то жди меня трú года.
«Того времечки пройде девять лѣтъ,
«На десятой годъ домой не жди,
«Хоть вдовой живи, хоть за мужъ поди,
«Хоть зá князя поди за боярина,
«Хоть за сильня могуча богатыря,
«Не ходи за Олёшу Поповича,—
«Олёша Поповичъ — крестовой братъ,
«Крестовой братъ да насмѣшникъ мой».
Осѣдлалъ Добрыня коня доброво,
Поѣхалъ Добрыня во чистó полё,
Ко тому ли камешку горючему.
Начали биться со Ягой-бабой,

Подъ сѣрымъ-то камешкомъ бились ровно три́ года,
Подъ красной-то со́сной друго три́ года,
Подъ крутой-то горой третье три́ года.
Того времечки прошло девять лѣтъ.
Солнышко Владимиръ князь
Обневолилъ Добрынину молоду жену
Итти за́ мужъ за вора Олёшу Поповича.
Севодня у ихъ рукобитьицо,
Завтра будетъ у нихъ свадебка.
Былъ у Добрынюшки дядюшка,
Славный-то храбрый Илья Муромецъ.
Осѣдлалъ онъ коня добраго,
Поѣхалъ искать онъ племянничка,
Нашолъ онъ племянничка въ чисто́мъ поли,
Говорилъ-то ему таково слово:
— А й же Добрыня Микитичъ младъ!
— Что ты пьешь, ѣси́, проклажаешься,
— Не знаешь незгоды не вѣдаешь.
— Твою ли молоду жену
— Солнышко Владимиръ князь
— Обневолилъ итти за мужъ за Олёшу Поповича.
— Севодня у ихъ рукобитьицо,
— Завтра будетъ у нихъ свадебка.
«А й же родитель мой дядюшка!
«Пособи-тко убить мнѣ бога́тыря,
«Богатыря убить мнѣ Ягу́-бабу».
Возговоритъ дядюшка:
— Не честь-то хвала молодецкая,
— Двумъ бога́тырямъ биться съ Яго́й-бабой.
— Бей бабу по титкамъ, пинай подъ гузно. —
Билъ онъ бабу по титкамъ, пиналъ подъ гузно,
Тутъ-то ей да скора смерть пришла.
Разсѣкъ онъ бабу на мелки́ куски,
Росшибалъ онъ бабу по чисту́ полю,

Сорокамъ воронамъ на пожраніё.
Самъ поѣхалъ путёмъ-дорогой широкою,
Стрѣтилъ калику прохожую.
«Здравствуй, калика прохожая!
«Скинавай-ко платье калическо,
«Надѣвай-ко платье цвѣтное,
«Платьё цвѣтно богатырскоё».
Надѣлъ калика платье богатырскоё,
Надѣлъ Добрыня платье калическо,
Пришолъ-то Добрыня ко матушки.
«Здравствуй Добрынина матушка!»
— Здравствуй, калика прохожая! —
Несетъ она блюдо злата серебра,
Другое несётъ скатня жемчугу,
Третье несётъ мѣди жаровической.
— Поминай Добрыню Микитича. —
Примае блюдо злата серебра,
Другое примае скатня жемчугу,
Третье примае мѣди жаровической,
Поминае Дóбрыню Микитича.
«А й же Добрынина матушка!
«Како у Добрыни было знамечко?»
— Знамечко было на головушкѣ,
— Кружокъ-отъ былъ да съ копеечку. —
«Погляди-ко у мня на головушки».
Поглядѣла у калики на головушки,
Кружокъ-отъ былъ да съ копеечку.
Говорила она таково слово:
— Роспекло-то севодни красно солнышко,
— Освѣтитъ-то севодни младъ свѣтёлъ мѣсяцъ.
Возговоритъ Добрыня таково слово:
«А й же родитель моя матушка!
«Принеси мнѣ шалыгу подорожную,
Принеси мнѣ гусёлка муравчаты,

«Пойду я къ Олёши на свадебку».
Принесла она шалыгу подорожную,
Принесла ему гусёлка муравчаты,
Пошолъ-то Добрыня на свадебку.
Приходитъ Добрыня на свадебку,
Игрище игра́лъ отъ Царяграда
Другое игралъ отъ Еросо́лима,
Третье игралъ отъ града отъ Кіева,
Отъ того ли отъ солнца Владимира,
Похожденья выигрывалъ Добрынины.
Которы на пиру́ здогадалися,
Тѣ заранья съ пиру убиралися.
Которы на пиру́ не догадалися,
Тѣ на пиру оставалися:
Оставались воры-разбойники,
Оставались голи кабацкіе.
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
Хватилъ онъ шалыгу подорожную,
Началъ шалыгой помахивать,
Началъ шалыгой поворачивать.
Куда махнё — туда улица,
Куда отмахнё — переулочёкъ,
Онъ силы прибилъ и смѣты нѣтъ,
Говоритъ онъ Алёши Поповичу:
«А й же Алёша Поповичъ младъ!
«Прикажи-ко своей молодой женѣ,
«Налить-то чару зелена вина,
«Подать-то калики прохожія».
Приказалъ Алёша молодой женѣ
Налить-то чару зелена вина,
Подать-то калики прохожія.
Примае калика прохожая,
Полагае перстень со правой руки
Въ чару зелена вина,

Подавае Алёшиной молодой женѣ:
«А й же Алёшина молода жена!
«Пей чару до дна — дакъ увидашь добра,
«Не выпьешь до дна — не видать добра».
Она пила до дна увидала добра,
Увидѣла злачёнъ перстень
Мла́даго Добрыни Микитича.
Говорила таково слово:
— Не тотъ мой мужъ, кой подлѣ́ стоитъ,
— Тотъ мой мужъ, кой супротивъ стоитъ. —
Хватилъ Добрыня Алёшу за желты́ кудри,
Ударилъ Алёшу о сыру́ землю:
«Кабы былъ Алёша не кресто́вой братъ,
«Придалъ-бы тебѣ скору смёртоньку».
Столько Алёша и женатъ бывалъ.
Всякой у насъ, братцы, женится,
Не всякому женидьба издавается.

Запис. тамъ же 15 августа.

LX.

АНДРЕЕВА.

Ирина Андреева, крестьянка, вдова подъ 60-тъ лѣтъ, въ дер. Немятовой на Кенозерѣ; слыхала былины отъ стариковъ и поетъ нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, довольно нескладно. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, она пѣла еще общеизвѣстную женщинамъ старину про двухъ любовниковъ и весьма плохой пересказъ того самаго варіанта былины про молодца и рѣку Смородину, который поетъ Лядковъ (см. № 262).

293.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

А й да во славномъ городѣ во Кіевѣ,
А у ласкова князя Владимира,
А й да пошло пированье почестной пиръ
А й да на многіи князи на бояра,
А й да на сильніе могучіе богатыри,
А й да на всѣ поляницы удалые.
А й лѣтной день идётъ ко вечеру,
А красное солнышко ко западу,
А й честенъ-отъ пиръ на весели.
А й всѣ-то на пиру да напивалисе,
А й всѣ-то на почестномъ наѣдалисе,
А й всѣ-то на пиру да порасхвасталисе:
А умной-отъ хвастатъ отцемъ матерью,
А й да безумный хвастатъ молодой женой.
Да одинъ на пиру да все не весёлъ сидитъ,
Не весёлъ ёнъ сидитъ не ра́дошенъ:
«А й что ты Иванъ сынъ Годиновичъ,
«Не весёлъ ты Иванушко не радошенъ.
«Развѣ мѣсто-то тебѣ да не по вотчины,
«А чара-та да не рядомъ дошла,
«А й ли умница прибезчестила,
«Аль безумница насмѣялисе,
«Али пьяница надрыгаласе».
— А й послушай-ко, любезный мой дядюшко!
— А й умница не насмѣялисе,
— А й пьяница не нарыгаласе.
— А во славномъ городи въ Чернигови,
— А у Митрея гостя торговаго,
— Есте у него любима́я дочь,
— Любимая Настасья дочь Митреевна.
— Тѣломъ-то бѣла ёна, лицомъ свёрстна,

— А походочка-то лани златорогіе,
— Щечки у неё будто маковъ цвѣтъ,
— Брови у неё соболиные,
— А глазы-то у неё соколиные,
— А дородно бы, дядюшка, посвататься.
— А добромъ ёнъ отдастъ, я добромъ возьму,
— А добромъ не отдастъ, забоёмъ возьму.
— А й силушки дай колько надобно,
— Золотой-то казны колько требуется,
— Поѣду я къ Митрію свататься,
— А на той ли Настасьи Митрѣвичной —
А видѣли молодчика саждаючи,
А не видѣли молодчика поѣзжаючи.
А пріѣхалъ ёнъ въ городъ Черниговской,
А ко тому ли-то къ Митрею ли гостиному,
А ко тому ли терему златоверхому,
А ко тому ли крылечку ко перёному,
А ко тому ли столбичку ко точеному,
А къ колечушку къ золоченому.
А й да заходитъ Иванъ во высокой во терёмъ,
Крестъ-отъ кладётъ по писаному,
Поклоны ты ведётъ по ученому,
Да на всѣ-то четыре сторонушки,
А й Митрею гостю въ особинку.
— А й здравствуй, Митрей торговый гость!
— А пріѣхалъ у тебя я посвататься
— А на той ли Настасьи Митрѣевной.
— А й добромъ-то отдашь, я добромъ возьму,
— А добромъ не отдашь, такъ забоёмъ возьму. —
Говоритъ тутъ Митрей таково слово:
«У меня про тебя и собачки нѣтъ.
«А у мня Настасьюшка просватана,
«А й да великіе записи написаны,
«А къ запися́мъ-то рученки приложены,

«А буйные головушки приложены».
Не много Иванушко спрашивалъ,
Да не долго Иванъ розговаривалъ,
Зафатилъ онъ Настасью за бѣлы́ руки,
Да за тѣ-ли за перстни за злаченые,
Цѣловалъ во уста во сахарніе,
Выходилъ съ Настасьей на широкой дворъ,
А садился съ Настасьей на добра коня,
А поѣхалъ съ Настасьей во чисто полё.
А видѣли молодчика саждаючи,
А не видѣли куды поѣзжаючи.
Выѣхалъ съ Настасьей во чисто полё,
А роздернулъ шатёръ бѣлополотняной,
Надавалъ коню бѣлоярова пшена,
Сталъ съ Настасьей опочивъ держать.
А не стукъ стучитъ да не громъ гремитъ,
Ле́титъ тутъ Кощей сынъ Трипётовичъ,
— А й станемъ, Иванушко, мы бой держать,
— А кому-то будетъ на бою Божья́ помочь. —
Какъ ура́зилъ Кощея о сыру̀ землю,
А ура́зилъ ёнъ Иванъ сынъ Годиновичъ.
«А й же ты Настасья дочь Митрѣевна!
«А подай-ко ты мнѣ булатній ножъ,
«Стану рѣзать пороти е́го бѣлу грудь,
«Вынимать сердечушко со печенью».
Говоритъ Кощей сынъ Трипётовичъ:
— Не давай-ко, Настасьюшка, булатняго ножа.
— А за имъ-то жить тебѣ служанкой слыть,
— А за мной-то жить тебѣ царицей слыть. —
А й женское сердце розгорѣлосе,
А фатила Ивана за желты́ кудри,
Урази́ла Ивана о сыру землю.
Привязали Ивана ко сыру дубу,
А сами зашли во бѣлой шатёръ,

А й стали со Кощеюшкомъ опочивъ держать.
А й на этотъ на сы́рой на дубечокъ,
Налетѣло тутъ два сизы́хъ голуба̀,
А й голубъ налетѣлъ да со голубушкой,
А носокъ къ носку ёны̀ цѣлуются,
Прави́льными крылышками обнимаютсе.
Направливалъ Кощеюшко тугой лукъ,
Натягивалъ Кощеюшко калёную стрѣлу̀.
А этая стрѣла Кощеюшку
Прилетѣла Кощею въ бѣ́лу грудь,
Роспорола у Кощеюшка бѣлу грудь.
А сидитъ тутъ Настасья дочь Митрѣевна,
Сидитъ тутъ Настасья розгорюнилась,
А й отъ бережку да откачнуласе,
А къ другому-то не прикачнуласе.
Говоритъ тутъ Иванъ сынъ Годиновичъ:
«Отвяжи-тко ты, Настасья, отъ сыра дуба,
«Я не стану тебя да не бить бранить,
«Только дамъ тебѣ три грозы три великіе».
Женское сердце розгорѣлосе,
Отвязала Ивана отъ сыра дуба.
Отрѣзалъ Иванъ бѣлы рученки:
«А мнѣ-то эты рученки не надобно,
«Которы обнимали Кощеюшка».
Да отрѣзалъ у нею да сахарніе уста:
«А мнѣ эти устика не надобно,
«Которы цѣловали Кощеюшка».
А отломилъ у ей рѣзвы ноженки:
«А мнѣ эти ноженки не надобно,
«Которы заплетали Кощеюшко».
Да стольки Иванъ и женатъ бывалъ.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Болѣ впередъ не знай.

Запис. на Кенозерѣ 12 августа.

294.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

А жила была да молода вдова,
Молода вдова благочесливая.
А у той вдовѣ было девять сыновъ,
А девять сыновъ да ясныхъ соколовъ,
Во десятые да дочь любимая,
Дочь любимая да одинакое.
А пріѣхали да на ей свататься,
Да за мужъ за море да за морянина.
А ею отдала да родна матушка,
Поневолили вѣдь ро́дны братьица,
А ушла съ моряниномъ она за море,
А девять годовъ да не стоснулосе,
На десятой годъ да стосковалосе,
Стала звать просить морянина:
«А пойдемъ, морянинъ, со мной за море,
«Со мной за морё да къ моей матушки,
«Къ той ли ко вдовы благочесливые».
Какъ шли-прошли да путь-дороженку,
А намъ встрѣтилосе девять школьничковъ,
Девять школьничковъ, девять розбойничковъ.
Какъ морянина да въ море врѣзвили[1]),
А моряночку да съ собой взяли.
Всѣ разбойнички да опочивъ держа,
А одинъ разбойникъ не спитъ нечто,
У моряночки да сталъ выспрашивать:
— Ты скажись, моряночка, коей земли,
— Ты коей земли да ты коей орды,
— Коего отца да коей матери?

1) Потопили.

«Есть морянка изъ за синя моря,
«Той вдовы благочесливые.
«Меня отдали да родны братьица,
«Поневолила да родна матушка».
Говоритъ разбойникъ таково слово:
— Вы ставайте, братцы розбойники!
— Не морянина да въ море врѣзвили,
— Не моряночку да вособо́й взяли:
— Въ море врѣзвили зятя любимаго,
— Да вособой взяли да сестру родную. —
Всѣ розбойнички да перепалисе,
За рогатинки да пофаталисе,
Три дни, три ночи да не пиваючи,
Не пиваючи да не ѣдаючи,
У морянина душу добываючи.

Запис. тамъ же 12 августа.

295.

НЕБЫЛИЦА.

Старина скажу стародавную,
Стародавную да небывалую.
Хорошо сказать, да лучше слухать.
Побѣдна головушка бурлацкая,
Соскопилась гривна передъ злыми дни.
«На кабакъ иду да на вино пропью,
«На остатній грошъ да табаку возьму,
«Дунай, Дунай, Дунай, впередъ болѣ не знай».
А не курица подъ стопою ягниласе,
Не кобыла на лыжахъ прокатиласе,
Клепина въ ели да бѣлку слаяла,
Бѣлку слаяла да дѣтокъ вывела.

Малы дѣточки да поросяточка,
По сучкамъ вися, да полетить хотя,
Полетить хотя да по поднéбесью.
По поднебéсью братцы медвѣдь летитъ,
Медвѣдь летитъ, самъ фостомъ вертитъ.
А за плотнóй стѣной было за жарновомъ,
Роздралась свекрова со невѣсткою,
Ёна мутовками да поварёнками,
Тараканъ шельмà да ёнъ въ портки насралъ.

Запис. тамъ же 12 августа.

LXI.

СТЕПАНЪ МАКСИМОВЪ.

Степанъ Ильичъ Максимовъ, крестьянинъ-земледѣлецъ и отчасти каменотесъ, изъ дер. Немятовской. Выучился былинѣ про Илью Муромца отъ Трофима Романова изъ дер. Пирзаковской, чтò на Колодозерѣ (Пудожскаго уѣзда), извѣстнаго сказителя, со словъ котораго записано 8 былинъ въ сборникѣ г. Рыбникова (этотъ Трофимъ Романовъ умеръ въ 1870 году). Прочія «старинки» Максимовъ переняль дома, у своей тетки.

296.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Во стольномъ городи во Кіевѣ,
Да у ласковаго князя у Владимира,
Да собранъ-то былъ почестной пиръ,
Да на многіе князи всихъ на бояровъ,

Да и сильнихъ на могучихъ богатырей,
Да на ихъ поляницу [1]) на удалую,
Да на всѣхъ-то купцей-гостей торговыихъ.
Самъ ли солнышко спотѣшился,
Да кого дарилъ онъ городами то,
Да кого-то дарилъ и съ пригородами,
Да кого-то дарилъ и селами-то,
Да селами-то дарилъ да съ присёлками,
А Ильи-то подарилъ да шубу кунью-ту,
Да-де тотъ воротникъ соболиные.
Да Ильи-то шуба не въ честь пришла,
Да не въ честь пришла, не въ хвалу дошла.
Да понёсъ-то-де шубу онъ на кухиньку,
Да таскалъ-то-де шубу онъ по кухинькѣ,
Да самъ-то-де шубѣ приговариваётъ:
«Таскаю я какъ шубу соболиную,
«Оттаскаю змѣя царя Калина,
«За его-ль-то за кудерышка да жолтые.
«И обливаю шубу зеленымъ виномъ,
«И обольется-то сердцо ретивое,
«Да ево ли-то кровью горячею».
Да-де была тутъ дѣвушка чернавушка,
И доложило то солнышку Владимиру:
— Ужъ ты солнышко Владимиръ князь!
— Какъ и былъ-то Илья у мня на кухеньки,
— Да таскалъ ёнъ шубу какъ и кунью-ту,
— Да-де самъ-то онъ шубы приговариваётъ:
— Оттаскивать-ли мнѣ князя да Владимира
— И за его ли-то кудёрышка за жолтые,
— Обливалъ-то де шубу зеленымъ виномъ,
— Самъ-то ли шубѣ приговариваётъ:
— Обольется ли солнышко Владимиръ князь

1) Дружина богатырей, — у каждаго богатыря друж(ина).

— Да своей-то ли кровію горячею
— И отъ моихъ-то ли рукъ да отъ бѣлыихъ.
Да розсерчался-то солнышко Владимиръ князь,
Да скричалъ своимъ да громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы сильніе могучіе богатыри!
«Да отведите вы Илью да вѣдь во погребы,
«И навалите чугунную рѣшоточку,
«И завалите дубъ-колодья со всѣ стороны,
«Да заройте песками е́во жёлтыма».
Пріѣзжаютъ тутъ бога́тыри:
— Ужъ ты старые казакъ Илья Муромецъ!
— Приказалъ намъ солнышко Владимиръ князь
— Посадить тебя въ по́гребы глубокіе,
— И навалить-то рѣшоточку чугунную,
— И завалить-то дубъ-ко́лодьемъ со всѣ стороны,
— Да зарыть-то песочками жолтыма. —
И говоритъ-то Илья да таково слово:
«Да-де что со мною вы подѣлаете?»
И говорятъ бо́гатыри таково слово:
— Да не одно ли солнышко на́ небѣ,
— Не одинъ ли бога́тырь на святой Руси,
— Старые казакъ Илья Муромецъ.
— Да выведи изъ неволи изъ великія,
— Побѣдитъ насъ солнышко Владимиръ князь. —
Да садился Илья да на добра коня,
Да поѣхалъ Илья да и во Кіевъ градъ,
Не заѣхалъ Илья во Кіевъ градъ,
Да поѣхалъ ко погребу глубокому.
Сходилъ-то съ коня да онъ со добраго,
Да снимае сѣдельшко черкальское,
Да снимае уздицу да тесмяную,
Да спущае онъ бурушка на Божью́ волю.
Да спущался Илья во погребы глубокіе,
И навалили рѣшоточку навалили,

И навалили дубъ-коло́дье со всѣ стороны,
Да зарыли песочками какъ желтыма.
Какъ провѣдала княгина да Апраксія,
Да копала-то ли копи да глубокіе,
Да къ старому казаку да къ Ильи Муромца
Да носила-то ѣствы сахарніе,
Да ставила напитки медовые.
Да сидѣлъ-то Илья да онъ три годика,
Да провѣдалъ-то царь-змѣй Калиновъ,
Да собралъ силы сорокъ тысячей,
Подошолъ ёнъ къ городу ко Кіеву,
Посылае посланника строгаго:
«Ужъ ты солнышко Владимиръ князь!
«Ваше-то царство пожрёмъ-поплѣнимъ
«И головней покатимъ,
«А тебя-то возьмемъ во поварники,
«Молодую-то княгину да въ постельницу».
Да некому-то князя замѣнити-то.
Говорила княгиня-то Апраксія:
— Да иди-тко ты къ погребамъ глубокіемъ
— Да отрой-ко песочки ты желтые.
— Отвали-ко ты дубъ-ко́лодья на всѣ стороны,
— Отвали-тко рѣшоточку чугунную,
— Да проси старика да Илью Муромца. —
И говоритъ-то-де солнышко Владимиръ князь:
«Да вѣдь нѣтъ-то Ильи да во живностяхъ».
Да приходитъ ко погребамъ глубокіемъ,
Да отрылъ-то песочики да желтые,
Отвалилъ-то ли дубъ-ко́лодья на всѣ стороны,
Отвалилъ-то рѣшоточку чугунную,
Да сидитъ-то Илья вѣдь во живностяхъ.
И говорилъ-то де солнышко Владимиръ князь:
«Ужъ ты выдь-то Илья да изъ погреба.
«Какъ подступилъ-то змѣй царь Калиновъ

«Подъ нашъ да подъ Кіевъ градъ».
— А нѣтъ у мня силы теперь по старому. —
И приходила-то княгина какъ Апраксія
Съ сиротами да съ вдовами людьми бѣдныма,
Да просила-то Илью да съ униженіемъ:
«Да встань ты, Илья, да какъ изъ погреба,
«Да ли выдь ты, Илья, да на святую Русь».
И выходилъ-то Илья да какъ изъ погреба,
Да скрикалъ ёнъ теперь да громкимъ голосомъ:
«Ахъ ты бурушко да ты косматые!»
Да накладывалъ уздечку тесмяную
Да накидывалъ сѣдёлышко черкальское,
Да поѣхалъ-то Илья да во Кіевъ градъ.
Да заѣхалъ-то Илья да на широкой дворъ,
Да заходитъ-то въ полаты княженецкіе.
Да встрѣчае ево солнышко Владимиръ князь
Да не одно-то ли солнышко на небѣ,
Не одинъ ли бога́тырь на святой Руси,
Старые казакъ да Илья Муромецъ.
Да на эту пору да на времечко,
Да является посланникъ и какъ строгіе,
Да и требуетъ отъ солнышко Владимира,
Да и требуетъ ево да во чисто полё.
Говоритъ-то Илья да какъ и Муромецъ:
— Ахъ ты солнышко да Владимиръ князь!
— Принеси-тко вина да полтора ведра,
— Да ты потчуй посланника строгаго. —
Да берётъ-то посланникъ вино едной рукой,
И выпиваетъ ёнъ на единый духъ.
— Принеси еще вина полтора ведра. —
Да берётъ-то вино онъ едно́й рукой,
И выпиваетъ ёнъ на единый духъ.
— Принеси-тко ты да пива крѣпкаго,
— Да подай-то ему да полтора ведра. —

Да берётъ-то-де пиво онъ еднóй рукой,
Выпиваетъ на единый духъ.
Говоритъ-то старикъ таково слово:
— Ахъ ты солнышко да Владимиръ князь:
— Да хорошъ къ намъ пріѣхалъ гостюшко,
— Да выпилъ напитки полпята ведра. —
И говоритъ-то старикъ таково слово:
— Да й отсрочьте вы время трои суточки. —
Да садился Илья да на добра коня,
Да поѣхалъ Илья да во чистó полё,
Да искать-то дружины своей храбрые.
Говоритъ ему бурушко косматые:
«Поѣзжай-ко, Илья, да ко синю́ морю,
«Да стоитъ-то дружина у синя моря,
«Да служила молебные богомольніе».
Да розъѣхался старикъ да Илья Муромецъ
И поклонился-то имъ съ униженіемъ.
— Да заступимъ мы да за Кіевъ градъ,
— Да не для́ ради князя Владимира,
— Съ молодой-то княгиной Апраксіей,
— Да для́ ради дому Богородицы,
— Да для́ ради вдовъ сиротъ людей бѣдныихъ. —
И отвѣчатъ-то дружина и какъ храбрая:
«Ты старые казакъ да Илья Муромецъ!
«Да однажды отъ Кіева отказаны».
И воротился Илья да онъ ко Кіеву,
И пріѣхалъ онъ къ дядюшку родимому.
— Да любимый мой какъ дядюшка Самсонъ богатырь!
— И пособи защитить да за Кіевъ градъ.
— Да не для́ ради князя Владимира,
— Да не для́ ради княгины Апраксіи,
— Да для́ ради дому Богородицы,
— Да для́ ради вдовъ сиротъ людей бѣдныихъ.
— Да не много то я да не поправился. —

Да подъѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Обступила-то сила бóльша армія
Да ко нашему городу ко Кіеву,
Да ли бьютъ въ колокóлы во церковные,
Проклинаютъ старика да Илью Муромца.
И розсерчался Илья Муромецъ,
Да заѣхалъ-то въ рать силу великую,
Да вынимае старикъ шалыгу подорожную,
Да и началъ шалыгою помáхивать.
Да куда-то махнётъ — да какъ улица,
Да куда й отмахнётъ — переулочокъ.
Да скричалъ-то ли царь громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты старые казакъ да Илья Муромецъ!
«Да отсрочь-ко ты времени трои суточки».
Говоритъ-то старикъ да Илья Муромецъ:
— Да не дамъ-то тобѣ да нисколёшенько. —
«Да отсрочь-ко ты мнѣ хошь на суточки».
Да дозволилъ Илья да какъ на суточки.
Да-де въ эту пору въ это времечко
Да копали-то копи глубокіе,
Да спущали телѣги ордынскіе,
Становили-то копья бурманецкіе,
Зарывали песочками желтыма.
Да заслышалъ-то бурушко незгодушку,
И говоритъ-то Ильи да таково слово!
— Да великое несчастьицо подведено.
— Да на той-то дорожкѣ на латышкиной,
— Да на тѣхъ-то скокахъ богатырскіехъ,
— Да ли выкопаны копи глубокіе,
— Да ли спущены телѣги ордынскіе,
— Становили-то копья бурманецкіе.
— Да перву-то копь перескочимъ мы,
— И другýю-то копь перескочимъ мы,
— А и въ третью-ту копь сами врѣжемся. —

И розсерчался старикъ да Илья Муромецъ,
И да садился на бурушка косматаго,
Да и билъ-де бурушка по тучнымъ ребрамъ.
И на бою-то Ильи смерть не писана.
Да поѣхалъ Илья по дорожкѣ по латышкиной,
Да по тѣмъ-то скокамъ богатырскіемъ.
Да-де первую копь перескакивали,
Да другую-ту копь перескакивали,
Да-де въ третью-ту копь сами врѣзалисе.
Да взлетѣлъ-де бурушко косматые,
Да изъ тѣхъ-то копей изъ глубокіехъ,
Да свалился старикъ да Илья Муромецъ,
Да схватила его сила больша армія,
И завязали ему очи ясные.
И повели-то Илью да по чисту полю,
И говоритъ-то царь таково слово:
«Да й отправьте его да во свою землю[1])».
И говоритъ-то Илья да таково слово:
— Да повѣсьте меня да во своей земли[2]),
— Да во славномъ-то городѣ во Кіевѣ. —
И повели-то Илью да ко висѣлицѣ,
И спровожаютъ Илью да какъ и Муромца,
Со всѣма звонами-то съ церковныма.
Да идётъ-то старикъ потихохонько,
Да розглядывалъ старикъ помелёхонько,
И осмотрѣлъ-то онъ да й богатыря,
Да который бо́гатырь пилъ вина да полъ-пята ведра,
И ухватилъ-то богатыря за́ ноги,
Да и началъ онъ богатыремъ помахивати:
Такъ куда-то махнетъ — туда улица,
Да куда отмахнётъ — переулочёкъ.

1) Т. е. въ землю царя Калина. Такъ объясн. [С. Максимовъ].
2) Т. е. на Руси.

Да прибилъ-то всѣхъ до единого,
И самого-то царя да во плѣнъ ёнъ бралъ,
Да садилъ-то въ засадушки во крѣпкіе.

Запис. на Кенозерѣ 17 августа.

297.

СТАРИНА О БОЛЬШОМЪ БЫКѢ.

Да всѣ-то теперь розбѣжалися,
Да всѣ-то теперь роскучалися
И со того со двора со боярскаго,
Да со того помѣстья государскаго:
«Да, князья, послушайте,
«Да, бояра, послушайте,
«Да мужички-ты земскіе,
«И старички деревенскіе,
«Да ребятушка ма́хотные,
«Да крестьянушка па́хотные,
«И не шумите — послушайте.
«Да я вамъ старинушку скажу
«Про тово-де большо́во быка,
«Робода́новика,
«У котораго степи[1]) руко́й не достать.
«Промежду-то рогами коса́я сажень,
«На рогахъ была подпись-та книжная,
«Того Василья Богдановича,
«Самого де Робода́новича».
Да ли былъ Алёшенька Кутятинъ-отъ,
Да не ѣлъ ли онъ да ни утятинки,
Да не ѣлъ ли онъ ни лебедятинки,
Захотѣлъ поѣсть урослой телятинки,

---

1) Мѣсто подъ передними ногами.

Да-де собралъ ёнъ почестной пиръ.
И говорилъ-то Алёша таково слово:
— Да кто бы у мня да во честно́мъ пиру,
— Да кто бы у мня да на ножку скоръ,
— Да кто бы у меня да на похо́дку лего̀къ,
— Да скочилъ бы за Москву́ за рѣку,
— Да на тотъ бы на боярской дворъ,
— Ко тому бы боярину,
— Да къ Василью́ Богдановичу,
— Къ самому Рободановичу. —
Да былъ Зеновка на ножку скоръ,
Да былъ на походку легокъ,
Да скочилъ за Москву́ за рѣку,
Да на тотъ ли на широкій дворъ,
Да къ тому ли Василью Богдановичу,
Къ самому ёнъ да ли Рободановичу.
Да обулъ-то бытца[1]) въ лапотци,
Да повернулъ быка пятами на́ перёдъ,
Да самъ-то быку да приговаривалъ:
«Да кто-то быка какъ увёлъ,
«Да тому бы какъ безвѣ́стно уйти.
«Да кто-то быка къ де́реву вязалъ,
«Да тому бы какъ въ то ве́зиво[2]) попасть».
Да былъ Алёшенька мясникъ,
Да были у его кулаки толсты.
И розскочился быка палкой въ лобъ,
Да ткнулъ-де ево ножо́мъ въ бокъ.
Да сдирали кожу съ бычоночка,
Совивали кожу трубочкой,
Завязали кожу урывочкомъ,
Поносили кожу кожевнику.
Ихніе урывочёкъ срывается,

1) Быка. 2) Веревка, привязанная къ рогамъ.

Ихна кожа розвивается,
Да собаки ты облаяли,
Да черные вороны ограяли,
Пала кожа — дѣло не у́дало[1]).
Три года въ дѣли была,
Да серёдочка у ей повы́гнила,
Да краёчкой у ей да не осталосе,
Да-де вовсе-то кожа потеряласе.
Да тому-то кожевнику
Да набили-то спи́ну кнутомъ,
Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
Да двѣстѣ съ полтиною,
Да полно, дѣло покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступы-ты крѣпкіе,
Да не гости-ты Стро́ганые,
Да только кожевнику бы голово́й вершить.
Да та бѣда не бѣда,
Лишь бы бо́льше впередъ не была.
Да была Марья Кишочница,
Она старая харчевница.
Да состроила харчевенку,
Наварила она студенца,
Наварила она хорошаго,
Да сварила она съ про́росью,
Господамъ-то ѣсть было съ лёгостью,
Да не съ того ли большого быка,
Робода́новика,
У котораго сте́пи рукой не достать,
Промежду-то рогами коса́я сажень,
На рогахъ была подпись-та книжная,
Тово-то Василья Богдановича,

1) Плохо.

Самого-де Робода́новича.
Да той-то Марьѣ Кишочницѣ
Да набили-то спину кнутомъ,
Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
Да двѣстѣ съ полтиною,
Да полно, дѣло покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступы-ты крѣпкіе,
Да не гости-ты Стро́ганые,
Да только бы Марьѣ и головой вершить.
Да та бѣда не бѣда,
Лишь бы больше впередъ не была.
Да былъ у ихъ Васенька,
Да былъ у ихъ Васильюшко,
Да состроилъ онъ волыночку
Да на новую переладочку.
Да сталъ-то Васенько пощалкивать,
Да стали господа-ты посматривать,
Да стали Василья подхваливать.
— Да то-то нашъ Васенька,
— Да тотъ нашъ Васильюшко!
— Какъ состроилъ онъ волыночку,
— Да не съ большого ли быка,
— Робода́новика,
— Промежду-то рогами коса́я сажень,
— На рогахъ была подпись-та книжная,
— Того Василья Богдановича,
— Самого-де Робода́новича. —
Да тому-то ли Васенькѣ
Да набили спину кнутомъ,
Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
Да двѣстѣ съ полтиною,
Да полно, дѣло покинули.
Да не люди-ты добрые,

Да не заступы-ты крѣпкіе,
Да не гости-ты Стро́ганые,
Да только Василью и головой вершить.
Да тотъ-то быкъ сталъ во шестьсотъ рублёвъ,
И во шестьсотъ рублёвъ кромѣ становы́хъ костьёвъ.
Дунай, Дунай — больше впередъ не знай.

Запис. тамъ же 17 августа.

LXII.

АНДРЕЙ МАКСИМОВЪ.

Андрей Ильичъ Максимовъ, меньшой братъ предъидущаго, крестьянинъ-земледѣлецъ, 35 лѣтъ отъ роду. Знаетъ только одну нижеслѣдующую «старину», которую пѣвалъ его дѣдъ, жившій въ той же деревнѣ Немятовой.

298.

ПТИЦЫ.

Изъ-за синяго дунайскаго моря
Вылетѣла малая птица,
Малая птица синица.
Садилася птица синица
На высокое дерево калину,
Начала птица та пѣти,
На́ Руси голосъ подавати.
Услышали русьскія птицы,
Слёталися птицы стадами,
Садились около рядами,
Въ одну сторону да головами.
Начали птицы ты пѣти,

Заморскую птицы пытати:
«Скажи-ко, заморская птица,
«Всю-ту сущу правду неутайну!
«Кто у васъ за́ моремъ больше,
«Кто за дунайскіемъ меньше?»
— Глупая русьская птица!
— Зачѣмъ же сюда налетѣла,
— Про синее море спросила?
— Всѣ у насъ за́ моремъ большія,
— Нѣтъ за дунайскіемъ меньшіе:
— Цари ты всѣ ца́ря по царствамъ,
— Попы ты по́пя по погостамъ,
— Купцы бояра по посадамъ,
— Крестьяна живутъ по деревнямъ.
— Колпикъ былъ на́ мори царикъ,
— Бѣлая колпица царица.
— Соло́вьюшко былъ весель́е,
— Всякіе свирёла играе,
— Всё ли царя спотѣшае.
— Голубъ-отъ на́ мори попикъ,
— Голубушка та попадейка.
— Ко́сачки дьячки церковны.
— Тетери были дьячицы,
— Ку́ликъ пономарь церковный,
— Травникъ былъ на́ мори трапезникъ,
— Зуй-отъ ли былъ портомойникъ,
— Жеравъ-отъ былъ перевозникъ:
— Всякую птицу перевозитъ,
— Ноженки тоненьки доле́ньки.
— Штанички были узе́ньки,
— Глу́боко по берегу бродитъ,
— Цвѣтнаго платьица не мочитъ.
— Гуси-ты на́ мори бояра,
— Бѣлыя лебеди княгины,

— Ластушки были дѣвицы,
— Утушки ты молодицы,
— Се́лезни гости торговы,
— Чаюшка та водоплавка,
— Га́гара была рыболовка:
— Всю-то ли рыбу приловила,
— Та-то ли рыба
— На го́ры не бывала,
— Той-то ли рыбы
— Крестьяна не ѣдали.
— Мошни́къ-то на мори крестьянинъ,
— Ко́ппала крестьянская жонко,
— Дроздь-отъ у ихъ казачёнко:
— Колья жердьё подбирае,
— Вы́городы подпирае.
— Ястребъ на мори разбойникъ,
— Сова-то ли былъ подорожникъ,
— Въ де́ревни оны летаютъ,
— Великую дань собираютъ:
— По куры берутъ по другой,
— Для сердія ради по четыре.
— Дя́тель-отъ на мори плотникъ,
— Желна́-то церковные мастеръ.
— Галушки были циганки,
— Во́ронъ-отъ вѣщая птица,
— Воробушки были холопы,
— Рябчикъ-отъ на́ мори стряпчикъ,
— Пи́щикъ-отъ на́ мори писчикъ,
— Ко́куша побѣдная птица:
— День она ночь кокуе,
— Дѣтей выводить не толкуе.
— Ворона богатая птица:
— Зи́мой она да по гумнамъ,
— Вёсной она по дорогамъ,

— Осенью по суслонамъ.
— Сорока кабацкая блядка:
— Съ ножки на ножку скакала,
— Высоко фостъ залупала,
— Всё молодцовъ прелещала.
— Ку́ропоть безпомѣстная птица:
— И́зъ куста въ кустъ онъ и бродитъ,
— Себѣ подворья не имѣё.
— Пѣ́тушки ты казачки донскiе,
— Тѣ ли молодцы удалые,
— По́ куры дёржитъ, по другой,
— По́ другой дёржитъ, по четыре,
— И по цѣлому ли по десятку,—
— Не такъ, какъ мужикъ крестьянинъ:
— Одну баже́ну женушечку держитъ
— И той нарядить не толкуе.
— Курица побѣдная птица:
— Кто ли ей ни изымае,
— Кажный въ жопы ковыряе,
— Всё какъ яица пытаетъ.
— Кошечки были вдовицы:
— День они ночь вдовѣютъ,
— Днёмъ-то ли спя по печуркамъ,
— Ночью-то ходя по добычамъ,
— Молочные крынки ломаютъ,
— За то ихъ и бьютъ непощадно.
— Волкъ-отъ на мори овчинникъ,
— Медвѣдь-отъ ли былъ кожедерникъ,
— Заюшко былъ калачникъ,
— Лисица лукавая свекрова:
— Сдѣлае вину́ да не скаже,
— Дологъ фостъ, не наступишь. —
Дунай, Дунай — болѣ вперёдъ не знай.

Запис. на Кенозерѣ, 17 августа.

LXIII.

ВАРВАРА МАКСИМОВА.

Варвара Ивановна Максимова, жена предъидущаго, лѣтъ 30 отъ роду, уроженка дер. Шуй-лахты на Кенозерѣ. Переняла былины отъ своего отца, нынѣ умершаго.

299.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

Женился — не спросился,
Повѣнчался — не сказался.
Его матушка родима,
Скоро съ двора спроводила,
Парну баенку топила,
Горючъ камень нажигала,
Горючъ камень до кали́ны[1]).
Выжигала мать[2]) младеня,
Мать младеня изъ утробы,
Завивала мать младеня
Въ мелкотравчату бумажку,
Клада́ла мать младеня
Во бѣлодубову колоду,
Набивала на колоду
Что ты обруча желѣзныхъ.
Поносила ту колоду
Во Онего великое.
И какъ ѣде князь Михайло,
Вороной-отъ коня попя́лся,
Востра сабелька сломился,

---

1) Каленья. 2) Мать князя Михайлы.

Очи ясны помутились,
Изъ глазъ слёзы покатились.
Видно дома нездорово,
Родна матушка не можетъ.
Ко крылечку пріѣзжае,
Его няночки встрѣчали,
Со слезами проздравляли.
Князь Михайло прослезился,
Во Онегушко бросúлся,
Во Онего великое,
Во Онего къ рыболовамъ.
Рыболовцы рыбу ловятъ.
«Вы закиньте шолковъ нéводъ,
«Вы достаньте ту колоду
«Изъ Онего великого».
Ёнъ примае ту колоду
Съ горючима со слезами.

Запис. на Кенозерѣ 17 августа.

300.

НЕВОЛЬНОЕ ПОСТРИЖЕНІЕ.

Батюшко съ матушкой споръ сучинилъ:
Батюшку надо зá князя отдать,
Матушкѣ надо да въ старýшки постричь.
«Садись-ко ты, дитятко, да на зóлотой на стулъ,
«Постригёмъ тя дúтятка стáрушкою».
— Дай волю, матушка, въ баенку схожу. —
«Вытопишь ты, дитятко, стáрушкою,
«Да садись-ко ты, дитятко, да на зóлотой на стулъ,
«Постригёмъ тя дúтятка стáрушкою».
— Дай волю, матушка, божатушку дождусь. —

«Садись-ко ты, дитятко, да на зо́лотой на стулъ,
«Постригёмъ тя ди́тятко ста́рушкою».
— Дай волю, матушка, я́ косы заплету. —
«Остригёмъ у дитятка ножницами».
Мало по малу да стукъ въ крыльцо,
Стукъ въ крыльцо да еще брякъ въ крыльцо,
Да батюшко идё да молода́ князя ведетъ.
Молодой князь идё да золоты́ вѣнцы несё,
Матушка на ей да ли роспрогнѣваласе.
Хватила она дитятка за бѣлы́е волоса,
Ушибла она дитятка о сыру́ю о землю[1]).

Запис. тамъ же, 17 августа.

LXIV.

ЛОСКУТОВЪ.

Θедоръ Никифоровичъ Лоскутовъ, крестьянинъ дер. Вершинина у Кенозера, 50 лѣтъ. Большой мастеръ пѣть божественные стихи (что̀, впрочемъ, не имѣетъ для него значенія ремесла). Изъ былинъ знаетъ только нижеслѣдующую, составляющую переходъ отъ былинъ къ духовнымъ стихамъ.

301.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

Изъ-за славнаго батюшка Царя-града,
Изъ-за тово ли изъ-за озера Маслова,
Вышло сорокъ каликъ да со каликою,

---

1) Пѣвшая забыла конецъ этой старины, гдѣ разсказывается, что отецъ, не смотря на сопротивленіе матери, всё-таки выдалъ дочь за князя замужъ.

Да калики тѣ всѣ были ученые,
Ученые калики были грамотніе.
Да шубы на каликахъ соболиные,
Подсумки у каликъ рыта бархату,
Да шляпы на главахъ земли грецкіе.
Пришли эти калики ко Я́сень ко рѣкѝ,
Да рѣзали калики по жеребью,
Метали тѣ жеребьи во Ясень во рѣку.
«А й да чей у насъ жеребей противъ воды пойдетъ,
«Тому у насъ братцы атаманомъ быть».
Да всѣ какъ вѣдь жеребьи внизъ пошли,
Одинъ у насъ жеребей противъ воды пошолъ,
Противъ воды пошолъ, будто соко́лъ полетѣлъ.
«Пошолъ жеребей Касьяна Михайловича,
«Тому у насъ братцы атаманомъ быть,
«Податаманьемъ Терентью Михайловичу.
«Какъ сдѣлаемте заповѣдь великую:
«Кто скраде своруе за блудомъ пойдетъ,
«По титкамъ копать да во сыру́ землю,
«Языкъ-отъ тянуть у него теменемъ,
«Глаза́ ты копать да вонъ косицами».
А пошли эти калики во Кіевъ градъ [1]).

LXV.

ЗАВАЛЪ.

Ефимъ Яковлевичъ Завалъ, крестьянинъ-коновалъ, 84 лѣтъ, изъ Оше́венска (волость эта лежитъ къ югу отъ Кенозера, по дорогѣ къ Каргополю). Онъ — старообрядецъ и пользуется ре-

---

1) Конецъ былины Лоскутовъ разсказывалъ плохо, сбиваясь на сказочный складъ.

путаціею мудреца, лѣкаря и чуть ли не знахаря. Въ качествѣ коновала, исходилъ почти всю Россію отъ Петербурга до Кавказа, былъ въ 20-ти губерніяхъ; на старости лѣтъ поселился на родинѣ и имѣетъ нѣкоторый достатокъ. Онъ мастеръ разсказывать сказки и шутливыя повѣстушки, которыхъ набрался въ своихъ странствіяхъ. Изъ старинъ помнитъ только двѣ, которыя пѣвалъ его отецъ.

302.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Какъ во ту было пору во то время,
Какъ во славномъ было градѣ во Кряковѣ,
Какъ не бѣлая берёза къ земли клонится,
Приклоняется сынъ ко матери
Молодые Лука Петровичъ дворянской сынъ:
«А ой же ты матушка честна вдова,
«Честна вдова Катерина Ивановна!
«Ты дай мнѣ прощенье благословеньицо,
«Ѣхать во далечо во чисто́ поле
«Да ко славному морю Каспицкому,
«Тамъ стрѣляти гусей да и лебедей,
«Сѣрыхъ малыхъ пернатыхъ утенышковъ».
Не дала она ему не прощенья, не благословеньицо.
Выходилъ онъ на свой на широкій дворъ,
Выводилъ онъ коня себѣ бураго.
Въ вышину тотъ бурушко трёхъ аршинъ,
Въ долину тотъ бурушко трёхъ сажёнъ,
Какъ у бурушка грива трёхъ аршинъ,
Какъ у бурушка чолка трёхъ пядей,
Какъ у бурушка фостикъ трёхъ сажёнъ.
Полагалъ онъ войлоки на войлоки,
А на верхъ наложилъ сѣделько черкаское.

Подтягивалъ онъ двѣнадцать подпругъ по́дъ брюхо,
А тринадцатую по́дъ груди,
Не ради красы-басы молодецкіе,
А ради крѣпости богатырскіе.
Видѣли добраго молодца на коня сѣдучи,
А не видали въ кою сторону поѣдучи.
Выѣзжалъ онъ изъ града изъ Крякова.
Онъ бьетъ коня по тучнымъ бедрамъ.
Какъ конь его разгорается,
Отъ земли его конь отдѣляется,
Онъ пошолъ выше лѣсу стоячаго
А ниже облака ходячего.
Онъ рѣки, озёра перескакиватъ,
А мхи да болота промежъ ногъ пуститъ.
Онъ пріѣхалъ во далечо чисто́ полё,
Онъ ко славному морю Коспицкому.
Онъ ѣздилъ цѣлый день до вечера.
Не нашолъ онъ не гуся, не лебедя,
Да не сѣраго малаго пернатаго уте́нышка.
И тутъ говоритъ Лука Петровичъ дворянской сынъ:
«А ой же ты мать пресвята Богородица!
«Не дала мнѣ не гуся, не лебедя,
«Да не сѣраго малаго пернатаго уте́нышка.
«Теперь поѣду ли я во тѣ ли во́ лѣсы во темные,
«Да во тѣ ли-то грязи топучіе».
Заѣхалъ онъ во тѣ ли во темны́ лѣсы,
Привязалъ коня онъ ко сыру́ дубу,
Онъ насыпалъ пшена бѣлоярова,
А самъ сталъ вынялъ колачикъ крупивчатой,
И не по множечку ножичкомъ порушиватъ.
Да вдругъ со восточною стороны,
Не те́мной облакъ накатается.
Налетѣлъ на́ дубъ черно́й воронъ,
Какъ заграялъ воронъ по воронину,

Да какъ дубъ по коренью шатается,
Говоритъ Лука Петровичъ дворянской сынъ:
«А ой же ты черно́й воронъ!
«Какъ я выну свой ту́гой лукъ изъ залучника,
«А каленую́ стрѣлу изъ заплечника.
«Натяну я свой ту́гой лукъ,
«Я пущу въ тебя, чернаго ворона.
«Ушибётъ твоё черно мясо о сыру́ землю,
«Потекётъ твоя черна кровь во кореньё дубовоё,
«Полетитъ твое черно перьё по чисту полю,
«Полетитъ твой бѣлой пухъ по подне́бесью».
Во ту было пору во то время,
Возговоритъ воронъ по человѣчески:
— А ой же ты молодый Лука Петровичъ дворянской сынъ!
— Тебѣ ворона убить — не корысть получить,
— А тебѣ старца убить — спасенья нѣтъ.
— А лучше ты молодый Лука Петровичъ,
— Ты стань по утру ранешенько,
— Ты до самой красной зори до утренной.
— Поѣзжай ты во да́лечо чисто полё,
— Тамъ прiѣдетъ татаринъ Касимовской,
— Тамъ побейся подерись съ татаринымъ Касимовскимъ.—
И во ту пору воронъ не видимъ бысть.
Какъ ставае поутру Лука Петровичъ до зори до утренной,
Онъ садился на своево на добра коня,
Выѣзжаетъ во да́лечо чисто́ полё,
Онъ раскинулъ шатёръ бѣлополотняной,
Какъ насыпалъ коню пшена бѣлоярово.
Какъ не долго поры миновалосе,
Да какъ ѣдетъ татаринъ Касимовской.
Подъ татариномъ бѣжитъ бѣлой конь,
У коня изъ ушей дымъ валитъ,
Изъ ноздрей у коня искры сыплются,
Изо рта у коня пламя́ машетъ.

Тутъ садится Лука Петровичъ дворянской сынъ,
Садится Лука Петровичъ на добра коня,
Поѣзжаетъ противо татарина Каси́мовского̀.
Они съѣхались съ татариномъ Касимовскимъ,
И ударились они палицами боёвыми.
У нихъ палицы въ рукахъ поломалисе.
Съѣзжаются они во вторы́и разъ,
И ударились они саблями вострыми.
У нихъ сабли въ рукахъ поломалисе.
Какъ съѣзжаются онѣ въ тре́тей разъ,
Да ударились они бѣлыми ру́ками.
Какъ сшибъ Лука Петровичъ татарина на сыру́ землю,
Какъ притиснулъ конь но́гой татарина къ сырой земли.
Какъ сходитъ Лука Петровичъ со своево добра́ коня,
Садится къ татарину на бѣлу грудь,
Вынимаетъ ножищо кинжалищо,
И самъ говоритъ таково слово:
«А ой же ты татаринъ Касимовскій!
«Ты скажи какой орды ты какой земли,
«Какого роду ты какого племени».
Говоритъ татаринъ Касимовской:
— А ой же ты удалъ доброй молодецъ!
— Кабы я сидѣлъ на твоихъ на бѣлы́хъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы не роду, не племени;
— Я поролъ бы твои бѣлы́ груди,
— Вынималъ бы твоё сердце со печенью. —
«Да однако скажи татаринъ Касимовскій,
«Ты какой орды какой земли,
«Ты какого роду и племени».
Говоритъ татаринъ Касимовской:
— А ой же ты удалъ доброй молодецъ!
— Кабы я сидѣлъ на твоихъ на бѣлы́хъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы не роду, не племени;
— Я поролъ бы твои бѣлы́ груди,

— Вынималъ бы твоё сердце со печенью. —
Въ тре́тьихъ говоритъ Лука Петровичъ:
«Ты скажи татаринъ Касимовской!
«Ты какой орды, какой земли,
«Ты какого роду и племени».
Говоритъ татаринъ Касимовской:
— Я изъ славнаго города изъ Крякова,
— Я Василей Петровичъ дворянской сынъ. —
Какъ ставаетъ Лука Петровичъ дворянской сынъ
На свои на рѣзвы ноги,
Какъ примаетъ его за бѣлы руки,
Какъ становитъ его также на рѣзвы ноги,
Да цѣлуетъ его во уста во сахарніе:
«А ой же ты любезной мой брателко,
«Я и самъ изъ того града изъ Крякова,
«Молодые Лука Петровичъ дворянской сынъ».
Говоритъ татаринъ Касимовскій:
— А ой же ты родимый мой брателко,
— Молодой Лука Петровичъ!
— Какъ наѣхали татара Касимовски,
— Какъ на славный нашъ на Краковъ градъ,
— Отца нашего Петра смерти предали,
— А меня малолѣтнаго въ полонъ взяли,
— А ты остался отъ меня во качелюшки. —
Тутъ садятся они на добрыхъ коней,
Пріѣзжаютъ во славный городъ во Кряково.
Заѣзжаетъ Лука Петровичъ на свой на широкій дворъ,
Говоритъ Лука Петровичъ таково слово:
«А ой же ты матушка честна вдова Катерина Ивановна!
«Ты встрѣчай-ко меня съ дороги́мъ гостемъ,
«Я привёзъ тебѣ въ гости татарина Касимовскаго».
Говоритъ Катерина Ивановна:
— А ой же ты мой любезный сынъ,
— Молодой Лука Петровичъ дворянской сынъ!

— Я и чуть не могу про татарина Касимовскаго.
— Какъ плѣнили татара нашъ Кряковъ градъ,
— Твоего отца Петра дворянина смерти предали,
— А брата Василья Петровича въ полонъ взяли. —
«А ой же ты любезная матушка,
«Честна вдова Катерина Ивановна!
«Я не татарина привёзъ тебѣ Каси́мовскаго,
«А своего я привёзъ братца роднаго,
«Я Василья Петровича сына дворянскаго».
Тутъ пошли оны въ полаты бѣлокаменны;
Тамъ садились они за столы за дубовые,
Тамъ веселились пировали много времени,
А потомъ остались въ покоѣ и веселіи.

Записано въ Ошевенскомъ, 18 августа.

303.

СТАРИНА О БОЛЬШОМЪ БЫКѢ.

А й диди диди диди дидѝ,
Князи послушайтѐ,
Да бояры послушайтѐ,
Да вы всѣ люди земскіѐ
Мужики вы деревенскіѐ,
Да солдаты служивые,
Да ребятушки маленькіе,
Не шумите послушайте.
Да старушки вы старенькіе,
Не дремлите послушайте,
Молоды́е молодушки
Не прядите послушайте,
Да красныя дѣвушки
Дя не шейте послушайте.

Да какъ я вамъ пословицу скажу,
Да пословицу хорошенькую,
Про того ли про большо́го бы̀ка,
Про быка Рободановскаго.
Да какъ тотъ ли великіе быкъ,
Да какъ степи рукой не добыть,
Промежу роги коса́я сажѐнь,
На рогахъ подпись княжеска̀я:
Василья Богдановскаго,
Да еще Рободановскаго.
Да какъ нашъ-отъ великіе кня̀зь,
Аѳонасій Путятинской,
Да не ѣстъ онъ гусятинки,
Да не бѣлы́е лебедятинки,
Да не сѣрые утятинки,
Не индѣйской курятинки.
Да свинина отъѣласе,
Барани́ны не хочется.
Захотѣлосе говядинки,
Да урослой телятинки.
Да какъ самъ-то похаживаётъ,
Да какъ самъ-то покрякиваётъ,
Бородой-то потряхиваётъ,
Да какъ самъ выговари̇ваётъ:
«Да какъ есть ли у меня на дворѣ,
«Да такіѐ люди надобныѐ.
«Да сходили бы на барской дворъ,
«Да на помѣстьё дворянское
«По того ли по большого быка,
«По быка Рободановскаго».
Да какъ былъ-то Зеновей слуга,
Да онъ часто по Волги ходѝлъ,
Да онъ много-то сёлъ тамъ громѝлъ,
Да и тѣмъ голову кормилъ.

Хватилъ конопля́ на плетѐнь,
Да скочилъ за Москву за рѣку
Ко двору-то боярскому,
Да къ помѣстью-то дворянскому.
Да какъ свилъ-то вѣдь вя́зивцѐ,
Да какъ онъ воръ догадливъ былъ,
Быку липовы лапотци обулъ,
Наперёдъ онъ пятами повернулъ,
Да какъ такъ-то быка увёлъ.
Да завёлъ быка въ рощицу,
Привязалъ быка къ деревцу.
Да какъ самъ-то похаживаётъ,
Да какъ самъ поговариваётъ:
— Да какъ кто-то быка-то увёлъ,
— Да и тотъ-то безвѣстно ушолъ,
— Да какъ кто съ быка кожу сдерётъ,
— Да и тотъ концомъ пропадётъ. —
Да какъ былъ-то Алёша мясникъ,
Да у него кулаки мясны,
Да у него клепики́ востры.
Да какъ ткнулъ быка палкой въ лобъ,
Да какъ ткнулъ клепико́мъ-то въ бокъ,
Да какъ взялъ съ быка ко́жу слупѝлъ,
Да слупилъ въ трубу завертѣлъ,
Завязалъ его вязивцёмъ,
Да и чуть на плечо воротилъ.
По несчастью Алёшенькину,
По навожденью по дьявольскому,
Да какъ люди-тѣ пробаяли,
Да собаки-тѣ облаяли,
Да обстали собаки въ кругъ,
Да лише тольки кожа кинуть съ рукъ.
Да скочилъ за Москву̀ за рѣку̀,
Да какъ къ Митькѣ къ кожевникову.

Полтора́ годы въ дѣ́лѣ была̀,
Да не у́дала изъ дѣ́ла вышла̀:
Да серёдочка выгнила,
По краямъ не осталось ничто.
Да Алёши-то мя́сникову,
Да какъ Митьки-то кожевникову,
Какъ кожи по ряда́мъ провелѝ,
Да кожи-тѣ кнуто́мъ набилѝ,
Да какъ справили двѣсти рублей,
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не́ люди добрые,
Да не заступы тѣ крѣпкіе,
Да не гости-тѣ Стро́ганова̀,
Да лише только головы́ отста̀ть.
Та-то бѣда не бѣда,
Да лишь бы болѣ той не была.
Да къ тому ли къ большому быку,
Да къ быку Рободановскому,
Да били два-тѣ харчевничка,
Да молодые-тѣ поспѣшнички,
Да какъ губки обрѣзывали,
Да бедёрки обрѣзывали,
Да какъ сдѣлали студеньцу,
Молодую да съ про́рѣзью,
Да на здоровье и съ лёгостью,
Да не на что не подумати.
Выносили на база́ръ продава̀ть,
Да какъ гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да студене́чку подкушивали,
Да какъ ей-то подхваливали:
Да какъ-то это сту́деньца,
Молодая да съ про́рѣзью,

На здоровье и съ лёгостью,
Не на что не подумати,
Да не тово ли большого быка
Да быка Рободановскаго.
Да какъ двумъ-то харчевникамъ,
Да молоды́мъ-то поспѣшникамъ.
Да какъ кожи по рядáмъ провелѝ,
Да какъ кожи-тѣ кнутóмъ набилѝ,
Да какъ справили двѣсти рублей,
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы нé люди добрые,
Не заступы-тѣ крѣпкіе,
Да не гости-тѣ Строгáновà,
Лише только головы́ отстàть,
Да какъ то-то бѣда не бѣда,
Да лишь бы больше той не была.
Къ тому ли къ большому быку,
Да быку Рободановскому.
Да била Марья харчевенка,
Молодая поспѣшенка,
Да кишочки обрѣзывала,
Да какъ ихъ-то начинивала
Толоконцемъ да крупочкой,
Да лучкомъ да и пéречкомъ,
Выносила на базаръ продавать.
Да какъ гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да кишочки подкушивали,
Да какъ ихъ-то подхваливали:
Да какъ-то это кúшечки,
Молоды́е да съ прорѣзью,
На здоровье и съ лёгостью.
Не на что не подумати,

Не того ли большого быка,
Да быка Рободановскаго,
Да какъ Марьи-то харчевенки,
Да молодой-то поспѣшенки.
Да какъ кожу по рядáмъ провелѝ,
Да какъ кожу-то кнутомъ набилѝ,
Да какъ справили двѣсти рублей,
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы нé люди добрые,
Не заступы-тѣ крѣпкіе,
Да не гости-тѣ Строгáновà,
Лише только головы̀ отстàть,
Да какъ та-то бѣда не бѣда,
Да какъ больше той не была,
Да къ тому ли къ большому быку,
Да къ быку Рободановскому
Да былъ нѣ́каковъ волынщичёкъ.
Да молодо́й-отъ гудошничёкъ.
Да онъ дру́гомъ [1]) пузы́рь доступѝлъ,
Да какъ сдѣлалъ волыночку,
Да на новую перегудочку,
Да какъ сталъ онъ на ры́нокъ гулять,
Да какъ сталъ онъ въ волы́нку играть,
Да какъ гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да волынку послушивали,
Да какъ ей-то подхваливали:
Да какъ-то это волыночка,
На нову́ю перегудочку,
Да не на что не подумати,
Не того ли большо́го быка,

---

1) Черезъ друзей досталъ.

Да быка Рободановскаго.
Да тому ли-то волынщику,
Да молодому-то гудошнику,
Да какъ кожу-ту кнутомъ набили,
Да какъ справили двѣсти рублей,
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не́ люди добрые,
Не заступы-ты крѣпкіе,
Да не гости-тѣ Строга́нова̀,
Лише только головы́ отста̀ть,
Да какъ та-то бѣда не бѣда,
Да какъ болѣ бы той не бѣды,
Да къ тому ли къ большому быку,
Да къ быку Рободановскому.
Да какъ кажная косточка,
Да какъ стала-то въ пять рублей,
Да какъ кажное рёбрышко
Да какъ стало-то въ семь рублей,
Опричé становы́хъ костей,
Ровно тысяча се́мьсотъ рублѐй,
А становы́мъ костя̀мъ,
И цѣны не знай.

Запис. тамъ же 18 августа.

VII.

МОША.

МОША.

LXVI.

ШВЕЦОВЪ.

Николай Михайловичъ Швецовъ, крестьянинъ дер. Орьмы, Лимскаго прихода (сосѣдняго съ Мошенскимъ), 65 лѣтъ, грамотный. Его дѣдъ, Леонтій Игнатьевичъ, славился какъ знатокъ былинъ; занимаясь преимущественно рыболовствомъ на р. Мошѣ, онъ бралъ съ собою внука, который тутъ и наслышался отъ него былинъ, потому что дѣдъ, во время рыбной ловли, почти всегда пѣвалъ. Самъ Швецовъ мало занимается рыболовствомъ, а болѣе «крестьянствуетъ», по зимамъ же обыкновенно ѣздитъ къ Бѣлому морю, въ Сороку, покупать тамъ сельдей, которыя доставляетъ для продажи въ Вельскъ, Верховажье и Вологду. Онъ одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ и уважаемыхъ крестьянъ въ его мѣстности. Одинъ изъ его сыновей, по словамъ Швецова, перенялъ почти всѣ былины, которыя онъ знаетъ.

304.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А й вѣдь чужда Калинъ Смарадоновичъ
Собиралъ онъ силы съ сорока земель,
Съ сорока земель и съ сорока царей,

Со икажнымъ силы по сту тысячей,
А съ самимъ собакою сила́ несчетная.
Поднимался онъ чужь да на святую Русь,
На святую Русь, на красенъ Кіевъ градъ,
Не дошелъ до Кіева пятнадцать верстъ,
Розоставилъ онъ шатры бѣлополотняны,
Выбиралъ татариченка малава,
Которой по-русьски умѣлъ гово́рити,
Онъ гораздъ толмачить по татарскому,
Онъ и пи́салъ ему грамоту скорописчату,
А на верхъ словами наговаривалъ:
— Ты поди, татарченко, во Кіевъ градъ,
— Ты поди ко князю ко Владимиру,
— Да поди въ палаты бѣлокаменны,
— Отворяй ты двери-ти на́ пяту,
— Не клади креста ты по писаному,
— Не веди поклона по ученому,
— А Владимиру князю ты не кланяйся,
— Да й княгини Опраксіи такожде,
— Выкидай ты грамоту на дубовый столъ,
— Да й на верхъ словами наговаривай:
— «Ужъ ты ой Владимиръ столенъ-Кіевской!
— «Выбирайсе изъ города изъ Кіева,
— «Аль встрѣчай собаку чаря Калино». —
Онъ пошелъ татарченко во Кіевъ градъ,
Да й приходитъ ко князю ко Владимиру,
Онъ заходитъ въ палаты бѣлокаменны,
Не кладетъ креста онъ по писаному,
Не ведётъ поклона по учёному,
Онъ Владимиру князю не кланялся,
Да й княгины Опраксіи такожде,
Выкидалъ онъ грамоту на дубовой столъ,
А онъ самъ говорилъ таково слово:
«Ужъ ты ой Владимиръ столенъ-кіевской!

«Выбирайся изъ города изъ Кіева,
«Али стрѣ́чай собаку царя Калина.
«Ты мости мосточки каленыя,
«Усыпай песочками желтыма,
«Утяни всё сукна багречевыя,
«Убивай гвоздьёмъ шеломчатыимъ,
«Да куда итти куда ѣхати,
«Самому собакѣ царю Калину».
А вѣдь тутъ Владиміръ призадумался,
Онъ задумался и запечалился,
Собиралъ онъ скоро князь почетной пиръ,
Да онъ самъ говорилъ же таково слово:
— Ужъ вы ой князья вы мои́ бо́яра,
— Вы сильни́ могучіи бога́тыри,
— А й всѣ поляницы вы удалыи,
— Пособите князю думу думати,
— Выбираться изъ города изъ Кіева,
— Али намъ съ собакой попротивиться. —
А большéй хоронится за среднево,
А среднiй хоронится за меньшево,
А отъ меньшево князю́ отвѣту нѣтъ.
Изъ тово ли стола было́ изъ заднево,
Да изъ той скамельки бѣлодубовой,
Выставалъ удалой доброй молодецъ,
А вѣдь храбрыя сударинъ Илья Муромецъ,
Да онъ самъ говорилъ таково слово:
«Ужъ ты ой Владиміръ столенъ-Кіевской!
«Когда заведешь ты князь почестной пиръ,
«Тогда много есть у тебя думщиковъ,
«Много думщиковъ, многó совѣтниковъ,
«А топерь вѣдь нѣту ни единово.
«Еще я тебѣ да что придумаю,
«Я придумаю да присовѣтую:
«Ты дари татарченка шубою,

«Ево шубою ты соболиною,
«Ты дари татарченка шапкою,
«Ево шапкой чёрной мурманкой,
«А осиста пушиста была завѣсиста,
«Насыпай ему мису злата серебра,
«Я поѣду просить строку на три годичка,
«Къ самому собакѣ къ царю Калину».
Онъ сѣдлалъ-уздалъ скоро добра коня,
Да й поѣхалъ Илеюшка во чисто полё,
А Владимиру князю онъ наказывалъ:
«Запирай ворота-ти на́ крѣпко».
Онъ пріѣхалъ къ собакѣ царю Калину,
Онъ заходитъ Илеюшка во бѣлъ шатеръ:
«Ужъ ты чужь да Калинъ Смарадоновичъ,
«А ты дай намъ строку на три годичка —
«Намостить мосточки каленыя,
«Усыпать песочками желтыма,
«Утянуть всё сукна багречевыя,
«Убивать гвоздьёмъ шеломчатыимъ,
«Да куда встрѣчать собаку царю Калину,
«А куда итти да куда ѣхати,
«Самому собакѣ царю Калину».
— Я не дамъ вамъ строку на три годика. —
«Ты хоть дай намъ строку на полъ-годичка».
— Я не дамъ вамъ строку на полъ-годичка. —
«Ты хоть дай намъ строку на три мѣсяца».
— Я не дамъ вамъ строку на три мѣсяца. —
«Ты хоть дай намъ строку на три денечка».
— Я не дамъ вамъ строку на три денечка. —
А проговоритъ татарченко малоё:
«Ужъ ты чуж(ь д)а[1] Калинъ Смарадоновичъ,
«А безстрочныхъ людей-то вѣдь на свѣтѣ нѣтъ».

---

1) Въ подлинникѣ буквы ь и *д* вычеркнуты карандашомъ. *Ред.*

Онъ вѣдь далъ имъ строку на три денечка.
А й поѣхалъ Илеюшка отъ бѣла шатра,
Онъ вѣдь тутъ Илеюшка раздумался,
Онъ раздумался и запечалился:
«Не знай въ Кіевъ ѣхать, не знай — во чисто поле,
«Я поѣду развѣ да въ чисто полё,
«А искать поѣду своéво дядюшки,
«Дядюшки Самсона Нанойловича».
А онъ ѣздилъ день да и до вечера,
Да не могъ наѣхать своéво дядюшки.
А стоитъ гора да превысокая,
Да вѣдь тутъ Илеюшка раздумался:
«Я выѣду на гору на высокую,
«Я поѣду впрямъ да со крутой горы,
«Упаду ли я да со добра коня,
«Ушибуся я о сыру землю
«Хошь бы мнѣ не отъ собаки скору смерть принять».
А онъ выѣхалъ на гору на высокую,
А онъ здрѣлъ-смотрѣлъ да на всѣ стороны,
А увидѣлъ въ поли стоятъ бѣлы шатры,
А вѣдь бѣлыя шáтры полотняныя,
А вѣдь маковки были золочёныи,
Да й поѣхалъ Илеюшка ко бѣлымъ шатрамъ,
Ажно тутъ въ шатрѣ ево дядюшка,
Ево дядюшка Самсонъ Нанойловичъ.
Да проговоритъ Илеюшка Муромечъ:
«Ужъ ты ой родимой ты мой дядюшка,
«А поѣдемъ скоро въ красенъ Кіевъ градъ,
«Обступилъ собака красенъ Кіевъ градъ».
А проговоритъ Самсонъ Нанойловичъ:
— Ужъ ты ой любезной мой племянничекъ,
— Отказалъ меня Владиміръ князь отъ Кіева. —
А проговоритъ Илья Муромечъ:
«Не для Владиміра князя со княгиною,

«Для Божьихъ церквей для манастырей,
«Для сиротъ-то маленькихъ дѣточокъ».
Закрычалъ Самсонъ да громкимъ голосомъ:
— Ужъ вы ой, мои слуги вѣрныя,
— Вы двѣнадцать сильніи богатыри,
— Вы сѣдлайте-уздайте скоро добрыхъ коней.—
А срядились они да и поѣхали.
Не доѣхали до Кіева пятнадцать верстъ,
Сходилъ Самсонъ со добра коня,
Розоставили шатры бѣлополотняны,
Онъ ложился спать опочивъ держать,
А Илеюшки Муромчу недосугъ вѣдь спать,
Онъ вѣдь билъ коня съ поры на́ пору,
Онъ вѣдь скачетъ конь съ горы на́ гору,
Онъ пріѣхалъ Илеюшка во Кіевъ градъ,
Обступила сила красенъ Кіевъ градъ,
А вѣдь бьютъ въ коло́колы да въ плаку́щія,
Проклинаютъ Илеюшку Муромчо,
Не велѣлъ выбираться да намъ изъ Кіева,
А теперь приходитъ сме́ртка скорая.
У Илеюшки побоища не случилосе,
Ухватилъ татарина онъ за́ ногу,
Да й началъ татариномъ помахивать,
Онъ вѣдь гдѣ махнётъ тутъ и улочка,
А назадь отмахнётъ переулочекъ,
Да й отбилъ онъ силу на три поприща.
Тутъ забили въ коло́колы да въ радущія,
Моля здравія здоровья вѣку долгаго
А за свѣта суда́ря Илью Муромча.
Да й проговоритъ Илеюшка Муромечъ:
«Ужъ ты ой Владимиръ столенъ-Кіевской,
«Ты подай съ поли́цы мнѣ-ка тугой лукъ,
«Ты подай съ польца́ мнѣ калену́ стрѣлу».
Да й натягивалъ Илеюшка тугой лукъ,

А накладывалъ стрѣлочку каленую,
А онъ самъ ко стрѣлки приговаривалъ:
«Полети моя ты калена стрѣла,
«Далекó далече во чисто полё,
«Не пади не нá воду не нá землю,
«Пади къ дядюшки Самсону на бѣлы груди,
«А сбуди его да отъ велика сна».
Ото сна Самсонъ пробужается,
Закрычалъ Самсонъ громкимъ голосомъ:
— Ужъ вы ой мои слуги вѣрныя,
— Вы двѣнадцать сильнія богатыри,
— Пошто ѣхали мы, то и проспали,
— А мы выдали Илью Муромча,
— Вы сѣдлайте-уздайте скоро добрыхъ коней. —
А срядилиси они да и поѣхали,
Да й пріѣхали во красенъ Кіевъ градъ.
А проговоритъ Самсонъ Нанойновичъ:
— Ужъ ты ой любезной, мой племянничокъ,
— Поѣзжай топерь ты во чисто полё,
— А ложись ты спать да опочивъ держать,
— А мы будемъ здѣсь оберегатели. —
Онъ поѣхалъ Илеюшка въ чисто полё,
Онъ разставилъ себѣ скоро бѣлъ шатеръ,
А ложился спать и опочивъ держать.
Онъ вѣдь спалъ девять дней да и девять нощей
Поутру ставаетъ éво добрый конь,
Онъ провѣштвуетъ языкомъ человѣ́ческимъ:
— Ужъ ты ой любезной мой хозяйнушко,
— Мнѣ ночéсь коню добру малó спалось,
— А малó спалось, да много видѣлось,
— Будто копаетъ Калинъ Смарадоновичъ,
— Онъ копаетъ три подкопи глубокія,
— Упаду я доброй конь въ перву́ подкопь,
— А я самъ-то доброй конь вы́скочу,

— Тебя добраго молодца вынесу;
— Упаду я доброй конь во втору́ подкопь,
— А я самъ-то доброй конь выскочу,
— Тебя добраго молодца вынесу;
— Упаду я доброй конь въ третью́ подкопь,
— Я вѣдь самъ-то доброй конь выскочу,
— Тебя добраго молодца не вынесу. —
А проговоритъ Илеюшка Муромецъ:
«А тебѣ не спалось, дакъ тебѣ видѣлось,
«А вѣдь мнѣ Илеюшки на здоровьицо».
Онъ сѣдлалъ-уздалъ скоро добра коня,
Да поѣхалъ Илеюшка изъ чиста поля.
А упалъ ево доброй конь въ перву́ подкопь,
А онъ самъ вѣдь доброй конь выскочилъ,
Ево доброво молодца выносилъ;
Да упалъ онъ доброй конь въ втору подкопь,
Онъ вѣдь самъ-то доброй конь выскочилъ,
Ево добраго молодца выносилъ;
Да упалъ онъ доброй конь въ третью́ подкопь,
Да онъ самъ вѣдь доброй конь выскочилъ,
Ево добраго молодца не выносилъ.
Тутъ схватали-сымали вѣдь добраго молодца
Да й сковали въ желѣза во нѣмецкія,
А въ ручныя, въ ножныя, да и въ заплечныя,
Повели къ собакѣ къ царю Калину.
А проговорилъ чужда Смарадоновичъ:
— Ужъ ты ой Илеюшка Муромецъ,
— У меня вѣдь есть двѣ дочери,
— Ты посватайся на мо́ихъ дочеряхъ,
— Я любую отдамъ за тебя замужъ. —
Говорилъ Илеюшка не съ упадкою:
«Ужъ ты чужда Калинъ Смарадоновичъ,
«Не случилось у меня сабли вострыя,
«Я посватался бы на твоей шеи».

Да на толи чужда порозсердился,
Приказалъ вести да во чисто поле —
Отрубить ему буйну голову.
Повели Илеюшку въ чисто полё,
Да вѣдь вывели ево во чисто полё,
Онъ стряхнулся Илеюшка Муромецъ,
Всѣ нѣмецкія желѣза попадали,
А ручныя ножныя да и заплечныя.
А вѣдь тутъ Илеюшка на воли сталъ.
У Илеюшки побоища не случилосе,
Ухватилъ татарина онъ за ногу,
Да началъ татариномъ помахивать,
Онъ гдѣ махнетъ а тутъ и улица,
Назадь отмахнетъ — тутъ переулочекъ,
А прибилъ онъ силы и смѣту нѣтъ.
Самъ пошолъ Илеюшка во Кіевъ градъ,
Да приходитъ ко князю ко Владиміру.
А вѣдь тутъ Самсонъ и Нанойловичъ,
А съ двѣнадцатью онъ богатырями.
Они стали метати во жеребей,
Да кому итти по праву́ руку,
А кому итти по лѣву́ руку.
На паю Илеюшки не обидѣли,
Доставалось итти по серёдкѣ по матицы
Противо собаки царя Калина.
Выходили они да во чисто полё
Они стали силу бить какъ траву косить,
А прибили силу всю до единово,
Не оставили и не единово,
Самого собаку царя Калина
А отсѣкли ему да руку правую,
Отрубили ему да ногу лѣвую,
Да вѣдь выкопали ему-то вѣдь правый глазъ,
Посадили ево да на добра коня,

Да спустили ево да во чисто полё:
«А ты ѣзди вѣкъ да и по вѣку,
«А мы будемъ за Кіевъ обстоятели
«Отъ всѣхъ сторонъ оберегатели».

Запис. на Мошѣ, 24 августа.

305.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А старыя сударинъ Илья Муромецъ,
Хорошъ былъ у старово доброй конь,
А онъ ѣздилъ въ чисто́мъ полѣ день до вечера,
А темную ночь до бѣла свѣту,
Да наѣхалъ онъ въ чисто́мъ полѣ три дороженки,
Три дорожки наѣхалъ три розстанюшки.
На розстаняхъ лежитъ тамъ вѣдь бѣлъ камень,
На камешкѣ подпись написана:
«А въ дорожку-ту ѣхать — богату быть,
«Въ другу́ю-ту ѣхать — женату быть,
«А во третьюю ѣхать — убиту быть».
А тутъ вѣдь какъ старъ пороздумался,
Да въ которую дорожку будетъ ѣхати:
«На что мнѣ-ка старому богачество?
«Я самъ-то умру животъ останется,
«Животомъ-то владѣть будетъ некому.
«А по что мнѣ старому женитися?
«А женитися мнѣ — не нажитися,
«Худой-то мнѣ взять — не захочется,
«А хорошая-то взять — такъ чужа корысть.
«Поѣду въ ту дорожку, гдѣ убиту быть,
«А убитому быть и замучену,
«А души-то со тѣломъ быть разлу́ченой».
А онъ ѣхалъ по пути по дороженки,

Наѣхалъ стаметниковъ[1]) разбойниковъ,
Не мало число сорокъ тысячей.
Говорятъ эти стаме́тники разбойники:
— Это что-ли за шаль къ намъ пріѣхала,
— Съ коня-то вѣдь снять ево не́ково,
— Да развѣ взять-то у старово нечево. —
Говорилъ съ нима старъ не съ упадкою:
«А вы глупыя стаметники разбойники!
«Съ коня-то вѣдь снять ево неково,
«Да и взять вамъ у старово нечево,
«Одна кунья вѣдь шубочка въ пятьсотъ рублей,
«По карманамъ казны сорокъ тысячей,
«А доброму коню и цѣны вѣдь нѣтъ,
«А мезъ уши вплéтанъ былъ свѣтёлъ камень,
«Онъ не ради красы́ молодецкія,
«А онъ ради вѣдь ноченки темныя.
«Осередь-то вѣдь было темной ноченки
«Розстрѣлялъ я всѣ стрѣлки каленыя,
«Да и собралъ я стрѣлки до единой всѣ».
Да натягивалъ Илеюшка ту́гой лукъ,
Накладывалъ стрѣлочку каленую,
Да стрѣлялъ онъ вѣдь стрѣлку въ сыру землю,
Рва́ла стрѣла землю въ косу́ сажень,
Тому они весьма испугалисе,
Со дубовъ они на землю попадали,
Да сами говорятъ таково слово:
— Одно красное солнцо на бѣломъ свѣтѣ,
— О́динъ си́льней бога́тырь Илья Муромецъ,
— А спусти ты насъ, свѣтъ, по своимъ домамъ,
— Бери ты казны колько надобно,
— Да табунъ лошадей ты любы́хъ бери,
— А спусти ты насъ, свѣтъ, по своимъ домамъ,

---

1) На поляхъ было отмѣчено «или стамытниковъ», но зачеркнуто. *Ред.*

— Да къ отцамъ, къ матерямъ, къ молодымъ женамъ,
— Не будемъ мы стоять при пути при дороженкѣ,
— Проливати вѣдь кровь христіанскую. —
Натягивалъ Илеюшка ту́гой лукъ,
Да накладывалъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ онъ станетниковъ разбойниковъ,
Прибилъ онъ вѣдь всѣхъ до единово,
Не оставилъ онъ тутъ ни единово.
Да оттудова назадъ онъ воро́чался,
На камешкѣ подпись переписывалъ:
«Хоть я ѣздилъ въ дорожку мнѣ-ка смерти нѣтъ,
«Росчистилъ дорожку широкую».
Да поѣду въ ту дорогу гдѣ женату быть.
Доѣхалъ, стоятъ теремы́ высокія,
Идетъ вѣдь толпа красныхъ дѣвушекъ.
Выходила тутъ прекрасна королевична,
Брала ево за руки за бѣлыя,
За тѣ ли за перстни злаченыя,
Повели ево въ высоки новы те́ремы,
Садила за столы за дубовыя,
Да поила-кормила хлѣбомъ-солію:
— Ты гой еси удалой доброй молодецъ,
— Пожалуй со мною опочинуться
— На ту на кроватку тисовую
— Да на ту ли на перину пуховую. —
Привела она во спальню во теплую,
Да сама говоритъ таково слово:
— Ты къ стѣнкѣ ложись, я на край съ тобой. —
А видитъ Илеюшка Муромецъ,
Онъ видитъ, что кроватка фальшивая,
Фальшивая кроватка, подломная.
Ухватилъ какъ онъ прекрасну королевичну,
Да онъ бросилъ на кроватку тисовую
На ту ли на перину пуховую,

Да и въ тотъ часъ кроватка подломиласе,
Упала она во погребы глубокія,
Оттудова назадъ онъ ворочался,
Пошолъ онъ во погребы глубокія,
У дверей онъ придверниковъ не спрашивалъ,
У воротъ приворотниковъ не слѣдовалъ,
Вѣсучія замочки онъ на руку беретъ,
Подворотенки ногами выпинывалъ,
Отворялъ онъ воротца широкія,
Побралось тамъ вѣдь много князьéй[1]) да боя́ръ
Много сильнихъ могучихъ богатырей.
Проговоритъ Илеюшка Муромецъ:
«Проздравляю васъ съ прекрасной королевичной».
Они молятъ здравія здоровья вѣку долгаго
Да за свѣта суда́ря Илью Муромча,
Проклинаютъ всё прекрасну королевичну,
Отрубили королевны руку правую,
Отсѣкли королевны ину лѣвую,
Посадили ея на добра коня,
Спустили ея во чисто полё.

(Дальше не знаетъ).

Запис. тамъ же 24 августа.

306.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Повышла, повышла-повыкатила
Наша славная матушка быстра Волга рѣка,
Много она рѣкъ и ручьей побрала̀.
Широкъ перевозъ подъ Нижнимъ городо̀мъ,
Поширѣ-подалѣ подъ Ва́страха̀нью;

---

1) Такъ вездѣ.

Долгіе плеса Чижиковскія,
Высокія горы Сорочинскія,
Темныя лѣсы Смоленскія.
Розстаяньица шла она три тысячи,
А устьевъ ровно она се́мьдесятъ дала̀
Во славное морё во Персидское.
Это вѣдь Добрынюшки не сказочка.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя Владимира
Было столованьё поче́стной пиръ.
Да самъ государь князь роспотѣшился,
Выходилъ онъ на крылечко на красноё,
Приходитъ въ палату розговариватъ:
— Гой вы есть князья мои бо́яра,
— Вы сильніи могучи бога́тыри,
— Да всѣ поляницы удалыи!
— Ково намъ послать будё въ чисто поле —
— Стоять на заставы на крѣпкія,
— Биться со невѣжей во чистомъ полѣ,
— Пишетъ вѣдь невѣжа за угрозою ко мнѣ. —
Большéй-отъ хоронится за среднево,
Середней хоронится за меньшево,
Отъ меньшево князю отвѣту нѣтъ.
Изъ тово стола было изъ задняво
Выставалъ удалой доброй молодецъ
Храбрыи сударинъ Илья Муромецъ,
Да самъ говорилъ онъ таково слово!
«Хоть долго молчать да говори́ть же будѐ.
«Вчара̀ я пріѣхалъ изъ чиста поля,
«Стоялъ на заставы двѣнадцать лѣтъ,
«Бился со невѣжей во чистомъ полѣ,
«У ево ли у невѣжи крылатой конь».
А службу-работу накладывали

На премладаво Добрыню Микитича,
А ѣхать Добрыни во чисто́ полё,
Стоять на заставы ему шесть годовъ,
Биться со невѣжей во чистомъ полѣ.
Пошолъ вѣдь Добрынюшка домо́й со пиру̀,
Не веселъ пришолъ онъ не радоченъ.
Матушка Добрыни вѣдь спрашиватъ:
— Что же ты Добрынюшка Микитьевичъ
— Не веселъ пришолъ и не радоченъ?
— Мѣсто тебѣ было не по разуму,
— Чара-та была развѣ не рядовая,
— Княгина въ пиру развѣ обезче́стила тебя̀. —
«Гой еси родитель моя маменька!
«Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
«Чара-та была мнѣ-ка рядовая,
«Княгина въ пиру не обезчестила.
«На что такова меня споро́дила,
«Силою роди́ла мня не сильняво,
«Кра́сотой родила не красиваво,
«Счастьицомъ да не счастливаго».
Проговоритъ родитель ево маменька:
— Гой еси Добрынюшка Микитьевичъ,
— Какъ бы я могла тебя споро́дить молодца
— Силою въ Самсонища сильняво,
— Красотою я въ Осипа прекрасново,
— Смѣлостью въ Илеюшку Муромча,
— Богачествомъ въ Дюка Степановича,
— Пощапкой въ Чурила сына Плёнковича,
— Премудростью въ Соло́мана премудраго,
— Кудрями въ царища Кудреянища, —
— Такова-то тебя, дитятко, Госпо́дь да спородилъ. —
Прощается Добрыня съ своей маменькой,
Наипаче со своей онъ молодой женой.
Молодой жены Добрыня нака́зываетъ:

«Гой еси моя молода жена!
«Пройдетъ какъ вѣдь времечка шесть годовъ,
«Не вѣсти не будетъ, ни грамотки,
«Такъ тебѣ, Авдотья, своя́ воля:
«А хошь ты, Авдотья, вдовой сиди,
«А хошь ты, Авдотья, заму́жъ поди,
«Прибирай ты молодца́ супротивъ меня;
«Не ходи ты за Алёшу Поповича,
«Алёша Поповичъ мнѣ-ка крестный братъ,
«А крестный-отъ братъ паче ро́днаго».
Поѣхалъ Добрынюшка въ чисто́ полё,
Стоялъ на заставы на крѣпкія,
Бился со невѣжей во чисто́мъ полѣ,
У ево ли у невѣжи крылатый конь.
Прошло вѣдь какъ времечка шесть годовъ,
Не коннаво нѣту, не пѣшево,
Ко славному городу ко Кіеву
А не съ кѣмъ послать ему вѣсточки,
А не съ кѣмъ послать ему грамотки.
Алёша Поповичъ догадливъ былъ,
Онъ ѣздилъ Алёша во чисто́мъ полѣ,
Пріѣхалъ онъ къ князю розска́зываетъ:
— Убитъ лежитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
— Буйной головой во ракитовъ кустъ,
— А рѣзвыя ноженки въ ковыль травы,
— Сабелька лежитъ на сырой земли,
— А добрый конь ходитъ во чистомъ полѣ,
— Черны вороны вѣдь тѣло ево притрынкали,
— Пойдемъ же, Владимиръ, станемъ свататься
— На Добрыниной на молодой жены. —
Пришли на Авдотьи стали свататься.
Авдотьи итти не хотѣлосе,
На силу Владимиръ понево́лилъ ей итти̇.
Въ пятницу было рукоби́тьиче,

Въ суботу было у нихъ сватовство[1]),
Въ воскресенье-то у нихъ буде свадебка.
Премладый Добрынюшка Микитьевичъ
Износилъ Добрыня платье своё цвѣтноё,
Надѣвалъ на себя платьё звѣриное,
Поѣхалъ Добрыня изъ чиста поля,
Наѣхалъ Добрыня въ полѣ бѣлъ шатеръ.
Ко бѣлу шатру Добрыня приворачивалъ,
Ажно тутъ въ шатрѣ Илеюшка Муромецъ.
Первое сло́вчо нерадошно:
«Твоя-то жена вѣдь замужъ пошла
«За премладаго Алёшу Поповича,
«Авдотьи итти не хотѣлосе,
«На силу Владимиръ понево́лилъ ей итти,
«Во пятницу было рукобитьице,
«Въ суботу у нихъ было сватовство,
«Въ воскресеньё у нихъ дакъ буде свадебка».
Не досугъ Добрыни долго разговаривать,
Поѣхалъ Добрыня отъ бѣла́ шатра
Ко славному городу ко Кіеву.
Поѣздку даваетъ лучше прежнаво:
Скачетъ конь по вёрсты по мѣрныя,
Ископыть по ямы по рѣпныя.
Пріѣхалъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
Пришолъ онъ къ родитель своей маменькѣ,
Матушка Добрыни не у́знала:
— Гой еси удалый добрый молодецъ!
— Коей ты орды а ты коей земли,
— Какъ же вѣдь тебя именемъ зовутъ
— А какъ звеличаютъ изъ отечества? —
На Добрынюшки была замѣточка,
На бѣломъ лицѣ была бару́здинка,

1) Такъ поётъ.

Узнала родитель е́во матушка:
— Обогрѣло меня красное солнышко,
— Потухъ у насъ младой-отъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
— Твоя-та вѣдь жена да саму́жъ пошла.
— Авдотьи итти не хотѣлосе,
— Насилу Владимиръ понево́лилъ ей иттѝ,
— Въ пятницу было рукобитьице,
— Въ суботу у нихъ было сватовство,
— Сёводня у нихъ да и́детъ свадебка. —
Не досугъ Добрыни долго разговаривать:
«Гой еси родитель моя маменка!
«По́дай мнѣ-ка платье скоморошноё,
«Подай мнѣ-ка доску гусельную,
«Подай мнѣ шалыгу подорожную,
«Пойду я къ Алёши на свадебку».
Приходитъ въ палаты бѣлокаменныя,
Отворяетъ двери онъ на пяту,
А крестъ-отъ кладетъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ по учёному,
На всѣ онъ вѣдь стороны поклоняется,
Владимиру князю на особинку.
Садился на печку на муравленую,
Дай й началъ играть онъ вѣдь въ гу́сельцы:
Струночку играетъ отъ синя́ моря,
Другую играетъ отъ Царя-града,
А третьюю отъ Ерусалима,
А всё похожденьицо Добрынюшкино.
Не кто-ли тому не догадается,
Добрынина жена вразумляется.
Владимиру игра полюбиласе:
— Гой еси удалой доброй молодецъ!
— Любо тебѣ мѣсто подли́ меня — сади́сь,
— Друго тебѣ мѣсто — супротивъ меня,
— А третьеё мѣсто — куды хо́чешь ты сади́сь. —

Садился Добрынюшка въ скамелечку
Противо Авдотьи Микуличны.
Премлада Авдотья Микулична
Налила стаканъ зелена вина,
Подавала она Добрыни Микитичу,
Бралъ онъ вѣдь стаканъ еди́но́й рукой
Выпивалъ стоканъ на единый духъ,
Положилъ въ стоканъ Добрынюшка злаченъ перстень,
Наливалъ стоканъ зелена вина,
Подносилъ Авдотьи Микуличны,
Да самъ говорилъ онъ таково слово:
«Пить до дна — такъ видать добра,
«А не пить до дна — не видать добра».
Брала она стоканъ единой рукой,
Выпила стоканъ на единый духъ,
Брала вѣдь Авдотья злачёнъ перстень,
Наложила на руку на правую,
Сама говоритъ таково слово:
— Этимъ мы съ Добрыней обручалисе.
— Не тотъ мнѣ-ка милъ, кой подли́ меня сиди̇тъ,
— А тотъ мнѣ-ка милъ, кой супротивъ меня,
— Премладый Добрынюшка Микитьевичъ. —
Не досугъ Добрыни долго разговаривать,
Хватилъ какъ Алёшу за желты кудри,
Черезъ столъ бросилъ на че́реду[1]) кирпичную,
Да началъ шалыгой охобачивать:
Во охканьѣ не́ чуть бу́ханья,
А въ бухканьѣ дакъ не чуть охканья.
Прибилъ онъ Алёшу до полу-смерти,
Только Алёшенька женатъ бывалъ,
Лучше бы Алёши не родитися,
Родитися, мнѣ бы не женитися,

1) Полъ.

Всякъ-то на сёмъ свѣтѣ женится,
Не всякому женидьба издавается.
Премладый Добрынюшка Микитьевичъ
Бралъ онъ вѣдь Авдотью за праву руку,
Пошолъ онъ къ родитель своей маменькѣ,
Да сталъ онъ жить быть да вѣкъ коротати,
Огнынѣ живётъ да и до́ вѣку.
А мы вѣдь Добрыню въ старина́хъ поёмъ,
Ахъ дудай-дудай, больше вперёдъ не знай!

Запис. тамъ же, 24 августа.

307.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У князя Ивана Васильевича
Было столованьё почестной пиръ.
А самъ государь князь роспотѣшился,
Выходилъ середь полаты бѣлокаменной,
Да самъ говорилъ онъ таково слово:
— Гой вы есть мои́ князья бояра,
— Сильніи могучіи богатыри,
— Да всѣ поляницы удалыи!
— Есть у меня три добры́я три коня,
— Кто ударится со мною о великъ закладъ,
— Розъѣзжать вѣдь намъ на добрыхъ коняхъ —
— Изъ Кіева ѣхать въ Черниговъ градъ,
— Изъ Чернигова ѣхать въ чисто́ полё,
— Изъ чиста поля ѣхать во Кіевъ градъ,
— Не воротами прямо черезъ стѣну городовую. —
Большéй-отъ хоронится за средняво,
Серéдней хоронится за меньшево,

Отъ меньшево князю отвѣту нѣтъ.
Изъ тово стола было изъ заднево,
Изъ той ли скамельки бѣлодубовой
Выставалъ удалой доброй молодецъ
Премладыя Иванушко Годѣновичъ,
Да самъ говорилъ онъ таково слово:
«Гой еси князь Иванъ Васильевичъ!
«Есть у меня маленькой бурушко,
«Селяточкомъ купленъ былъ зá моремъ,
«За селяточка дано было пятьсотъ рублей,
«Съ пошлиной съ провозомъ сталъ въ тысящу.
«Я ударюся съ тобою о великъ закладъ —
«Розъѣзжать вѣдь намъ на добрыхъ коняхъ».
Написали записи крѣпкіе,
Къ записямъ-то руки прикладывали.
По князѣ-то всѣ поручаются,
По Иванѣ-то никто не поручается,
Поручилося двѣ голи двѣ кабацкія,
Пошолъ вѣдь Иванушко домóй да со пиру̀.
Матушка Ивана вѣдь спрашиватъ:
— Что же ты не веселъ не рáдоченъ пришòлъ?
— Мѣсто было тебя не по разуму,
— Али чара-та была развѣ не рядовая,
— Княгина въ пиру развѣ обезчéстила тебя̀?—
Проговоритъ Иванушко Годиновичъ:
«Гой еси родитель моя маменька!
«Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
«Чара-та была мнѣ-ка рядовая,
«Княгина въ пиру не обезчестила.
«Я самъ во хмѣлю призахвастался,
«Ударился со княземъ о великъ закладъ —
«Розъѣзжать вѣдь намъ на добрыхъ коняхъ,
«Князь прописалъ золоту казну,
«А я прописалъ буйну гóлову свою̀».

Проговоритъ родитель е́во маменька:
— Поди на конюшню стоялую,
— Падай малу бурушку въ ноженки,
— Чтобы збавилъ онъ хозяина отъ смёрточки.—
Пошолъ онъ на конюшню стоялую,
Падалъ малу бурушку въ ноженки.
Онъ провѣштуетъ язы́комъ человѣческимъ:
— Гой еси любезный мой хозяйнушко!
— Выпусти меня во чисто полё:
— Поѣсть-то вѣдь мнѣ муравой травы,
— Попить-то вѣдь мнѣ ключевой воды. —
Конь наѣлся-напился онъ домой идетъ,
Самъ провѣштуетъ языкомъ человѣческимъ:
— Гой еси любимый мой хозяйнушко!
— Сѣдлай-уздай ты скоро добра коня,
— Поѣзжай ко князю на широкой дворъ,
— Не воротами прямо черезъ стѣну городовую,
— Станови добра коня середи двора,
— Приказана станови а не привязана,
— Самъ соболину шубочку поры́ивай[1]),
— Маленькаво бурушка подрачивай. —
Сѣдлалъ-уздалъ онъ скоро́ добра коня,
Поѣхалъ ко князю на широкой дворъ,
Не воротами прямо черезъ стѣну городовую,
Становилъ добра коня середи двора,
Приказана становилъ, а не привязана,
Самъ соболину-ту вѣдь шубочку порыиватъ,
Маленькаво бурушка подрачиватъ.
Набралось тутъ много князе́й да бояръ,
Сами говорятъ таково слово:
«Пропала у Ивана буйна голова».
Донесли вѣдь князю Ивану Васи́льевичу̀.

1) Попихивай.

Выходилъ вѣдь князь на широкій дворъ,
Да самъ говорилъ онъ таково слово:
— Гой еси мои слуги вѣрныя!
— Выпущайте коней вы на́ берегъ. —
Бѣжатъ ево кони со ярости,
Хотятъ мала бурушка на сме́рть да затопта̀ть,
Хотятъ мала бурушка на сме́рть заля̀гать.
Какъ маленькой бурушко справился,
Закусилъ онъ губу-ту нижнюю,
Ударилъ копытомъ о сыру землю,
Мать-земля пріудрогнула,
Красное крылечко розсыпалось,
Всѣ князья-бояра попадали,
Златогривова коня онъ на сме́рть затопта̀лъ,
Сивогриваво коня онъ на сме́рть залягàлъ,
Полоне́ной воронко́ Ильи Муромча,
Полоненой воронко одва выскочилъ.
Приходитъ вѣдь князь Иванъ Васильевичъ,
Бье́тъ онъ челомъ до сырой земли:
— Спасибо, Иванушко Годиновичъ!
— Спасибо на маленькомъ бурушкѣ,
— Не́ на комъ мнѣ ѣхать въ чисто́ поле,
— Получай поди со князя золоту казну. —
Получилъ вѣдь онъ Иванъ и золоту казну,
Зашелъ онъ въ канторы питейныя,
Откупилъ двѣ бочки зелена вина:
«Гой вы есть мои поручители!
«Пейте зелено вино безденежно».
Садился Иванъ на добра коня,
Поѣхалъ къ родитель своей матушкѣ.
Да сталъ онъ вѣдь жить быть да вѣкъ коротать,
Отнынѣ живётъ да и до́ вѣку.

Запис. тамъ же 24 августа.

308.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласкова у князя у Владимира
Было столованьё почестной пиръ.
Да было у князя во честно́мъ да во пиру̀
Двѣ славны двѣ богаты двѣ Часо́выя вдовы̀.
Перва славная Часо́вая вдова̀,
Вторая богатая Збу́дова жена̀
Наливала она чару зелена вина,
Заливала чарочку сладкимъ медомъ,
Засыпала чару бѣлымъ сахаромъ,
Подносила эту чарочку Часо́выя вдовы̀:
— Ты славна богата Часо́вая вдова,
— Выпьемъ мы по чары зелена вина,
— Да мы вѣдь за чарой порозго́воримся съ тобо̀й.
— У тебя ли у вдовы есть вѣдь де́вять сыновѐй,
— Будто ясные хороши твои соколы. —
«Еще у вдовы есть единака дочь,
«Премлада Чадиночка Часо́венная̀».
— У меня ли у вдовы есть единокій сынъ,
— Премладый Хотеюшко сынъ Збудовичъ.
— Отдай-ко ты Чадиночку Часо́венную
— За моево Хотея любимо́й семьей. —
На то ли вдова порозсе́рдилась,
Броси́ла она чару зелена вина,
А платьё-то всё перепозорила,
Пристрамила она Хотея, въ безче́стьицо ввела̀.
Называла она вороной погумённою.
На то ли вдова же порозсердилась,
Пошла вѣдь вдова домо́й со пиру̀,
Не ве́села пришла она не радочна.

Началъ вѣдь Хотей да е́е спрашивать:
— Гой еси родитель моя маменька!
— Что же ты не ве́села не ра́дочна пришла?
— Мѣсто было тебѣ не по разуму,
— Чара-та была развѣ не рядо́вая,
— Княгина въ пиру развѣ обезчестила. —
Прого́воритъ родитель ево матушка:
«Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
«Чара-та была мнѣ-ка рядовая,
«Княгина въ пиру не обезчестила,
«А я за тебя Хотей посваталась
«У той ли у вдовы у Часовыя
«На премладыя Чадиночки Часовенныя,
«Пристрамила она тебя Хотей въ безчестьицо ввела,
«Называла она вороной погумённою».
Проговоритъ Хотей своей маменькѣ:
— Гой еси родитель моя маменька!
— Напейся ты съ горя зелена вина,
— Ложись-ко ты спать опочивъ держать,
— Эту я насмѣшку отсмѣюся я вдовы̀. —
Вѣрному слуги онъ приказывалъ:
— Гой ты есь моя слуга вѣрная!
— Сѣдлай ты уздай скоро двухъ лошадей. —
Срядились они да и поѣхали.
Видѣли они какъ садилися,
Не видали въ кою сторону поѣхали.
Приворачивали ко вдовы ко Часовыя.
Вдовы-то вѣдь дома не случилосе,
Девять сыновей дома не было,
Одна въ домѣ Чадиночка Часовенная.
Поѣхалъ Хотей на широкой дворъ,
У дверей придверниковъ не спрашивалъ,
У воротъ онъ приворотниковъ не слѣдовалъ,
Подворотенки ногами выпинывалъ.

Выходила тутъ Чадиночка Часовенная
На то на крылечко на красноё,
Сама говоритъ таково слово:
— Настояща ты ворона погу́мённая,
— Надъ нашимъ ты домомъ надсмѣхаешься. —
На то ли Хотей порозсердился,
Бралъ онъ вѣдь копьё буржомецкое,
А ратовьё было девяти сажонъ,
Хотѣлъ ударить по Чадиночкѣ Часовенной,
Ударилъ по крылечку по красному,
Росшибъ на щепу онъ на мелкую.
Оттудова назадъ онъ ворочался,
Поѣхалъ Хотей во чисто полё,
Розставилъ Хотей себѣ бѣлъ шатёръ,
Ложился онъ спать опочивъ держать,
Вѣрному слугѣ онъ наказывалъ:
«Гой еси слуга моя вѣрная,
«Поберется когда сила изъ Кіева,
«Тогда ты меня ото сна́ разбуди̇».
Часовая вдова домой прибыла,
Девять сыновей домой пріѣхали,
Чадиночка имъ и порозжалилась.
Проговоритъ вдова-та Часовая:
— Ой вы сыновья мои ясны соколы!
— Убейте Хотея во чистомъ поли. —
Проговорятъ сыновья ея ясны соколы:
«Гой еси родитель наша маменьки!
«Были мы во земли во Шведскія,
«Были у Хотея мы во вѣ́рныхъ во слуга̀хъ,
«Не убить вѣдь намъ Хотея во чисто́мъ поли».
На то ли вдова порозсердилась,
Бросалась въ сундуки окованыя,
Вымала вѣдь записи крѣпкія,
По которымъ были денежки разда́ваны,

Собрала мужиковъ своихъ должниковъ:
— А вы мужики, мои должники!
— Убейте Хотея во чистóмъ полѝ
— Во всѣхъ-то васъ денежкахъ Господь проститъ. —
Видятъ мужики, что бѣда пришла,
Дѣться мужикамъ стало некуда,
Срядилися они да и поѣхали.
Побралася сила изъ Кіева,
Началъ вѣдь слуга Хотея-то бужать.
Ото сна Хотей пробужается,
Садился Хотей на добра коня,
Бралъ онъ вѣдь копьё буржамецкоё,
А ратовьё было девяти сажонъ.
Трёхъ-то вѣдь сыновъ у ей на смерть убилъ,
А шесть-то сыновъ онъ во полонъ побралъ:
«А вы мужики ея должники,
«Ваше-то вѣдь дѣло поневольноё,
«Скажите вдовы вы Часовыя,
«Этою вѣдь силою меня не взять».
Самъ поѣхалъ онъ къ родитель своей матушкѣ.
Не хотѣлося вдовы покоритися,
Пришло вѣдь вдовы да поклонитися,
Пришла она къ Хотею низко кланялась:
— Премладый Хотеюшко, сынъ Збудовичъ!
— Возьми мою Чадиночку Часовенную
— За себя возьми любимóй семьей,
— Отдай мнѣ-ка шесть сыновъ изъ полону. —
Проговóритъ Хотей таково слово:
«Мнѣ твоя Чадиночка не надобно,
«Я за вѣрного слугу замужъ ея нé возьму».
Бралъ онъ вѣдь копьё буржомецкоё,
А ратовьё было девяти сажонъ,
Поставилъ тупымъ концомъ въ сыру землю:
«Засыпь это ратовьё златомъ-серебромъ,

«Отдамъ тебѣ шесть сыновъ изъ полону».
Сбирала вдова злато серебро,
Шесть-то вѣдь са́жонъ призасыпала,
А трёхъ-то вѣдь сажонъ мнѣ-ка не́ гдѣ взять.
Пошла она ко князю ко Владимиру
За́ймовати злата и се́ребра,
Выкупити шесть сыновъ изъ по́лону.
Проговоритъ Владимиръ столенъ Кіевской:
— Соберу я скоро князь почестной пиръ,
— Попросимъ Хотея на почестенъ пиръ,
— Нечто мо́ёво разговору онъ послушаетъ,
— Возьмётъ твою Чадиночку Часо́венную,
— Отдастъ тебѣ шесть сыновъ изъ полону. —
Собиралъ вѣдь скоро князь почестной пиръ,
Просили Хо́тея на почестенъ пиръ,
Да началъ Владимиръ уговаривать,
Послушалъ онъ князя Владимира,
Да взялъ онъ Чадиночку Часовенную.
Да шли во Божью церковь обвѣнчалися,
Со той ли Чадиночкой Часо́венныя,
Бралъ онъ вѣдь за руку за правую,
Повёлъ онъ къ родитель своей маменькѣ:
«Гой еси родитель моя маменька!
«Вотъ тебѣ Чадиночка Часовенная,
«Хоть ты держи ея подворницей,
«А хоть ты держи портомойницей,
«Какъ тебѣ надо-ть поворачивай».
А мы вѣдь Хотея въ старинахъ поёмъ.
Ахъ дудай-дудай, больше впередъ не знай.

Запис. тамъ же 24 августа.

309.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Супротивъ праздника вели́ка дни,
На канунѣ было Благовѣщенья,
Выпала пороха, снѣжокъ молодой.
По той по порохѣ, по бѣлу снѣжку,
Ходилъ тамъ вѣдь гулялъ купатъ[1]) молодецъ,
По имени Чурилушко сынъ Плёнковичъ.
До́рого на нёмъ было цвѣтно́ платьё,
Шапочка была соболиная,
На ножкахъ сапожки — зелёнъ сафьянъ,
Зелена сафьяну турецкаво,
Мудрово покрою нѣмецкаво,
Крѣпково шитья ярославскаво;
Около носочка — яичко катить
Подъ пяту Чурилу соловей пролетитъ.
Ходилъ-щапилъ по городу по Кіеву,
Красныя тѣ дѣвки вѣдь стёкла рвутъ,
Смотрючись да на Чурилкову на кра́соту,
На ево ли на дороднее дородинство,
Молоды молодки въ голенища спатъ.
Старыя старухи вѣдь клюхи́ тѣ грызутъ,
Смотрючись да на Чурилкову на красоту,
На ево ли на дороднее дородинство.
Зашолъ-загулялъ онъ ко Бермятину двору,
Ко ему ли-то Бермяты высоко́му терему̀.
Бермяты во домѣ не случилосе,
Ушолъ къ благовѣщинской заутрины,
Одна въ домѣ Катерина дочь Микулична,
Отпирала она окошко коси́вчатоё,

---

1) Не знаетъ.

Отворяла она околенку стеко́льчатую̀,
Сама говоритъ таково слово:
— Премла́дый Чурилушко сынъ Плёнковичъ,
— Пожалуй ко мнѣ на высокъ теремъ. —
Отворяла она воротца широкія,
Пошли они въ высоки новы те́рема,
Брали они доску ту шахматную,
Да стали играти они шашками.
Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
— Гой еси Чурилушко сынъ Плёнковичъ,
— Буде ты меня поиграешь, съ меня сто рублей,
— А какъ я тебя поиграю, тебя Богъ проститъ. —
Разъ сы́гралъ, да онъ мата́ ей далъ,
Наигралъ на Катерину онъ вѣдь сто рублей;
Другой разъ сы́гралъ, да онъ мата́ же ей дава̀лъ,
Наигралъ на Катерину онъ вѣдь два ста рублей;
Третій разъ сы́гралъ, онъ мата́ же ей давалъ,
Наигралъ на Катерину онъ вѣдь триста рублей
Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
— Гой еси Чурилушко сынъ Плёнковичъ,
— Полно намъ играть съ тобой шашками,
— Пойдемъ мы во спальню во тёплую,
— На ту на кроватку тисовую,
— На ту на перину пуховую,
— Лягемъ-ко мы спать-забавлятися. —
А дѣвка вѣдь ходитъ служа́нка ево̀,
Ходитъ она дѣвка стучи́тъ да ворчѝтъ:
«Я пойду къ Бермяты накучу́ да намучу̀».
Тому Катерина не пытается,
Съ Чуриломъ на перины забавляются.
Надѣвала дѣвка платье-то цвѣтноё,
Пошла къ благовѣщенской заутрины,
Приходитъ она въ церковь соборную,
Отворяетъ двери-ти на пяту,

Да крестъ-отъ кладётъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведётъ по учёному,
На всѣ она стороны поклоняется,
Старому Бермяты на особинку:
«Престарѣлыя Бермята сынъ Васильевичъ!
«Не хóрошо у насъ въ домѣ учинилосе,
«Есть у тебя вѣдь и гость гоститъ,
«Гость щапливъ есть и гóсть ломливъ,
«Незвáнъ у тебя и не приказыванъ,
«Премлáдый Чурилушко сынъ Плёнковичъ,
«Съ Катериной на перины забавляются».
Проговоритъ Бермята таково слово:
— Гой еси дѣвка служанка моя!
— Буде правду говоришь, дѣвка, пожáлую тебя;
— А неправду говоришь, тебѣ голову срублю.—
Проговоритъ дѣвка служанка ево:
«Буде мнѣ вѣры не ймёшь, поди сáмъ досмотрѝ».
Пошолъ отъ благовѣщенской заутрины,
Ко своимъ пошолъ онъ ко высокимъ теремамъ,
Здымался на крылечко на красноё,
Да брякалъ въ колечко серебряное.
Какъ разъ онъ побрякалъ, да нѣтъ никово,
Другой разъ побрякалъ, да нѣтъ же никово,
Третей разъ побрякалъ попуще тово,
Высокіе тéремы пошаталисе,
Маковки со тéремовъ попадали,
Выходила Катерина дочь Микулична,
Сафьяны башмачки на босóй ноги.
Проговоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
— Что ты Катерина не убóрна идёшь,
— Севодня у насъ праздникъ Благовѣщеньё.—
Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
«Гой еси Бермята сынъ Васильевичъ!
«Угорѣла я севодня, голова болитъ,

«Щемитъ у меня ретиво сердцо,
«Не могла такъ хорошо обрядитисе».
Тому ли Бермята не пытается.
Пошолъ онъ въ высоки новы теремы,
Увидѣлъ на стопкѣ шапочку Чурилкову:
— Эту я вѣдь шапку на Чури́лѣ вида̀лъ. —
Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
«Гой еси Бермята сынъ Васильевичъ!
«У моево родимово у брателка,
«Съ Чуриломъ вѣдь платьицомъ помѣ́нянось,
«А добрыми ко́нями побра́танось».
Тому ли Бермята не пытается,
Пошолъ онъ во спальню во тёплую,
Увидѣлъ подъ кроваткой сапожки Чурилковы,
Увидѣлъ на кроватки Чури́лко лежитъ.
Какъ бралъ онъ со стопки саблю вострую,
Не утрена зорюшка просвѣ́тила,
А вострая сабелька просви́ркала,
Не скачёная жемчужинка катиласе,
Чурилкова головушка съ плечъ свалиласе
На ту ли на че́реду кирпичную,
Не красная камка розстилается,
Чурилкова кровь проливается
На ту ли на череду кирпичную.
Не бѣлой горохъ розсыпается,
Чурилковы желты кудри валяются,
По той ли по че́реды кирпичныя.
Видитъ Катерина, что бѣда пришла,
Дѣться Катерины стало не́ куда,
Брала Катерина востръ булатній ножъ,
Поставила тупымъ концомъ въ сыру землю,
А вострымъ концомъ въ ретиво сердцо.
Погинуло вта́поръ двѣ головушки,
Чурило съ Катериной со Микуличной.

Прожили говѣнье великоё,
Пропустили вѣдь недѣлю они свѣтлую,
Старыя Бермята сынъ Васильевичъ
Да шли съ дѣвкой въ церковь обвѣнчалисе
Со той ли со дѣвкой служанкой евѝ,
Стали жить и быть да вѣкъ коротати.
А мы вѣдь Чурила въ старина́хъ поёмъ.
Ахъ дудай-дудай больше впередъ не знай!

Запис. тамъ же 24 августа.

310.

КОСТРЮКЪ.

Изволилъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ да Васильевичъ,
Онъ изволилъ женитися
Да онъ, свѣтъ, обручитися,
Не у насъ на святой Руси,
Не у насъ въ каменной Москвы,
Во земли во Литовскія,
Да во той во Черкасскія
На премладой черкашеньки,
А на Марьѣ Демрюковны.
Да онъ много въ приданы бралъ,
Онъ триста улановей,
Да пятьсотъ улывановей.
Еще онъ въ приданы бралъ
Молодого-де шурина
Кострюка-то Демрюковича.
На радостяхъ завёлъ онъ пиръ,
Да онъ всѣхъ по мѣстамъ садилъ.
А всѣ во пиру напивалися,

Да всѣ во хмѣлю пьяны веселы сидятъ,
Одинъ во пиру какъ не пьётъ не ѣстъ,
Зелена вина не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ.
Проговоритъ царь государь:
— Ужъ ты гой еси шуринъ мой,
— Кострюкъ ты Демрюковичъ!
— Молодой черкашенко!
— Для че'же ты хлѣба и соли не ѣшь,
— Зелена вина не кушаёшь,
— Бѣлой лебеди не рушаешь,
— На царя лихо думаешь,
— Али на мать каменну Москву. —
Проговоритъ Кострюкъ Мастрюкъ
Да Кострюкъ-отъ Демрюковичъ:
«Ужъ ты гой еси царь государь,
«Царь Иванъ да Васильевичъ!
«Хоть я хлѣба и соли не ѣмъ,
«Зелена вина не кушаю,
«Бѣлой лебеди не рушаю,
«На царя лиха не думаю,
«И на мать каменну Москву.
«Захотѣлось какъ мнѣ́ Кострюку́,
«Захотѣлось какъ мнѣ́ Демрюку̀
«Молодому черкашенкѣ —
«Въ Москвѣ побоpотися,
«Да въ Москвѣ поломатися,
«По двору покатитися,
«По двору-ту по царскому,
«По тому государскому».
Борцовъ не случилосе
Молодцовъ не сгодилосе,
Одинъ князь Микита Романовичъ
Выходилъ на широкой дворъ,

На крылечко на красноё,
Да кричалъ громкимъ голосомъ:
— Еще есть ли у насъ въ Москвы,
— Еще есть ли у насъ борцы,
— Удалые молодцы? —
Борцовъ не случилосе,
Молодцовъ не сгодилосе.
Изъ тово изъ села изъ Иванова
Да шло вѣдь три родные брателка,
А первой-отъ брателко
Былъ Василей Андреевичъ,
Второй-отъ брателко
Былъ Андрей да Адреевичъ,
А третей-отъ брателко
Былъ Потапей Андреевичъ.
Большой-отъ вѣдь братъ говоритъ:
«Да мнѣ не съ кѣмъ боротися,
«Да мнѣ не съ кѣмъ ломатися,
«По двору-ту кататися».
Середней-отъ братъ говоритъ:
«Да мнѣ не съ кѣмъ боротися,
«Да мнѣ не съ кѣмъ ломатися,
«По двору-ту кататися».
А малой-отъ брателко
Былъ Потанюшко хроменькой,
А на ножку былъ лёгонькой,
Онъ на ножку припадыватъ,
Изъ-подъ ручки поглядыватъ:
«Развѣ мнѣ побоpотися,
«Развѣ мнѣ поломатися,
«По двору покататися?»
Ухватилъ какъ вѣдь о́нъ Кострюка̀,
Ухватилъ какъ вѣдь о́нъ Демрюка̀,
Молодово черкашенку,

Да ушибъ о сыру землю,
О чéреду кирпичную.
Изъ холы́[1] ногу выставилъ,
Изъ плеча руку выломилъ,
Да нагá по двору спустилъ,
А былъ доброй молодецъ,
Стала красная дѣвица,
Онъ рукой закрывается,
За людей убирается.
За бѣду пришло
Марьи Демрюковны:
— Не поставлю я пени въ томъ,
— Что крестьянской-отъ сы́нъ одолѣлъ
— А царева-то шурина,
— А поставлю я пеню въ томъ,
— Что нагá по двору спустилъ. —

Запис. тамъ же 24 августа.

311.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды онъ въ орду, къ королю въ Литву,
Служилъ королю ровно тридцать лѣтъ.
Король молодца любилъ-жаловалъ,
Королевна любила паче короля.
Да онъ сталъ молодецъ по пирамъ ходить,
По пирамъ-то ходить сталъ упиватися,
Королевскимъ-то домомъ похвалятися,
Королевскимъ-то домомъ, ево дочерью.

---

1) На поляхъ рукоп. подлинника А. Ѳ. Г—омъ карандашомъ было отмѣчено: «бедро», но карандашомъ же и зачеркнуто. *Ред.*

А злы палачи, бурзы-гетманы
Донесли королю они Шведскому:
«А батюшка ты ль нашъ, Шведской король!
«А есть у тебя съ Руси молодецъ,
«По пирамъ онъ вѣдь ходитъ упивается,
«Королевскимъ твоимъ домомъ похваляется,
«Королевскимъ-то домомъ, твоей дочерью».
Король-то на молодца прогнѣвался:
— А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
— Отведите молодца во чистó полё,
— Да на то ли на поле кровавое,
— Да на ту ли-то на плашку на липову,
— Отрубите молодцу буйну голову. —
А злы палачи, бурзы-гетманы
Повели молодца позади дворца.
Да рече́ молодецъ таково слово:
«А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
«Не водите молодца позади дворца,
«А ведите молодца попередь дворца,
«Мимо тотъ ли-то садъ, мимо зе́леной».
Палачи молодца вѣдь послушали,
Повели молодца попередь дворца,
Мимо тотъ ли-то садъ мимо зе́леной.
Запѣлъ молодецъ съ горя пѣсенку:
«А садъ ты мой садъ ты мой зе́леной,
«А яблонь ты яблонь кудреватая,
«Приупито вѣдь было приуѣдено,
«Съ королевной-то было приугуляно,
«А теперь вѣдь приходитъ смертка скорая».
Да услышала прекрасна королевицна,
Она пó поясъ въ окошко бросаласе:
— А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
— Не водите молодца во чистó полё,
— По локóтъ вы берите золотой казны. —

Палачи королевны не послушали,
Повели молодца во чистó полё,
Да на то ли-то на поле кровавоё,
Да на ту ли-то на плашку на липову,
Отрубили молодцу буйну голову.
Да скорёшенько королевна сряжаласе,
Пришла королевна во чистó полё,
Ко той ли ко плашкѣ ко липовой,
Брала королевна вострѣ булатней ножъ,
Поставила тупымъ концомъ во сырý землю,
А вострымъ концомъ въ ретиво сердцо.
Да погинуло втапоръ двѣ головушки.

Запис. тамъ же 25 августа.

312.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНКА.

Со Щукина двора
Идетъ сѣдая борода,
Тотъ милéнькой мой,
Пріятель дорогой.
Во всё лѣтушко гуляли,
Картофельку копали,
Денежку бралú.
У насъ не было работы,
Только прибыло заботы,
Гдѣ бы деньги брать,
Кому работать.
День и два живёмъ не ѣтчи,
Съ горя пѣсенку запѣвши,
Пóшли во Тычокъ,
Славный кабачокъ.

Ужъ мы двери отворяли,
Насъ вѣдь за руки примали
Дьяконъ и дьячокъ.
— Вы здорово ли живёте,
— И куда теперь идёте? —
Спрашивали насъ.
«Ужъ вы видите, вы сами,
«Что въ трактирѣ вмѣстѣ съ вами»,
Мы имъ говоримъ.
«Давай пива и вина,
«Еще есть у насъ казна
«Роздѣлаться съ вамъ».
Мы наѣлись-напились,
Домой скоро поплелись,
Захотѣли спать.
Зашли въ улицу Садову,
Во ту харчевню нову,
Послуха́ть часовъ.
Скоро частной прибѣгалъ,
На допросы призывалъ,
Очень хорошо.
Не успѣли мы сказать,
Намъ вѣдь рученки назадь,
Въ по́лицу свели.
Что во темную тюрьму
Во холодную стѣну:
«Си́дите-тко тутъ».
Мы хотѣли оправдаться,
Велятъ скоро роздѣваться,
Очень поскоряй.
Не успѣли платья свлечь,
Начинаютъ спину сѣчь
Моржовымъ ремнёмъ,
Большимъ шелепнёмъ.

Спину, жопу отстегали,
Впередь вотъ что наказали:
«Ходите умняй,
«Очень посмирняй».
Ужъ мы вышли изъ полицы,
Намъ на встрѣчу по дѣвицы,
Лапушки драги́.
Мы наказы забывали,
Дѣвокъ за́ руки примали,
Радошны были́.
Ихъ съ собой вели́.

Запис. тамъ же 25 августа.

LXVII.

ЮРЬЕВЪ.

Антонъ Степановичъ Юрьевъ, 82-лѣтній старикъ, крестьянинъ изъ дер. Пророкова, Мошенскаго прихода, выучился пѣть былины отъ старика изъ Онеги-города, который часто у него ночевалъ по зимамъ, когда проѣзжалъ черезъ Мошу. Кромѣ «старинъ», здѣсь помѣщаемыхъ, знаетъ о похожденіяхъ Ильи Муромца, но сказочнымъ, а не пѣсеннымъ складомъ.

313.

ДОБРЫНЯ.

У князя у Владимира заводился почестенъ пиръ
На многи князя многи бояра,
А на всѣ поляницы на удалые.

А какъ всѣ ли во пиру да напивалисе,
А какъ всѣ ли во честномъ да наѣдалисе,
Ужъ какъ всѣ ли во пиру да пьяны веселы сидятъ,
Ужъ какъ всѣ ли во пиру да поросхвастались.
Ужъ какъ кто ли-то похвастатъ золотой казной,
А другой-отъ вѣдь похвастатъ добры́мъ конемъ,
Глупой-отъ похвастатъ молодой женой,
Неразумный-отъ похвастатъ своей дочерью.
А сидитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
По конецъ онъ столика дубоваго,
Говоритъ онъ рѣчи таковы слово:
— А ты князь ты князь да вѣдь Владимирской!
— А спусти-ко вѣдь меня да во чисто́ поле,
— А во то ли поле во широкое,
— А ко той рѣки да ко Пучи́-рѣки,
— Обвалитъ тамъ сила всё татарская,
— А татарская-та сила всё уланская. —
Говоритъ-то князь вѣдь тутъ владимирско:
«Молодой воробыкъ не вылетывай,
«Молодой Добрыня не выскакивай».
Говоритъ тутъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
— А ты князь ты князь да вѣдь владимирскій!
— Ахъ дамъ тебѣ вѣдь я добра коня,
— Выѣзжай ты во чисто поле,
— Помолись ты Матери Пресвятой Богородицѣ. —
Далъ вѣдь онъ ему добра коня,
Онъ какъ сѣлъ да вѣдь на добра коня,
А поѣхалъ онъ да во чисто́ полё,
А ко той ли ко матушки ко Пучи-рѣкѣ,
Обвалитъ тамъ сила вся татарская,
Татарска́я сила все уланская.
А пріѣхалъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
А ко той ли ко матушки къ Пучи-рѣкѣ,
Какъ махнётъ на̀ право — туды улочка,

А махнётъ на лѣво — переулочекъ,
Пригубилъ онъ силу всю татарскую,
А татарску силу всю уланскую.

Запис. на Мошѣ, 24 августа.

314.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

А й дюрди-дюрди да дюрди гетманы,
Заигралъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду да къ королю въ Литву,
А й полонилъ молодца да тутъ шведско́й король,
А й король король да король батюшко.
Привели молодца да на конюшенку,
А на ту ли на конюшню на дубовую,
А запѣлъ молодецъ да пѣсни царскія,
Пѣсни царскія пѣсни умильнія,
А услышала королёвна пѣсни царскія,
А пришла къ ему да на конюшенку,
А на ту ли на конюшню на дубовую.
Она стала съ молодцомъ да въ шахматы играть,
Онъ игралъ съигралъ да е́я о́быгралъ,
Онъ другой игралъ да е́я обыгралъ,
Онъ третей игралъ да е́я обыгралъ,
Онъ третей съигралъ да и на верхъ полѣзъ.
Увидѣли палачи да бурзы-гетманы,
Донесли королю да вѣдь таковы рѣчи.
Уево розгорѣлось ретиво сердце,
Уево роскипѣлась кровь горячая:
— А й вы палачи палачи, да бурзы-гетманы!
— Вы возьмите молодца да за желты кудри,
— Поведите молодца да во чисто полё,

— А во то ли во поле во Куликово,
— А на ту ли плашку вы на липову,
— Отрубите молодцу вы буйну голову. —
Повели молодца да во чисто поле,
Повели молодца да поперéкъ дворца,
А запѣлъ молодецъ да пѣсню новую,
Пѣсню новую запѣлъ да все умильнюю:
«А й съ королёвной было приупито, приуѣдено
«А съ королёвной было приулёжано».
Ахъ услышала королёвна пѣсню новую.
А бросаласе да вѣдь по плечъ въ окно:
— А й вы ай вы палачи да бурзы-гетманы,
— Не ведите молодца да во чисто поле,
— Не рубите молодцу да буйной головы,
— А й берите вы казны да скольки надобно.—
А повели молодца да во чисто полё,
Отрубили молодцу да буйну голову.
А какъ тутъ она да воскипѣласе,
Ея сердце розгорѣлосе,
Обвернуласе она да лебедью бѣлою,
А брала съ собою ножечки булатніе,
Прилетѣла она въ полё Куликово,
А ко той ко плашкѣ ко липовы,
Она ставила ножечки булатніи,
А тупымъ концёмъ да во сыру землю.
Вылетала сама да высокошенько,
Говорила рѣчь да помалёшенько:
— А гдѣ палъ какъ вѣдь сѣрой гусь,
— А пади тутъ лебедь бѣлая. —

Запис. тамъ же, 24 августа.

LXVIII.

МАКУШКИНЪ.

Андрей Өедоровичъ Макушкинъ, крестьянинъ дер. Мелехинской на Мошѣ, земледѣлецъ, лѣтъ 40. Знаетъ только былину, здѣсь помѣщаемую, да еще про Анику-воина.

315.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Было во славномъ городѣ во Кіевѣ,
При славномъ князѣ было при Владимирѣ,
Были у его слуги вѣрныя,
Былъ Алеша богаты́рь Поповичъ,
А другой Добрынюшка Микитинъ сынъ.
И завелъ Владимиръ онъ почестенъ пиръ.
Собрали́сь на пиръ князья да и боя́ра
И вси думныя министеры.
На пиру сидѣли, напивалисе,
На честномъ сидѣли, наѣдалисе,
На пиру сидѣли, приросхвастались:
И кто хвастаетъ добрымъ житьемъ,
И кто хвастаетъ имѣніёмъ-богачествомъ,
И кто хвастаетъ своей силой богатырскою.
Пріѣзжало на пиръ чудовищо-издолищо,
Просило себѣ поединщика.
Говорилъ и тутъ Владимиръ стольне-Кіевской,
Говорилъ онъ таково слово:
— А кому у насъ ѣхать на бо́льшину,
— А й на ту границу на Турецкую
— Битися да съ непріятелёмъ.
Говорилъ ему Алёша вѣдь Поповичъ:

«Ѣхать Добрынюшки Микитичу
«И на ту границу на Турецкую
«Битися да съ непріятелемъ».
Приходилъ Добрыня къ своей матери:
— И прощай же матушка Омельфа Тимоѳеевна!
— Поѣзжаю я на ту границу на Турецкую
— Битися да съ непріятелёмъ,
— Мнѣ-ка времени намѣченъ я на три года.
— А какъ три года да времё про́длится
— И когда не возврачусь назадь,
— И въ ту по́ръ меня вы поминайте. —
Говорилъ онъ вѣдь своей жены и таково слово:
— Какъ вѣдь три года да сполнится,
— И когда я назадь да не во́зврачусь,
— И въ ту поръ меня вы поминайте,
— И ты хоть вдовой живи, хоть замужъ [поди],
— Только не́ ходи ты за Алёшу за Поповича. —
Тому времё продлило́ся только три года.
Выѣзжалъ Алёша во чисто полё,
Пріѣзжалъ ко князю ко Владиміру,
Говорилъ Алёша таково слово:
«И увидѣлъ я Добрынюшку въ чистомъ полѣ,
«И лежитъ и головой да во ракитовъ кустъ,
«Голова копьемъ вся исприколота».
Говорилъ Владимиръ таково слово:
— И не врёшь ли ты Алёша и Поповичъ. —
«И не вру, не вру, Владимиръ князь, да стольне-Кіевской».
Говорилъ Алёша е́му таково слово:
«И Владимиръ князь да стольне-Кіевской!
«Ты меня на той же ты вдовы жени
«И на той Добрынюшки да на Микитиной».
Говорилъ ему Владимиръ таково слово:
— А й Алёша и Поповичъ,
— Я съ утра же вѣдь тебя женю.

И на ту да пору время
Пріѣзжалъ Добрыня вѣдь со той границы со Турецкой
И ко той вдовы къ Амельфы Тимоѳёевны.
Пріѣзжалъ да вѣдь на бѣлый дворъ,
Становилъ и своего добра коня
Середи же онъ бѣла двора,
И къ тому кольцу да къ золочёному.
Приходилъ онъ тутъ къ своей матери:
— Здравствуй, здравствуй, бабушка Амельфа Тимоѳеевна!
— Гдѣ у тя Добрынюшка Микитинъ сынъ. —
«А и ты удалый добрый молодецъ!
«Кабы былъ Добрынюшка Микитинъ сынъ,
«Ты бы безъ докладу и сюда бы не́ пришёлъ».
— Ужъ ты бабушка Амельфа Тимоѳеевна,
— Гдѣ его обручная княги́на? —
«А й удалой доброй молодецъ,
«А й увёлъ Алёша и Поповичъ
«И увёлъ онъ за себя замужъ,
«И волей ушла ли по неволѣ,
«И увёлъ ея Владимиръ князь да по неволѣ».
Обрядился Добрыня скоморошкою весёлою,
И пошёлъ Добрыня вѣдь на че́стёнъ пиръ,
Говорилъ и скоморошка вѣдь весёлая:
— И Владимиръ князь да стольне-Кіевской,
— Прикажи же поиграть да скоморошки мнѣ весёлыя
— И на вашемъ на честномъ пиру. —
«А играй, играй же скоморошка ты весёлая».
Заигралъ тутъ скоморошка да весёлая
А во тѣ ли звонцаты гусли.
Выходилъ Владимиръ князь изъ-за бѣла стола,
Бралъ онъ скоморошку вѣдь веселу за праву́ руку,
Говорилъ ему да таково слово:
«Скоморошка ты весёлая
«И тебѣ три мѣста три любимыя:

«И перво́ мѣсто́ хоть въ рядъ меня садись,
«А й друго мѣсто́ хоть въ рядъ княгины,
«Третьеё мѣсто гдѣ-ка́ вѣдь те́бѣ любо».
И садился онъ насупротивъ княгины многобраныя.
Наливала тутъ княгина чару зелена вина,
Подава́ла скоморошкѣ вѣдь весёлыя:
— Выпей, выпей чару зелена вина. —
Принималъ и скоморошка чару зелена вина:
«Здравствуй, здравствуй и княгина многобраная,
«Выпить чара мнѣ-ка зелена́ вина».
И онъ сни́малъ съ ру́ки свой злачёнъ перстень,
Подавалъ онъ въ чары вѣдь княгины многобраныя,
И брала княгина многобраная,
И брала́ вѣдь о́на свой злачёнъ перстень,
Говорила вѣдь она́ да таково слово:
— А й Владимиръ князь да стольне-Кіевской,
— И не тотъ-то мужъ, да кой вѣдь въ рядъ меня сидитъ,
— То мнѣ мужъ, которой прямъ меня сидитъ,
— И сидитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ. —
Не стерпѣло тутъ Добрынюшки Микитича
И его да ретиво сердцё,
Ухватилъ онъ тутъ Алёшу вѣдь Поповича
Зъ-за того ли онъ вѣдь зъ-за бѣла стола.
Тутъ Алёша только живъ бывалъ.
Выскочилъ же тутъ Владиміръ князь
Зъ-за того ли онъ изъ-за бѣла стола,
Говорилъ онъ тутъ да таково слово:
«А й Добрынюшка да ты Микитинъ сынъ!
«Хочешь ты теперь что надо мной дѣлай».
Бралъ Добрыня свою молоду жену,
Бралъ Добрыня за праву руку,
И повелъ и къ своей матери Амельфы Тимоѳеевны:
— Здравствуй матушка родимая Амельфа Тимоѳеевна! —

Запис. на Мошѣ, 23 августа.

LXIX.

МАЛЫГИНЪ.

Петръ Саватьевичъ Малыгинъ, 18-лѣтній огромнаго роста юноша, изъ дер. Полинской на Мошѣ; знаетъ только одну былину, которую слыхалъ отъ стариковъ.

316.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Ходилъ-гулялъ Добрынюшка по городу,
Ходилъ-гулялъ Микитиничъ по Кіеву,
Да Добрынюшки-то матушка наказывала:
«Не ходи-ко ты по городу по Кіеву,
«Не ходи-ко ты во улочку возвратную,
«Во тѣ ли переулки во Маринкины,
«Тутъ живё курва Маринка Игнатьёвна,
«Она отравщица да ожеленщица,
«Отравила она много добрыхъ молодцевъ,
«Еще сильнихъ могучихъ богатыревъ».
Ну ходилъ-гулялъ Добрынюшка по городу,
Да ходилъ-гулялъ Микитиничъ по Кіеву,
Зашолъ какъ онъ въ улочку возвратную,
Да во тѣ ли переулки Маринкины.
Увидала тутъ Маринка Игнатьёвна,
Выпускала голубка да со голубушкою.
Тутъ увидѣлъ какъ Добрынюшка Микитичъ младъ,
Онъ натягивалъ Добрыня свой-отъ ту́гой лукъ,
Онъ накладывалъ стрѣлу ту калёную,
Ко стрѣлы-то онъ Добрыня приговаривалъ:
— Ты убей-ко голубка да со голубушкою̀. —

Не убила голубка да со голубушкою,
А убило у Маринки околенку,
Околенку да дружка милого,
Дружка милого Идолища,
И поганого да некрещоного.
Стоючись какъ самъ Добрыня пороздумался:
— Не честь мнѣ хвала да молодецкая,
— Не есть слуга̀ да богатырская,
— Не пропасть моей да каленой стрѣлы,
— У дѣвки у Маринки у Игнатьевны. —
Заходилъ какъ-но Добрыня во высо́къ теремъ,
Онъ и крестъ-то кладетъ да по писаному,
И поклоны-тѣ ведётъ да по ученому,
Ну Добрынюшка Марины-то челомъ не бьетъ.
А Марина-то Добрыни низко кланялась,
Онъ и бралъ свою да калену стрѣлу,
Ну пошолъ Добрыня вонъ изъ те́рему.
Марины тутъ да за бѣду́ стало,
За бѣду стало да за досадушку,
За досаду-ту да за великую.
Брала она два ножичка булатнія,
Ставала-то она да на рѣзвы́ ноги,
Ну подрѣзывала слѣды-ты Добрынины,
Она клала на дрова-тѣ на дубовыя:
«Ужъ вы нойте, вы нойте, слѣдочки вы Добрынины,
«Чтобы ныло у нево да ретиво сердце,
«Ну по той ли по Маринки по Игнатьёвны».
Приходилъ какъ'но Добрыня къ родной матушки.
— Ну ходило, моё дитятко, догу́лялосѐ. —
Какъ не може ну Добрынюшка ни пи́ть, ни ѣсть,
Ну не може какъ Добрыня тёмной ночки спать.
Зазвонили какъ ко ранней ко заутрины,
Выходилъ какъ-но Добрыня на крылечушко,
Стоючись какъ самъ Добрыня пороздумался.

— Что мнѣ дѣлать какъ у церкви у соборныя
— Да у той ли у заутренки у ранныя,
— Ну пойду я ко Марины ко Игнатьёвны. —
Заходилъ какъ-но Добрыня во высо́къ теремъ,
Онъ крестъ-то кладетъ да по писа́ному,
Поклоны тѣ ведётъ да по учёному,
На всѣ стороны Добрыня поклоняется,
Тутъ Добрыня-то Маринки на особицу.
Ну Марина-та Добрынюшки челомъ не бьётъ:
— Ты теперь-то ты да во моихъ рукахъ,
— Во моихъ-то рукахъ да подъ моей грозой,
— Оберну я тебя жабой подземельною,
— Ну которой жабы отвороту нѣтъ. —
Обвернула какъ Добрынюшку Микитича
Обвернула какъ она ево да мірски́мъ кобелемъ:
— Ты ходи-ко-се по городу по Кіеву,
— Ты сбирай-ко кусочки тѣ подстольнія. —
Тутъ ходилъ какъ-но Добрыня ровно суточки,
Приходилъ какъ тутъ Добрынюшка къ Маринушки,
«Насбирался ли кусочковъ подстольнихъ-то?
«Ты возьми-ко си теперь да за себя́ замужъ».
— Не подобаетъ-де взять дѣвка невѣрная,
— Ну невѣрная да некрещёная. —
«Оберну-то я Добрынюшку морскимъ туромъ
«Есть у меня да во чисто́мъ полѣ,
«Есть у меня да девять туровъ,
«Девять туровъ да девя́ть гнѣдыхъ,
«Пусть ты десятои да ты на бо́льшины,
«Я тура да тебя да изукрашу всѣмъ,
«Рожка тѣ у тура да позолочёныя,
«Бочка тѣ у тура да рыта бархату».
У царя-то было да у Владимира
Собирался у нево да и великой пиръ.
На пиру-то они да напивалися,

На пиру-то они да наѣдалися,
На пиру-то они да поросхвасталися,
Кто хвастатъ видно да молодой женой,
А другой-отъ хвастатъ золотой казной[1]),
А четвертой-отъ хвастатъ добрымъ конемъ.
Тутъ Добрынюшкой Марина-та похвастала:
— Есть у меня да во чистомъ полѣ,
— Есть у меня да девять туровъ,
— Да девять туровъ да девять гнѣдыхъ,
— А десятой-отъ да изукрашенъ всѣмъ,
— У тура-то рожќа да позолоченые,
— Ну бочка-тѣ у нево да рыту бархату. —
Тутъ ставала Парасковья какъ Микитична,
Какъ ставала она да на рѣзвы ноги,
Ну брала она Марину рукой зá воротъ,
А другой-то рукой она била по бѣлу лицу:
«И какъ курва Маринка ты Игнатьевна,
«Отверни-ко Маринка всѣхъ да добрыхъ молодцевъ,
«Отверни-ко всѣхъ могучихъ да богáтыревъ.
«Отверни-ко ты Добрынюшку Микитича».
Обвернула какъ Маринушку сорокою,
Улетѣла она да во чистó полё,
Сѣла Добрыни она на золотой рожокъ:
— Находился ли ты да по чисту полю,
— Наѣлся ли ты да ну ковыль травы,
— Напился ли ты да водушки болотнія,
— Дашь ли теперь клятву мнѣ великую,
— Ты возьмешь ли меня да за себя замужъ? —
Далъ онъ топерь клятву ту великую.
Отвéрнула тутъ Добрынюшку Микитича,
Огвернула она да всѣхъ сильнихъ добрыхъ молодцевъ,
Всѣхъ да могучихъ богатырёвъ.

---

1) Третьяго нѣтъ.

Приходилъ какъ ко царю тутъ ко Владиміру:
— Далъ я Маринки Игнатьевны,
— Далъ ужъ какъ клятву я великую,
— Взять-то ея да за себя́ замужъ. —
Тутъ-то́ они да обручалися,
Тутъ-то они да повѣнчалися.
У Добрыни-то какъ слуги тѣ здогадливыя:
— Ужъ вы дайте мнѣ-ка чару ту оправшую. —
Ужъ какъ дали Добрыни саблю вострую,
Онъ срубилъ какъ-но Марины буйну голову,
Онъ сожёгъ какъ на дровахъ да на дубовыихъ,
Роскидалъ какъ онъ песокъ да по чисту полю.
Приходилъ какъ-но ко ранней ко заутринкѣ,
Проздравляютъ ево да съ молодой женой.
«Я вчера-то былъ да я женатъ ходилъ,
«Сегодня я да какъ и вдовъ хожу».

Запис. на Мошѣ, 24 августа.

LXX.

КУРНИКОВЪ.

Иванъ Ивановичъ Курниковъ, 70-лѣтній крестьянинъ изъ Ка́накши (волость на юго-востокъ отъ Моши, на границѣ Вельскаго уѣзда), зажиточный и уважаемый въ своей мѣстности домохозяинъ. Знаетъ много сказокъ и прибаутокъ, а изъ былинъ только про Кострюка, да еще ту самую буквально былину про Добрыню и Маринку, которую пѣлъ Малыгинъ (см. выше № 316). Курниковъ разсказывалъ, что эту послѣднюю былину онъ перенялъ незадолго передъ тѣмъ (именно въ 1870 году) отъ прохожаго мужичка изъ Шалекужской волости (къ сѣверу отъ Моши), который, зная только одну эту былину, ходитъ изъ дома въ домъ просить милостыни и тутъ поетъ свою былину.

317.

КОСТРЮКЪ.

А не тките-то дѣвушки,
Не прядите молодушки,
Ужъ вы сядьте послушайте,
Я вамъ сказку скажу,
Прибаулушку немаленькую,
Ай диди-диди-диди
И про того Кострюка Кострюкановича
Про того Дебрюка Дебрюкановича.—
И какъ у насъ было братцы въ каменной Москвы,
У великаго царя Ивана Васильевича,
Заводился тутъ пиръ пированьицо,
Собирались гости честные почестные,
Пріѣзжалъ Кострюкъ Кострюкановичъ,
Пріѣзжалъ Дебрюкъ Дебрюкановичъ,
Садили ево за столы-тѣ дубовые,
Подносили напиточки сладкіе медовые,
Еще тутъ Кострюкъ напивается,
Еще тутъ молодой наѣдается,
Еще тутъ Кострюкъприросхвастался,
Еще тутъ молодой разбахвалился
Да своей ли то силой богатырскою:
— У васъ есть ли борцы молодцы
— Да московски ухватчики
— А со мной поборотися,
— Да со мной поломатися,
— Отвѣдати силы богатырскія.—
У царя была слуга вѣрная
Слуга вѣрная благовѣрная
Да Микита Романовичъ.

Выходилъ на крылечко перёное,
Кричалъ во всю голову,
Чтобы слышно на всю Москву,
Собирались бы борцы молодцы,
Да московски ухватчики
И съ Кострюкомъ побоpотися
И съ молодымъ поломатися.
Ай диди-диди-диди!
Вотъ на пору на таково время,
Въ Москвы борцовъ не лучилосе,
Въ Москвы удальцовъ не лучилосе,
И только было въ малой улицы,
У старухи врядѣ кузницы
Было три сына милые,
Было три родимые:
Первой былъ Васенька,
Другой Потанюшка,
Третій былъ Мишенька,
Маленькой хроменькой,
На ножку припадываетъ
Изъ-подъ ручки посматриваетъ.
Обряжались братаны
Въ кафтаны-тѣ синіе,
Кушаки были шелковые,
На ножкахъ сапожки сафьяненькіе,
На головушкѣ шляпоньки пуховенькіе.
Идутъ-то по мосту калиновому.
Говорятъ царю да не съ упадкою:
— Ужъ если поборемъ Кострюка Кострюкановича
— Дебрюка Дебрюкановича.
— Дакъ не будемъ ли гнѣвны мы,
— Да не будемъ ли судёбны мы. —
Говоритъ имъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Да борите борьцы молодцы,

«Да московски ухватчики,
«И не будете гнѣвны вы,
«Да не будете судёбны вы,
«И дамъ я вамъ по двадцати пяти рублей деньгами,
«И по кафтану голу́бому,
«Дамъ я вамъ похвальный листъ
«Ѣздить по и́нымъ городамъ и по ярмонкамъ
«Торговать всё товарами разными,
«И безъ дани безъ пошлины,
«Безъ государевой подати,
«И пить вино въ кажномъ кабакѣ безденежно».
А й диди-диди-диди!
Услыхалъ Кострюкъ Кострюкановичъ,
Увидалъ Дебрюкъ Дебрюкановичъ,
Выходилъ изъ-за столовъ-то дубовыихъ,
Столы-тѣ всѣ пошаталисе,
Уже напиточки поплескалисе,
Уже скатерти шелковыи да заливалисе,
Пошолъ по полу — половочки да погибалисе,
Уже петелки у дверей розгибалисе,
Уже лиственки дубовыи порозсыпались:
— Уже гдѣ борцы, гдѣ молодцы,
— Да Московски ухватчики? —
Говорятъ борцы да не съ упадкою,
Говоритъ бо́льшій братъ Васенька:
«Развѣ я пойду поборотися,
«Развѣ я пойду поломатися
«И захвачу я тебя осере́дь кишки,
«Да брошу́ я тебя осередь Москвы».
А говоритъ дру́гой Потанюшка:
«Какъ я пойду поборотися,
«Какъ я пойду поломатися,
«Захвачу твою буйную голову,
«Отверну твою буйную голову,

«Да брошу́ за Москву за рѣку,
«Чтобы слышно на всю́ на Москву».
Говоритъ имъ третій братъ Мишенька:
«Развѣ я пойду побоpотися,
«Развѣ я пойду поломатися?»
Пошолъ Мишенка да пошолъ маленькой,
Не припадывалъ онъ не на ногу и не на́ руку,
Онъ припадывалъ къ правому плечику,
Какъ гнянулъ[1]) Кострюка о сыру́ землю,
Тутъ рубашка-та треснула
И брюшинка вере́снула,
Да нага-то нага Кострюка по двору спустилъ,
Да Кострюкъ-отъ былъ дѣвушка,
Да Кострюкъ-отъ былъ красная,
У ево п. . .а какъ сильная вачуга[2]),
Закрыла она долонью-то правою,
Побѣжала по двору-то широкому,
Хоронится за лиственки дубовые.
Говоритъ имъ сестра Марья Добрюковна:
— А й вы борцы молодцы
— Да московски ухватчики,
— Онъ какой борецъ, какой молодецъ,
— Она красная дѣвушка. —
Говоритъ имъ царь Иванъ Васильевичъ:
«А й спасибо борцы молодцы,
«Да московски ухватчики,
«И ступайте ко мнѣ въ каменный домъ,
«Дамъ вамъ по двадцати пяти рублей деньгами
«И дамъ я вамъ пофальный листъ,
«Ѣздить по инымъ городамъ и ярмонкамъ
«Торговать всё товарамы разныма,
«Безъ дани безъ пошлины,

---

1) Пригнулъ. 2) Рукавица.

«Безъ государевой подати,
«Ужо пить вино въ кажномъ кабакѣ безденежно!»
Да диди-диди-диди!

Записано въ Канакшѣ, 25 августа.

LXXI.

СИВЦЕВЪ.

Тимоѳей Михайловичъ Сивцевъ, крестьянинъ дер. Парфеновской, Лимскаго прихода, 60-ти лѣтъ, знаетъ много сказокъ про Илью Муромца и другихъ богатырей; поетъ только одну, нижеслѣдующую «старинку», сложенную на Мошѣ объ истинномъ происшествіи, тамъ случившемся.

318.

СОБЫТІЕ 1830-тыхъ ГОДОВЪ [1]).

Вотъ по Моши по рѣки
Живутъ богаты мужики

Вотъ ка|лина,
Вотъ ма|лина!

Околъ масляной гуляли,
Коневала признавали.

—

Коневалушко знакóмъ,
Стало ѣхать не на комъ.

—

Взяли лошадь заложили,
Коневала придружили.

—

Еще лошадь-та берёжа,
Что дорожка нехороша.

—

1) Ранѣе заглавіе было иное: «Истинное происшествіе (90 лѣтъ тому назадъ)», — но потомъ зачеркнуто. *Ред.*

А лошадка воро́на,
Дороже́нька не торна́.

Только сѣлъ Кузька съ кнутомъ,
Коневалко съ багоркомъ.

Кузьма сзади обнимае[1]),
Коневалъ дѣла́ не знае,

Они ѣхали страдали,
Пѣтушкова[2]) вслѣдъ дождали,

Пѣтушкова обождали,
Коневала повалили,

Онъ сказалъ добромъ не лихомъ,
Что вы ѣдете-то тихо.

Это слово не по ндраву,
Пѣтушкова обругали.

Пѣ́тухъ, Пѣ́тухъ, Пѣтушокъ,
Ты табашный корешокъ.

Потому ты корешокъ,
За́чѣмъ дёржишь дѣвушо́къ.

Коневала повалили,
Къ Ѳедькѣ на груди напали.

Съ него сумочки сорвали,
Всѣ мѣшочки розвязали.

Въ сумкѣ денежки нашли,
Въ разны стороны пошли.

Коневалъ опамяти̂лся,
На погостъ бѣжать спѣшился.

1) Чтобы деньги ущупать. 2) Богатый крестьянинъ держалъ (носилъ) нѣмецкое платье, былъ временщикомъ.

Къ подомарю прибѣжалъ
У воротъ-то постучалъ.
—
Подомарь-отъ отложилъ[1]),
Коневалъ стоитъ дрожитъ.
—
Онъ по утру-то ставалъ,
Онъ туда же къ имъ бѣжалъ.
—
Онъ по утру-то ставалъ,
Онъ въ Зашондомьё бѣжалъ.
—
Изъ Зашондомья̀-то шелъ,
Къ Пѣтушкову гость зашёлъ.
—
Ужъ ты батюшко Романъ,
Что пустой-то сталъ карманъ.
—
Не можно́ ли тому статься,
О мои деньги́ стараться.
—
Когда денежки взыщу,
За роботу заплачу.
—
Какъ Романъ со стула всталъ,
Коневалу руку далъ.
—
Еще сядь, дуракъ, послушай,
Чаю кофею покушай.
—
Коневалушку не пьется,
О своихъ деньгахъ пекется.
—
Романъ кофею напился,
Во дѣлахъ распорядился.
—
Взялъ записку написалъ,
За Кузьмой скоро послалъ.
—
По чужой Кузьма наслышкѣ,
По Романовой запискѣ,
—

1) Отперъ ворота.

Какъ сейчасъ скоро явился,
Во дѣлахъ своихъ винился.

Романъ Кузьмѣ говорилъ:
Небось, Кузька, не тужи.
У тя много старой ржи.

Ничево тебѣ не будетъ,
Только старой ржи убудетъ.

Старшина у насъ Морозъ,
Онъ вѣдь любитъ стару рожь.

Для сѣменъ для ѣды,
Онъ избавитъ отъ бѣды.

Небольшимъ судомъ судили,
Мы въ росправы замирили.

Вотъ Кокора[1]) ковыляе,
Становому объявляе.

Становой дѣло́ узналъ,
Сейчасъ на глазички призвалъ.

Онъ и бить-то ихъ не бьётъ,
Ручки ноженки куётъ.

Кузька скоро догодался,
Онъ ночью́ домой бросался.

Золотыма подарили,
Съ рукъ желѣза-ти сложили,

Съ рукъ желѣза-ти сложили,
По домамъ ихъ роспустили.

Трои суточки гулялъ,
Дни ни ноченки не зналъ.

Записано на Мошѣ, 24 августа 1871 года.

---

1) Мужч.

VIII.

ПѢВЕЦЪ БЫЛИНЪ

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ губернія.

LXXII.

ГУСЕВЪ.

Съѣздивши нынѣшнимъ лѣтомъ [1871 г.] въ «подсиверную сторону», въ Олонецкую и Вологодскую губерніи, чтобы послушать нашихъ народныхъ рапсодовъ, я тамъ только, совершенно случайно, узналъ, что этихъ рапсодовъ можно находить и гораздо ближе, почти подъ самымъ Петербургомъ. Въ отдаленномъ Вельскѣ одинъ изъ служащихъ тамъ чиновниковъ сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ былины въ Гдовскомъ уѣздѣ здѣшней губерніи. И дѣйствительно, поиски, въ эту сторону направленные, весьма скоро навели на слѣдъ народнаго рапсода если не въ Гдовскомъ, то въ еще болѣе близкомъ къ столицѣ Новоладожскомъ уѣздѣ. Это оказался старикъ-крестьянинъ (изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ) Усанской волости, деревни Конецъ, Иванъ Яковлевичъ Гусевъ, который, по приглашенію своего сына, живущаго здѣсь въ разнощикахъ, весьма охотно пріѣхалъ ко мнѣ въ гости. Деревня, въ которой у него свой домъ, находится въ 30 верстахъ отъ Ладоги, въ 15 верстахъ отъ Ладожскаго канала. Я увидѣлъ передъ собою старика на видъ еще довольно бодраго, хотя нѣсколько сгорбленнаго, небольшого роста, худого, съ густыми сѣдыми волосами и бородой, съ орлинымъ носомъ и маленькими голубыми глазами. Онъ сказалъ мнѣ, что ему «девяносто лѣтъ безъ двухъ годовъ». Отецъ его умеръ, когда ему

было только 12 лѣтъ, но онъ помнитъ, что отецъ пѣвалъ старины и онъ отъ него научился имъ. Я подумалъ, не переселенецъ ли онъ изъ какой-нибудь болѣе поэтической мѣстности, чѣмъ Петербургская губернія; но нѣтъ, старикъ увѣрялъ, что и отецъ и дѣдъ жили въ той же деревнѣ, гдѣ онъ. Впрочемъ, странствующая жизнь помогла Ивану Яковлеву обогатить свою память былинами, къ пѣнью которыхъ онъ, судя по его словамъ, наслѣдовалъ склонность отъ родителя. Выучившись коновальному дѣлу, онъ, 70 лѣтъ тому назадъ, пошелъ въ Сибирь, гдѣ обилье лошадей у крестьянъ обѣщало ему хорошіе заработки. Онъ помнитъ, что въ то время четверикъ овса стоилъ въ Сибири семь коп. ассигнаціями. Вернувшись изъ Сибири и побывавъ дома, онъ отправился въ Вологду, побывалъ въ Соловкахъ, ходилъ потомъ на Волгу и въ Оренбургъ, былъ и въ другой разъ въ Сибири. Потомъ промышлялъ болѣе въ окрестностяхъ Петербурга и наконецъ, въ послѣдніе годы сталъ жить постоянно дома.

Къ сожалѣнію, слишкомъ преклонная старость Ивана Яковлева ослабила его память. Голосъ отказывается служить ему, такъ что онъ уже нѣсколько лѣтъ пересталъ пѣть былины; онъ перезабылъ большую часть того, что зналъ, съ трудомъ могъ пропѣть нѣкоторые отрывки, безпрестанно сбивался съ пѣсеннаго склада въ простую передачу содержанія былины. По его словамъ, онъ въ прежніе годы пѣвалъ много про Илью Муромца, Добрыню Никитича, Чурилу Пленко́вича, про какого-то Мирошку-богатыря, который побѣдилъ Бабу-Ягу, про Анику воина и т. д. Теперь удалось, и то съ трудомъ, записать съ его голоса четыре отрывка, здѣсь помѣщаемые.

Было бы желательно, чтобы люди, которыхъ интересуетъ русская народная поэзія и старина, обратили вниманіе на этотъ случай. Если бы, лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ, кто-нибудь догадался поискать остатковъ русской эпической поэзіи въ Петербургской губерніи, то знакомство съ Иваномъ Яковлевичемъ Гусевымъ было бы находкою. Отрывки, какіе и теперь спѣлъ 88-ми-лѣтній старецъ, показываютъ, что былины, которыя

онъ зналъ, были хороши, а одинъ изъ этихъ отрывковъ, гдѣ выводится какой-то богатырь Ярюкъ, побивающій Алешу Поповича, свидѣтельствуетъ, что отъ него можно было бы услышать и нѣчто совершенно новое.

14 сентября 1871 г.

319.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ И ЯРЮКЪ БОГАТЫРЬ.

(Отрывокъ).

Говорилъ Алёша Поповичевъ:
«Молодой Ярюкъ сынъ Ивановичъ,
«Отсѣку тебѣ да буйну голову,
«Твою молоду жену да себѣ замýжъ возьму».
Говорилъ молодой Ярюкъ да сынъ Ивановичъ:
«Не хвались, Алёша Поповичевъ
«Отъ двора ли идучи,
«Похвались, Алёша Поповичевъ,
«Ко двору пріѣзжаючи».
Разъѣзжались добры молодцы на три поприща,
Ударились саблямъ вострыимъ;
Молодой Ярюкъ ударилъ Алёшу Поповича,
Какъ убилъ Алёшу Поповича.
То-то Алёша на моей женѣ женатъ бывалъ!

320.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ЦАРИЩЕ КУДРІЯНИЩЕ.

(Отрывокъ).

Какъ ѣхалъ-то дороденъ добрый молодецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Копали окопы глыбокіи,

А гдѣ поймать дородня добра молодца.
Первыи окопы десять саженъ печатныихъ,
А другіи окопы двадцать саженъ печатныихъ,
Третьи окопы тридцать саженъ печатныихъ,
Четверты окопы сорокъ саженъ печатныихъ.
Съ десяти саженъ печатныихъ повыскочилъ,
Съ двадцати саженъ повыскочилъ,
Съ тридцати саженъ онъ повыскочилъ,
Съ сорока саженъ не могъ выскочить,
И хотя зарыть дородня добра молодца
Въ томъ окопѣ глубокоёмъ.
Говоритъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ай же вы поганыи татаревя!
«Не честь хвала ваша великая,
«Что зарыть дородня добра молодца,
«А то честь хвала великая,
«Свяжите мнѣ бѣлы рученки,
«Скуйте мнѣ скоры ноженки
«А ведите къ царищу Кудріянищу».
Привели его къ поганому татарищу.
Какъ зачалъ татаринъ его спрашивать:
— Станешь ли мнѣ служить вѣрой правдою?
«Не сладилось у мня сабли вострыи,
«Не сладилось у мня палочки боёвыи,
«Послужилъ бы тебѣ вѣрой правдою,
«Сейчасъ отсикъ бы буйну голову!»
Тутъ татарище разсéрдился
На дородня добра молодца:
— Ай вы поганыи татаревя!
— Ведите вы дородня добра молодца
— На то на болото Кули́ково,
— Ко той ко плашкѣ ко липовой
— Отсиките ему да буйну голову!
Повели дородня добра молодца

Къ тому болотцу Куликову,
Ко той ко плашкѣ ко липовой
Отсѣчь ему буйну голову.
Выѣзжаютъ поганыи татаревя,
Выѣзжаютъ да на чисто́ поле.
Говорилъ дороднiй добрый молодецъ:
«Ай же вы поганыи татаревя,
«У котораго есть отецъ да мать?
«У котораго есть да молода жена?
«У котораго есть да малы дѣтушки?»
Отступились отъ дородня добра молодца.
Не сладилось палицы боёвыи,
Не сладилось сабли острыи,
Ухватилъ одного татарина за ноги.
«Исполать ти, поганое татарище!
«Вдоль погибаешьси, а самъ не ломишьси!»
Перебилъ поганыихъ татаревей всихъ дочиста,
Не оставилъ на симена.
Только одному отсѣкъ да буйну голову,
Пото́рнулъ эту голову на рога́тыню
И несетъ къ идолищу поганому.
Увидалъ идолище поганое,
Увидалъ въ косивчато окошечко,
Тутъ испугался поганое татарище:
— Ай же ты дороденъ добрый молодецъ,
— Оставь ты меня во живности,
— Вотъ ти государство здись.
«Не надо твоего государства мнѣ,
«Выходи-ко ты на улицу,
«Я теперь съ тобой да попытаюси».
Не выхо́ди поганое татарище.
Ухватилъ дороденъ добрый молодецъ
Въ томъ въ косивчатомъ окошечкѣ,
Бралъ его да за желты́ кудри,

Вытащилъ его да во чисто́ поле,
Розсѣкъ его да на мелки́ части,
Роскидалъ его онъ по чисту полю
Воронáмъ да на съѣденьице,
Дорожнымъ нá поршни [1]).

321.

ВАСИЛІЙ БОГУСЛАЕВИЧЪ.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Завелъ пиръ про князей про бояръ,
Про сильныхъ могучіихъ богáтырей,
Про всю поляницу удалую.
Тутъ на пиру да напивалисе,
Тутъ на пиру да наѣдалисе,
Тутъ на пиру да порасхвастались.
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей вострою,
Еще кто-то хвалится палицей боёвою,
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой.
Какъ возго́ворилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Еще кто-то изъ васъ идетъ на мою силу на войскую?»
Какъ тутъ князья бояре,
Сильніи могучіи богатыри
Еще большей за ме́ньшово хоронится,
А меньшей за бо́льшово хоронится,
А середней-то не знае отвиту дать.
Какъ зъ-за тѣхъ столовъ да зъ-за дубовыихъ

1) Т. е. что дорожные могли сдѣлать себѣ обувь изъ его кожи.

Становился тутъ дороденъ добрый молодецъ
Василій Богуславичъ,
Ему отъ роду семнадцать лѣтъ.
— Ужъ какъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Ужъ какъ я иду на всю силу на войскую,
— Только прикажите мнѣ со пиру со кумпаньицы
— Себѣ выбрать двухъ товарищей.
Говорилъ Василій Богуслаевичъ:
— Еще кто со пиру да со кумпаньицы
— А ко мни во товарищи?
Какъ выскакивалъ Поташенька сутулъ-горбатъ,
На одну ноженку припадывалъ.
— Еще кто второй да во товарищи?
Еще выскакивалъ Васька Бѣлозе́рянинъ:
«Какъ Василью Богуслаевичу
«Я иду да во товарищи».
— Ступайте же ко мни въ полаты бѣлокаменны,
— Ступайте же къ моей матушки
— Къ Мамельфы Тимоѳеевны,
— Садитесь за столы дубовыи,
— За скатерти за браныи,
— За ѣствы за сахарныи,
— А за питья за медвяныи.
Тутъ Василій Богуслаевичъ
Съ грознымъ царёмъ Ивановъ Васильевичемъ
Сдѣлали они за́говоръ [1]) великіи,
Ужъ какъ записи они записывали,
Ужъ какъ за̀клики закликивали:
Ежели побьетъ да силу войскую,
Чтобы владѣть да всимъ Новы́мъ-градомъ;
Ежели побьетъ да сила войская,
Такъ нѣтъ ни сыску ни отыску.

---

1) Т. е. условіе.

Какъ пошелъ Василій Богуславичъ къ своей матушкѣ,
Садился за столы за дубовыи,
За скатерти за браныи,
А за ѣствы за сахарныи,
А за питья за медвяныи,
Сидитъ буйну голову повѣсивши,
Очи ясны въ зень потýпивши.
Говоритъ его матушка:
«Что сидишь, мило мое дитятко,
«Что сидишь буйну голову повѣсивши,
«Очи ясны въ зень потупивши?
«Аль тебя обезчестилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
«Чарой зелена вина?»
— Не обезчестилъ меня грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Чарой зелена вина,
— А только я похвалился итти на силу войскую.
— Ежели побью силу войскую,
— Дакъ чтобъ мнѣ владѣть да всимъ Новы́мъ-градомъ;
— Если побьетъ сила войская,
— Такъ нѣтъ ни сыску ни отыску.
Его матушка рóдная
Напоила напиткамъ пьяныимъ,
Двѣнадцати дверямъ затворила,
Двѣнадцати замкамъ замнула все личинныимъ.
Какъ спитъ ёнъ не прóснется,
Народу къ нему на дворъ валóмъ-вали'
А палокъ къ нему на дворъ возамъ везу'.
Дакъ выскакивалъ Поташенька сутýлъ-горбатъ,
На одну ноженку припадывалъ,
То сразу семьсотъ убилъ.
Дакъ народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палокъ возы возамъ везу'.
Какъ выскакивалъ Васька Бѣлозéрянинъ,

А то сразу восемьсотъ убилъ.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палокъ возы возамъ везу'.
Выходила дивка служаночка,
Брала коромыселёкъ желизненькой,
Ведёрочка дубовыи,
Видитъ что его товарищамъ
Головушки да переломаны,
А платочикамъ да перевязаны.
Какъ брала коромыселёкъ,
Стала коромыселькомъ помахивать.
Куды мàхнетъ — туды улица,
А розмахнетъ — переулочекъ.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палокъ возы возамъ везу'.
Какъ тутъ дивка уполóхалась,
Бросилась да на широкій дворъ,
Закричала громкимъ голосомъ:
«Что же ты, Василій Богуслаевичъ,
«Что ты спишь не прóснешься,
«А твоимъ товарищамъ
«Головушки да переломаны,
«Платочикамъ да перевязаны!»
Какъ услыхалъ Василій Богуслаевичъ
Голосъ да богатырскіи,
Безъ людей двери отворялисе,
Безъ ключей замки да отмыкалисе.
Какъ выскакивалъ Василій Богуслаевичъ,
Какъ выскакивалъ да на широкой дворъ, —
Не сладилось палочки боёвыи,
Не сладилось да сабли острыи,
Ухватилъ да ось телѣжную.

Телѣжную да желизную.
Да куды размахнетъ, лежитъ сила войская.
Народу то убавляется,
Не оставляе' народу на симена.
Ево дядюшка родныи
Жилъ въ намастырй во Юрьевѣ,
И пришолъ ево да уговаривать:
«Ой же ты племянничекъ,
«Не оставляешь себѣ народу на симена.
«Я тебя досюль на борьбы побаривалъ,
«Я тебя на кулачки поколачивалъ.
— Это дѣло было, дядюшка, да за робячества,
— Это тебѣ спущается, что ты дядюшка родныи.
Да ужъ какъ сталъ Василій Богуслаевичъ
Владѣть да всимъ Новы́мъ-градомъ.

322.

ВЗЯТІЕ АЗОВА.

Какъ у насъ-то было, братцы, на святой Руси,
Во той-ли во полаты государевой
Почестенъ пиръ идётъ на вечери,
Бесѣдушка идётъ на весели.
Тутъ на пиру да напивалисе,
Тутъ на пиру да наѣдалисе,
Тутъ на пиру да поросхвастались.
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей острою,
Еще кто-то хвалится да палицей боёвою,
Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой,
Еще кто-то хвалится да платьемъ цвѣтныимъ.

Какъ згово́рилъ тутъ надёжа благовѣрный царь
А царь Петръ и Алексіевичъ:
«Ой же вы князья бо́яре,
«Сильніи могучіи бога́тыри!
«Еще кто-то изъ васъ съѣздитъ ко славному Азову,
«Ко славному Азову крипку городу?
«Еще я того буду много жаловать».
Ужъ какъ бо́льшей за меньшово хоронится,
А ме́ньшей за бо́льшово хоронится,
А середней не знае' отвиту дать.
Какъ зъ-за тѣхъ столовъ да сыродубыихъ
Становился собака воръ донской казакъ:
— Ужъ какъ съѣзжу съ силушкой подъ тотъ Азовъ,
— Подъ тотъ Азовъ ли подъ славно́й городъ:
— Сострой мнѣ телѣжекъ двоеколыихъ,
— Телѣжекъ двоеколыхъ сорокъ тысячей,
— И обивай телѣжки суконцемъ багрецовыимъ,
— Сажай въ кажную телѣжку живой товаръ,
— По семи человѣкъ, по во́сьмому провожатому,
— По девятому да сторожатому,
— По десятому да по извощику.
Отправляется тутъ собака воръ донской казакъ
Ко славному Азову крипку городу,
А быдто ѣдетъ купчинушка заморская
Торговать онъ атласомъ и бархатомъ.
Стрѣчаютъ гости азовскіе,
А всѣ мужики да деревенскіе,
Что ѣдетъ къ намъ съ товаромъ атласомъ и бархатомъ.
Говоритъ собака воръ донской казакъ:
— Ай же вы гости азовскіе,
— А всѣ мужики да деревенскіе,
— Отведите-ко мнѣ мѣ́стечко порожнее.
Отводили мѣстечко порожнее,
Посерёдъ Азова крипка города

Торговать атласомъ и бархатомъ.
Какъ пришла тутъ те́мна ночь,
Какъ сталъ собака воръ донской казакъ,
Сталъ по обозику похаживать,
Сталъ ребятушекъ побуживать:
— Вамъ полно спать, пора́ вставать,
— Берите-тко ору́жейка булатніи,
— Палите по Азову крипку городу.
Какъ стали ребятушки поступывать,
Какъ стали ребятушки погримывать,
Не оставляютъ народу на си́мена.
Ужъ за это надёжа благовѣрный царь
А много каза́ченка да жаловалъ.

(Записано въ Петербургѣ 12 и 13 сентября 1871 г.).

ДНЕВНИКЪ[1])

ПУТЕШЕСТВІЯ АЛЕКСАНДРА ѲЕДОРОВИЧА ГИЛЬФЕРДИНГА.

Іюнь

20 — Петрозаводскъ, № 149.
29 — Петрозаводскъ, № 150.
30 — Петрозаводскъ, № 151.
» — Онего, №№ 163, 164, 166, 167.

Іюль

1 — Горское, №№ 165, 168, 169.
3 — Леликово, №№ 91, 92, 93, 94, 95, 104, 105, 106, 110, 111.
4 — Леликово, №№ 96, 97, 107, 108, 109, 118, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143.
5 — Кижи, №№ 112, 120, 145.
6 — Кижи, №№ 75, 77, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 121, 126.

1) Дневникъ этотъ составленъ на основаніи датъ, имѣющихся въ концѣ каждой былины: число, мѣстность и №№ былинъ. Только подъ девятью былинами (№№ 130, 144, 146, 147, 148, 152, 153, 154, 155) Гильфердингъ позабылъ поставить дату; но, судя по пѣвцамъ, отъ которыхъ онѣ записаны, — должны быть отнесены къ 30 іюня и 5 іюля. Кромѣ того, нѣкоторыя былины записаны въ Петербургѣ отъ пріѣзжавшихъ къ Гильфердингу рапсодовъ въ сентябрѣ (№№ 119, 122, 124, 125, 127, 128, 129, 319—322), въ октябрѣ (№ 156) и въ ноябрѣ (№№ 79, 82, 84, 86, 89, 90, 160).

Іюль

7 — Дуткинъ-Наволокъ въ Кижахъ, №№ 73, 80, 87, 113, 114, 115, 116, 117, 123.
8 — Кижи, №№ 74, 76, 78, 81, 83, 85, 88.
10 — Тамбица, №№ 40, 41, 42.
» — Типеница, №№ 43, 44.
11 — Толвуй, №№ 38, 39.
12 — Толвуй, №№ 33, 34, 36, 37.
14 — Масельга, №№ 25, 26, 27, 28, 29.
» — Маткозеро, №№ 30, 31.
15 — Тайгеница, №№ 178, 179, 180, 181, 183, 184.
» — Выгозеро, №№ 190, 191, 192, 193, 194.
16 — Выгозеро, № 171.
» — Тайгеница, №№ 173, 174, 176, 177.
17 — Тайгеница, №№ 170, 172, 175, 186, 188, 189.
» — Данилово, №№ 185, 187.
19 — Чолмужи, №№ 32, 35, 157.
20 — Чолмужи, №№ 158, 159, 161, 162.
21 — дер. Римъ на Пудожской Горѣ, № 6.
22 — тамъ-же, №№ 2, 5, 8, 10, 16, 17, 21.
23 — тамъ-же, №№ 7, 12, 18, 19, 20, 22, 23, 24.
24 — тамъ-же, №№ 1, 3, 4, 9, 13, 14, 15.
25 — Тайгеница, № 182.
26 — Марнаволокъ, №№ 11, 45, 46, 47, 48, 50, 53, 54.
27 — Марнаволокъ, №№ 49, 51, 52.
28 — Шаль, №№ 55, 58, 59, 60, 61.
29 — Шаль, №№ 56, 57, 62, 66, 68.
31 — Пудожъ, №№ 63, 64, 65, 67.

Августъ

1 — Сумозеро, № 70.
2 — Сумозеро, № 69.
4 — Куганаволокъ на Водлозерѣ, №№ 71, 72.
5 — Водлозеро, №№ 212, 213.

Августъ

6 — Водлозеро, №№ 206, 207, 208, 209, 216, 217, 218.
7 — Куганаволокъ, №№ 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 214, 215.
8 — рѣка Черева, № 210.
» — Заволочье, № 211.
10 — Кенозеро, №№ 226, 228, 230.
11 — д. Немятова на Кенозерѣ, №№ 220, 221, 223, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 258.
12 — тамъ-же, №№ 219, 222, 224, 225, 254, 255, 256, 259, 261, 262, 263, 264, 293, 294, 295.
13 — Кенозеро, №№ 245, 246, 247, 248, 257, 260.
14 — тамъ-же, №№ 227, 229, 231, 249, 250, 251, 273, 274, 275, 276, 286.
15 — тамъ-же, №№ 232, 233, 235, 252, 253, 270, 271, 272, 292.
16 — тамъ-же, №№ 234, 236, 237, 238.
» — Кенозерскій погостъ, №№ 277, 278, 279, 280.
» — дер. Немятова, №№ 281, 282, 283, 287, 288, 289, 290, 291.
17 — Кенозеро, №№ 265, 266, 267, 268, 269, 284, 285, 296, 297, 298, 299, 300, 301.
18 — Ошевенскъ, №№ 302, 303.
23 — Моша, № 315.
24 — Моша, №№ 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 313, 314, 318.
25 — Моша, №№ 311, 312, 316, 317.

Сентябрь

12, 13 — Петербургъ, №№ 319, 320, 321, 322.

СПИСОКЪ

Сказителей и сказительницъ, пѣвшихъ А. Ѳ. Гильфердингу былины (старинки).

Аксеновъ, — Василій, — *Кижи*, — XXIII. №№ 131—134.

Андреева, Ирина, — *Кенозеро*, LX: №№ 293—295.

Антоновъ, Потапъ Трофимовичъ, — *Пудога*, — XIV: №№ 63—68.

— Тимоѳей, — *Толвуй*, — XI: №№ 43—44.

Батóвъ, — Алексѣй Висаріоновъ, — *Выгозеро*, — XXXIII: №№ 185—189.

Воиновъ, Петръ Андреевичъ, — *Кенозеро*, — XLIV: №№ 226—231.

Георгіевская, Авдотья Васильевна, — *Кенозеро*, — LIV: №№ 277—280.

Гришинъ, Иванъ Артемьевичъ, — *Толвуй*, — VIII: №№ 32—37.

Гурьбинъ, Иванъ Александровичъ, — *Кенозеро*, — LII: №№ 270—272.

Гусевъ, Андрей Тимоѳеевичъ, — *Кенозеро*, — LVIII: №№ 287—290.

— Иванъ Яковлевичъ, — *Ладога*, (Петербургск. губ.), — [LXXII]: №№ 319—322.

— Харламъ Андреевичъ, — *Кенозеро*, — LIX: 291—292.

Дьяковъ, Александръ, — *Кижи*, — XX: № 112.

Дутиковъ, Николай Филипповъ, — *Кижи*, — XXVI: №№ 144—147.

Елисѣевъ, Иванъ, — *Выгозеро*, — XXXV: № 194.

Еремѣевъ, Іевъ, — *Кижи*, — XXIX: №№ 163—167.

Завалъ, Ефимъ Яковлевичъ, — *Кенозеро*, — LXV: №№ 302—303.

Захаровъ, Иванъ Григорьевичъ, — *Водлозеро*, — XXXVI: №№ 195—205.

— Ѳедоръ, — *Выгозеро*, — XXXII: №№ 178—184.

Іевлевъ, Терентій, — *Кижи*, — XVIII: №№ 98—103.

Калининъ, Петръ Лукичъ, — *Повѣнецъ*, — I: №№ 1—14.

Калитина, Ирина Денисовна, — *Кенозеро*, — XLV: №№ 232—238.

Касьяновъ, Иванъ Аникіевичъ, — *Кижи*, — XXVIII: №№ 156—162.

Койбинъ, Степанъ, — *Повѣнецъ*, — V: № 25.

Кононова, Домна Дмитріевна, — *Повѣнецъ*, — III: № 21.

Корниловъ, Семенъ, — *Кижи*, — XXI: №№ 113—117.

Корсаковъ, Ѳедоръ Александровичъ, — *Повѣнецъ*, — IV: №№ 22—24.

Костинъ, Александръ Давыдовъ, — *Кенозеро*, — XLVII: №№ 245—248.

Котóва, Марѳа Трофимовна, — *Повѣнецъ*, — VI: №№ 26—29.

СПИСОКЪ

БЫЛИНЪ ПО СОДЕРЖАНІЮ.

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ

ВСѢХЪ ТРЕХЪ ТОМОВЪ (Т. т. I—III. 1894, 1896 и 1900 г. г.).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

I.

ПОВѢНЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.—ТОЛВУЙ.

ПОВѢНЕЦЪ.

стр.

I. Калининъ, Петръ Лукичъ.

II. Ѳомина, Аксинья Кузминишна.

III. Кононова, Домна Дмитріевна.

IV. Корсаковъ, Ѳедоръ Александровичъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

III.

КИЖИ.

XVI. **Рябининъ**, Трофимъ Григорьевичъ.

XVII. **Романовъ**, Кузьма Ивановичъ.

XVIII. **Іевлевъ**, Терентій.

XIX. **Сарафановъ**, Андрей Васильевичъ.

XX. **Дьяковъ**, Александръ.

XXI. **Корниловъ**, Семенъ.

XXII. **Щеголёнокъ**, Василій Петровичъ.

IV.

ВЫГОЗЕРО.

XXXIII. **Бато́въ,** Алексѣй Висаріоновъ.

XXXIV. **Лисица,** Елена Алексѣевна.

XXXV. **Елисѣевъ,** Иванъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

V.

ВОДЛОЗЕРО.

XXXVI. **Захаровъ,** Иванъ Григорьевичъ.

XXXVII. **Сухановъ,** Трофимъ Ивановичъ.

XXXVIII. **Пановъ,** Савелій Кузьмичъ.

XXXIX. **Ѳедуловъ,** Павелъ Антоновичъ.

XL. **Петровъ,** Алексѣй.

XLI. **Сухановъ,** Василій Алексѣевичъ.

XLII. **Нигозёркинъ,** Матѳей Ѳедоровичъ.

VI.

КЕНОЗЕРО.

